



ЮЖНОЕ СИЯНИЕ

ОДЕССКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

4 (10)'2013

Главный редактор
Станислав АЙДИНЯН

Выпускающий редактор
Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Отдел поэзии
Людмила ШАРГА

Отдел прозы
Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

Отдел литературоведения
Алёна ЯВОРСКАЯ

Общественный совет:
Евгений Голубовский (Одесса), Владимир Гутковский (Киев),
Олег Дрямин (Одесса), Олег Зайцев (Минск),
Кирилл Ковальджи (Москва), Татьяна Липтуга (Одесса),
Марина Матвеева (Симферополь), Виктор Петров (Ростов-на-Дону),
Александр Петрушкин (Кыштым), Юрий Работин (Одесса),
Илья Рейдерман (Одесса), Анна Стреминская (Одесса),
Александр Хинт (Одесса), Евгений Черноиваненко (Одесса).

Издание журнала осуществляется при поддержке Одесского городского совета
в рамках программы «Сохранение и развитие русского языка в Одессе»

Свидетельство о регистрации: серия ОД № 1563-434-Р от 16.11.2011 г.
Учредитель – Общественная организация «Южнорусский Союз Писателей»

Е-mail редакции: auroa_australis@lenta.ru
Интернет-версия журнала: ursp.org

© «Южное Сияние», 2014

ПОЭЗИЯ

| | |
|---------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Одесса: Юлия Мельник. Убеги, олень, убеги. <i>Стихи</i> | 4 |
| Одесса-Франция: Юрий Юрченко. «Ветер раскачивал остров...». <i>Стихи</i> | 8 |
| Одесса: Юлия Петрусевичюте. Журнал смотрителя маяка. <i>Стихи</i> | 14 |
| Одесса: Константин Чебанюк. Из «Понтийских песен». <i>Стихи</i> | 18 |

ПРОЗА

| | |
|-----------------------------------------------------------------|----|
| Одесса: Ирина Дежева. Солнце стоит. <i>Рассказ</i> | 23 |
| Одесса: Анастасия Зиневич. Ответ. <i>Рассказ</i> | 29 |

ДРАМАТУРГИЯ

| | |
|---------------------------------------------------------------------------------|----|
| Москва: Елена Черникова. Пока любовь не разлучит нас. <i>Пьеса</i> | 32 |
|---------------------------------------------------------------------------------|----|

ПОЭЗИЯ

| | |
|--------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Москва: Светлана Солдатова. Городская мифология. <i>Стихи</i> | 52 |
| Ставрополь: Сергей Сутулов-Катеринич. Сорокоградусный народ. <i>Стихи</i> | 55 |
| Харьков: Юлия Баткилина. Urban. <i>Стихи</i> | 61 |
| Москва: Ефим Бершин. «Виолончель, читающая книгу...». <i>Стихи</i> | 65 |
| Бар, Черногория: Роман Казимирский. Вера в правду ревущей толпы. <i>Стихи</i> | 70 |
| Киев: Елизавета Радванская. Не нарушая ход событий. <i>Стихи</i> | 76 |

ПРОЗА

| | |
|-----------------------------------------------------------------------------------|----|
| Москва: Александр Арцибашев. И будет вознесение. <i>Рассказ</i> | 80 |
| Москва: Игорь Алексеев. Из «Одесских рассказов». <i>Воспоминания</i> | 85 |

ПЕРЕВОДЫ

| | |
|-----------------------------------------------------------------|-----|
| Из английской поэзии (в переводах Эрлена Бейлиса) | 100 |
| Соад эль Коари (в переводах с арабского Ирины Сотниковой) | 107 |

ПРОЗА

| | |
|----------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Тирасполь: Роман Кожухаров. Рыбы (Глава из романа «Господь IN Президент») | 111 |
| Одесса: Владислав Киптик. Поздняя Пасха. <i>Рассказы</i> | 126 |

ПОЭЗИЯ

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Екатеринбург: Сергей Ивкин. Дом на краю пластинки. <i>Стихи</i> | 131 |
| Троицк (Челябинская область): Вадим Балабан. «Мёд искажается как змея...». <i>Стихи</i> | 135 |
| Нижний Тагил: Алексей Миронов. «В сиреневых кузнечиках души...». <i>Стихи</i> | 139 |

ПРОЗА

Одесса: Владимир Смирнов. **Культурная жизнь Одессы времён оккупации** (по страницам серии книг «Реквием XX века»). *Документальные очерки* 144

«ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ»

Москва: Евгений Степанов. **Журнал Союза писателей XXI века «Дети Ра»**.
Вступительное слово 168
Москва: Александр Карпенко. **Два полюса серебряного шара**. *Стихи* 168
Самара: Анна Устинова. **Оставленный день и углы разговора**. *Стихи* 171
Иваново: Ян Бруштейн. **На границе сна и драки. После книги**. *Стихи* 172
Москва: Елена Исаева. **Легко и чисто**. *Стихи* 174
Санкт-Петербург: Дмитрий Артис. **Семейный ужин**. *Стихи* 175
Москва: Светлана Ос. **На дальних берегах**. *Стихи* 177

«ФОНОГРАФ»

Одесса: Евгений Голубовский. **«Будь собой! Прочие роли уже заняты»**. *Эссе* 179
Одесса: Евгений Деменок. **Литературное творчество Олега Соколова**. *Обзор* 181

ПРОЗА

Одесса-Нью-Йорк: Эдвиг Арзунян. **Что такое «МЕ»? Размышления** 194

ШКАФ

Киев: Владимир Гутковский: **Поэтические битвы в Прибалтике**. *Обзор* 208

ЮЛИЯ МЕЛЬНИК

УБЕГИ, ОЛЕНЬ, УБЕГИ

В старой церквушке молчит Господь –
Не о чем говорить...
Если б, как зёрна, слова смолоть
И тишину кормить...

Краткая жизнь восковой свечи,
Вечная жизнь тоски...
Я всё болтаю, Господь молчит,
Седы его виски.

Царственный лёд его синих глаз,
Сладкая блажь мечты...
Снова Господь в ладонях у Вас –
Гвозди, а не цветы.

Ещё комната пахнет ночью,
Ещё бродит по окнам сон,
Слышно, как машина промочит
В лужах – чёрное колесо.

И тумана сизая шапка
Наползла на окон глаза,
Так что сделать нельзя ни шагу,
Даже сон – разглядеть нельзя...

Где-то спрятались все приметы
Суетливых, серьёзных дел,
И деревья, словно поэты,
Пишут вилами по воде.

Пытается грусть предъявить права –
На бедное сердце моё...
И снова хожу я, ищу слова,
Желая прогнать её.

Узнай я какой-нибудь дзенский трюк,
Она б испарилась вмиг,
Нефритовый шарик, особый звук...
Но пусто – в руках моих.



То ветка качнётся едва-едва,
То ветер слезу согрёт,
И снова хожу я, ищу слова –
Как будто она поймёт...

Я ношу в себе память – как в сердце дитя,
Хоть не знаю, что будет мгновенье спустя,
То ли ветер вздохнёт, то ли выкрикнет чайка,
То ли солнце мигнёт золотыми лучами.

Я ношу в себе встреч и разлук круговерть,
Я ношу в себе жизнь, а, быть может, и смерть...
Прорастаю сквозь горечь остывшего чая,
И на чьё-то дыханье – своим отвечаю.

А рядом море шло и в такт шагам молчало,
И чаек, как детей, в своих руках качало...
И всё пила душа его сырую воду,
И рыбке золотой старик дарил свободу.

А рядом море шло и медленно темнело,
И я б осталась с ним – когда бы я сумела...
Ни соль его, ни йод – не тратила б напрасно,
И падал в ночь закат, как тюбик, полный краски.

Уплывает закат, и никто не умеет поймать...
Рвутся лески и сети.
И прохожий на улице вдруг начинает зевать,
Одинокий, как ветер.

Ах, старуха, жена рыбака, ничего не проси...
Помолчи на скамейке.
Этот миг, этот день, эту жизнь – не удержишь в горсти,
А пройдёт – не заметишь...

Ах, старуха, жена рыбака, нет на свете корыт –
Чтоб не треснули – к сроку.
Уплывает закат – что ругать, что брюзжать, что корить,
Уплывает – из окон.

А детей из окон зовут домой,
Словно мир в самом деле прочен...
Словно где-то в небе стоит часовой,
Сторожит и меня, и прочих.

Он обнимет – торжественный, как зима,
Он поможет мне. Всё, как надо.
А потом вдруг скажет: «Иди сама
и сама, если надо, падай...».



И тогда вдруг накатит такая тоска,
И звезда мигнёт одиноко...
Почему нам так надо, чтоб кто-то искал
Нас под вечер да звал из окон?

И не то чтоб сто раз перечитывать старые книги,
Просто веки прикрывать, и на нужной странице тебя
Остановит Господь – столь похожий на чаячи крики,
На беседу старух, на качели, что в парке скрипят.

И в нехитром сюжете его замерев запятою,
Вдруг услышать, как сердце баюкает каждый пустяк...
«Я бы всё повторила...». Но кто-то прошепчет: «Не стоит».
«Я б добавила...». Тихо подскажет: «Прекрасно и так».

Ждешь чуда от человека,
А он тебе дарит грусть...
И снова – идешь по снегу –
В забытое наизусть,

Где светит фонарь сутулый,
Бессонницы вырос лес,
И кажется, что за стулом
Не ангел стоит, а бес.

Глядишь в себя виновато,
И память – словно порез...
А может быть и не надо,
Не надо тебе чудес?

Достаточно музыки – за стеною,
Достаточно ласки – не слишком щедрой...
Откуда мне знать, что случится весною?
Молчание пахнет солёным ветром.

Как сладко – достать половину булки
Из сумки морской с полотенцем мокрым...
Усталое солнце в пустом переулке
Запрягало в тучу пунцовые щёки.

Я вытряхну камень ржаного цвета,
Одну-две ракушки – попробуй, выкинь...
Три месяца я привыкаю к лету,
Начнутся дожди – не могу отвыкнуть.

Я не знаю, как «сердце» звучит на санскрите,
Только стук его – тот же – сквозь тысячи лет,
Как песок золотой у старателя в сите –
Этот ветер сквозной, этот утренний свет.



Остальное – я знаю – просыплется мимо,
То, чего не связать, то, о чём не сказать...
Только горькая струйка осеннего дыма,
И рассвет, и цветок открывает глаза.

Телефон отвыкает от голосов,
И молчат его провода,
Где-то в небе – созвездие Гончих псов –
По оленьим бежит следам.

А олени – всё дальше – оставив след,
И уже не видать ни зги.
Лишь крошится над городом звёздный свет,
Убегги, олень, убегги...

Затеряйся, забудься, чтобы опять –
Где-то билось сердце твоё...
Пусть собака усталая ляжет спать,
И охотник – спрячет ружьё.

Луна, как антоновка, до утра –
Висит в тишине посреди двора.
Сорвать бы, и выпить холодный сок,
Бессонница – в сердце звенит осой.

О прошлом – не надо... Его не жаль.
Оса где-то рядом, постой, не жаль...
Без грусти, без гнева – ловлю звезду.
Я больше не Ева – в чужом саду.

Далёкие звезды запахнут снегом,
Который вот-вот придёт...
В пустых переулках ночное небо,
Как в детстве, тебя найдёт.
Понять, кто придумал такие прятки,
Не сможешь, махнешь рукой,
И что-то начертишь в тонкой тетрадке
Затейливою строкой,
Что мчится сквозь время раскосым зайцем,
По-заячьи путая след,
И снова услышишь, как зябнут пальцы,
Спасти не умея снег.

Говорят о любви : «Поболит и пройдёт...»,
Как о снеге: «Растает...»,
Незнакомый рассвет по тропинке придёт,
Даже если устанет.
Солнце слижет, как лёс, неокрепнувший лёд,
Вьюги кончится танец.
Говорят о любви: «Поболит и пройдёт...»,
Только лучше б – осталась.

ЮРИЙ ЮРЧЕНКО

«ВЕТЕР РАСКАЧИВАЛ ОСТРОВ...»

«Любимая – жуть! Когда любит поэт...»

Б. Пастернак

...Дыханье сбивается, губы немеют –
Я тему веду, как дышу, как умею,
Чтоб вдруг оборвать при великом народе
На самой высокой – неслыханной – ноте...
Бывают у каждого эти – до стога –
Мгновенья, что требуют встречи достойной,
Всё прежнее – только настройка оркестра –
Так ждут революции, смерти, ареста.
Любимая! Жуткое счастье какое –
Пропеть твое имя над чёрной рекою!
Любимая, как это больно, как больно –
В осенней Москве повстречаться с тобою...

Когда ты в отъезде, но здесь – твои вещи,
Когда ты уходишь – надолго, навечно,
Когда падут слёзы от сильного ветра
И прячешь лицо за зелёным вельветом,
Когда твоё тело целуют другие –
Люблю тебя, как на Земле – не любил!..

Небо летнее –
Синим парусом,
Ты – в Сванетии,
Я – в Хабаровске.

Ты киношникам
Поцелуй шлешь,
В синих джинсах-клёш
Пьёшь с художником.

Я с геологом
И с актрисою,
Ты – с Георгием,
Я – с Ларисою.

Дни наполнены
Смыслом истинным –
Вновь с тобою мы
Независимы.



(но уйдёт, остыв,
лето в прошлое –
и приснишься ты
мною брошенной,

и сидишь одна –
глаза в пол-лица –
ни моя жена,
ни любовница.)

И поверив сну,
Утром сереньким
Согню в долг возьму
У Евсеенки,

С самолётами
И с осадками,
Прокляну я мир
С пересадками,

Загоню такси,
Упаду в дверях,
И глаза тоски
Захлестнут меня:

На тахте – халат
И подушки жар –
Ты уехала
Пять минут назад...

И сто тысяч лет
Днями желчными
Будет слышен мне
Голос женщины,

Будут сечь меня
Стены в трещинах,
Будет жечь меня
Голос женщины...

...Беги! Тебя повсюду
Преследовать не буду.
Беги в рассвет холодный
И думай, что свободна.

Московскими дворами
Беги по ранней рани –
На Юг, на Север Крайний,
Сживай себя со света –
Сбивай меня со следа!

...Но – свистом дикой плетки,
Но – в горле птичьим клёкотом –
Когтисто и настырно –
Влёт, на бегу – настигнет,
И вдруг – как дождь, как пламя,
Тебя

охватит

память.



Ну, хорошо – моложе были мы...
 Но что же мы искали в дальних странствиях?
 ...Зелёным светом чуть озарены,
 Там – шелестели ткани дагестанские...

А там – в дали другой – был Уэлен...
 Ах, как легко менялось *место действия!* –
 Весеннею тайгой бежал олень,
 И – разгоралась осень адыгейская...

И, дочерей и жён пересчитав,
 Черкесы спать ложились настороженно...
 И кто-то пел в ночи: «Феличита!..»,
 И в дверь рука стучалась осторожная,

И целовал я мокрые глаза, –
 Шептала что-то милое, бессвязное...
 Но те слова, что мог я ей сказать, –
 Уже *другой* однажды были сказаны...

Теряю зренье. По ночам
 Не вижу звёзд – пустое небо...

Теряю слух я – голосов
 Не слышу тех, что в детстве слышал;
 Ещё я помню бой часов,
 Но шум дождя – всё глуше, тише...

Я столько в жизни смог забыть:
 И что мне *ле?*.. И что мне *поле?*..
 От боли не смогу забыть –
 Теряю ощущение боли...

Живу один, без *дама*, без
 Большой любви к родному краю,
 Не уезжаю за рубеж –
 Но дома родину теряю...

«Любовь»... «Ранимость»... «Верность»... «Стыд»... –
 Слова привычно повторяю...
 Не пью. Машиною не сбит.
 Ещё живу, но жизнь теряю...

Я не помню уже ни о чём:
 Встал товарный...
 Впереди – чёрный лес, за плечом –
 Столб фонарный...

Наугад, напролом, через лес –
 Дрянь работа...
 И однажды мне наперерез –
 Тёмный кто-то...



Брат, возьми меня в темь свою,
В ночь фазанью;
Своего я всегда узнаю –
По
дыханью.

Что бы ни было (было, гляжу...) –
Мы – живые,
И я раны твои залажу
Ножевые...

...Кто-то к Библии рвётся из тьмы,
Кто – к Корану.
Ну, а нас ждут *такие же*, мы –
К Океану...

Без дорог, столько лет, напролом,
Что ж – встречайте!..
...Никого. Только след под крылом
Мёртвой чайки...

.....
Ветхий плот наш свинцовая даль
Закачала..
Где конец тебе – небо, вода ль? –
Где начало?..

Входит в марево плот, и поёт
Голос вещей..
И *«Летучий Голландец»* встаёт –
Дом наш вечный...

БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ

Небо затянуто серою коркою...
Прожито. Пройдено. Крест.
Вот и кончается улица Горького –
Ночь... Барановичи... Брест...

Ловится, помни, – в купе, или в номере –
Каждое слово и звук...
Входишь в ОВИР, чтобы выйти в Ганновере
И оглядеться вокруг...

Поезд отправится дальше, до Кёльна,
И – закружит карусель..
Быстро привыкнешь и будет не больно:
Вена... Лозанна... Брюссель...

Что же терять мне, колымскому школьнику? –
Нет, ничего мне не жаль.
Катится глобус по полю футбольному –
Бостон, Мадрид, Монреаль...

В этом таланте есть что-то порочное –
Всюду быть – в меру – своим..
Вот и кончается повесть о Родине –
Мюнхен... Иерусалим.

Небо закатное, серое, мутное,
Вот – обагрились края..
...Дай задержаться же, хоть на минуту мне,
Господи, воля Твоя...



...Какое дело небесам
 До нас – мы преданы богами;
 Земля дрожала под ногами –
 Молились тщетно мы богам.

Что до того им, что любил
 Ты эту синь, и эту зелень,
 Что шил по капле это зелье –
 Уйдёшь опять ты в эту землю,
 Иль превратишься в красный ил...

Нет, не ищи в раскате дальнем
 Ты высшей милости печать,
 И пусть тебя не покидает
 Всю жизнь глубокая печаль;

Когда подступит тьма к глазам,
 То вспомнишь, брошенный богами:
 Земля рванулась к небесам –
 И раскололась под ногами...

Жил поэт. Жил у реки
 В доме угловом.
 Очень грустные стихи
 Были у него.

И начальники его
 Не любили, нет –
 Всё, мол, грустно у него,
 Камерный поэт.

И, снимая дам с колен,
 Спрашивали: «Что ж,
 В пору светлых перемен –
 Грустно так живешь?..»

Но поэт писал не им –
Женщине писал.
 А она жила с другим
 В северных лесах...

«*Как всю ночь болит душа...*» –
 Написал поэт,
 Слабый след карандаша,
 Тихий лунный свет...

.....

Варим сталь, сдаём завод,
 Тянем магистраль,
 Едет радостный народ
 К нам на фестиваль,

И простой животновод
 Посетил балет...

Непонятно, отчего
 Умирал поэт.



«...А помните – двое, на старом причале?..»
«...На тихом причале
где осень спала...»

«...А помните, чайки над нами кричали?..»
«...О чём-то кричали –
не помню слова...»

«...А помните – солнце – взошло и пропало?..»
«...Однажды пропало –
теперь оно где?..»

«...А помните – в море всё вспыхивал парус?..»
«...Сигналил нам парус
о близкой беде...»

«...А помните песню чудноголосую?..»
«...Светловолосая
песня плыла...»

«...А помните – ветер раскачивал остров?..»
«...Но только на острове
я... не была...»

ЮЛИЯ

ПЕТРУСЕВИЧЮТЕ

ЖУРНАЛ СМОТРИТЕЛЯ МАЯКА

04. 01.14.

Если ночью поднимется ветер – начнётся прилив,
и зальёт деревянную лестницу до половины.
Каменистый обрыв загудит, и морские глубины
ровным гулом ответят на радостный первый порыв.

Я проснусь от удара под сердцем, от звона в груди,
в напряжённом молчании острова, в каменной дрожи,
я услышу, как пенным хвостом хлещет тёмная лошадь,
на дыбы поднимая солёные волны. Прочти

за чертой горизонта послание дальних штормов,
время зимних ветров и бессонных ночей на пороге.
мы ещё постоим у окна и помедлим немного,
и запустим огонь маяка в пелене облаков.

05. 01.14.

Утром снаружи свистело и выло, лило
тоннами серой воды разбивало причалы,
мокрым песком и камнями швыряло в стекло.

Остров трясло. И в грохочущих волнах рычало
нечто, ещё незнакомое нашим богам,
нечто, рождённое в тёмной груди океана,

ночью покинуло своды подводного храма,
и поднялось на поверхность, и двинулось к нам.

08.01.14.

В полдень ветер усилился. К двум стало просто темно.
В мешанине дождя перепутались волны и тучи.
Штормовая сирена вопила на башне беззвучно,
сотрясая отчаянной дрожью скалистое дно.

Что-то выло и ухало, хлопало, билось в окно,
древний бог увлечён ритуалом, и пляшет снаружи.
А в наушниках только помехи, и можно не слушать –
и сегодня в открытое море не выйдет никто.



08.01.14. (ночь)

кто живёт в моём заливе? – волны, рыбы и дельфины,
крабы, чайки и русалки,
и подводная трава.

А ночами в час прилива там купается стыдливо,
пробежав по мокрой гальке
обнажённая луна.

Как с серебряной дорожки тронет воду тонкой ножкой,
выгнет спинку, прыгнет с плеском,
засмеётся вдалеке.

Я наутро в мёрзлых лужах горсть сияющих жемчужин
с ледяным знакомым блеском
соберу в морском песке.

09.01.14.

Дни приходили, как письма с переднего края,
как перелётные птицы, летели на остров,
с криком кружили над серым оскалом утёсов,
в окна влетали, как ласточек дерзкая стая.

Белые дни, и такие же белые ночи,
тёмные ночи, и белые звёзды над ними.
Я не позволю, и больше никто не погибнет.
Хватит. Мне были даны на сей счет полномочия.

19. 01.14.

Слушай эфир. Глубже, в толще кипящей воды,
между волнами, в клокочущих тёмных провалах,
звук захлебнётся, и гула в ушах тебе мало,
чтобы почувствовать мозгом уколы беды.

Радиоиглы насквозь пробивают висок,
точка, тире – обрывается ниткой со звоном
треск и помехи в наушниках. В космос бессонный
рвётся беспомощным писком земной голосок.

Где-то на дальней планете, неведомо где,
кто-то отчаянно шлёт нам сигнал за сигналом,
всю бесконечную ночь, а пространство молчало,
глухо молчало в грохочущей чёрной воде.

23. 01.14

Утром ветер утих, и на остров пришла тишина,
в ледяных башмачках, и холодными пальцами тронула воздух,
белым звоном в песке прозвенели застывшие слёзы,
покатились с ладони, и сразу настала зима.

Запрокинув лицо в голубые глаза января,
к онемевшей воде по стеклянным ступеням спускаюсь бесстрашно.
Неподвижно летит в зеркалах отражённая башня
голова закружилась слегка от глотка серебра.



26. 01.14 (ночная песенка)

На границе звенят леденцы – заблудилась весна,
забрела в зимний сад, перепутала лёд с молоком
по песку босиком, с облаками вприпрыжку бегом,
расплескала ведро серебра из январского сна,

лебединые девы встают в январе на крыло,
собираются в белые стаи, летят над водой,
на маяк, и кричат, и кружат над его головой.
Белых перьев сугробы у наших дверей намело.

28.01.14

Оттепель. Господи, капает с мокрых тросов.
Ветер, влажный и плотный, качает остров.
Трогает тонким пальцем белую проседь
в трещинах скал, в тени гранитных откосов.

Разве я плачу? Глянь – это же ветер просто,
солнце слепит глаза, вот и катятся слёзы.
Вот и песок показался мокрой полоской
и лёд, на куски разбитый, волна уносит.

Всё. Пережили мы эту долгую стужу.
Ну-ка, пойдём поглядим, что случилось снаружи.
Целая жизнь впереди, и целое лето,
чайка кружится в груди на ладони ветра.

01.02.14.

Заледенели ступени и доски причала,
злые недели летели метелями к югу.
Скалы ночами качало, и стужа снаружи
внутри пробиралась, и выла под окнами вьюга.

В наших песочных часах пересыпались льдинки.
Переверни – и стеклянно закапает с крыши.
Слышишь, на башне ветров небольшое затишье?
Ну-ка, тащи сюда переводные картинки.

01.02. 14. (переводные картинки)

Это море, а это маяк. Это ты, это я.
Это наша собака, а это – ничейная кошка.
Это дом и сарай, а у дома – пустая сторожка,
мы там сети храним, а ещё там стоят якоря

С неизвестных ни мне, ни тебе, – никому – кораблей,
утонувших, ушедших за край горизонта, забытых.
Знаешь, прежний смотритель читал перед ними молитву.
Надо вспомнить, какую, спросить у самих якорей...



03. 02. 14

Морозных звёзд круговорот,
дорога в вавилон.
Свеча горит. С холма на мост,
потом – с моста на холм
ночь напролёт иди вперёд,
покуда длится сон.

Пока в ладони тает лёд,
покуда жжёт ладонь,
пока не сбился ход светил,
и спуган путь времён,
беги вперед, пока горит
на маяке огонь.

07.02.14.

Уж как пал туман,
белым волком лёг.
Белых яблок сок
с белых яблонь тёк.
Тонет белый сад
в молоке до пят.
В маяке не спят
пять ночей подряд.
То ли сладким льдом,
белым ли стеклом,
то ли долгим сном
залило наш дом.

09. 02.14.

Где-то горят города за чертой горизонта.
Горсть разноцветных огней в чёрном зеркале ночи,
брызги стеклянных витрин.
Хочешь, пошарим в эфире, отыщем на ощупь
сквозь бесконечные сводки и новости с фронта
музыку тёмных глубин?

Колокол гулкий над нами, колодец бездонный, –
сколько не лей молока, не наполнишь вовеки
тёмную чашу времён.
С дальнего края вселенной, сквозь дыры-прорехи
к нам позывные летят, еле слышные звоны,
яблочных звёзд перезвон.

КОНСТАНТИН ЧЕБАНЮК

ИЗ «ПОНТИЙСКИХ ПЕСЕН»

ДРУГУ-ПОМОРУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Всё реже заветные встречи,
Ни взгляда не жду, ни кивка,
И шепчется с кем-то далече
Кудрявая Сороть-река.

И проку в тех северных реках, –
Над Понтом ютится мой дом,
И окрики рыжего грека
Мне слышатся в шуме морском.

К Столпу из-под крашеной Арки
Помериться я не прорвусь.
Судьба исчерпала подарки,
Я стар, не подняться мне в Русь.

И будут окончены в Датской
Мои невеселые дни.
Смотри ж, мой товарищ бурсацкий,
Заочно меня помяни.

Взгрустни там да вышей, – всё в меру.
А я тут, – даст Бог, не в дому, –
Безропотно встречу Саму
На речке какой-нибудь серой.

А славно бы в сторону нашу,
Да в избу, чтоб без суеты,
Углы – чтобы рублены в чашу,
Венцы из калёной пихты.

Но, прежние, где они встречи!
Ни взгляда не жду, ни кивка,
И шепчется с кем-то далече
Кудрявая Сороть-река.

ЗОИЛУ

сонет

Зря, говорун амфилоийский,
Морочилшь голову ты мне,
Когда от шума в стороне,
В моей пещере аркадийской,



Я час, я миг заветный свой
Забавам Феба посвящаю
И наше слово изошряю
Ума забытою игрой.

Не ты, даст Бог, положишь цену
Медлительным моим трудам, –
Я, не торгуясь, их продам
Идущим нам с тобой на смену.
Вот только жаль – не наяву,
До торга я не доживу.

ЕЩЁ И ЕЩЁ РАЗ

Да ты читал ли Бо Цзюй-и?
Нет! Так шагай путём своим
И опусы оставь мои:
Я переписывался с ним!

ПЛАТАН

Столетним отроком стоит
Платан в Пале-Рояле,
Он Опере и до плеча
Дотянется едва ли.

А глянуть бы «лет через пятьсот»,
Вот будет странно:
Одесский оперный театр –
В тени платана!

ЭПИТАФИЯ

Кромкою Понта
С кликами гуси скользят.
Глянуть бы в небо.

СКИФСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Всё притихло. Мглы шатром
Древняя земля накрыта.
День и ночь пылят кругом
Боевых коней копыта.

Мы идём за солнцем вслед
Шляхом древнего раздора,
Мы идём, и мира нет
От Боспора до Боспора.

Киммерийское мутит
Нашу голову гаданье,
И несметное закланье
Душу скифа тяготит.

Спи. За войлочной стеной
Шум похода суетливый,
Ветра дикого порывы,
Глушь степная, волчий вой.

ДАЛЕКО СЛЫШЕН СЕЛЬСКИЙ ГРОМКОГОВОРТЕЛЬ

Скифскою ночью
Над заснеженной степью –
Нормы бельканто.
Песни волчьей пересвист
Соловьём развесёлым.

ЗАКАТ В ПУСТЫНЕ

Измучен долгою дорогой,
Без снов забылся караван.
Светило меркнет, океан
И мраком полон, и тревогой.

По остывающим пескам
Крадутся сумрачные тени,
И вихрь отвергнутых сомнений
Колеблет снова души нам.

И снова робкий твой укор.
Невыносим в тиши пустынной
Больному сердцу триединый
Твой сыск, твой суд и приговор.

Я не зову грядущий день,
Не жду с зарёю исцеленья,
Неуловимо обновленье,
Мираж, пленительная тень.

Светила спинул бледный лик
Во тьме крошечной океана,
Строкой заветной из Корана
Я тороплю забвенья миг.

ВОСПОМИНАНИЕ

Вёрдуга-речка
Мимо Ровниц петляет.
И там-то пастух,
Лапти там плёл Анатоль
И почил без печалей.

К ПОДНОЖИЮ ЛУШАНСКОГО ХРЕБТА

Бо Цзюй-и

С аршин мне шёлку белого пришли.
Моею дар твой исчерчу строфою
И поплетусь смиренно за тобою,
К великому *“быть может”* вне Земли.

Ты далеко, не то б не пожалел
Слов на хвалы, хоть их не заслужил я.
Всё ближе неизбежное, без сил я
Преткнулся о последний наш предел.



Уже мне слышен зов немых глубин...
Бравадой смертный ужас не прикрою:
Героям – тем сражения с судьбою,
Мне ж – только б шёлку белого; с аршин.

МУЗЕ

Там, вдали вихряются тени
Лёгких вымыслов моих,
Сокрушительных стремлений
И восторгов золотых.

Там меня заветной кары
Поразило волшебство,
Там я набежал на чары
Волхованья твоего...

О ФАНТОМАХ

Страхи леса – небылицы,
Зверь в затылок не взревёт,
От дурного крика птицы
Сердце робкое замрёт.

Глушь от комля до вершины,
С ужасом смотрю назад:
Не лесные ль образины
По следам моим рысят?..

Дикий звук раздался снова...
Это, кутаясь во мрак,
Рыщет у крыльца родного
Ненасытный вурдалак...

ГЛЯДЯ ЗАДУМЧИВО...

Может, вперил кто-то умный
Зрак в далёкий шар земной
И не ведает, что гунны
Не лютуют под Луной.

Что шеренги поколений
Далеко ушли вперёд
И исчезнуть в царстве теней
Наступает наш черёд.

Нам теперь позор и слава
Бесконечных дел и слов,
Тяжесть долга, призрак права, –
Смерть смела заслон отцов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нетороплив и странен мой удел,
Скудельные... Оценено не вами
Пребудет всё, что я запечатлел
Немногими печальными словами.
А суд ваш, хлопы, ваши имена
И тени не отбросят, – пыль одна...

Городу юности. Akropolis adieu

Неугомонны давнишние сны,
И устремляюсь я снова и снова
В поисках неуловимого слова
В Город на устьях Великой Двины.

Ветрено, сумрачно в полдень сырой,
Тускло, пейзажи-те здесь небогаты,
Вона, на Кего, за плоской рекой
К снегу приникли унылые хаты.

Здесь я, на месте. Архангельск с Двиною
Те же и там же. Но всё же – зачем
Чуж-чуженином решительно всем
Снова я здесь и печали со мною?..

Что ж мне – украдкой прохожему люду
В лица заглядывать? – ведь никого
Я не узнаю и узнан не буду,
В Лете потопило бывшее родство.

Зов это или укор, – непрерывный,
Будто в далёком пути шум колёс?..
Что-то единственное не сбылось,
И вместо слов только вздох покаянный.

В ряд монотонный сомкнулись года,
Наши пути разошлись под луною,
И не зайти мне уже никогда
В тёплую избу над славной рекою.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

К развязке с грозным Хроносом игра.
Итог, не нами предопределённый,
Без ропота на общие законы
Принять и мне печальная пора.

Жаль, но меня удача не нашла.
Клинок мой ржавый не покинул ножны.
Изжит по пустякам мой срок ничтожный.
Прости-прощай и не попомни зла.

И «Здравствуй, море!» нынче мой черёд
Воскликнуть на ликующей арене.
Мне б только глянуть, кто ж там в новой смене
Дорогами разбитыми бредёт.

ИРИНА ДЕЖЕВА

СОЛНЦЕ СТОИТ

рассказ

Я не сплю в очках. Я умею считать светила. Я разбил очки. Я разлил кофе в университете, считая её звездой. Она приехала из тёмной страны. Она хотела видеть меня – радужным или чёрно-белым. Я прикинулся жёлтым, по-моему, велосипедистом. Первый совместный сон не вдохновил: она на эскалаторе уезжает в туман, руками объясняясь в любви. Я вас плохо знаю, но расскажу и второй: в чьём-то огороде зацвёл бурьян, я нюхал цветы картошки, под одно очко залетел комар, под другое – пчела. Неужели забыл снять очки? Выживу ль я? Выживу ль я?.. Проснувшись, понял. Сегодня я из звезды сделаю комету, вставлю, наконец, оправу в эти потерянные в тумане стёкла!

А ведь у меня был выбор: спрятать гитару в её шкафу или подарить ёлку на день рождения. Я решил выпить, отнести её на плече к родителям в виде будущего благословения и поразмыслить над постановкой ВЗГЛЯДА, который удержит нас, ну... лет за сорок... отсчитывая от тридцати трёх (чудесный возраст нашей встречи)... плюс дети... ой... Музыкант плюс строитель... ой... без дома и понимания людей... ох... Она вернулась ко мне. Это главное.

Мы познакомились на заводе. Я шлифовал и оттачивал. Долго. И тут наш директор «Всеволод Пуп и разные мелочи» объявил конкурс: «Кто повесит мне на шею золотой баян?». Я решил помочь. Я хорошо относился к В.В. Когда я в синих – он чёрный, когда я в жёлтых – он розовый, но когда я надевал розовые, он казался полосато-чёрно-жёлтым. Она пришла посмотреть. Я мучился – КАК ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ?!? Но приняв условности и нелепости мира, влюбился.

– На что это похоже? – залетело из зала.

– Не на что, а на кого? – пока порознь подумали мы.

Все вешали как-то однообразно. Я подошёл сзади и нежно поставил инструмент у ног Всеволода. Все прослезилась. Я победил. Значит, могу разделить с кем-то свою радость.

Она улыбнулась и спросила главного: «Вы женаты?».

Он впервые растерялся.

Так мы познакомились навсегда.

– Милая, у нас ничего нет, а ты счастлива. Я не двоюсь в твоих глазках?

– Ты тронишься: когда молчишь – я люблюю, когда говоришь – я смеюсь, когда играешь – я живу припеваючи.

Наша первая прогулка в парке, дрожащем на оползнях и турецко-международных костях, ознаменовалась социальным тестом:

– Как вы считаете, ваша страна достойна вас?

Неуместный вопрос для первого свидания, и я почувствовал, как её пальцы превратились в прищепки.

– Я НЕДОСЧИТАЛ! Отпа, мозги которого не пригодились; друга, который изменился; род, который исчез. И знаю одно: в моей стране в неизвестном саване Рюрик танцует чунга-чангу, подсматривая в мокрый бинокль, как мы оскорблены.

– Вы больны?

– Да! Пропишите мне окуляры.

Мы рванули одиноко. Она лишь добавила, что её страна глубоко внутри, и те, кто её кровно вдохновляют, живут везде, но достойно – только на своих грядках, хотя и умереть можно – быстро, и никто не поможет...

Но нас уже никто не слышал. Мы решили отправить послание. И послать его в чёрное от мазута море. Ведь по земле мы ходим, по воде учимся, а по стране – ползаем, как золотые улитки, еле дыша под лозунгами «Хрен рубля» и «Бурьян мелочи». Начало я знал. Оно у всех одинаковое.



С сего дня (странное для счёта слово) завтракал леденцами с водой и видел её матерью. Она звонила подаркам, просила умерить пыл и блажь, спрашивала, какие им на Земле сны снятся. Они тоже были одинаковые, и я ответил просто:

– Подражающий мэтру становится дециметром!

Конечно, она предлагала колбасу с сомнительной шкуркой и... И я не знак! И я не знал! Не знал тебя. Но как отказаться?!. Всё время смотреть в небо – показалось глупым. На неё – лёгкий шопинг слов:

Не глядя на

Любуюсь красотой

А ты подводишься подводкой

Прячусь...

Когда мои ресницы клипают по коленкам, я – в туалете и, в общем, могу думать и о крышах, и о соловьях, и хорошо бы бежалось без чужих придыханий, но она отразилась тенью и подтвердила: ВЕРЬ!

Однажды она решила рассказать мне анекдот. Это произошло после последнего игнора арт-директора Касуки, простаивающему на своём, и ловкого исчезновения мецената Горячечного в толстом чине: князь! Мы пробовали бежать вместе. И добежались: впереди – всезнающие рельсы.

– Апчхи! (Приблизился поезд, и я понимал, окажись этот анекдот длинным, я не услышу его никогда. Ибо она никогда не повторялась).

– Будь здоров!

– Спасибо! Значит, мы не одни во Вселенной! (Он был ближе. Он был громче.)

– Ты сомневался?

– Да.

Она ещё трясла очками на носу и что-то громко кричала. Слов было не разобрать. Поезд отмерял секунды. И когда последняя канула серым шумом, она залилась смехом. Я всё пропустил.

Позже она призналась, что рельсы уносят её не хуже горных лыж, и шпалы, как миги, мелькают так, что хочется рассказать что-то смешное. А Касука не причём (это надо петь скача, закручивая усы в козлиные ножки, как в трагедии). Всегда были внятные, срочные и ненужные. Рядом с ней я не умел расстраиваться.

Я попросил снять очки. Вспышка. Серо-зелёные, внимательные, красивые... «Мы!» задержалось навечно!

Всего 2 человека подарили нам азбуку, и я сумел думать просто; нам открыли глаза, а я сбился со счёта. По-моему, нас прикрыл Космос, и между калейдоскопом и телескопом я выбираю Звезду, которая не топчет переносицу и уважает все линзы. Причитаем:

Боже, храни мой нос

Не упади в воду.

И мои прыщи на этом месте, как ля мажор, стали перемещаться. Внизу – я её люблю, в середине – я её хочу.

Боже, где нам жить? У неё папа, у меня мама. Как взглянуть на себя – красивым, сильным, неприщавым?.. Во всяком случае, вертится, и есть хоть зелёные, но плоды!

И был день, где несомимо носилась на лице интрига и требовала преломления поподробней.

Обычно перед праздниками Маргарита, по помаде сапоги, жена «Всеволода Пупа и разных мелочей», раздавала коллекции. В её присутствии всегда казалось, что сейчас появится сатана, но он уважал её и не отвлекался. После конкурса она решила их продавать и пригласила нас в позолоченный apartment, который моя милая называла слонявая раковина повседневности.

Всеволод Витальевич зачем-то прицепил себя к баяну, и казалось, что скоро Маргарита продаст и его. Я по привычке захотел помочь и пришёл с лобзиком. Марго Пуп подумала, что это кошелёк, и, не дожидаясь сатаны, разревелась. Всем слышалось – то деньги, то дети. От всевозможных побед я почувствовал себя принцем и решил покончить с молчанием, которое вселила в меня Она.

– Люди! – получилось по-военному, и никто не понял, что это послание.

– Человеки! А у вас – ЧТО? Любое светоразвлечение – от настроения – одеть – бывать черней – в коллекции???

Да, той ночью всё показалось красным. От искажения и соплей мы снова сбежали.

Видеть – и не видеть.

Стоять – и прыгать.

Вопрошать – и смириться.

Кому? Зачем? Чей?

Я решил не пить, но только в моём пьяном бреду она могла узнать, что мой трон – это кресла с непьющими быльцами, и не стоит касаться человеческими грехами небывалого случая случившихся случайно обстоятельств... Поссориться не успели – свалился мой давний гость. Она прозвала его Метеоритом. Утром хотели пойти в парк, но я вспомнил о родине. Днём хотели пофотографировать, но мальбй кадр большого театра сожрал, не отрывнув, Кодратий, совсем слепой пёс. Вечером хотели поиграть, но от философии остались лишь небесные дыры, чёрные от мазута. Вот и поцарствовал. Идиот.



Наклал кинопись. Оптика, оказывается, продаётся в аптеке. В нескромной фазе начались капризы.

- Твои подушки, как электрический стул.
- Не спи в очках.
- Как только думаю о твоих родственниках, стучусь нервом о спинку стула.
- Думай о звёздах.
- Мечтай о единомышленниках.
- Очко. Только один друг-перкуSSIONист – и тот холодильник «Донбасс» 50-х.
- Метрономщик.
- Зараза.

Бегу. Строю быстрое питание – быстро. Леплю век по нарисованным чеснокам и... опускаю веки. Горько жежу чужой табак. Размышляю о лунных людях – орудиях судьбы. Именно для них все правила земные. Изменить? Как измениться. А улучшить – как улучшиться? Да, неумолимые факты остановят даже дыхание. Нужна нота и Великие Силы! Уют. Стоп. Покой. Преломленья «на нет» прекрасны! Я – таки зашпателью Ваш портрет! И полетят мои шпателя за горизонты пыли!

Всё важное нужно делать под праздники. Например, когда ночь, как день. Когда все равны перед Богом, даже если его не видно. Уверю по себе – Его слышно. Ночью, предстоящей солнцестоянью, она спросила:

– А что ты делал в стекляшке?

Это наш главный университет.

– Репетировал.

– Что ты пишешь?

– Музыка.

– В каком стиле?

– Штрихмодерн.

– Ого! – (она всё любила в Искусстве) – Новое направление?

– Свежий поток.

Она спит. Я играю. Мысли... мысли... мысли... Не вслух, но крича... Она так мила. Любое искривление полосатого одеяла по её телу выносит меня в океан, и обратно. Бутылки с прощением, разбитых кораблей мачты, чьи-то флаги, рапаны и неожиданный серфинг... Готов на тебе, любимая, и без доски барахтаться...

– Ты не для всех.

Она как-то серьёзно приспустила оправу, будто давно искала мишень. Очко. Во мне давно зиял, скрупулёзно сквозил этот колючий зазор публички. Я понял, зима закончилась, мы познакомились ещё раз.

– Я знаю. Мои слушатели, как плесень или неожиданная погода.

– Ценю подобных.

– Чему?

– Призванию.

Ого! Разглядела! – Не боишься?

– Солнечного удара?? – (закрывает створки, значит, попала в собственную цель).

– Но что ты чувствуешь в таких больших и чёрных, будто от мазута, очилах?!

– Детализацию. Скупой уровень проникновенья. Иногда мне кажется, что если я их сниму, то буду вечно плакать... Ты готов?

– Нет.

– Я не зарекалась.

– Пора.

– Что?

– Венчаться. Т.е. поднять головы к тому, что свершилось.

– У тебя хорошее зрение?

– Как стул.

– Что??

– Для звезды.

Растворенье. Милый порох ВЗАИМНОГО. Бесконечно благодарная надежда. Метеорит спит. У него лёгкая рука, но тяжёлый удар. Мы поселили его с кактусом Петей (в честь скомороха и пустоты). Порой он порутивал Касуку, но мы готовились гораздо к большему. Крепи места, дружище. Скоро поплывём.

С последней халтуры я принёс блох и коньячные бокалы, подарок клиенток, различающихся лишь по возрасту. Стекланность о-очень мешает анализу, но подарок ведь. Значит, приближается праздник. Отдыхать надо, валяться, не замечая насекомых.

Свой сюр-приз, как июльский закат перед дождём, Она преподнесла заранее. Оказалось, Она пишет стихи. Я очумел, гадая по невидимому:

Мой взгляд – ангельский блик палароида в луже.



Отпетый бульжник, держи!

– Утепшь, стойк. Меня отвлекают гады.

– Дойдѣшь до последней моды, поговорим.

Она в миокарде времени. Я счастлив. Всѣ для тебя, любимая, хоть потолок с неба.

Вечером по-настоящему захотелось колбасы. Я поставил старую японскую песню о добром китайце. Она обожает винил. Во всех ракурсах нашей крошки – эклиптики: и как приближение старого поезда, и как вход в раду, и почему-то как запах моей слюны.

– Подпоёшь?

– Я умею тихо, но чисто.

– Повторяй сорок раз: Поможет ли? Поможет Ли?

По неизвестным науке правилам грубо приплюсованное семейство Марго – сатана – Всеволод будто услышало наш очистительный хор и снова попросило помощи. Она была сыта, зряча и отмазалась подозрительной пылью на телескопе. Я набрал шерстяных колготок ручной работы и пива, современный продукт переживания, – для коллекции.

– О, подчинѣнный мой! – (Витальевич икал и пенился безбожно) – как считаешь ты – кто это?

Он ткнул в подобие перемирия и жены.

– Мираж или пейзаж?

Я, как в детстве, прикинулся квалифицированным математиком и сразу понял – начальник ослеплѣн. Но считать эту женщину газовым фонарѣм, а не светофором, – наконец, было слишком. Увеличение, но не по мне, даже не в меня, а куда-то мимо, в сторону от, в банальную и одинаковую пу-сто-ту. Она даже неважительно отнеслась к труду бабушек, сбывая колготки по телефону на чѣрный от мазута рынок. Сочувствие показалось неуместной вспышкой, я просто подумал: обман обмену не подлежит. Владеющий всем по мелочам заплакал, навсегда склеил веки и, по-моему, стал совершенен. Больше никто и никогда не вдавался в почести его характера, только в механизмы его поведения.

Я глупо смотрел в небо, падал в любимую, сочинял «Морковку-блюз» и чувствовал: становлюсь больше!

Незаметно и нелогично мы соизволили больше тратить. Горизонты, видимо, получив команду свыше, отчеканили: Пли! Я решил постоять на посту, она – на пляже. С меня потребовали автобиографию. Я хотел было ответить по уставу, но для красоты сдержался и, как обычно, промолчал. Стоп. Уют. Покой. Музыка.

– Помоги мне, черепаха. (Я представил Её в глине.)

Она переделалась в прозрачное, и я впервые был польщён – за все переживания этого вибрирующего на костях мира. Дедушкино пенсне, пророческая осанка, филологический факультет. Вот кто объяснит мне тонкости и грубости Бытия, снимет пелену с голодного моего сердца.

– Когда Вы родились?

– Когда распались околмолекулярные связи.

– Зачем Вы родились?

– Я думаю, что могу.

– Где Вы родились?

– Там, где можно не снимая сапог надеть калоши.

– Вы помните первые звуки, которые Вы слышали?

– Это была соска.

– А теперь прописью: Ваша прописка?

– Слава Богу, на куриных ногах не ходит.

– У Вас есть почѣтные дни?

– Полнолуние и солнцестояние.

– Вы верите в победу?

– Не вступал...

Похвально было только для нас. Моя жизнь осталась на моём посту.

На Её пляже, кроме грудных песен закарпатской девушки, потерявшей мужа и зарабатывающей на жизнь вдали от детей, тоже было мало приятного. Жерло всех возможных страстей. Но я считал, Она – МОЯ. Стоп. Отбой. Всем стоять и дышать ровно, как перед событием, по заповеди – не заведѣшь, не заведѣшься, и наоборот. Она держалась, как в высоких и только мной покорѣнных горах: Не шерсть, чтоб сбиваться... Знакомиться было поздно. А что стало пора? От скопления пор Она упала в обморок, и я решил: пора! Пора научить Её смотреть в звѣзды, пора разговаривать с ними, пора, наконец, распознавать суть, всегда, во всѣм. Не поднимая забрало, Она согласилась, проглотив улыбку и неожиданно плюнув ею в телескоп, соответственно, в зрачок мой. В общем, затмила глаза мои... Мило. Так глубоко я никогда не был рад. Мне показалось, она подмигнула... Мне показалось... Иногда меня мучила любовь к настоящему, и я метался, как несуществующий осѣл, но Она подошла inferнально: всѣ поняла и всѣ приняла. За три секунды я пережил КМС, освободил китов и подключил микрофоны. Скоро. Чувствую края. Выстоять бы...

– Что же ты? Что бы ты? Как? Ты.



От нежности я всегда трогался и пересматривал путь. И так случилось, как сбилось, и так легко, как ПОРА! Всё. Открыли голос, прикрыли волос и – вооон туда... На самый верх. Воооон туда...

– Милый, откуда звонит?

– Откуда уши растут.

Она представила себя классической мартышкой, подняла подбородок, и капнула капля – МОЯ!

Также незаметно нас соизволили сокращать слова. «Венгерская цыганка», чуткая прелюдия южного тыла, придуманная нами каким-то прекрасным днём, стала «Венгеркой». Глупо проскальзывал мат. Но мы помнили, чтлили, знали – обижать Бытие – плохо, вредно. Ногами, буквами, во всём розовом или без – Будем верны. Я – считаю, любимая – пищет. Я настаиваю на высокоразвитом чувстве юмора, она – серьёзна от рожденья. Навевшись к полуночи двумя десятками пирожков «по-молдавански» (это с вишней под пивом в сливочном соусе), может взять перо и фоном небо и по-матриархальному заголосить: А почему у меня такой большой живот?! А?

Я долго захотел остаться. Мне долго захотелось уйти. Я пришёл, родная, рассказывай сказку.

– В городе жил аптекарь. У него была серая белка, глиняная черепаха и выдуманный микроскоп. И дети. Он всё отпущенное на благо время смотрел, записывал формулы, смиренно отвечал на все жалобы и предложения. Кроме ужина. Ну что он мог им принести?

– Хачапури.

– Заходи. И всё?

– Кинзмараули.

– Садись. Раздевайся.

– Я не потеряюсь в твоих глазах?

– Обретёшься.

Ещё одно странное слово. Разве я ронял себя? Или кто-то меня? Значит, где-то я упал и не мог, не хотел подняться. А сейчас? Я посоветовался с Метеоритом. Он подтвердил: Всё живо. Для нас. Конечно, хотелось остаться незамеченными, но прошлое, как гость, прилипло к горизонту. Мы всем дарили леденцы и ждали.

Да, а вот о деньгах мне говорить не хотелось. Могут у смелого и слабого, у тихого и громкого, у жёлтого, наконец, быть свои незапланированные капризы? Не буду. Чист. Но Она хотела правды.

– Какой?!

– Незапятнанной.

– А если нечто ляпнет, так что??

– Отмойся.

– Так не ляпает больше.

– Ну и хорошо.

– Так какой правды ты хочешь? (Моё очко.)

– Тебе по цвету или по количеству?

– По душе.

– Душевной правды.

– Да будет Вам, царица, сегодня на ужин моя первая душевная правда!

– Закусывай, не бойся. Правду уважать надо, а не бояться.

– О, не убоюсь я Вашего строгого и чёрного бинокля, куда глядите, как из коморки в зазеркалье.

– Да глазам очень больно. Шут. Жгут – понимаешь? А хочется жить, видеть тебя, слышать. Это хочется растянуть навсегда.

– Милая, я давно придумал, только не применял. Я знаю, как по экватору растянуть рельсы.

Она крикнула, и я понял, сейчас начнётся ещё один анекдот. Наконец, я всё услышу. Но вдруг... я захотел нарисовать мысль в квадрате, возведённую в куб.

– Апчхи! – (О Боже! Мне нужно было сначала соорудить подрамник. Бескровными боями я извлёк со дна морского сусло – так моя половина фатально называет стусло. Ничего не слышу).

– Будь здоров! – (Я нежно пилил, но голос расплылся в моей жажде).

– Спасибо! Значит, мы не одни во Вселенной! – (Она изображала их, но я натягивал холст и не мог оторвать глаз от изгибов).

– А ты сомневался? – (Все изгибы легли).

– В чём? – (Неужели опять всё пропустил...)

– В том, что мы одни во Вселенной.

– Да. Т.е. мы с тобой – нет. А мы + кто-то = да.

– А ты равен мне?

– По всем признакам – да. По всем предназначениям – тоже. Последний раз спрашиваю – согласна?

– На что?

– Навстречу.

– Навсегда.

Она повторилась. Я зачал звезду. Всё сохло. Искрились слёзы из-под очков. Я за слюнявчиком, господа...



Для утр добрых нет ворчанья. Пьющий кофе играет.
Всё прекрасно от вологодского масла до невидимой звезды.

Наконец, Метеорит дозвонился князю. Тот вроде стоял, но перепутав лето с зимой, попросил гений в рассрочку. Смех вызвал чесотку. Я отказался. Она запретила (под страхом гневливой старухи) шагать по вызывающим зависимость частотам, сравнивая ДРУГИХ с колочей проволокой.

Лучше – загадки. На голове – асфальт, в голове – каток. Это я. Не плачьте.

Так хотелось выйти на чёрную от мазута площадь и орать: Мой счёт неисчислим! Меня перебивают, а я вернусь! Но красные бесили, зелёные тормозили, от голубых – плохое настроение, от оранжевых – тошнота. Решил вылепить сосуд. Для послания. Лёгкий виток в докторские руки ещё ведь никто не отменял. Долго мял неподатливую глину, представлял Её своим двойником. Получился чайник. Я назвал его – «Библиотека» и увидел, как в осушении сосуда все суды падут под тенью судна, под собой иль под забвением одноименным... Может быть, когда-нибудь меня поймут?.. Им не внести, нам не сносить. Иль им, иль нам. Но на плече Её... Вспомнил, что забыл ключ. Вспомнил, что забыл...

Всего три точки на канатике Вселенной. И... благодать.

– Вы забыли меня поцеловать.

– Стоп! ЛЮ – это ещё не обморок! Обмокните руки и займитесь черепахой. В её заждавшихся глазах сегодня зажгутся свечи.

Полил кактус. Гонялся за небом, где скоро предполагались светила. Взял в аренду кусок берега и в кредит закуску. Устал, как ангел. На пороге поперхнулся – Она разобрала очки. Целовал ресницы.

Днём нам приснился одинаковый сон. Расскажу и его, потому как он особо сокровенен для меня, это сон Всеволода. Он – таки повесился на своём золотом баяне и читает об этой странной смерти в ежедневной газете. Мы решили перескорбеть во сне и проснулись передождившие под вечер.

Близилось стоянье. Я чувствовал запах отдышки, как нового аккорда. Пустые доски. Клопы и феи окружили наше выдуманное жилище. Солдаты всех мастей и генералы в Чапаева и в подавки отбились. Я стал бережлив и больше не размахивал во сне руками. Чтобы потом... потом... в один миг... мы увидели каменное светило вместе. Канун и Солнце! Присказки отпеты! В котлован прошлого я насыпаю горсть на вес и никогда больше не просчитаюсь. Я решил: будем пить эль (священный напиток преобразования), усложнять или упрощать видимое за углом, родим чудо и, как все, как-то его назовём. В пятницу на полу останутся две мумии, в воскресенье их обнаружит садовник, в ночь с воскресенья по понедельник он поделит их на скульптуры, фолианты и стекло и через сколько-то минут подумает: Нетленны!..

Тронулись. На берегу светло-табачная сепия залила небо, пятки пил ультрамариновый сок. Страх и радость конца высекали неожиданное настроение – хотелось звёздам раздать клочки. Они посыпались, и слёзы их были круглые и овальные, как бильярд.

Я впервые загадал ей загадку: Стоит всё – стоит всего.

Она улыбнулась. Пора.

– Милая, мои тосты, как из города Долгопрудный. Посему проси всех: Не надо пить за Время! Долгое не укоротишь, короткое не порежешь. Ты пишешь стихи, я – музыку, ты носишь очки, у меня есть лобзик. Прости, к празднику расплата я приготовил лишь пальто. Ты согласна вместе без хруста в лес? Без сознания? Без всплеска – в воду?

– Да.

И нечего затягивать мир в авоську. Послание просто. Мы поделились линзами и отпустили.

Водолазы видят, но под водой.

Водолазов больше, но под водой.

У водолаза больше, но видит он только под водой.

Бросив послание под чёрные от мазута воды, мы думали об одном: Защитят ли нас шахтёры? Разглядят ли дети их иероглиф на пустой Земле? А замысел о другом: Желаемое носить – носи, должное – неси! Пока.

АНАСТАСИЯ ЗИНЕВИЧ

ОТВЕТ рассказ

*посвящается моему наставнику,
Ларисе Петровне Пономаренко
и моему мужу, Глебу Рейдерману,
помогшим найти ответ на мой вопрос*

Мы были ослеплены... Ослеплены собой, своими мечтами... Мы думали, что движемся к цели. Нашей целью оказалось исчезновение. Всего. Мира, дома, плоти... Всего, что бы связывало нас... И вот, мы освободились от всего. И... сошли с ума. Осталось только умереть в одиночестве. И это будет даже не смерть. Просто сознание выключится, когда кончится ток, как обычный компьютер.

Хью пробирался по коридору к командному пункту. Его шатало из стороны в сторону. Глаза слезились от дыма, заполнившего весь корабль. Его мозг автоматически ещё отдавал отчёт: прорвало кислородные газификаторы, сейчас включится аварийная система. Её хватит на 3 часа. А потом...

Корабль сильно качнуло. Хью упал, но не обратил на это ни малейшего внимания. Что-то подкатило к горлу. Хью сплюнул. Это был стук крови. Ну и что! Хью ухватился за поручень и встал.

В конце коридора померещился чей-то силуэт. Ну вот, начинаются галлюцинации... Невидимая рука помогла ему встать, но разглядывать, кто это, было некогда. Хью пошёл дальше. Просто, чтобы проверить и убедиться. Вот и дверь командного пункта. Но она не поддавалась, что-то блокировало её изнутри. Корабль трянуло снова. Дверь приоткрылась. Хью не стал обращать внимания на то, что там мешало пройти. Он просто переступил через препятствие и подошёл к пульту управления. По нему гуляли зеленоватые огни. В некоторых местах светилось голубым и искрило. Находиться здесь было бессмысленно. Хью обернулся. К двери в неловкой позе привалился Кен.

Тут мозг отключился. Он перестал отдавать команды, анализировать, давать отчёт о происходящем. Всё это стало ненужным. Но Хью, хоть делать ему теперь было нечего, не хотел оставаться в этом месте. Не хотел лежать здесь, как это, теперь незнакомое ему, тело. Какой-то морг, освещённый искусственными огнями. Слишком похоже на ад.

Хью выпрыгнуло из кабины. Что-то, какая-то сильная тяга, повела его за собой. Оставалось отрешённо ей повиноваться. На секунду Хью потерял сознание. Его потрогали за плечо. Он опять пришёл в себя и наблюдал за тем, как его руки натягивают на его тело скафандр.

«Вот же чёрт! Кажется, я всё же собираюсь покинуть это место».

Он улыбнулся себе. И в самом деле – не ждаль же здесь, когда придёт смерть.

Медленно открылся шлюз. Осталось раскататься на руках и прыгнуть. На секунду Хью заколебался – пристегнуть ли кабель, соединяющий скафандр с кораблём. И выпустил его из рук.

...Хью пролетел минут 15, ни о чём не думая, прежде чем начать беспокоиться. «Наверное, я последний человек, – подумал он безучастно. – Наверное, только я ещё могу обо всём этом подумать...». Но думать не хотелось. Хотелось просто погружаться в темноту, растворяясь среди мириад звёзд.

Темп ускорялся. Казалось, что он просто слушает давно заученную мелодию, только играет она раз в 20 быстрее.

И тут раздался голос. Потом ещё один, и ещё. Они все кричали, на всех языках мира, тысячи голосов! Они орали:



– Убийца! Предатель! Сволочь!

И он кричал вместе с ними... Потом они стали просить о чём-то. В одном из них он различил голос Мэй, она спросила:

– Хью... Почему ты меня бросил?

Он увидел её тело, когда они все поубивали друг друга на корабле. Её красивое обнажённое тело, безвольно раскинутое на постели. И кто-то ещё живую успел... А где был он? Он заперся на кухне с бутылкой вина и сигарой. Ведь он был как всегда ни при чём.

Позже, когда он подошёл к ней, он не стал смотреть на её лицо.

– Хью. Почему ты не посмотрел на меня в последний раз?

Жалостные голоса опять заглушили друг друга и слились в рыдание.

– Почему... за что... я не хочу умирать!

Но Хью не плакал вместе с ними... Не просил и не проклинал. Ему не хотелось ни жить, ни умирать. Он ничего не хотел.

– Как странно... Я совсем ничего не чувствую...

И тут остался всего один голос. Единственный голос, какой он должен был услышать в этом космосе, оставив позади свою планету – оставив Землю погибать. Единственный голос, который он мог бы узнать... И теперь он окликал его. Да, без сомнения, это был *его* голос. Если бы Бог решил заговорить с ним, он заговорил бы именно этим голосом... Если бы Бог был...

– Пап, это ведь не ты. Просто мне хочется, чтобы это был ты и чтобы кто-то поговорил со мной...

– Ну и дурак же ты! Опять решил остаться сам по себе.

– Ну, просто все умерли, пап. Умерли или уснули... Теперь это всё не важно.

– И вы собирались спасти человечество, спрятавшись на этом корабле?

– Мы решили, что сможем начать всё сначала. А что, нужно было погибнуть там, на Земле, со всеми?

– Похоже, сбылась ваша мечта.

– ...Чтобы была война, и ничего не осталось от старого мира. Кроме нас, зрячих. И если спасём себя, сможем найти новое Будущее. ... Пап?

...Пап, но ведь теперь бессмысленно, буду ли я здесь смеяться, плакать или бить себя в грудь, осознав свою вину. Чего ты хочешь?

...Я просто устал, имею же я право устать... как ты думаешь? Я больше ни за кого не решаю.

Отец молчал. И потому стало очень тихо.

Хью опять вернулся мыслями к кораблю.

Дело было за неделю до катастрофы – за неделю до гибели их маленького летающего мирка. И через месяц после начала их бравого путешествия прочь от разбомбленной планеты.

Экипаж давно уже перестал прокладывать маршруты и как-либо планировать свою деятельность. Оставили и попытки жить по земному времени. День сейчас или ночь, галактика Лебедь или Кассиопея – какая разница? Но разница была. Для одного из нас. Когда мы хохотали, наслаждаясь фильмами, музыкой, покуривая или попивая всякую дрянь, – он прятался в своей каюте или же колдовал над пультом управления. Ему никто не мешал, но он вздумал помешать нам! Он останавливал нас в коридорах, он взывал к нашему разуму. Мол, неужели мы, лучшие из людей, спасители культуры, решим повторить старые ошибки человечества. Причём как? Спившись, наглотавшись наркоты, кайфуя в воображаемых мирах – с тем отличием, что на Земле нам бы мешали это делать, а здесь – никому!

Мы не обращали внимания. Но отчего-то Кен пристал именно ко мне. Окончательно он меня достал, когда схватил мою жену за руку и грубо потащил куда-то... Я сразу не сообразил, встать-то мне было трудно, да и смешно было как-то за ними гнаться. Пусть себе трахаются, коли хотят, неземные у нас теперь порядки! Да только не трахались они. Мэй, может, и не прочь была, да Кен ей всё орал что-то про неё, про меня, грозил, умолял. Ну, а она только смеялась ему в лицо! Баба есть баба.

Хью улыбнулся. Хорошая у него была подруга – не дала его в обиду какому-то мессии недоделанному. И точно, что-то он ей там про миссию нашу кричал.

Я бы и забил на всё это, проспавшись. Но только не дал он мне покоя, полез на рожон: «А что, если я её, и вправду, имел, тебе что – Всё Равно?!»

Я стою, улыбаюсь. И тут, не знаю как... его кулак летит мне в голову, а моя рука сама выхватывает так пистолет... Теперь-то я знаю – он целился в стену, рядом с моим ухом, хотел отрезать. Вот только я не в стену пальнул.

...Но ведь им всем было наплевать! Даже после этого!

Да и Кен под конец сламался. Зуб даю. Престал верить во всю эту чепуху про «лучших людей», вот и стал нарываться... Жить-то ему теперь всё равно было незначем.



У Хью перехватило дыхание. Кислорода в скафандре хватало ещё на целый час, так что дело было не в этом. Наверное, Хью плакал, но и не это было важно. Что-то томилось, рвалось наружу, сдавливая горло и сжимаясь внутри.

– Папа! Прощу тебя, ответь мне только на один вопрос. Если всё так закончилось, если всё равно всё бы так закончилось... скажи... Зачем, зачем это всё? Зачем люди рождались, жили, страдали, надеялись? Зачем всё это было? Эта жизнь... Для кого?

– Сынок. Всё равно эта жизнь стоила того, чтобы её прожить.

ЕЛЕНА ЧЕРНИКОВА

ПОКА ЛЮБОВЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Until love sets us apart

Лирическая драма

Действующие лица:

Старик

Дама, его возлюбленная

Главный врач

Дочь Старика

Любовник Дочери

Медсестра

Сцена 1

Цветущий сад. Яркое солнце. Беседка, увитая виноградом, в центре сада. В инвалидных колясках сидят Старик и Дама.

Дама. Дивно! Вино! Град! Город вина! Царство вина... Хмель высокого солнца, питающего лозу! Жизнь!

Старик. О, да, вы чувствуете всё! Город света и вина!.. Кстати, я уверен (*понижает голос*), что он, этот... наш... мажордом! (*Громко*) Mon bonheur n'a pas de bornes! J'adore la vie!¹

Дама. Неужели? Я тоже! Посмотрите на янтарные блики! «Mon bonheur n'a pas de bornes! J'adore la vie!» Мы – на волнах божоле! Оно вечно молодо, а не только в ноябре, о, как это скучно – французское календарное крохоборство... А почему вы говорите... о враче... так?.. Вы его боитесь?

Старик. Будьте уверены, мадам, он – проблема. Для него (*громче*) я как настоящий путешественник... я знаю душу Земли! Но скажу потом... Prachtig! Entzuckend! Wie es leicht ist, glucklich zu sein!²

Дама. И так будет всегда... какое счастье... Его можно дождаться! Счастья можно дождаться! Великолепно! Пока смерть не разлучит нас... Фу, однако, нехорошая фраза.

Старик. Нас не разлучит ничто, моя любовь, моя прекрасная леди, моё достижение...

Дама. В России надо жить долго! Я только теперь поняла, почему так говорил мой супруг, царство ему небесное... У нас дождаться счастья – надо уметь! Мы смогли! Дорогой мой, восхитительный человек! Я люблю вас больше жизни.

Звучит музыка. Прислушиваясь к прекрасной мелодии, Старик и Дама качают головами, словно танцуют, и подпевают. Они блаженствуют.

Входит, покачиваясь в такт музыке, медсестра. В руке – два шприца.

Медсестра. Обед, господа, прошу к столу! Сегодня новинка. Дополнение к основному меню.

Делает уколы. Старик и Дама, проникновенно посмотрев друг другу в глаза, засыпают в колясках со счастливыми лицами. Солнце садится. Музыка плывёт.

Медсестра (*тихо*). Да, доктор... великий человек ставит вопросы, маленькие люди ищут ответы. Ты, доктор, великий человек. Интересно, что тебе ответят...маленькие? Безумно хочу помочь, дорогой доктор... Безумно.

¹ «Моё счастье безгранично! Я обожаю жизнь!» – фр. (Прим. авт.)

² «Великолепно! Восхитительно! Как легко быть счастливым!» – нем. (Прим. авт.)

Сцена 2

Главврач за столом в своём кабинете читает заявление Дочери Старика, которая спокойно сидит на диване, ожидая положительного решения: она хочет забрать отца из лечебницы домой.

Главврач. Боюсь, уважаемая, что мой ответ – отказать!.. Увы, отказ. Его нельзя забирать отсюда.

Дочь Старика. Но почему? Но... это мой отец!

Главврач. Не представляется возможным.

Дочь Старика. У меня есть деньги. Много. Достаточно. У него будет всё. Я буду возить его в театры...

Главврач. Это не требуется. Чужие роли его не интересуют.

Дочь Старика. Я куплю ему домашний кинотеатр. Подключу интернет. У него будет нормальная... виртуальная реальность!!! Я могу возить его в горы, на море, вы же сами сказали, что у него сильное сердце, ему и самолёты нишпочём.

Главврач. Дорогуша, он путешествует иначе, не так, как вы.

Дочь Старика. Он будет путешествовать, сколько захочет. Я всё это теперь могу! Я жила в Испании, меня там бросил муж, но у меня теперь две квартиры, дочь, дача, кошка, собака, всё есть! Поймите, он дал мне жизнь, а я ещё не сказала ему спасибо. Ни разу. Дети никогда не говорят спасибо, я заметила.

Главврач. Вы наблюдательны.

Дочь Старика. Мне нужен отец! Мне! Нужен! Отец! Мой отец!!!

Главврач. Понимаю, понимаю.

Дочь Старика. Здесь не должно быть отказа, что-то не так. Что случилось? Зачем вам этот больной? Может, мне надо выкупить (*насмешливо*) его у вас?

Главврач. Не надо. Он экологически опасен.

Дочь Старика. Вы, кажется, издеваетесь надо мной? У вас тут экологическая полиция?

Главврач. Нет. Я вам помогаю.

Дочь Старика. Мне отец нужен, а не ваша помощь.

Главврач. Вы полагаете?

Дочь Старика. Прекратите!

Главврач. Присядайте, пожалуйста, зачем вы встали?

Дочь Старика. Так. Присела. Что ещё скажете? Я никак не ожидала такого упрямства! От вас! У вас, полагаю, достаточно клиентов? Или перебор пошел? Недопоставки? Общество перестало сводить граждан с ума? У нас негражданское общество?

Главврач. Ну что вы. Скажете тоже!

Дочь Старика. Так скажите вы! Ну хоть что-нибудь, что я смогла бы понять!

Главврач. Очень трудно. Но я попробую.

Дочь Старика. Перестаньте издеваться!

Главврач. Господь с вами. Какие у нас тут издевательства... Послушайте. Вы знаете, что такое любовь?

Дочь Старика. Я же просила!..

Главврач. Ну, так вот. Ваш отец любит одну даму. Она тоже здесь, тоже на коляске, у неё веер из перьев... Да-с. Они оба почти парализованы, почти не могут принимать пищу. Но они всегда вместе. Ну что вы так удивляетесь?

Дочь Старика. Ваше упорство безумно. Вы безумец? Ах, да, вы же мужчина!..

Главврач. Пожалуйста, пожалуйста... Так вот: они **всегда** вместе. У обоих – что просто поразительно при их диагнозах – сохранилась речь. Но их память... она сохранилась в такой своеобразной форме, что наука пока не комментирует. Мы изучаем эту пару, скоро будет международный консилиум. В беседке, где они коротают дни, где они путешествуют, диким виноградом прикрыты микрокамеры. Я вижу и слышу каждое их движение, каждое слово... Да съядте вы, наконец!

Дочь Старика. Эти ваши камеры... Ваша камера! Слово-то: ка-ме-ра! Надзиратель! Я возьму хорошую сиделку.

Главврач. Никакие сиделки не смогут обеспечить этой паре оптимального ухода. Никогда вы не обеспечите науку новейшим материалом, какой черпаем мы сейчас.

Дочь Старика. Всё тут незаконно!

Главврач. Разрешите напомнить: чтоб изменить закон, сначала надо пойти на незаконие. Полистайте учебник истории.

Дочь Старика. Ну вы и фрукт... Хорошо, давайте мне обоих. У меня денег на десяток таких... туристов... хватит.

Главврач. Чего у вас хватит? Денег? Или, простите, конечно, ума? Да-а-с. Вот поэтому я и не могу отдать вам вашего отца. Он занят. Любовью. В наилучшем смысле этих слов.

Дочь Старика (*Задумчиво*). А они знают, что вы нарушаете их... права человека?

Главврач (*Смётся*). Нашлась! Европа! Ну, молодец!.. Слушайте. Однажды подул сильный ветер, листва затрепетала, и ваш отец внезапно заметил под потолком наш проводочек, неаккуратно выглянувший из-под винограда. Знаете, что он сказал даме в этот миг? Не знаете.

Дочь Старика. Не знаю! Что-нибудь виноградное...

Главврач. Он сказал: «Видите провод? Как бы я хотел, чтобы по нему бежало тонкое, как моя последняя энергия, белое электричество, сверкая розовым или чем-нибудь зеленым...». А его прекрасная дама ответила: «О да, я вас понимаю. Очень! Или синим... Вы передали бы ваши воспоминания, и они были бы изданы отдельной книгой. Это была бы лучшая книга на свете! Вы столько видели, столько знаете! Ваши поразительные странствия!».

Дочь Старика. Хорошо, я купала аудиокнигу с сочинением Соломона «Песнь Песней». Надеюсь, она уже оцифрована. Буду включать им по утрам вместо будильника.

Главврач. ... Батюшка ваш в ответ: «Дорогая! Как вы чувствуете меня! У нас с вами одинаковая скорость... Как томится без вас моя душа, когда я сплю! Душа ждёт утра... Я научился просыпаться счастливым, потому что когда я жду утра, то жажду лишь встречи с вами, о, какое блаженство – искренне хотеть жить! Я посвятил бы эту книгу вам...».

Дочь Старика. Почему вы издеваетесь надо мной? Не надо издеваться над человеком, когда он уже разбит и плачет и... приехал. Приехала.

Главврач. О-о-о, надо! «...Жюльвернами становятся не все. Бывает, что тебя не берут в свой круг усталые феи – темы-долгожительницы, у которых все эти робинзоны, нэмо, афанасии никитины давно на побегушках, а ты – нелепый, как новорожденный с пушком на затылке. А пусти душу вперед, тело за ней пойдет...». Я знаю их диалоги наизусть, представьте себе.

Дочь Старика. Прекрасная память, доктор. Вы, видимо, великий человек. Но что же делать мне?! У вас тут хорошая охрана? Кстати. Как вы храните записи их бесед?

Главврач. Хорошо храним, надёжно. Не только плёнки, но и все расшифровки; бережём и изучаем каждое их слово, любое! А они, знаете, частенько переходят с французского на английский, немецкий, а временами он учит её ирландскому языку! Иногда – датскому и шведскому. Вы представляете – сколько у нас работы? А по-русски они любят иногда, как бы поточнее сказать, поврать.

Дочь Старика. Как *поврать*? Дикое слово. Такого слова не бывает, и мой отец никогда не врал. Он – академик. Он консультировал аналитическое управление...

Главврач. Поврать – это их личная абракадабра, коды, они пользуются пятими-десятьими-пятнадцатыми значениями редких слов, чтобы доставить друг другу физиологическое удовольствие мгновенного разгадывания смысла. Это их наслаждение и хороший тон. Эрос логоса! Я не могу, уважаемая, не могу отдать вам вашего отца! Поймите. Он полностью принадлежит...

Дочь Старика. Науке? Консилнум?

Главврач. Другой женщине! Другой! Понимаете? Вы лично уже не нужны ему. Вы – прошлое, и очень далёкое. Вас уже вырастили, выдали замуж, с вами всё ясно. Даже ваш развод, столь драматичный для вас, ничто для него.

Дочь Старика. Для него я всегда была ничто. С этим надо покончить. Пока мы живы. Моя дочь учится за границей. Моя покойная мать...

Главврач. У вашего отца появилось настоящее, которого никогда – подчеркиваю! – никогда не было раньше. Он объездил весь мир, путешествовал полжизни, к чему-то стремился, достигал высот, но всё это было устремлено к будущему, всё было ожиданием. И лишь теперь, когда он встретил эту женщину, и когда они абсолютно не зависят от прихотей плоти... Да что вы можете понять, сорокалетний ребенок, с вашей собакой, дочерью и квартирами и... И кошкой, я всё помню, кошкой, и не смотрите на меня как солдат на вошь.

Дочь Старика. У меня ещё канарейка...

Главврач. Прекрасно. Пусть ваша птичка свистит вашей кошке.

В окно влетел прозрачный лиловый камешек. Он упал на мягкий ковер у ног женщины. Она вздрогнула и подняла небольшой аметист.

Главврач. Это меня. Извините. (*Смотрит на карманные часы*). Звоните. Не забывайте... (*Встает*)

Дочь Старика. Подождите ещё секунду. Пожалуйста. Одна просьба: вы можете дать мне ваши расшифровки?.. А я вам – подписку о неразглашении великой научной тайны.

Главврач. Не язвите. Я подумаю. Там есть вещи, которые не для каждого. То есть – не для любой нервной системы. На неделе позвоните. Я решу. Верните мне аметист, пожалуйста, это наш условный сигнал с медсестрой. Так удобнее.

Дочь Старика машинально протягивает ему руку с аметистом. Врач еле заметно усмехается, кладёт камень в карман и откланивается. Она, оставшись в одиночестве, подходит к окну, смотрит в сад. Передразнивает величественную походку врача, потом по-детски «показывает нос» саду.

Сцена 3

В саду. Старик и Дама просыпаются в своих колясках, держась за руки.

Старик. Любимая...

Дама. Я здесь. Доброе утро!

Старик. Уже вечер. Как хороши вечера! Я должен вам сказать одно слово.

Дама. Я давно жду этого слова.

Старик. Вот оно. Трудята! Правда, очень хорошее слово? Как бы вы его прокомментировали, дорогая?

Дама. Труденики, трудяги, трутни и утята одновременно и ещё немного – пионеры. Мне так кажется...

Старик. Правильно, правильно!!! Я именно это и хотел сказать! Как я люблю вас, милая, совершенная. Слова берегут нас. Многих людей слова разрушают, представляют? Я это знаю. А нас берегут. Это счастье.

Дама. Я никогда раньше не знала счастья...

Старик. А самое главное, что теперь, именно здесь, когда я с вами, дорогая моя, я стал настоящим путешественником. Это главное. Вы тоже чувствуете, что мы с вами свободны и путешествуем всюду, и – проходим везде. И (*напевает мелодию Глинки*) дым-столбом-кипигт-дымится-пароход... О Боже, как хороша свобода! Полная свобода!!! Сво-бо-да! Да!

Дама. Вы поймёте меня, если я скажу, что никогда не выезжала из своей любимой страны? Он... мой покойный муж... не брал меня с собой, но и я, очевидно, не стремилась. А он очень много ездил. Однажды он привёз мне ракушку, в которой не шумело море. Представляете, во всех ракушках море, а в этой – ни капельки! Ни одной! (*Радуетя*).

Старик. Теперь я многое пойму. Я тоже одинок, я тоже... вдовец, вы понимаете. Раньше я плохо понимал женщин. Очень рвался из своего галстука, меня давила кафедра, карьера, претензии тётчи... Тётца, тыща, туча, туда, где учат, туло топать и не рыпаться...

Дама. Да, это очень трудно – быть мужем, мужчиной. Я не всегда понимала это, а теперь понимаю. Даже лет десять-двадцать назад я была ещё такой глупой!

Старик. В детстве это естественно.

Дама. Спасибо за *детство*, но мне было уже очень-очень *за тридцать*.

Старик. Рассказать вам о моем первом путешествии?..

Дама. Конечно, прошу вас...

Старик. ... *Путе-шество*ние. Оказывается – *шество*ние по пути. Путём-дорогой. Необыкновенная глубина понятия, не так ли?

Дама. Иногда что-то понимаешь не сразу...

Старик. Нет, лучше я расскажу вам о своём втором путешествии.

Дама. Чудесно!

Старик. Нет, лучше о третьем!

Дама. Великолепно!

Старик. Путешествие. П у т е ш е с т в и е . Во всех языках на Земле это моё самое любимое слово. У моей покойной жены была дочь. Так эта девчонка с младых ногтей больше всего любила слово *путёвка*. Ну, в детский лагерь или ещё куда-то... Куда там ездят девчонки. Я ей покупал всё это. Но ведь путёвка – это же полная чушь! Вы чувствуете?

Дама. Да, это бумажка.

Старик. О, да! Это бездарная бумажка, обязывающая двигаться в оплаченном направлении! Это бесчеловечно! Ну, девчонке простительно, но её мать...

Дама. Ваша жена...

Старик. Ну да, жена. Покойница подчёркивала, что путёвка и путешествие – однокоренные слова. Представляете?! А то я не знаю!

Дама. Да-а-а! Сморозить такое!.. А её дочь?

Старик. Ну...это наша общая дочь, но я не выношу дилетантизма! Я был готов убить её. Порой. Даже чаще.

Дама. Дочь?

Старик. Жену.

Дама. Понимаю. Это чудовищно. Дилетантизм. Какой ужас.

Старик. Боже, почему я не встретил вас раньше! Интересно, почему?

Дама. Мне тоже странно. Порой мне кажется, что мы знали друг друга вечно.

Старик. Да, но целую вечность мы пропустили. Но! Теперь у нас есть кое-что получше этой самой целой вечности. У нас есть абсолютная свобода! Настоящая! Полная! Наша свобода!!! Фу, опять идёт наш мажордом...

К беседке приближается главврач.

Дама (*шёпотом*). Не волнуйтесь, у него просто работа такая. Он ведь на зарплате, никакой свободы, помилуйте...

Главврач. Здравствуйте, господа. Как хорош вечер, не правда ли?

Старик (*Даме, громко, с воодушевлением*). В путешествии содержится медитация. Вы понимаете, моя любимая? Только настоящее путешествие – медитативно.

Главврач. Из некоторых путешествий не возвращаются.

Старик. Главное делится на пункты. Первое! Забыть о времени. Снять предохранитель с пульта ручного управления. Весь свой автопилот оставить дома. Выключить обыденное сознание!

Дама (*подыгрывая ему*). О, если бы люди умели!..

Главврач. Никто не возвращается с войны, из тюрьмы, из любви...

Старик. Второе! Не думать о попутчиках, спутницах, свидетелях вашей сосредоточенности, не обращать внимания на погоду, не интересоваться – заправлена ли плёнка в фотоаппарат.

Главврач. Есть путешествия, из которых не возвращаются!



- Старик.** Третье. Мыться везде. Пыль дорог стряхивать, безжалостно смывать – да хоть в пустыне. Но надо найти воду везде. Это очищает душу.
- Главврач.** Я приготовил для вас новое угощение. Медсестра скоро принесёт.
- Старик.** Туризм палаточный в этом смысле очень честный жанр, поскольку ничто не решено ни за кого, каждая ситуация уникальна, а воду надо греть над костром, а его надо сложить из дров, а их надо найти, и воду найти, и принести в сосуде.
- Главврач.** Вы любите сюрпризы?
- Дама.** Как это верно, как правильно! Вы только подумайте: мы с вами сейчас именно в этой ситуации! Наши ноги не могут нести наши тела, а мы должны найти возможность омыть их тёплой водой! Как восхитительно положение, в котором мы сейчас!.. А эта виноградная беседка – как вечная палатка...
- Главврач.** Господа, господа, минуту внимания!.. Пожалуйста. Секунду!
- Старик.** Да, как вечная палатка! Дорогая моя... (*Кладёт ладонь на её запястье, смотрит в глаза, нежно улыбается*).
- Главврач** (*Старику*). Ваша дочь приехала из Испании...
- Старик** (*Даме, по-испански, потом по-русски*). Я люблю вас. Вы – моя подлинная свобода!
- Главврач.** Она хочет видеть своего отца, то есть вас. У неё есть дочь, ваша внучка, и вы могли бы жить все вместе.
- Старик** (*Даме, по-русски*). Вы изумительно внимательны ко мне, я наслаждаюсь вами так, как ничем, никем, никогда в жизни. Вы – моё лучшее путешествие. Вот что я хотел вам сказать о путешествиях!
- Дама** (*Старику, тихо*). Господи, что же нам делать? Может быть, как-то вежливо... успокоить его?
- Старик.** Он заслужил покой! Ура. Как вы великодушны!
- Главврач.** Я понял вас. Спасибо. Я ухажу. Вы больше не услышите о вашей дочери ни слова. По крайней мере, от меня. Всего доброго (*Не уходит*).
- Старик** (*главврачу*). А-а! Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете, любезнейший?
- Главврач.** Благодарю вас, хорошо. А вы? Нет ли каких-нибудь просьб, жалоб, пожеланий?
- Старик.** О, всё прекрасно. У вас тут дивно! Чудесные условия для заслуженного отдыха. Я, знаете, всю жизнь мечтал выйти на пенсию и... Айда!
- Главврач.** Да-да. Надеюсь, мы вас не разочаровали.
- Старик.** Вы вдохнули в меня жизнь. А жизнью – не разочаруетесь!
- Главврач.** Бывают разные мнения.
- Старик.** О, конечно, бывают разные мнения. Но что нам чужие мнения, правда?
- Главврач.** Правда. Я как-нибудь ещё загляну, днями, не возражаете?
- Старик.** Всегда! Всегда счастлив повидаться! До свидания!
- Главврач.** До свидания. Until death sets us apart (*Уходит*).
- Старик.** А? Как я отбилась от мажордома?
- Дама.** Да уж. Действительно. Но ему-то теперь... Такое дело проворачивать! Будто египетские камни... Даже казни! Его можно понять. Является посторонняя женщина, из Испании, с какой-то дочкой, требует совместной жизни, – ему непостижимо! Как вы думаете, что это за история?
- Старик.** И думать не хочу. Всё это – лирико-романтический бред. Со всеми проблемами подобного свойства мужчина должен разбираться в слепом детородном возрасте. Подчёркиваю: в слепом, то есть детородном.
- Дама.** А я так боялась рожать, вы не представляете... Будто я одна, в чёрной пещере, и мне вот-вот вынесут приговор, и муж опять уедет.
- Старик.** Я всё родил, чего хотело наше пещерное общество. Семью, кафедру, науку, внёс вклад куда мог. Я даже пытался, извините, уже признаюсь, как-то любить мою покойную супругу, хотя в мои времена про любовь говорили – мелкотемье! Мелкотравчато!.. Но всё-таки интересно: на кафедре академик, а домой прихожу – просто муж у ревнивой жены.
- Дама.** Какой ужас! Бедный мой, бедный...
- Старик.** Очень трудно прыгать из одного жанра в другой. Она совсем не чувствовала этих моих трудностей. Пожалуйста, не ревнуйте, это всё в очень далёком прошлом. Она же умерла. Я даже не помню её лицо, не говоря уже о руках.
- Дама.** Руки? (*напевает голосом Шульженко*) «Вы словно две большие птицы...».
- Старик.** ... Или о душе. Была ли у неё душа? Убей Бог, не имею понятия. Наверное, была, раз она говорила, что душа болит. У неё вечно почему-то болела душа! Представляет? Постоянно! Душевнобольная, наверно.
- Дама.** Наверно. Женщины, особенно молодые, очень любят поговорить о душе. Будто им кто-то велит думать о душе. А кто может велеть женщинам думать о душе? Ну, уж точно не мужья. Тогда кто?
- Старик.** Кто же?
- Дама** (*смеясь*). Не знаю. Не помню. Мой покойный муж уж точно не велел мне думать о душе. А содержание моего тела он регулярно оплачивал. У него было очень много денег. Царство ему небесное... Он всё пел шуточную песенку: «И пока *любовь* не разлучит вас...». Аллюзия.
- Старик.** Ну да, вместо *смерти*. Until death sets us apart. Остриж-самоучка. Вы, простите меня... любили его?
- Дама.** Поверьте, дорогой мой, я, в самом деле, не помню. Мы с вами встретились, и у меня всё прошлое изменилось, представляете? Всё!
- Старик.** Прошлое так подвижно! Я тоже не знал этого... до нас!



Дама. Есть какие-то затёртые во льдах годы. Нечеловеческая, знобящая, страшная боль. Как будто с меня содрали всю кожу и заморозили во льдах. Долгие годы...

Старик. Вы долго страдали?

Дама. Десятилетия! Однажды ночью, здесь, я проснулась от ужасного сновидения. Будто мой муж пришёл сюда, в нашу беседку. Но пришёл тот, молодой муж, когда мы только-только родили нашу дочь... Или сына? О, нет, я должна вспомнить! Кто же у нас был? Я только помню, что очень много лет воздерживалась от детей, чтобы не помешать мужу, а потом почему-то родила. Наверно, слушила.

Старик. Наверное. Дети не могут укрепить мужа в верности. И вообще на Земле уже очень много детей, девать некуда, а всё рожают. А что в сне?

Дама. Ах, да. Пришёл. С огромными садовыми ножницами. И начал резать наш виноград. Всё-всё тут перерезал. А потом взял топор и начал крошить нашу беседку!

Старик. Ужасный сон. Мне тоже однажды что-то похожее приснилось. Будто моя покойница пришла, но не с топором, а со своей больной душой и начала его махать.

Дама. Да что вы говорите? Почему вы мне не сказали про сон?

Старик. Не хотел пугать вас. Она так страшно махала душой!

Дама. Да уж... Это пострашнее топора.

Старик. Пойдёмте гулять. Сегодня первоклассный закат. А то мы всё о мелочах...

Дама. Виноват мажордом.

Старик. Попрошу его не приходить. Туман от него, истинный туман.

Дама. Он что-то замышляет, я чувствую, он убийца, поверьте, просто убийца.

Старик нажимает на кнопку в подлокотнике. Звонок. Музыка. Появляется пританцовывающая Медсестра и уводит коляски в аллею.

Старик. Да-да, и ещё алхимик, я уж повидал таких, повидал. «Не возвращаются с войны! Из тюрьмы! Из любви!» Откуда знать балованному щенку, какая завтра погода!

Сцена 4

В кабинете Главврача. Дочь Старика сидит на диване, ждёт, пока Главврач медленно отпирает сейф, достанет большую кожаную папку, запирает сейф. Листает.

Главврач. Я подумал и решил: почитайте. Я немного преувеличил, что ваш отец... экологически опасен. Он опасен для вас лично.

Дочь Старика. Чем же?

Главврач. Возможно, поймёте, когда прочитаете. Но верните поскорее, пожалуйста, и в полной целостности и сохранности. Это действительно бесценный научный материал. Помните, скоро консилиум.

Дочь Старика. Это копии?

Главврач. Какая вам разница. Бесценный материал. Но любовнику не показывайте.

Дочь Старика. Откуда?.. вы... как?..

Главврач. Ах, голубушка... Мне всю жизнь платят деньги за то, что я лечу людей от их жгучих секретов!

Дочь Старика. Подумаешь, секрет! Но всё-таки...

Главврач. Повторяю. Я всю жизнь получаю очень приличные деньги за умение видеть людей насквозь. Получать – приятно, видеть – не очень. Но работа есть работа. Не задерживайте возвратом.

Дочь Старика. Доктор! А можно плёнки с голосами?

Главврач. А зачем? Эти бумаги очень красноречивы. Всё предельно ясно. А вы – человек, так сказать, глазной. Вы доверяете очевидному. Ну, то есть тому, что очами видно.

Дочь Старика. Боюсь, мне не приходится выбирать. Как всегда...

Главврач. Ах, какие трафареты! Как вы легко сдаётесь! Не верю, как сказал один специалист.

Дочь Старика. Мне что, вызвать вас на дуэль?

Главврач. Не стройте иллюзий.

Дочь Старика. А ведь вы – врач...

Главврач. Очень тонко, что напомнили. Благодарю вас. Мне пора. Не задерживайте возвратом. Договорились?

Дочь Старика. Доктор!!!

Главврач. До свиданья. Медсестра сейчас придёт. Все вопросы к ней (*Уходит, заложив руки в брюки*).

Дочь Старика. Какой же ты гад, психиатр. И ходит, как птица. Чёрный ворон. Нет, грач... Грач-психиатр!!! Смешно... (*Листает бумаги*). Взять домой или здесь ознакомиться? Зачем мне всё это, если возникло препятствие? Любовь у него! Дама в перьях! А...

Входит Медсестра, вносит часы, вешает на стену.

Медсестра. Вы нуждаетесь в чём-нибудь? Какие-то препятствия?

Дочь Старика (*в стелу*). Муж говорил мне, что преодолевать непреодолимые препятствия вредно; он – не преодолевал. Мой муж их просто не замечал! Он ничего не замечает, кроме опасности для себя. Я стала опасной? Нет, я просто не стала взрослой.

Медсестра. Не желаете прилечь? Вот сюда, на кушеточку...

Дочь Старика. Перестаньте! Дурдом какой-то. Послушайте хоть вы. Взрослая женщина – которая *всё понимает*. Просто всё! (*Подкашливает*) И не интересуется чужими тонкостями. Взрослая женщина – за рулём, с психологическим сертификатом, желательна дочь кого-нибудь. Вы всё понимаете?

Медсестра. Может быть, отвар из тибетских трав?

Дочь Старика. Дорогие заколки, чулочки, флаконы, только бренды, но небрежно, так, мы тут мимоходом-от-карты. Взрослая женщина – это главное ожидание, главная надежда и мечта вечного юноши. Поскольку юноши подлецы, а вечные юноши – вечные подлецы!..

Медсестра. Да-да, я вас прекрасно понимаю. Инфантилизм, интимофобия.

Дочь Старика. У нас тут в России все такие стали? Слушайте! Взрослая женщина – это не-вы-спра-ши-ва-ни-е. Восприимчивость к любой версии на тему *где ты был*. Она современна! Ей всегда за тридцать, даже если пока пятнадцать. И ей полностью ясно, что другой будет ещё хуже. Она согласна платить своей взрослостью за регулярные зимние перелёты из французских Альп в швейцарские. С каникулами в каком-нибудь Чикаго.

Медсестра. Она понимает, что она никто и никогда, поэтому её устраивает мужчина, у которого всё и всегда, но она умеет молчать! Правильно?

Дочь Старика. О, Боже, ну когда я забуду этот ужас!.. Какая дура я, какая дура! Я берегла его душу! Было бы что беречь. Я читала его любимые книги! Шла по его духовным стопам! Брала у него бесконечное интервью!

Медсестра. Детство – главный проект, вы правы...

Дочь Старика. Меня мать научила: а как там у тебя, милый, прошло детство? Я спрашивала его! А юность? А вторая юность? А третья юность?! Взяла, называется. Теперь у него берёт эта... *взрослая женщина*. И ничего не спрашивает. Молча берёт!

Медсестра. У неё рот занят, понимаю... Вам внушили, что мужчина достоин жертв!.. Мама? Байки о вечной любви? Сверхпенная идея. Знаете, наш доктор изумительно лечит от вечной любви, от борьбы за справедливость и даже от хронического развода. Оставайтесь у нас!

Дочь Старика. Сейчас они едут, вдвоём, она за рулём, по Лазурному берегу, тонко и по-взрослому перешучиваясь, глядя вперёд, и лишь изредка, это тоже очень *тонко*, посматривая друг на друга, подсматривая друг за другом: дескать, эй, как там у тебя со взрослостью – в тунусе? Ты ничего не спросишь у меня? У тебя, надеюсь, всё уже есть? Я свободен? Тогда я твой друг. Мерзость!!!

Медсестра. Простите, доктор просил передать вам, что...

Дочь Старика. Доктор просил?! Он у вас тут ещё и просит?

Медсестра. Понятно, спасибо. До скорой встречи. (*Уходит*)

Дочь Старика. Господи!.. Кто это сделал? Пушкин? Скорее Тургенев. С девушками. Была бы жива мамочка – плаонула бы ей!.. «Мужчина – царь природы!». Спасибо, мамочка, он так нацарствовался надо мной. Мамуля... (*Кашиляет, с трудом успокаивается, берёт папку, неловко надевает улыбку, кладёт папку, поправляет макияж. Говорит, глядя в зеркальце.*) Женщину, которая *всё понимает*, надо вообще хоронить за оградой, с осиновым колом в сердце!

Собрав наконец свои вещи, выбегает из кабинета.

Сцена 5

В квартире Старика. Дочь Старика неподвижно сидит на старинном кожаном диване. Папка с расшифрованными прочитана, брошена на пол. Женщина с окаменелым лицом смотрит на часы. Звонок в дверь. С трудом очнувшись, Дочь Старика идёт открывать Любовнику.

Любовник. Здравствуй, красивая женщина. Вот это – тебе. (*Протягивает ей розы и шампанское. Под мышкой у него зажат кейс. Любовник напевает*). Люби-и-мые женщины приходят к нам о-о-сенью...

Дочь Старика. Здравствуй, мужчина. Тебе удаётся даже банальное. (*Берёт у него кейс. Он провожает кейс взглядом*)

Любовник. Ха-ха, тонкий комплимент, ха-ха... (*Входит*)

Дочь Старика. Да, я люблю всё тонкое. Это современно. По-взрослому.

Любовник. Я останусь сегодня? (*Кладёт цветы на стол*)

Дочь Старика. Тебе можно?

Любовник. Ха-ха, ты просто прелесть. Можно!.. У меня не бывает критических, ха-ха... (*Ставит шампанское на стол*)

Дочь Старика. Действительно. Только вековые?

Любовник. Ха-ха, ты сегодня в особом настроении! Сейчас, подожди... (*Уходит в ванную. Дочь Старика стоит с кейсом, думает, куда его поставить. Шум воды. Дочь Старика включает музыку. Выходит Любовник: сияющий, свежий, полуголый*).

Дочь Старика. Шампанское открыть?

Любовник. Потом. Иди скорее ко мне, я готов. Да поставь же кейс...

Дочь Старика. А я... в ванную?.. *(Ставит кейс на пол)*

Любовник. Не надо. Ни в коем случае. Скорее!

Она задевает букет, цветы падают. Любовник увлекает Дочь Старика на кожаный диван, ложится и тут же встает, что-то вспоминая.

Дочь Старика. Что-то не так? Может, мне раздеться?

Любовник. Да. А я всё-таки поставлю розы в вазу. Дай вазу. Скорее! Скорее!

Дочь Старика. Конечно, сейчас, вот. «Она помогла ему вдеть розы в вазу, шампанское в бокалы, потом тело в тело, розы в бокалы, шампанское в вазу, в тело, опять тело. Заело. Вынули, вставили. Бывалое тело, как время... Было такое дело».

Любовник. Что ты бормочешь? Тебе нехорошо? *(С наслаждением нюхает розы)*

Дочь Старика. Ну что ты. Цитирую классику. Одна современная повесть.

Любовник. Прекрасно. Вот, поставил. Красивые. Хотя, говорят, розы любить пошло, но ты не говори никому, ладно?

Дочь Старика. Кому же я могу сказать о розах?

Любовник. Подруге. Другу. У тебя кто есть?

Дочь Старика. Кошка. Дочка. Птичка: канарейка.

Любовник. Не говори канарейке! Ха-ха!..

Дочь Старика. Ха-ха... Не скажу.

Любовник. А ты что – читаешь современную прозу?

Дочь Старика. Да.

Любовник. С ума сошла? Современная взрослая женщина должна читать глянец и гламур. Вполне достаточно.

Дочь Старика *(вздрыгнув)*. Конечно, конечно... Вполне. Только дорого очень. Я читаю что подешевле. Русские сказки там, народные...

Любовник. Я тебе дам на журналы! Ха-ха!.. Напомни утром.

Дочь Старика. Непременно. Ты не хочешь поесть?

Любовник. Я хочу съестть тебя! Скорее! Иди ко мне! Ты как хочешь? Скорее!

Дочь Старика. Это ни к чему, не думай обо мне, заботься только о себе.

Любовник. Понятно. Альтруистка? А с первого раза было не заметно!

Дочь Старика. Нет. Впрочем, не знаю.

Любовник. Давай наконец пойдём... Какая разница! Что ты делаешь?

Дочь Старика. Смотрю на тебя.

Любовник. А вот это лишнее. Закрой глаза.

Дочь Старика. Да... Так лучше.

Любовник. Послушай, что с тобой? Мы так не договаривались.

Дочь Старика. Люди вообще редко договариваются.

Любовник. Да. Или сразу до чёртиков... Знаешь, я могу перегореть.

Дочь Старика. Угу... Как лампочка.

Любовник *(поднимается с дивана, похлопывая женщину по колену)*. Ну что ж, значит, сегодня не наш день... Я сейчас. *(Уходит в ванную. Дочь Старика озадаченно смотрит вслед, что-то вспоминая. Шум воды: он опять принимает душ. Появляется в халате Старика)*

Дочь Старика. Тебе идёт. Повернись-ка. Почти академик!

Любовник. У меня отчим возглавлял в академии... Давай бокалы! Хочу пить! Ты в порядке?

Дочь Старика. Попытка великодушия. Разумеется... Пожалуйста. Всё готово.

Любовник. Отлично. *(Пьёт)*. А у тебя тут мило.

Дочь Старика. Это не у меня. Здесь когда-то жили мои родители. Отец ещё жив, но в больнице. Мать умерла. А это всё – мне в наследство.

Любовник. Они классно жили! *(Ходит с бокалом, осматривая антикварную мебель, картины, останавливается перед старинными часами)*. А где же наша подруга канарейка?

Дочь Старика. В моей собственной квартире. Свистит моей кошке.

Любовник. А где это?

Дочь Старика. В центре.

Любовник. Дорого?

Дочь Старика. Конечно. И тоже почти наследство.

Любовник. Ты vezучая? У тебя со всех сторон сыплется! Это у вас что – семейная черта? Обожаю vezучников.

Дочь Старика. Я тоже... До посинения. Вся в матушку. Лучше бы в батюшку, но Бог решил по-своему.

Любовник *(не расклевывая)*. Грешил? Забавно... Я обожаю всё сильное, умное, победное. Хочешь выпить?

Дочь Старика. Да, конечно. Скажи, а что ты ценишь в женщине?



Любовник (*удивлённо*). Умение давать мне чувство свободы, которым я очень дорожу.

Дочь Старика. В этом нет ничего оригинального... Почему ты назвал это чувство сразу, первым, не размышляя?

Любовник. Потому что я страстно хочу путешествовать. Неоригинально? Я очень долго не мог никуда уехать. Во-первых, секретная работа не позволяла, во-вторых, жена – профессиональная неудачница, курица, жадина, разгильдяйка и так далее.

Дочь Старика. Я не помешаю тебе?

Любовник. В чём?

Дочь Старика. В жизни.

Любовник. А... И ты туда же. Понимаешь, дорогая... Ты, видимо, прекрасная женщина, однако у тебя ребенок и собака с кошкой. Мы с тобой, возможно, будем вместе, но когда и то, и другое рассосётся.

Дочь Старика. То есть птичку скормить кошке, а кошку немедленно усыпить? А двенадцатилетнюю дочь выдать замуж? Понятно. Ты как провёл детство? Расскажи.

Любовник. Не обижайся. Ночные разговоры всегда искренние. Или я не прав?

Дочь Старика. Ты, очевидно, всегда прав, но мне казалось, что у меня есть некоторые личные качества, нейтрализующие весь мой... зоопарк.

Любовник. О да. Ты качественная, положительная, добротная, позитивная, фундаментальная, ты симпатичная, головастая, грудастая... нет, пардон, это не ты, словом, оптимальная, но...

Дочь Старика. Ты здоров, милый?

Любовник. Так, небольшой геморройчик.

Дочь Старика. Ну, дай Бог врача тебе. Пошли, спать пора.

Любовник. Пошли. (*Встал и пошёл в туалет. Шум спускаемой воды*)

Дочь Старика. Господи, ещё один геморрой! Сколько ж можно на одни и те же грабли! (*Мечется по комнате, задевает вазу, розы падают, вода на полу*). Ой, как неловко!

Любовник (*вбегает*). Ой, вода! Мои розы!!!

Дочь Старика. Твои, твои...

Любовник. Да, конечно, скорее! Давай тряпку! (*Хватает из охапки что попало: это её платье. Но он не замечает и трёт им пол*)

Дочь Старика (*Тихо, с ненавистью*). Это моё любимое платье.

Любовник. Давай другую вазу! Скорее! Эта плохая!

Дочь Старика (*Громче, с вызовом*). Это моё любимое платье.

Любовник. Дай вазу!.. На свидание приготовилась?

Дочь Старика. Ты в своём уме? А я сейчас где?

Любовник. Дома ты, дома. Ладно, это детали. Сто долларов хватит? (*Дрожащими руками открывает свой кейс, вытаскивает бумажник и, быстро оглянувшись, перебирает купюры*). Вот, возьми. На новое любимое платье.

Дочь Старика. Конечно, хватит. (*Спокойно следит за его сумкой*). Почему ты нервничаешь? Всего лишь розы.

Любовник. Окей. Так, я должен успокоиться. Шампанское с водкой, тьфу... Сядь. Да убери ты эти тряпки.

Дочь Старика. Конечно, уберу. Не беспокой себя. Ещё вышить хочешь?

Любовник. Что у тебя есть?

Дочь Старика. Конечно-конечно. Всё есть. И в запасе есть, не беспокойся. Милый. Почему ты беспокоишься?

Любовник. На бывшей работе нанервничался. Больше не хочу.

Дочь Старика. А что за беспокойная работа? Мой папа тоже был на нервной.

Любовник. Секрет. Государственная тайна. Но вообще могу сказать, что я – довольно молодой полковник в отставке.

Дочь Старика. Пенсионер?

Любовник. Да. Правда, смешно?

Дочь Старика. Да, очень смешно. Обычно наши пенсионеры пьют корвалол, потому что валокордин дорогой. А шампанского не пьют вовсе. Даже с водкой.

Любовник. Я не совсем *наш* пенсионер...

Дочь Старика. О! Мсье шпион?

Любовник. Ну, куда!.. Но – агент влияния, скажем изящно и точно. Ты знаешь, что это такое?

Дочь Старика. Да, у меня был муж-дипломат, я с ним выучила много слов.

Любовник. Был?

Дочь Старика. Был.

Любовник. Обьелся груш?

Дочь Старика. Почти. Авокадо и прочей папайи.

Любовник. Он не знает про меня?

Дочь Старика. Господи...

Любовник. Что такое?

Дочь Старика. Конечно, не знает. Он же бывший. Он вообще постоянно живёт теперь в Испании.

Любовник. Это очень плохо.

Дочь Старика. Что плохо? Испания?

Любовник. Что дипломат.

Дочь Старика. Пустяки. Он хорошо пережил на новенькой. Ему уж никак не нужны мои проблемы. У неё папик в международном банке. Тебе мой муж ничем не помешает.

Любовник. Надо было раньше сказать.

Дочь Старика. Раньше? Когда мы пили у моей подруги детства, а потом в состоянии нестояния поехали сюда? Когда ты меня называл Ирой, а я всё-таки не Ира?

Любовник. Извини.

Дочь Старика. Пожалуйста.

Любовник. А ты кто?

Дочь Старика. Ай, молодец! Я Вася. Ещё со школы.

Любовник. Что?! (*Вскакивает, как на пружине*). Ты – Васька? «Тургеневская девушка»? Повернись к лампе!

Дочь Старика. Оп-ля-ля! Да ты, оказывается... В-о-от оно что.

Любовник. Вот оно *то!* Ты что, живая? Что я несу... Ты... как? Что происходит? Объясни мне сейчас же! Тебя Ирка подставила мне?

Молча рассматривают друг друга с неприязнью. Он берёт одну розу.

Дочь Старика. Ага-а-а. Оказывается, и ты всё помнишь. Как мы в спортивном зале ворковали на матах в полночь, при луне и в восторгах! Ты, это невероятно, Сеня Козлов! Так как теперь тебя зовут, друг Козлов?

Любовник ломает розу, не замечая, что уколал руки до крови.

Любовник. Слушай, я не могу позволить этой ситуации развиваться. Покалянись мне, что ты никому про меня ничего не говорила.

Дочь Старика. И не скажу, будь спокоен. Говорить нечего. Я и в десятом классе промолчала. И после. Просто выпила пачку снотворного и промолчала. Речь нарушилась.

Любовник. Я не мог тогда жениться на тебе, поверь, это всё наше общество виновато. Оно тогда прогнило. Общество требует соблюдения... иерархичности. Твой отец только через десять лет стал академиком, а Иркин уже тогда.

Дочь Старика. Естественно.

Любовник. Мне сделали предложение в компетентном месте, я и так рвался туда всеми силами, а тут ещё Иркин отец намекнул, что поможет через академию. Пойми, для мужчины всегда была и будет на первом месте карьера. Работа! Женщине трудно понять, что такое работа для мужчины.

Дочь Старика. Оригинально. Я что-то слышала об этом.

Любовник. Но постарайся уж... (*Подходит поближе, вглядывается*) С ума сойти! Ты – та самая Васька-мелкая, плакса из-за пустяка, отличница... Василиса распрекрасная?..

Дочь Старика. Пустяки, конечно. Старые пустяки. Любовь, девственность и мечты о семье. А что у нас с тобой не получилось, так это к лучшему.

Любовник (*очень серьёзно*). Я не мог дать тебе счастья.

Дочь Старика (*зло посмеиваясь*). Потому что у тебя его не было. А я объездила с мужем весь мир. Я видела всех самых интересных людей. Я видела самые красивые дома и водопады, и картины, и вообще всё, что можно увидеть, если путешествовать с размахом, просторно, без туризма, а по делу, и заодно всё-всё посмотреть. Что ты там говорил о свободе? Тебе не дали попутешествовать? Бедный.

Любовник. Тебя это радует? Не дали – тогда. Теперь я всё возьму. Не бедный! Ирка ещё вспомнит меня! Я ей с каждой постели, из каждой страны буду открытку посылать: вот, курица, смотри, я с этой барышней в Ницце, а с этой в Инсбруке, а с этой... Она ещё верности хотела. Всегда.

Дочь Старика. Ну надо же...

Любовник. Она же *из приличной семьи!* Железный занавес, и весь в бантиках! Зато теперь у неё нет денег, чтобы даже в Болгарии съездить. Я ей всё отрезал.

Дочь Старика. За что?! Ну, отец-академик умер, ну, а ты при чём? Развелись и все дела.

Любовник. Да, почти, но не все. Из-за работы, на которую меня устроил её отец, меня не выпускали из страны двадцать лет! Потом этот хрыч умер, а она сделала великолепный по уму жест: пошла в политику, в оппозицию. Демократия ей не подошла! Ей жалко дорогих россиян, патриотка хренова!

Дочь Старика. Патриотизм – это сейчас очень модно в Европе. Зря ты так.

Любовник. Я чуть не убил её. А она сказала, что правильно меня не выпускали из страны. И что там и без меня дерьма достаточно. Её собственные слова. Сказанные в лицо собственному мужу.

Дочь Старика. Милые бранятся...

Любовник. Я не оставил ей ничего. И ещё она... теперь в чёрном списке на границе. Будто кредит не отдала. Друзья помогли. Она никуда и никогда без проблем не улетит и не уедет даже на ве-ло-си-пе-е-де. Налей шампанского! А водка у тебя есть?

Дочь Старика. Ты уже спрашивал. И виски есть. И мартини. Хочешь Бейлис?

Любовник. Водки дай. Извини, я тут наговорила чёрт те чего. Просто ты потрясающе изменилась. Делала пластику?



Дочь Старика. Нет. Держи водку.

Любовник. А я делал.

Дочь Старика. Понятно, что делал. Иначе б я быстрее узнала тебя. Так или иначе...

Любовник. Ишь, разглядела! Да. Ну и что? Сейчас всё можно.

Дочь Старика. Конечно. Но я пока так обхожусь, природно.

Любовник. Но у тебя очень сильно изменилось лицо. Похудела что ли?

Дочь Старика. Наверно. Или у тебя изменились глаза. Окосел от микрохирургии.

Любовник. Хватит! Слушай, Васька, ты понимаешь, что все эти разоблачения не ведут ни к чему хорошему?

Дочь Старика (*усмехается*). Красота требует... хирурга. Не переживай. Кому нужны все эти заскорузлые тайны? Кого сейчас интересует история моей первой любви, то есть к тебе, или история моей второй любви, то есть к мужу, или история твоего разудалого брака с моей подругой Ирккой?

Любовник. Ты что, не понимаешь? С войны не возвращаются. Из нашей конторы не уходят. Азбука! Всё может измениться в одну секунду. Ты идиотка?

Дочь Старика. Это всё частная жизнь, а она слишком частная. Меня сейчас вообще интересует только мой отец.

Любовник. Зачем? Он же в больнице? Наследство ты получила. Что тебе ещё надо? Поняничиться с кем-нибудь? Так у тебя дочь, кошка и канарейка, всё есть. С тобой мы тихо расстанемся, ты поезжай куда-нибудь отдохни, найдёшь себе кого-нибудь новенького, и всё пойдёт нормально.

Дочь Старика. А ты?

Любовник. А я поеду в настоящее путешествие, на белом лайнере, с какой-нибудь тренершей по успеху и лидерству, они податливые, и всё забудется. И детские наши упражнения в спортивном зале, и даже твоё любимое платье... сегодня. Возьми ещё сто долларов, а? Нет, возьми ещё тысячу!

Дочь Старика. Спасибо, не надо. У меня очень много самых разных денег. Наверно, даже больше, чем у тебя.

Любовник. Вряд ли.

Дочь Старика. Почему?

Любовник. Этого не должно быть.

Дочь Старика. Почему?!

Любовник. Не заставляй меня объяснять тебе всё слишком доходчиво. Я пойду спать. Мне давно пора.

Дочь Старика. Куда ты пойдёшь? Опять в туалет?

Любовник. Ах, морда, ты ещё и остришь!

Дочь Старика. Ну!.. Это лишнее... Мы так не договаривались.

Любовник. Ладно. Я поеду к себе. Бери свой халат. Где мои вещи?

Дочь Старика. В ванной, кажется. Ты на первом выходе был гол как сокол. Почти.

Любовник. Только болтни кому-нибудь!

Дочь Старика. Что ты – Сенька Козлов?

Любовник (*с угрозой*). Забудь. Поскорее. Или пожалеешь. У тебя, кажется, не только птичка и кошка с собакой, так? А у меня – друзья. Я – Арсений Туров.

Дочь Старика. Да-да, конечно. Я поняла. Туров. Некозлов. Туров. Поняла.

Любовник. Ещё бы ты не поняла! Привет всей семье. Береги её. Поняла?!

Дочь Старика, нервно посмеиваясь, ходит по комнате. Любовник опять уходит в ванную. Дочь Старика хватается записную книжку, ищет номер телефона. Любовник возвращается в костюме. Швыряет халат Старика ей в лицо.

Дочь Старика. Спасибо. Дверь в прихожей.

Любовник. Помни, что я тебе сказал. И живи помедленнее.

Дочь Старика. До свидания.

Любовник. А Ирке скажи, что мы тогда до тебя не доехали, на улице расстались...

Дочь Старика. Да, была такая подруга... Пока. Не беспокой себя.

Любовник в ярости уходит, хлопнув дверью.

Дочь Старика (*набирая номер*). Мне срочно нужен отец... Доктор! Извините, что поздно! Мне срочно надо поговорить! А, завтра я могу. Да. Приду. Спасибо. (*Кладёт трубку и падает на диван, хохоча и рыдая. Чуть успокоившись, привстает, ищет что-нибудь – вытереть лицо, – и рукой нашупывает листок, выпавший из папки с распечатками диалогов Старика с Дамой*). Что это? Письмо... Чьё? Откуда? Кто-то забыл? Этого быть не может: папка в сейфе... (*Преодолев сомнения, начинает читать. Звучит адажио Альбини и женский голос на этой музыке.*) «Помните, в первый же день Вы сообщили, что теперь женщина интересует Вас только для любви. В деревне я думала о Вас и пыталась понять это самоограничение, и что это вообще такое – Ваша любовь, если Вы, с одной стороны, вполне представляете себе её, а с другой – всё-таки ждёте. Своей любви я уже не представляю без смертельного страха перед мужчиной и перед сильным чувством. Даже призрак секундной влюблённости мгновенно сделал меня больной. Чудовищное ощущение: будто стоит мне протянуть руку и погладить человека, как откроется некий счёт, по которому за каждое поглаживание



мне будет набегать очень крупный штраф. Я очень боюсь – и очень хочу любви. Страх намного сильнее. Может быть, я просто не умею. Или не верю. Или ещё что-то.

...Смотрела на Ваши облака в неподвижных зеркальных прудах. Деревенские козы паслись, ежи шуршали, белки летали, маленькие лягушки высоко прыгали. Тихими вечерами на лугу дрались белые кабардинские кобылы, свежевыписанные в именные для катания отдыхающих. Лошади визжали и лаяли, после чего отдыхающие катались на них и травмировались.

У меня теперь будто кинокамеры встроены прямо в глаза – и очень интересно смотреть на мир. Спасибо Вам. Нанесенная Вами травма прекрасна...»

Дочь Старика неподвижно сидит на диване, вглядываясь в какую-то отдалённую точку. Медленно льёт шампанское в цветочную вазу. Потом нацупывает своё любимое платье и, расстелив на полу, долго посыпает его розовыми лепестками, отрывая их по одному.

Сцена 6

В виноградной беседке разговаривают Старик и Дама. Из-за деревьев иногда выглядывает Медсестра – следит за порядком и чтобы никто не проник в сад.

Старик. ...И я начал писать дневник путешествий, где поселился, как в доме, которого нет, но он реальнее любого твердокаменного замка. Почему-то я пил очень много воды, когда писал дневник. Я физически чувствовал, как по моим жилам бегают кровь, насыщенная мыслями, они рвались куда-то вперёд, но куда?

Дама. Вы растворяли в воде густые слова...

Старик. Я ведь не писатель, я не знаю, куда бегут слова. Или я словно разжижал густую кровь, подгоняя мысли водой. Я гонял их по своему замку, будто мышшей, спасающихся от волшебной дудки. Чем больше мыслей, тем громче звенели трели этой невидимой дудки, тем шибче шуршали гонимые мышши, их всё больше, а я всё быстрее шевелю свою кровь. Правда, странное сравнение?

Дама. «Шибче шуршали гонимые мышши». Похоже на мои мысли о муже. Я вспомнила, что чувствовала, когда он уезжал. Я говорила вам: он не брал меня в поездки. Но возвращаясь, иногда что-то вскользь называл и ронял образы.

Старик. Ронял?.. О, вы его любили!

Дама. Бывало, как порция света – упадёт корпускулами, рассыплется у моих ног, будто хрусталь, какой-то образ, мимолётный осколок его странствия. Муж уйдёт, а я потом додумываю, и вот тогда ко мне прибегали... ваши мышши.

Старик. Он был жестокий человек?

Дама. Не знаю. На меня однажды целый Версаль просыпался. Я и не знала, как он красив, и на фото не видела, а муж сказал, что парк весьма геометричен, и в пруду живёт солнце короля, так я с тех пор так знаю Версаль, будто родилась в нём.

Старик. Вот видите? Как вы понимаете меня! Любимая... Мыши воображения очень юркие. Я ведь в дневник записывал не то, что видел в путешествиях, а то, чего не видел, не успел или испугался увидеть.

Дама. Испугались увидеть? А я видела всё на свете через него. Пока смотришь – хорошо. Не страшно. А потом жить невозможно.

Старик. Конечно. Глаза – очень грубый инструмент по сравнению с сердцем, которое видит всё. Вот в поезде нельзя открывать сердце. Многие открывают.

Дама. В поезде нельзя? А где же можно? В поезде все болтают!

Старик. В самолёте можно: кругом облака... Никого нет, а кто и есть из людей, те заняты страхом...

Дама. В поезде я однажды видела бродягу. Снимал рубище, ещё рубище, пока на руке не показался настоящий «ролекс», и я с тех пор не верю своим глазам.

Старик. Однажды над Швейцарией я видел круглую радугу. Тоже глазам не поверил! Синее бескрайнее небо и вдруг прямо передо мной – абсолютная окружность, замкнутая, точная, как по циркулю написанная на синеве. Радуга была ниже самолёта. Я смотрел на радугу сверху вниз! Этого не бывает на земле. И радуга была круглая.

Дама. А что было в центре вашей радуги?

Старик. Синее небо. Радуга окружность, а не круг. И все её цвета были полные, чёткие, как в детской загадке про фазана.

Дама. Не помню фазана.

Старик. Каждый охотник желает знать, где спрятался фазан. Первые буквы. Конечно, вы помните! вы шутите!

Дама. Кто-то обидел железную змею грубым словом фу...

Старик. Ах, как чудесно! Грубое слово *фу*! А она в ответ – фру-фру! Как лошадь Вронского! Мне так нравится имя лошади Вронского! Знаете, оно в переводе с испанского означает «лёгкий шорох, шелест шёлкового платья дамы»... Как чудесно! Кстати, вы любите лошадей?

Дама. Нет, не очень.

Старик. Почему?

Дама. Однажды я видела, как они дерутся. Ужасная сцена. Разрушение...



Старик. Расскажите. Сбросьте плохое воспоминание.

Дама (*Замолкла, вспоминая что-то ужасное*). Я вдруг захотела спать, сейчас, странно...

Старик. Не надо спать! Вы вспомнили лошажью драку и хотите уйти от воспоминаний. Не бойтесь, расскажите, как было, любыми словами, это очень важно для меня. Я однажды что-то где-то читал про лошадиную... лошажью... драку. Пожалуйста, расскажите.

Дама (*медленно, словно под гипнозом, с мукой в лице*). «Помните, в первый день Вы сообщили, что теперь женщина интересует Вас только для любви... Своей любви я уже не представляю без смертельного страха перед мужчиной и перед сильным чувством. Смотрела на Ваши облака в неподвижных зеркальных прудах... Деревенские козы паслись, ежи шуршали, белки летали, маленькие лягушки высоко прыгали. Тихими вечерами на луку дрались белые кабардинские кобылы, свежeweписанные в имение для катания отдыхающих. Лошади визжали и лаяли, после чего отдыхающие катались на них и травмировались. У меня теперь будто кинокамеры встроены прямо в глаза – и очень интересно смотреть на мир...».

Старик. Господи! Эти кинокамеры в глазах... Великолепно! Что это?

Дама. Я не помню, кто автор поэмы, но в моих воспоминаниях всё точно так же. Что с вами?

Старик. Подождите, подождите! Я именно этих белых кобыл помню! Откуда? О, какое мучение! Проклятая память!

Дама. Вы просили меня вспомнить, я не хотела... Хочу спать... Устала.

Старик. Простите меня. Вы правильно сделали! Выбросьте ваших кобыл! Пусть их. Пусть. Мы выбрались из нашего страшного прошлого, а оно недовольно нами – и цепляется. Прошлое – это *держи-дерево*.

Дама. О, правда? Какое оно?

Старик. Растёт на горе Аю-Даг. У него на веточках цепкие когти. Вот и всё. Держи-дерево – под корень! Не думайте больше о белых кабардинских кобылах!

Дама. Вы очень взволнованы. Я беспокоюсь...

Старик. Нет-нет, не стоит того, не стоит. Я виноват пред вами, облака, радуга, какая-то замороженная старая боль режется из вашего воспоминания и жжёт меня чувством, похожим на досаду, словно это письмо – ко мне. Большая поэма...

Дама. Невероятно! Какие бывают совпадения...

Старик. О! Прекрасное слово – совпадения! Падение сов. Или советское падение. Или со-впадение. Когда впадают друг в друга... Простите, заштрался. Ну конечно, просто совпадение. Каких только кобыл нет на свете! А тоска по любви! У всего мира – тоска по любви. Бог учил нас любить, а мы всю жизнь гадаем: что это Он имел в виду? Это самый тяжкий, неблагодарный труд, хуже каторги, а цена вопроса – расписание. И после этого Он удивляется, какие люди странные: любить не хотят!

Дама. Да, мы непослушные. Как я в молодости. Я постоянно хотела что-то объяснить. Вместо взрослой любви...

Старик. Кому объяснить?

Дама. Моему покойному мужу. Я сейчас припомнила, что грызло и корёжило меня в прошлом.

Старик. Что же? Любовь моя, если вам тяжело...

Дама. Нет-нет, сейчас легко, я наконец-то могу об этом говорить без слёз. Я вспомнила, что всякий раз, когда мне хотелось поговорить с ним глаза в глаза, он как чувствовал это и сразу отправлялся или спать, или на работу, или в командировку вокруг света. Десятки лет.

Старик (*тихо*). Глаза в глаза – это страшно, вы правы...

Дама. Даже когда он водил меня в ресторан – иногда случалось, – он ел, будто один. Смотрел в сторону или в тарелку. Подходил официант, зажигал нам свечу, один даже принёс ширму японского шёлка. Или китайского? Ну, а муж тогда заёрзал, даже закашлялся, поперхнулся, и официант тут же убрал ширму.

Старик. Каков негодяй!

Дама. Официант?

Старик. Муж. Простите меня, но так уклоняться от глаз! Это же самое интимное: смотреть в глаза. Хотя и они грубы, но все остальные внешние органы ещё грубее.

Дама. И мне не удалось повернуть мужа лицом ко мне, глазами.

Старик. Да-да, я понимаю. Моя покойная супруга тоже настаивала на глазах, но в другой ситуации.

Дама. Можно ли спросить – в какой?

Старик. Вы не обидитесь? Это очень давно было, до вас, и можно... говорить?

Дама. Прошу вас. У нас сегодня (*смеётся*) мемориальный разговор!

Старик. Да-с, попробую. Понимаете, некоторые молодые женщины, желая показать мужчине, как они, простите, возбуждены в его объятиях, томно закрывают глаза и громко стонут. Некоторые пищат, кричат, визжат, словом, кошачий концерт из плохого порнофильма.

Дама. Очень глупо, по-моему!

Старик. Не то слово! Глупо? Это подло! Потому что мужчина возбуждается ещё больше, расходует силы, подогревая этот громокипятильник, а она ведь просто наигрывает! Ещё Станиславский говорил: наигрыш! Отвратительно. Так вот, моя жена, покойная, царство ей небесное, даже этого не делала!

Дама. А что же... она? Простите, очень волнующая тема...

Старик. Она молча смотрела мне в глаза, понимая, что эта... семейная ситуация... единственная минута, когда я, извините, не вырвусь, а всё-таки доведу дело до конца. И она всегда смотрела прямо на меня. В глаза.

Дама (*вскрикивая*). И что же вы делали?!

Старик. И тогда свои глаза закрывал я!!! А она то плакала, уговаривая меня открыть глаза, говорила, что ей страшно, вот дура, нашла где убояться мужа: в постели! А то, бывало, обмякнет вся: не любит, а лишь терпит, словно под пыткой.

Дама (*прохладно, очень тихо*). Пытка земной любовью всегда смертельна.

Старик. Да просто так называемая порядочная женщина не умеет переключать свою любящую душу на тело. Вот проститутки – умеют; они на всякий случай вообще перед работой душу дома оставляют. А домашние, приличные дамы – да они хоть разорвись от старания: всё равно в урочный час вылезет не то, что мужу надо. Жёны законные, статусные, только случайно бывают женщинами.

Дама. Терпеливая была ваша, царство ей небесное...

Старик. А я... потом... каждый раз готов был просто убить её за эти вмешательства в мою интимную жизнь. Ну зачем ей в постели мои глаза?

Дама. Может быть, вы не смотрели на неё во время обеда?

Старик. Не помню. Во время обеда мужчина ест.

Дама. Мужчина всегда ест...

Старик. Ха-ха, это вы ловко! Ваш юмор так успокаивает меня! Любовь моя, как прекрасно, что всё *это* в прошлом! Как я устал тогда, в молодости, от моей покойной жены, и какое счастье, что я нашёл вас. Это – встреча! Встреча!

Дама. Да, да, встреча. Я тоже счастлива, потому что я тоже устала от моего мужа, и хотя о покойных либо хорошо, либо никак, и я могу теперь с чистой совестью сказать, что и ему царство ему небесное.

Старик. Так. Ну что ж. Всем им – царство. Давайте поговорим о новостях.

Дама (*старается выглядеть беззаботной*). Есть новости?

Старик. Очень много. Я вчера нашёл в моей комнате радио. Как я раньше его не замечал? Маленькая коробочка, но говорит много. И поёт! В молодости я не замечал, как это смешно: взрослые люди, желающие узнать о мире, доверяются коробочке! Представляете, взрослый мужик ходит с коробочкой познания! Гносеоложество!!!

Дама. Действительно. А некоторые ещё и телевизор смотрят!

Старик. (*Хочет вместе с Дамой*). Теле...ле...ле...визор! Провизор! Ревизор...

Дама. Трезор, ззор, позор...

Старик. Позор! Ха-ха-ха!

Медсестра, любопытствуя, неосторожно вышла из-за кустов.

Дама. Здравствуйте! Вы к нам? А скажите, милочка, вы закрываете глаза?

Старик. Или открываете?

Медсестра. Здравствуйте.

Дама. Или тоже... едите? (*Хочут вместе со Стариком*)

Старик. И какие открытия вы делаете за вашу, надеюсь, пристойную зарплату?

Медсестра, не зная куда деваться, трёт в руке свой сигнальный аметист.

Дама. А что это у вас в белой рученьке?

Старик. У неё камень! Видимо тот, который отвергли строители! (*Продолжает веселиться*)

Медсестра. Какие... строители?

Дама. Библию читать надо... в перерывах. Библию!

Старик. Вам мамочка в детстве не говорила, что нехорошо подслушивать под кустом?

Дама. А папочка не рассказывал, что надо делать под кустом?

Старик. А сами вы не догадываетесь, что надо делать под кустом? Спросите у нашего мажордома! Он всё знает!

Медсестра. Он гений. Он сделал открытие. Он будет академиком.

Дама. Что-то его давно не было.

Медсестра. Он вам нужен? Сейчас позову!

Старик. Он *вам* нужен. А к нам сам придёт, незванно.

Дама. Подслушивать, детка, возбранно.

Старик. Кровь сгустится, мышцы набегут, а вы тут без воды... (*Насмехается над её растерянно-непонимающим видом*)

Дама. А у вас нет волшебной дудки? Ну, хотя бы флейты, как у Кришны?

Медсестра. Крышка?..

Старик (*Даме*). Ну, это вы ей уже слишком! Сейчас точно за доктором побежит!

Дама. Ничего, зато мир повидает. Всем надо путешествовать, всем!

Старик (*Медсестре*). Спасибо, голубушка. В следующий раз подслушивайте с энциклопедией на руках. А звук флейты Кришны в Индии – магическая причина рождения мира. Понятно?

Медсестра. Я скажу доктору.



Дама (*насмехаясь, цитирует заученным тоном*). «Дозаллинские богини-матери изображались с лирами в руках, имеющими то же значение...».

Старик играет на воображаемой лире, усердно улыбаясь Медсестре.

Медсестра. Доктор знает, он великий учёный...

Дама. «Существуют иные традиционные учения, полагающие, что звук был первым из всех созданных вещей и явлений мира. Он дал возможность появиться всем другим явлениям, начиная со света или – с воздуха и огня. Пример – гимн у Гермеса Трисмегиста»...

Музыка: гимн. Старик и Дама дирижируют, раскачиваются в колясках. Дама искоса поглядывает на Старика, но он не замечает.

Медсестра (*убегая*). Я передам доктору, не волнуйтесь, обязательно передам!

Дама. Кажется, отшпорились...

Старик. Ух, здорово! Бедная девушка теперь будет думать.

Дама. И что-нибудь выдумает!

(Хохочут вместе)

Старик. А думать вредно-вредно!

Дама. Даже фатально!

Старик. И чуток брутально!

Дама. Гениально.

Старик. Гулять пойдём?

Дама. Так опять сестру звать придётся.

Старик. А мы так, сами. Я вам укажу дорогу.

Дама. Да? Пойдём, конечно.

Старик. Смотрите: гористая местность, внизу виноградная долина... Не закрывайте глаза!

Дама. Ой. Случайно.

Старик. Парит горный орёл, поглядывая на мелких тварей в долине. Синее небо...

Дама. Круглая радуга...

Старик. И никаких кабардинских кобыл.

Дама. Тишина и свежий ветер...

Старик. Длинный, во всю Вселенную, солнечный луч помешивает сок в тяжёлой грозди винограда, словно проверяет спелость...

Дама. Скоро придут юные девы собирать виноград. Их глаза открыты: они должны видеть гроздь. Они бережно уложат их в плетёные корзины...

Старик. Будет вино, град, радуга, любовь, солнце!

Дама. Любовь. Я люблю... (*будто во сне*)

Старик. Я люблю вас. (*Сжимает её руку*)

Дама. Я люблю вас...

Старик. Я люблю вас!

Дама. Любовь моя...

Старик. Любовь – моя.

Дама. Мы нашли друг друга. В последний раз...

Старик. Нас никогда никто не разлучит!

Дама. Да. Нас больше ничто не разлучит. Только любовь...

Музыка. Старик восхищённо смотрит в небо. Дама устало закрыла глаза.

Сцена 7

В кабинете Главврача. Дочь Старика, бледная и несчастная, сидит на диване, положив руки на папку с расшифрованными. Главврач смотрит на неё профессиональным взглядом. Медсестра поливает цветы на подоконнике, поглядывая на своего хозяина, будто ожидавая приказа.

Дочь Старика. Ну. Скажите мне что-нибудь... успокаивающее.

Главврач. Успокаивающее уже приготовлено. Сестра!

Медсестра оставляет цветы и достаёт шприц.

Дочь Старика. Издеваетесь...

Главврач. Ни в коем случае. Как вы себя чувствуете – я вижу. Могу помочь. Идею вашу вы, как я понимаю, пересмотрели в пользу здравого смысла. Отлично. Мой совет: поезжайте в какое-нибудь длительное

путешествие.

Дочь Старика. У меня дочь...

Главврач. Да-да, помню, кошка с собакой, канарейка, две квартиры. Всё это можно пристроить на передержку. Наша Медсестра знает хорошие фирмы. Пристроят, присмотрят. Поезжайте.

Дочь Старика. Я ездила.

Главврач. Прекрасно. Повторить! Лучшее лекарство – путешествие. Глушцы считают, что лучший лекарь – время, но это не так. Путешествие! Время – не лечит. Это я вам говорю. Наука.

Дочь Старика. Я тут у вас, получается, многие основы пересмотрела...

Главврач. Место у нас такое. Работаем на совесть. Наука.

Медсестра приносит огромную плюшевую светло-серую Мышь.

Дочь Старика. Что это?

Главврач. Наш главный пациент: её благородие Мышь!.. Светло-серая. А это, так сказать, её символ. Люблю игрушки.

Дочь Старика. Да уж. Играете тоже на совесть. Наука...

Главврач. Вы в претензии? Нехорошо. Я избавил вас от стольких хлопот. Вы собирались сделать непростительную глупость. Вы её не сделаете и теперь знаете почему.

Дочь Старика. Сделаю другую...

Главврач. О, я в вас уверен. А пример можно? У вас уже есть хоть одна мысль, хотя бы серая? Или, может, светлая?

Дочь Старика. Пока не знаю *(всхлипывает, подкашливает)*. Один мужчина...

Главврач. Вы, кажется, что-то говорили про любовника.

Дочь Старика. Это вы говорили про любовника.

Главврач. Ах, да, точно. Ну, и как дела?

Дочь Старика. Я избавилась от него. Он просто мужчина... Как мама и говорила мне...

Главврач *(обеспокоенно)*. А вот это вы, голубушка, зря; вам ещё рано.

Дочь Старика. Те же грабли. В ассортименте.

Медсестра вносит грабли.

Главврач. Чуть! Неправильное поведение. Грабли рассыпаны в мире, чтобы наступать и понимать. Просто так ни одни грабли не попадают. Случайностей не бывает!!! А вы взяли и избавились! Ишь!

Дочь Старика. Да. Ишь. Довольно. Спасибо, возьмите вашу папку. Там был один посторонний листок, извините, я прочитала чьё-то письмо. Поэма экстаза!.. Большая поэма. Наверно, случайно завалилась.

Главврач. Случайно? В мой сейф? Покажите.

Дочь Старика. Вот оно.

Главврач. Это не случайно. Да и случайностей не бывает... Вы что, ничего не поняли?

Дочь Старика. А что я должна была понять из чужого письма, пожелтевшего от времени? Ему на вид лет сто. Жёлтая пресса!

Главврач. Ему поменьше ста лет. Намного меньше. Вы невнимательны.

Дочь Старика *(раздражённо)*. Доктор, когда у вас перерыв на рекламу? Я хочу выключить звук и поставить чайник.

Главврач. Хорошо. Сейчас. Очень скоро.

Дочь Старика. Ещё какая-нибудь поэма? Знаете, доктор, вы вызываете у меня очень странные, как говорили раньше, смешанные чувства.

Главврач. Специфика!

Дочь Старика. Вы всё мне объяснили про отца – а мне всё равно неясно. Вы, наверное, сами подсунули мне больную поэму экстаза – а я ничего не запомнила, кроме жёлтого листка, и то случайно.

Главврач. Случайностей не бывает. Вы верите в подсознание?

Дочь Старика. Я и в сознание не верю. Вы разыгрываете учёность – а я чувствую себя полной дурой, даже переполненной. Вы, в конце концов, врач, а мне ещё хуже, чем до встречи с вами. Что это всё значит?

Главврач. Обострение перед излечением.

Дочь Старика. Ах!.. проблемы с адекватностью – ну выпишите мне рецепт. Хоть что-нибудь, кроме вашей фирменной загадочности и пропаганды путешествий! Осталось выдать мне каталог новых маршрутов, и я окончательно уверюсь, что попала в закомуфлированный под психушку филиал турагентства! О-о-очень сложный пиар у вас! Супер! До такого ещё никто в мире не додумался!

Главврач. А до чего ещё додумались вы?

Дочь Старика. Бросьте. Берите вашу папку, продолжайте научную работу. А я поеду в ритуальную контору.

Главврач. Вы с ума сошли?

Дочь Старика. От вас – это неплохо звучит. Успокойтесь. Сестра, отдайте моё успокоительное – ему! Я не самоубийца.



Главврач. Вам так кажется.

Дочь Старика. Я просто хочу найти могилу моей матери и... полить цветочки. Цикутой. У вас нет лишнего флакончика? *(Подкашливает)*

Главврач. Нет. Все наперечёт. Даже простой стрихнин и тот, извините, весь вышел. У вас бронхит.

Дочь Старика. Жаль. Ну, ничего. А вы не могли бы упростить мне хоть одну задачу?

Главврач. Каким образом?

Дочь Старика. Отец, когда моя мать умерла, прислал мне в Испанию телеграмму. Поставил в известность – *после* похорон. Он, наверно, уже так ненавидел её, что похоронил по-быстрому, а когда я позвонила, велел мне не беспокоиться и не приезжать. Сказал, скоростижно, возраст, и пусть я там дальше живу...

Главврач. И вы не побеспокоились, добрая дочь. Какая любовь!

Дочь Старика. Он не хотел *меня* беспокоить. Но его чувства для меня тайна, и в итоге я не знаю, где она похоронена. Вы не могли бы просто зайти к нему и тихонечко спросить два слова: где могила?

Главврач. Боюсь, что нет.

Дочь Старика. Почему? Найдите слова, осторожно, деликатно, как только *вы* один умеете... *(Кашлиет)*

Главврач. Ирония и лесть неуместны, и я не могу. Он вообще не бывает один. Они всегда вместе с... той дамой. По-моему, у вас астматический компонент. На нервной почве. Вам нужна неотложная помощь.

Дочь Старика. Ну сделайте же что-нибудь! Вы как ребёнок: не могу, не хочу, не буду... Ну что это такое! *(Кашлиет)* Раз в жизни обратилась к врачу за помощью – и одни гадости, отказы, реклама туризма и дискредитация времени! Сестра!

Медсестра. Я вся внимание.

Дочь Старика. За что вашей фирме платят такие деньги? Откуда такое великолепие? Аметистами бросаетесь! Историю болезни в сейфе держите! Что за дурдом?

Главврач. Именно так. А вчера ещё одна пациентка поступила. Тяжёлая. За неё бывший муж платит. Пятьсот в сутки! Сам предложил.

Дочь Старика. И что с ней?

Главврач. Смеётся! Круглые сутки.

Дочь Старика. Это что, тяжёлый случай? Как раз по вашей части, по-моему.

Главврач. Она непрерывно смеётся – знаете над чем? – над демократией. Я пока не разобрался, в чём причина веселья.

Дочь Старика. Правильно смеётся. А когда это её *(кашлиет всё сильнее)* пробрало?

Главврач. Видимо, позавчера. И ещё она икает от «либерализации». Вообще не может остановиться.

Дочь Старика. А муж кто?

Главврач. Бывший полковник. Тоже, скажу вам, штучка.

Дочь Старика *(догадываясь)*. Та-а-к! Да у вас тут высокое общество собирается! Роковой вы наш. Её, полагаю, Иршиной зовут? А полкаш – Сенька Козлов?

Главврач. Арсений. Но, в общем, правильно. Истинный Козлов.

Дочь Старика. Лечите их, доктор, обоих. Им уже не до путешествий. Они уже приехали. Оба.

Главврач. Понятно. Ваших рук дело?

Дочь Старика. Ничуть. Я его просто послала, но сначала она мне его подсунула из детской мести, что он на ней корыстно женился. А в советское время офицерам его службы налево нельзя было. Он и терпел. Зато потом!.. Ух! Его прорвало. Так что его демократия у неё знаете где?

Главврач. Понятно. С *этим* я легко справляюсь. Спасибо за информацию.

Дочь Старика. На здоровье. Но... Вы ушли от могилы. То есть от могилы моей матери. Тьфу... от темы. Вы спросите или нет у моего отца, где могила моей матери? Прошу последний раз. Или я сейчас сама туда пойду, в это гнёздышко виртуального разврата, и всё скажу ему в... глаза.

Главврач. Сейчас тихий час. Мои препараты действуют долго и глубоко.

Дочь Старика. Растолкаю! Я думала, он хоть к старости одумается, а он даже в дурдоме по этому делу пошёл. Да он всю жизнь этим мою мать тиранил, всё на свободу рвался, она же от любви к нему просто умирала! Порядочная! Всю жизнь умирала! И умерла.

Главврач. И что? Вы же её как будто ненавидите? Я ошибаюсь? Что-то изменилось? Цветы запоздалые?

Дочь Старика. Я хотела простить его, взять к себе, просто, по-детски, по-семейному... А его, видите ли, и здесь выкозалило! Идите вы к нему! Или я тут сама всё разнесу! *(Вскакивает и решительно идёт к двери. Кашлиет. Остывает и ждёт: что сделает Главврач. Медсестра медленно провигается к двери, чтобы не выпустить из кабинета Дочь Старика)*

Главврач. Стоп. Пожалуйста, вернитесь. Вы хотели перерыв на рекламу... Идите сюда. *(Открывает сейф, достает коробку, перевязанную атласной лентой)* Посмотрите, пожалуйста, внимательно на эти вещи. *(Развязывает ленту. Дочь Старика подходит и смотрит, не понимая)*

Дочь Старика. Что за рухлядь! Сухие цветочки, бантик, записная книжка... ой... фарфоровая брошка, брючная кнопка... Доктор!!! Откуда это у вас? Она только мне и только один раз в жизни всё это показывала! У вас ни при каких условиях не может быть этого! Это её реликвии! *(Закашлилась астматически)*

Главврач. Сестра!

Дочь Старика *(оседает на пол)*. Вор!

Медсестра подбегает к распростёртой на полу Дочери Старика, делает укол, считает пульс. Главврач торопливо убирает вещицы в коробку и закрывает в сейфе. Дочь Старика приходит в сознание, открывает глаза, мутно озирается.

Главврач. Ну вот и славно, вот и всё прошло. Правда, легче?

Дочь Старика. Что со мной?

Главврач. Ничего страшного. Мы вам поможем. Не беспокойтесь. И кашель прошёл, правда?

Дочь Старика. Фарфоровая брошка... Не может быть.

Главврач. Ложитесь вот сюда, на диванчик. Не волнуйтесь. *(Вместе с Медсестрой помогает ей встать с пола и перейти на диван)*

Дочь Старика. Спасибо...

Главврач. Как видите, ваша мать жива... Это её вещи, её драгоценности, её реликвии.

Дочь Старика. Она... жива? Может, и она... тоже у вас?..

Главврач. Да, она и есть его Дама, та, что с веером из перьев. Его новая возлюбленная – ваша мать. Этот веер ваш отец сам и подарил ей тридцать лет назад. Они не помнят этого. Они любят впервые.

Дочь Старика. Как же это... что же... ведь такое невозможно? Этого не бывает. Наука что говорит...

Главврач. Наука! Жизнь это такая наука, что никакой науке не снилось. Они встретились на прогулке. Я не хотел, не имел права говорить вам всего этого, я вообще не очень ждал вас из Испании, но раз уж вы теперь в курсе, то ответственность за жизнь ваших родителей нам придется разделить.

Дочь Старика. Нет... Какое варварство... коварство...

Главврач. Если они *вспомнят*, что они были муж и жена, что они не очень давно и очень грубо развелись, что они всю жизнь ненавидели свой брак, каждый по-своему, что ваша матушка от ревности однажды чуть не отравила вашего батюшку, когда он изменял ей прямо на супружеской кровати и всё такое прочее, дружно забытое обоими, – вы представляете, что может произойти с их любовью, когда они сейчас наконец-то связаны настоящим и полностью отрезаны от прошлого?

Дочь Старика. Так не бывает... Люди болеют по-разному... Каждому своё...

Главврач. Я позаботился. Это мой труд! Открытие. Наука! Скоро международный консилиум! Я стану академиком. А вы капризничаете.

Дочь Старика. Это моя жизнь!.. Жизнь – тайна. Любовь – тайна...

Главврач. Ну, откроется тайна, и они умрут, но ведь кто-то из них в любом случае умрёт первым! Что будет со вторым, пока будет жить? Вы можете представить ужас этого запоздалого открытия? Если вы привезёте их домой, в привычную обстановку, или на дачу, да куда угодно кроме их виноградной беседки и нашего терренкура, они могут вспомнить, как они *смертельно* ненавидят друг друга.

Дочь Старика. Смертельно... *(горестно)* А-а-а! Перестаньте! Изувер! Дайте хоть раз посмотреть, как они вместе – и всё мирно, ведь такого никогда не было, дайте, ведь это важно, это мне важно! Ну хоть из-за угла...

Главврач. И неизвестно, кто вспомнит первым, и что при этом скажет второму! А тут ещё вы, поздний ребенок, под ногами опять болтаетесь, с вашим разводом, кошкой и прочей ерундой. Вы понимаете, что всё висит на волоске?! Я сам не ожидал, что влипну в такую историю, когда буду вынужден с подслушками охранять две чужие памяти от восстановления, как от смерти! И даже без «как».

Дочь Старика. Господи помоги. Я не вынесу. Я хочу покоя. Они опять отняли у меня детство... И вы.

Главврач. Подумайте о вашей дочери. У вас дурная наследственность. Объясните девочке, что любить надо живых и своевременно. По-взрослому, щедро и мудро. Запомните: живых и вовремя. Живых. Своих надо любить. Своих. Ближних. Надо стыдиться зла!

Дочь Старика. Да... вы правы... Мы думаем, что уж себя-то любим точно, а в действительности... Ближних?.. Любить? Как самих себя? Не понимаем. Или не вовремя...

Главврач. В забытой действительности он, уже глубочайший старик, бросил её. Свободы захотелось. Мужчины, знаете ли, бывают страшно банальны в любом возрасте. Она окончательно сошла с ума от горя, он похлопотал через знакомых и определил её к нам, а через несколько лет и сам...

Дочь Старика. И я всё пропустила. Ах, родные твари...

Главврач. У обоих, как бы выразиться, амнезия на прошлую любовь и прошлую ненависть. А кое-что я подправил. Это очень дорогое удовольствие. Заставить человека помнить эпизоды своей неповторимой жизни в... как бы шахматном порядке. С таким человеком можно сыграть любую партию, он будет очень увлечён, он даже не поймёт, кто тут всегда ходит белыми. Это Нобелевская...

Дочь Старика. Вы где письмо взяли?

Главврач. Это она ему отсюда посылала письма с фантазиями, а он их не читал и жёг. А когда ушла его последняя любовница, он перестал топить камин письмами, но бросал их где попало. Одно вот и завалялось за подкладку, а мы, когда его, уже поражённого, привезли сюда, случайно обнаружили.

Дочь Старика. Да, он всегда носки разбрасывал, будто кот, метил территорию. Мама собирала носки, плакала, а он разбрасывал...

Главврач. Подумаешь! Все разбрасывают. Но, сердечно полюбив свою прекрасную незнакомку... даму с веером... да-с... распорядился купить новые вещи и сжечь старые. На сей раз ваши родители познакомились на прогулке, когда санитарки везли их в колясках по встречным полосам нашего терренкура – и вот теперь сами видите, какая любовь. Бессмертная, как вода.

Дочь Старика. Вы ничего не понимаете...



Главврач. Ну конечно! Но я смертельно боюсь, что они проснутся и опомнятся. Без моих препаратов это может произойти в любую секунду.

Дочь Старика. Терминатор от психиатрии.

Главврач. Я просто не хотел бы видеть эту встречу с истиной. И вам такого – не пожелаю. Я сам разработал лекарства. Я поправил природу и медицину продвинул. Генетическая фармакология. Слышали? Открытие! Новейшая разработка. Человечество будет молиться на меня...

Все молчат. Дочь Старика плачет, жалобно похуливая. Медсестра поглаживает Мышь. Главврач смотрит в окно. Со стуком падают грабли. Медсестра подаёт Главврачу шприц. Дочь Старика опять начинает судорожно кашлять. Главврач делает ей укол.

Главврач. Сестра, принесите носилки, позовите санитаров.

Медсестра уходит.

Дочь Старика. Мне плохо. Плохо...

Главврач. Нервы – это у вас семейное. А любить надо Бога.

Дочь Старика. Вы с ума сошли... Помогите!.. Только, пожалуйста, меня – в отдельную палату... *(закрывает глаза)* А потом я пойду к маме...

Главврач. Естественно. С вас довольно. Мы вам поможем, поможем. И дочери вашей, и кошке, и канарейку вылечим...

По знаку Главврача Медсестра приносит носилки.

Медсестра. Доктор, её в какую палату?

Главврач. В общую.

Медсестра. Сегодня? Может, не надо так сразу?

Главврач. А что такое?

Медсестра. Мне кажется, она всё правильно забудет, и у вас будет ещё один великолепный результат... Но пусть пока так, пусть *одна* полежит, привычно. У неё ведь всё – от *одиночества*... Понаблюдаем. Всё-таки обновлённый препарат.

Главврач. Хм, ладно. Вы сами проконтролируете... И если...

Медсестра. Да, доктор, под мою ответственность. *(Следит, как санитары уносят носилки со спящей Дочерью Старика. Уходит, не оборачиваясь на Главврача)*

Главврач. Эх... люди!.. Не понимают: я вывожу из памяти ненужное. Я без жертв и разрушений создаю им новый мир. И никаких войн, поскольку никаких мнений, никаких толкований. А все мнения держатся на плохой работе памяти, и если исправить память, все мнения, наконец, совпадут. Люди убивают друг друга – за мнения! Со страстью! Они не понимают, почему неизбежен конец света. Пока мы видим из истории, что лучший способ поссорить людей – это дать им пророка, Откровение, а потом оставить – пусть толкуют. А вокруг толкования мгновенно скапливаются желающие поуправлять пониманием, и это... конец света. Не-е-ет. Они действительно развалят планету. Я не позволю! И я знаю как!

Сцена 8

Рассвет над живописным обрывом. Птички поют. Старик и Дама просыпаются в своих колясках и, держась за руки, смотрят на небо. Дама переводит взгляд на Старика и неотрывно смотрит на него, будто окаменела. Убирает руку.

Старик *(торжественно)*. Я видел этот рассвет во сне – сотни раз. И почему-то этот обрыв. И сегодня видел. Я знал, это чудо – будет. И правда: есть. Правда?

Дама. Правда.

Старик. А вы видели что-нибудь во сне сотни раз?

Дама. Да. Сегодня я всё вспомнила. Жаль.

Старик. Можете рассказать?

Дама. Нет.

Старик *(изумлённо)*. Почему?

Дама. Боюсь, что сон не сбудется.

Старик. И прекрасно! Суеверия? *(Пытается взять её за руку)*

Дама. Нет.

Старик. Вы пугаете меня. Милая моя! Вы же всё рассказывали мне. Это наше счастье – говорить! У нас осталась только речь.

Дама. В прошлом. *(кладёт руки на колени)*

Старик. Дорогая, любимая, мне так тревожно, словно это не рассвет, а... закат какой-то. Что с вами? Ваша рука!..



Дама. Это невозможно передать словами. Любимый.

Старик. Ну, пожалуйста, попробуйте, вы умеете чудно всё выразить, всё понимаете, я не вынесу молчания, прошу вас!..

Дама. Нет.

Старик. Я не понимаю... Сестра!!!

Дама. Она сегодня выходная. Вчера тут был трудный день. Новенькие поступили, очень тяжёлые... Молодые.

Старик. Откуда вы знаете?!

Дама. Так...

Старик. Помогите!!! Мне душно! Сердце... У вас нет валидола?

Дама. Нет.

Старик. Почему?

Дама. У меня вполне здоровое сердце.

Старик. И вы... не подумали обо мне?

Дама. Подумала. Целую вечность думала. Нет валидола, нетушки.

Старик. Господи, что это? Как это?.. Вы отказываете мне?

Дама. Да, отказываю.

Старик. Почему? Господи, ну что же случилось?!

Дама. Вот и сбился мой сон...

Старик. Какой ещё сон! Валидол! Скорее!!! Сестра!!! Скорее!..

Дама. Она сегодня выходная. Я же сказала... вам.

Старик. Послушайте, милочка, как вас там... Кстати, как вас зовут?

Дама. А ты забыл?

Старик. Что???

Дама. Здравствуй, Федя. Путешествие окончено. *(Напевает)* «И пока любовь не разлучит вас...». Нас...

Старик *(восставая с инвалидного кресла)*. Что вы... ты... сказала?! *(С ужасом вглядывается в лицо Дама)*

Дама *(восставая с инвалидного кресла)*. «Здравствуй, Федя». Что тут такого? Приветствую тебя! Until love sets us apart...

Старик. Ах ты тварь! *(Вцепляется ей в волосы, трясёт, чуть не рыдая)* Ты ж умерла! Умри немедленно! Что ж это такое!..

Дама. Причёску попортил, старый дурак, а медсестра выходная.

Старик. Сестра?! Это она тебе всё рассказала? Что мне делать?

Дама. Какая разница... Я этот сон уже видела... *(Вынимает из волос его слабеющие руки, размахивается и бьёт Старика по физиономии)*.

Старик *(падая)*. Помогите...

Дама *(улыбаясь)*. Ну уж нет. Сегодня эта наука бессильна. Прощай!

Уходит прямой походкой, сбросив свою инвалидную коляску с обрыва. Старик, задыхаясь, ползёт за ней.

Старик. Ты опять всё неправильно поняла, всё не так, я всё понял, прости меня, вернись, вернись, умри... Любимая! Я люблю тебя! Я убью тебя! Любимая...

Восходит солнце. Где-то хохочут мужчина и женщина. Музыка.

Занавес

СВЕТЛАНА СОЛДАТОВА

ГОРОДСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ГОРОДСКАЯ СЧИТАЛОЧКА

в городе выжить просто – гляди вокруг,
бойся железных зверей, обходи мосты.
город оскалит зубы, начав игру,
и зашвырнёт тебя с площади – на пустырь,

после – с проспекта в старый заросший сквер,
с крыши высотки – на лавочку у пруда.
если играть по правилам – выйдешь, верь,
если нарушишь правила – никогда.

хэй, улыбнись, на зелёный свет поспеши
по переходу, ведущему в облака,
выпрямись, встань и спляши с городскими ши –
станет легка походка, тверда рука.

следуй за флейтой, смотри безмятежно вдаль,
мёртвых не бойся, не забывай про нож.

... если почувешь, как дрогнет седой асфальт –
не наступай на трещины.
пропадёшь.

ФИЛЬМ УЖАСОВ

Блондинку обязательно сожрут –
По всем законам жанра выйдет так.
Но, вздрагивая на ночном ветру,
Она пойдёт туда, где темнота.

Скользят по битой плитке каблуки,
В подвалах гулко плещется вода.
Кто выйдет к ней из городской реки?
Кто прохрипит: «Тащи её сюда»?

И станет тьма.
И смолкнет саундтрек.
... Конечно же, герой её спасёт,
Вот он идёт, сжимая оберег...

Но в целом – очень страшно это всё.

МЕТРО 2012

... в метро уснуть – так чего уж проще-то, вагон качается и поёт. А снится – *ветер свистит над площадью, и солнце лёт золотистый мёд. На мостовую да прямо под ноги летят лиловые лепестки...* Молчи и жди за былые подвиги одной награды – её руки. Вам быть бы – вместе, и не расстаться бы, делить бы вечность, суму, тюрьму...

Мигнёт огнями ночная станция, и поезда дальше уйдёт – во тьму.

Заснуть в метро – не к добру, хороший мой.

Чего уж доброго под землёй!

Прости, незванный, прости, непрошенный, совьются рельсы тебе петлёй.

Он спит так сладко и так отчаянно, не размыкая тяжёлых век...

С кривой ухмылкой – мол, вот не чаяли! – его разбудит плечистый цверг.

А цверги, знаешь, росточка малого, но крепче стали и черта злей. Он скажет – есть для тебя, усталого, работа лучше, чем на земле. И ваши тайны, и ваши горести – сравнить бы с него! – такая блажь...

Всю эту глупость забудешь вскорости.

Да, ты, дружище, отныне наш.

И плюнь, что жизнь тебя исковеркала, сломала, смяла и нам сдала.

Ты только глянь – шестерёнки вертятся, кипит работа, идут дела... а труд от вечности и до вечности – почище ордена на груди!

Ещё мы часто танцуем вечером, ты непременно к нам приходи.

... Ох, песни, пляски, огни подземные, с чего бы чудится всякий бред. Ни цвергов, ни завалиющих гремлинов – пустой вагон да неяркий свет, а глухо буркнет – мол, всё, конечная – всего лишь сумрачный машинист.

Вздохнёт. Поднимется. Делать нечего.

А мог остаться, дурак –

у них.

И ДИКИЕ ГУСИ

Обесславь, убей, но гори, гори
злым осколком солнца в моей горсти.
Каждый галл желает разрушить Рим,
каждый гусь желает его спасти.

Под камнями – прах, меж камней – трава,
нет ни галльских палиц, ни птичьих крыл.
Дребезжит будильник.
Звенит трамвай,
что сейчас покатится сквозь миры,

мимо гуннов, галлов и диких стай,
мимо скифий, греций, гиперборей...
Дорогая Акка, не улетай –
нет слабее Города на заре.

... На обломках храма пьёт пиво галл
и рисует граффити на стене.
Я тебе смолчал и себе солгал –
никакого Рима на свете нет.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ

полумрак, бесснежные холода,
вроде как живёшь, а на деле – спишь.
замерзают гарпии в городах –
вон, гляди, взлетают с соседних крыш

и орут, и носятся в вышине,
мечут перья в белую пустоту.
им грозит палкой старик финей
и бурчит под нос – разлетались тут.

отремел салют. завершился год –
будет новый, золото, шкуры, мёд.
на югах зимует стальной арго.



загуляв, орфей в кабаке поёт.
не видать в тумане сирен и сцилл,
у харибды праздничный выходной.
стынет лета. в трубах журчит коцит –
уходи на дно, уходи со мной.

в семивратных фивах – режим, завод,
семерым никак не начать войны.
гибра спит под гладью зеркальных вод.

спи и ты, дружок, до хмельной весны.

ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

яблоки на ветвях. паданцы под ногой.
сорт «золотой налив» – редкость в земных краях.
спи, говорю, глазок, спи, говорю, другой,
спи-засыпай, мой страж, огненная змея.

ах, золотой бочок, солнце под кожурой –
сладко тебя срывать, сладко в ладонях греть.
жди, мой осенний сад – скоро придёт герой
в шкуре степного льва, в стали и серебре.

сколько веков прошло? вспомнит ли он меня?
руки мои – кора, косы мои – метель.
сёстры смеются вслед. я до заката дня
яблоки в дом ношу да собираю хмель.

слышу звенящий смех бледных речных няяд,
чую далёкий гром гневных небесных сил.
молодость с веток рву. мёд она или яд?
что, если, осмелев, чуточку надкусить?..

молча держу в руках и уронить боюсь
яблочко гесперида – молодость не мою...

АУДИЕНЦИЯ

И вот я иду к дракону.
Ну как «иду»...
По лестницам, переходам меня ведут.
Прилично. Чисто. Охрана всегда на «Вы».
И так спокойно, что хочется просто взвыть.

И вот я иду к дракону.
Он бодр и рьян.
Он несомненно избавит нас от цыган
и прочей нечисти. Строгий его мундир
сулит победу и очень недобрый мир.

И вот я иду к дракону.
Ну что сказать?
На обстановку я пялюсь во все глаза
и думаю, как бы вырваться и сбежать,
крича – мол, смерть рептилии от ножа?

Пустить бы его на сумки и сапоги...
Но он так смотрит, что дернуться не могу.
Он прям и строен. В глазах ледяная жуть.
Иду к дракону.
Я всё ему расскажу.

СЕРГЕЙ

СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

СОРОКОГРАДУСНЫЙ НАРОД

ИЗ ДЕКАБРЯ В ДЕКАБРЬ: ВЕЧОР, ПОЗАВЧЕРА...

*Моим друзьям –
Вячеславу Лобачёву,
Юрию Орлову,
Прине и Александру Андреевым*

Кочуя за кордон, пардон, за кадр страны,
За камерный размер условного холста, –
Мечтаю посмотреть на нас со стороны
Луны – со стороны, что якобы пуста.
Весёлый холодок гуляет вдоль спины –
Почую: проскочил знакомые места...
 Четвёртый час лечу, не сплю вторую ночь.
 Соврёт автопилот: налево – Анкара,
 Направо – Бухарест... В затылок смотрит дочь:
 Опять по небесам гуляет бравый Ра!
 Дремотная пора... Попытка превозмочь
 Предутренний рефрен: вечер, позавчера...
Дробинки декабря – проделки сатаны?!
(Прописан в Астане, морозит Тёплый Стан).
Звоню друзьям: «Ага! Снега – на полстраны...» –
«Не виделись, увы, лет десять...» – «Нет, полста!» –
«Позвольте поглазеть на вас со стороны
Москвы...» – «Со стороны?..» – «...и Крымского моста!»
 Азартная зима! Распластанную твердь
 И снега, и снега бинтуют на Тверской.
 В мобильнике смешок: «Быстрее через Тверь!» –
 «Мы пёхом от метро...» – «Согрелись в мастерской?..»
 Авральный автобан откряжит круговерть –
 Гирлянда красных глаз мерцает над рекой...
Кочуя за кордон – динь-дон! – за край страны,
Черчу в черновиках архаику морей:
От Каспия до Белого, от Волги до Двины;
До Красного течёт речушка журавлей...
Престранный парафраз пространной старины –
На кончике пера: «Декабрь-брадобрей...»
 Девятый час лечу, не сплю сороковой...
 Из минус десять – в плюс: на траверсе – жара!
 Озябшая жена кивает головой:
 Подвыпивший индус похож на Бога Ра.
 Сакральная Аккра в зарнице грозовой.
 Прокуренный рефрен: вечер, позавчера...



БЕСПРИЗОРНИКИ БЫТИЯ

Бюст героя и... бюст вдовы перевязаны буквой Ю...
 Отвергая пустое «Вы», сигаретку твою курю.
 Я, поверь, воевал, как он. Ну а он воевал, как я...
 Из двоих различил Харон беспризорника бытия.
 Кровь победы и соль беды забинтованы словом БОЛЬ...
 Чистый спирт! Молодым – воды. Паранойя: нелепый бой...
 Бюст героя – моя вина. Перелёт! Сочинять зачем?
 Перемать! Такова война... И парашнул огнём чечен!
 Перевал. Вертолёт. Санчасть. Задыхаясь на звуке О,
 Он хватал за халат врача: «Вологодское молоко...»
 Ослепителен бюст вдовы... Извини: я бездарно пью, –
 Потому что семь лет, увы, безнадежно тебя... люблю.

«За разведку?!» Идите на... Задрожал дремавший перрон.
 Промолчала чужая жена. Промычал старина Харон.

ПРИБЛИЖАЮТСЯ ОБЛИКИ – ДО ЗАЗНОБ, ДО ОЗНОБА ЛИ...

...как на облаке красном мужики машут саблями,
 а на облаке белом Чёрный лебедь вальсирует...
 Азраил запугает самозванцев кассандрами,
 Гавриил загорюет, наклонившись над сырими.
 ...есть на облаке синем – по рассказам шарманщика –
 Триумфальная площадь и укромные скверики,
 Храм Святого Семейства и кафе «Гарабарщина»,
 плюс серсо, минус страхи: долетите – проверите!
 ...как на облаке жёлтом – предзакатном, обманчивом –
 в пируэтках фламенко пламенеют прабабушки,
 им букеты фиалок преподносят пай-мальчишки,
 карауля девчонок на божественной радужке.
 ...а на облаке чёрном – приглядитесь, сограждане! –
 черти, чарки, чертоги, черноморы, чернобыли,
 черновик серебрится, черевички – оранжевым,
 абрис боли отчётлив – до зазноб, до озноба ли...
 ...ахнет горенка: блики! приближаются облики...
 коньячка или водки, ведьмы, ванги, оракулы?
 охнет бабонька: боги – на сиреновом облаке!
 лишь на сером пустынно – ни берёзки, ни сакуры...

СТРЕКОЗА КАК ЗАНОЗА ЛЮБВИ

милрой тётушке – Валентине Н. Катеринич

мера времени в мире вранья,
 как химера вранья в море времени.
 своенравная Сырдарья
 забросала Арал камнями.
 рафинированные графья,
 легендарные соплеменники,
 вера вредности?.. рёв зверья –
 и на знамени, и в знамени!
 циферблат, над которым мудрил
 звездочёт, окольцован сердечками:
 механизм без руля и ветрил
 искалечен причудами мечными.
 поперечник! – решил Гавриил, –
 место встречи – за белыми речками,
 а за чёрными плачет винил,
 печенег молчат под крылечками.



мера мудрости муравья
 измеряется трагикомедней?!
 для Байкала Амударья –
 аморальная дама с камелией.
 разгулялся Амур – вуалья! –
 дурь холопская, придурь барская?..
 наводнение... курс рубля...
 дискурс призрачного Хабаровска...
 бесконечны цитаты свечей –
 раскавычены изречения
 трубачей, рифмачей, трюкачей –
 виночерпие предвечерия.
 дар наречий – в печалях ночей.
 афоризм поверяется гуглами.
 уничтожь черновик, книгочей,
 разрутавшись с богинями смуглыми.
 балерина, Стравинский дурил,
 чернобурку бросая на плечики?
 генерал, удивил гамадрил
 шиктограммой на чёртовом глечике?
 златоустый пророк подарил
 созерцание сосердечности:
 стрекоза Сальвадора Дали,
 как заноза любви в пятке Вечности!

ПОДНЕБЕСНЫЕ ВЕСТИ

Обстоятельства времени, памяти, совести
 Иногда исказят обстоятельства места...
 Если в Омске с невестой навеки поссорились,
 То, возможно, в Одессе возникнет невеста.
 «Тили-тесто...» споют на Потёмкинской лестнице...
 Разрывая зубами сырые потёмки,
 Вы расскажете новой о прежней прелестнице,
 И прожектор размножит ресниц окаёмки.
 Караулит прибой карнавальные признаки.
 Обстоятельства памяти море промывает.
 На рассвете трезвеете: праздные призраки
 Косяками уносятся в небо немое.
 Обстоятельства места вручая грамматике,
 Наплевав на подружку – предел совершенства,
 Обстоятельства времени кроя по матери,
 Навсегда покидаете город блаженства.
 Стюардесса поймёт: «Обстоятельства совести...»
 На мобильник кивнёт: «Позвоните невесте...»
 И сжимает рука пуповину бессонницы:
 – Разбуди! Расшифруй поднебесные вести...

...давай так и скажем: эпохе конец! –
 не только твоей и моей распрекрасной,
 провальной, банальной, ужасной, опасной,
 безумной, безродной, беспечной, бесстрастной,
 но целой стране – неизбежный звездац.
 не верил отец, сохраняя билет –
 партийный, великий, воспетый, треклятый,
 надменный, священный, расстрельный, распятый,
 кремлёвский, солдатский, рабочий, измятый –
 но прятал за зеркалом Новый Завет.



европам – привет! – ухмыляется сын. –
 свободным, циничным, волшебным, блаженным,
 продажным, отважным, киношным, служебным,
 америкам жутким, китайам сказанным –
 до индий добрался, и там – подлый сплин...

Земля – апельсин! – восхищается внук,
 младшой из четвёрки, Илюха-алтайский. –
 ты, деда, не майся! Кошей-сенегальский-
 валдайский-версальский-бискайский-бенгальский-
 вестсайдский-байкальский – бездарный дундук!

...И отзвук, и звук долетят – через век –
 Уже долетели, коснувшись мембраны
 Праправнука Яна, праправнучки Анны...
 Хореи и ямбы даруют нирваны
 Тебе, долгожданный Иной Человек!

ЮЖНЫЙ КРЕСТ И СЕВЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Natalie-Rose

Красная Африка. Грифы – узелком.
 Чёрная графика. Кофе с молоком.
 Жёлтые хижины. Белый лазарет.
 Выжига стриженный лижет минарет.
 Кепочки Ленина в лавочке – вразброс.
 Джулия пленная. Леннон и Христос.
 Сытые нищие. Голый небоскрёб.
 Книжица Нищпе и Библия взахлёб.
 Озеро – посуху. Дальше – океан.
 Юный принц посохом жалует славян.
 Крепости запада – кровью на закат.
 Смертная заповедь: «Раб вериге рад!»
 Пушки, стиравшие души в порошок.
 Ангелы, падшие в каменный мешок.
 Башни набухшие, в каждой – Ганнибал.
 (Дедушка Пушкина мимо пробежал?)
 Искры истерики пламенных лумумб.
 (Ваши америки – индии, Колумб?)
 Выкрики. Выстрелы. Бешеный там-там.
 Рыжий лев выспался. Спит гиппопотам.
 Золото праздника. Медная змея.
 Азия, разве я Волге изменял?
 Азия, разве мы – пасынки европ?
 Хлопнемся наземь и – «Где ты, Конотоп?!»
 Шведская(?), польская(?) сваха королей.
 Пастор из Ольстера. Вечный иудей.
 В оптике цейсовской – трио лунных лам.
 Цельсий прицелился – глобус пополам.
 Бронзовый медуум кроет... римский Крым.
 Южный Крест лебедем – северным родным...

РЕЦЕПТЫ СПАСЕНИЙ

Безумец, ревнивец, упрямец и дале –
 Печальный счастливец, миндальный идалго,
 Любимец отличниц в шинели Мишеля,
 Личин и обличий – для тыщи мишеней.
 Ревнивец, упрямец (который безумец)
 В портретный румянец вонзает трезубец.
 Алтайский затворник, кавказский затайник,
 Разбойник, раскольник, безбожник, бездельник.



Отец – полужирным! Поэт – нонпарелью?!
 Шаман, расскажи нам былинку карелью.
 Вздыхает дедуля (который безбожник):
 Сюжет на ходулях? Надёжен треножник.
 Испанский мечтатель, французский мыслитель,
 Радетель, старатель, свидетель, вредитель.
 Калиф калифорний сигналил из Дели:
 Три месяца – вторник, верни понедельник!
 Крамольный Румата (который Ярмольник):
 Планета измята, кровав треугольник!
 На русском, английском, иврите и дале —
 Роман альпинистки «Маэстро скандалий»;
 Конспекты китайца «Московская кома»;
 «Почаще скитайся!» – акцент астронома.
 (Парижский котяра признался: каширский...
 Накажет фигляра прапрадед чеширский!)
 На шведском, немецком, ненецком и боле –
 Трактат о дворцеком, летящем на бомбе;
 Баллада о принце, воскресшем три раза...
 Мальчонке приснится рисунок Тараса...
 Крепчатик весенний... «Откель, фулиганы?!»...
 Рецепты спасений – от Ганга до Ганы...

По форме – сонет, а по сути – роман.
 Четырнадцать строк. (Остаётся двенадцать...)
 Нелепо страдать, как герой синема.
 Смешно рифмовать и грешно повторяться.

Друзья отмолчались за страшной чертой.
 Отец отворчал. Отпечалилась мама.
 Загвоздка – в загадке закладки простой:
Бессмертие есть – висает программа...

Системные сбон девятой строки.
 Десятый апостол. Десятое мая.
 Весталки, драконы, быки, ведьмаки,
 Закладка в романе Стругацких «Хромая
 судьба»... И взрывают зарю петухи,
 Сжигая пророчества племени майя.

СОРОКОГРАДУСНЫЙ НАРОД

...настанет Старый Новый год –
 секунда тренькать перестанет,
 сорокаградусный народ
 узреет истину в стакане.
 американит русский крот,
 лосось норвежский пакистанит,
 зайчонок чинит луноход,
 Чеширский кот месопотамит...
 а что касается монголий,
 там татарчонок отглаголил...
 грядёт Восточный Новый год –
 лошадка синяя прискачет,
 сорокаградусный народ
 восплачет при свечах на даче.
 датчане водят хоровод,
 Версаче в телепередаче
 воскрес, шифруя модный код,
 чуют пришельцы, не иначе!



а что касается австралий,
там расстарался враль сакральный...
встречаю Русский Новый год –
сорока в Африке достанет,
сорокаградусный народ
доставит ёлку на аркане!
Господь земную ось перстами
переведёт на жизнь вперёд –
мальчишка в снежном Казахстане
меня встречает у ворот...
а что касается бразилий,
туда мороз не завозили!

ЮЛИЯ БАТКИЛИНА

URBAN

Выбирай. Забери себе. Отдавай врагу.
Или так положи заветное – и забудь.
Я уже ничего из этого не могу.
Только вывести неразборчиво на снегу
Двухметровое нецензурное что-нибудь.

Даже это меня не порадует – это блажь.
Очень мало от блажи проку – и проку ли...
Наслаждайся. Живи по полной. Лови мираж.
И куда-нибудь в невозможное лыжи смажь.
И не думай, а вдруг окажешься на мели.

Время будет – напишешь гадости на снегу.
А пока что лети стрелой, серебром звени.
Я уже ничего из этого не могу.
Я уже ничего из этого ...извини.

И не самое главное в этом поезде – твой, не твой...
И не самое главное – попутчики и вокзал.
Ты стоишь и сражаешься с небом над головой
И со всеми, кто что-то важное не сказал.
Ты не ждёшь – далека весна, молода трава,
А под снегом – уснули нежные корешки.
Ну а ты повоюешь – ты здесь и сейчас жива,
Порычишь да рванёшь за линии и флажки.
Побежит, постучит, покатится в никуда,
Обязательно вынесет к верному маяку.
Только помни, они не спасение – поезда,
Не сдавайся любому незрелому
яблоку.

АНТИУТОПИЯ

И как-то так на свете повелось, что правду режь, что говори: «Халва», не станет слаще, басенка права. Ну хошь – пекись о чистоте волос, когда почти что снята голова.

– Пересчитайтесь, хлюпки, раз-два.

У нас светло и чисто на плацу. Начищены кривые зеркала, и даже негры мыты добела. А если их и били по лицу, так это ж для острастки, не со зла.

– Курсанты, стройся! Радуйсь! Тра-ла-ла!

Пятнадцатый решился на побег, повесился сто пятый, идиот. Статистика. Что наш старшой не пьёт – так это по уставу не для всех. А он ещё флорист и полиглот.



– Мы все – как все. Единство – наш оплот.

Ложится снег – положена зима. Пиши стихи, пиши стихи и прячь. Придёт декабрь – прекрасен и незряч, укроет мостовые и дома, порвёт опшётки телепередач.

Ужесточат безвизовый режим,

А мы с тобой – увидишь – убежим.

И если есть какое-то «куда»,

То «как» – такая, знаешь, ерунда.

И мы начнём сначала и вдвоём,

И там, вдали, в безвременье...

– ПОДЪЁМ!!

НЕПОДВИЖНОСТЬ

В свой черёд отпоёт рассветное, отгорит, в свой черёд наступают тишь, духота и стынь. Так бывает, знаешь – кого-то зовёт Мадрид, а кого-то Земля Святая ещё томит, а кому – остаётся море, возьми да схлынь. Вот сидишь ты такой растерянный да один, и все мимо да мимо тропы, да реки вспять. Ни кита для тебя не выгонят из глубин, ни один по тебе не выстрелит карабин, да и камни лежат, не сдвинутся ни на пядь. И подумаешь – скука – Арктика да Китай. И как жилы без тела – длинные поезда. Вроде ветра сегодня нету, а пыль глотай. И сиди, проклинай судьбу, ништяки считай.

Потому что тебе не хочется никуда.

МИР НАИЗНАНКУ

Не зевай. Это ложный манит тебя уют. Тени – ложные, в них запрятан девятый вал. А когда и каким калибром тебя убьют – это просто головоломка, чтоб не зевал. Погляди – благодать какая, а ты не рад. Вон со скрипом встает над Тибром десятый Рим. Разгадай ещё пару сотен таких шарад, а тогда мы, наверно, снова поговорим.

Тут постреливают немного. С утра до двух. А потом хоть иди в кабак, хоть портки стирай. Погоди. За неделю станешь и слеп, и глух, а пока что ещё по дури не помирай. Рожу прощсе. Вот что получится – три да три? Слишком яркие ягоды для красоты гноят. Да и на солнышко треугольное – не смотри. У него в середине, каркают, термояд.

СТРАШНАЯ ОСТРОВНАЯ СКАЗКА

Не зальёшь это горе потом, а сопьёшься – скорей,

Ты и так на полпенса купил, опьянел на соверен.

Так не надо сверять эти карты, в которых уверен,

И не спрашивай правды у старых своих словарей.

Кого-то сегодня к полуночи вздернут на рей.

Кому-то отбой – восхитительно сладок и мерен.

А ты их услышь – и немедля на век постарей.

А под жёлтым мостом леденеет, чернеет вода.

И в чернилах – ни бакена, ни огонька, ни причала.

Ты почувешь – дыхание чёрных глубин, но сначала –

Ты устанешь уже дожидаться своих никогда.

И в сердце твоём созревают кристаллики льда,

Но в небе всё та же луна – ничего не пропало.

И ты ошалело не веришь, что завтра среда.

Настанет среда?

Никогда-никогда-никогда.

Найди в себе силы, сверни поскорей от реки.

И станут глаза твои тёмные так глубоки,

И кровь потеплеет и станет жива, как вода,

И вновь потечёт в твоих жилах, и ты потеки.

Уйди от реки, ах, не поздно, ступай от реки.



Живи, как живут паруса, клипера и порты.
А в реку твоё отражение канет – не ты.
Послушай, чего за медяк напевает слепой –
Хо-хэй, не заглядывай в реку, напейся и пойд.

НЕ СМОТРИ

У былого правда одна – истлеть.
Чтобы горя не было – не смотри.
Как тебе ложится в твоей земле,
Где вокруг дороги да пустыри?
Как тебе ложится, сто лет, сто лет,
А потом и столько ещё по три?

Как тебе, прозрачно ли в янтаре,
Догревает солнышко до нутра?
Как тебе, не греть, на свету гореть,
И не знать ни худа и ни добра?
Умирает золото в ноябре,
Никому от холода не удрать.

И приходит ночь, и уйдёт она.
И распахнут в небо холодный взгляд.
Тут такие глупые времена,
Что они бестрепетных тоже злят.
Не уснула. Вижу. Не тронь окна.
Это только яблони. Только сад.

МРАЧНЕЕ НЕКУДА ПЕСЕНКА

Накрывает это тебя с головой,
И полежи у межи.
Что ты думал – ты будешь вечно живой,
Но кто тебе сказал, что ты жив?
Что ты всё ещё жив?
Ты говорил с камнями и сон-травой,
Что скажешь мраку и лжи?

А они подходят при фонарях,
Они становятся в круг.
Среди них нету гадалок и прях,
Но их шаг весом и упруг.
Кому ты, друже, не друг?
Девятый вал холодного ноября
Не вырвет пряжу из рук.

Пряже так – не ветер, но острый нож,
Ой пряже белого льна.
Ты – сквозняк и дрожь, ты потом поймёшь,
Почему тебе не до сна.
Просил? А это цена.
Это серый город твой на тебя похож,
Но между вами – стена.

Как вода вливается в чёрный чан,
Вот так и время твоё.
И то ли соседи к тебе стучат,
То ли ветер спать не даёт,
Он так и воет, ой-ё.
Так не впускай же ни судей, ни палача,
Бори тоску и гнильё.



И если даже после на всём черта,
А после неё темнота,
Сделай так, чтобы песенка была начата,
Чтоб не упустить ни черта.
И пускай подмигнет тебе пустота –
Не смей оставить поста...

URBAN

Вот и шкура сменяется, и броня,
Возрастает октановое число.
Постарайся теперь поскорей понять:
Ничего в этих случаях не хранят,
Ничего для памяти, все на слом,
И добро, и зло.

Невозможно твёрже, нельзя ровней,
Чем стоят подошвы твоих сапог.
И зима приходит, и что-то в ней –
То ли тени злы, то ли нет теней,
То ли белый рок, то ли чёрный смог,
Ничего не впрок.

И щиты работают на износ
И металл блестит, и дымы-дымы.
И ещё чуть-чуть – ни ветров, ни роз.
Так что гибель – мягкий тебе прогноз,
Оступись – и будешь таким, как мы.
Ничего не смыть.

Так иди на север, иди на юг,
Никаких дорог не желай врагу.
Со своими встретишься на краю.
Там своих по ярости узнают.
Но дорога тёмная. Карты лгут.
Нарисуй свою.

ЕФИМ БЕРШИН

«ВИОЛОНЧЕЛЬ, ЧИТАЮЩАЯ КНИГУ...»

Ю. Соловьёвой

Виолончель,
читающая книгу
под звуки нескончаемых дождей,
дрожала и была подобна крику,
живущему отдельно от людей.

Влюблённый бюст,
стоящий истуканом,
пенсия, пенсионер,
жующий чебурек,
пустой башмак,
оплаканный фонтаном,
и поставной,
живущий в кобуре,

и мост,
напоминающий качели,
и сытые ночные поезда –
все протекло меж струн виолончели
и унеслось неведомо куда.

Поскольку в этом скопище живых,
где больше не до живу – быть бы жиру,
она одна была угодна миру,
висящему на нитях дождевых.

Виталию Дмитриеву

Внезапно разрывая тьму,
прохожий освещает полночь.
«Бог в помощь», – говорю ему.
Он откликается: «Бог в помощь».

Пересекая грязный двор,
мы разбредаемся степенно
по городу,
где каждый – вор,
а нет – так станет непременно.



Где пьёт с собаками поэт,
где отрешённо каждый вечер,
войдя в квартиру, гасят свет,
а уходя – вздувают свечи.

Где женщина меж двух витков
судьбы,
среди вселенской стужи,
на переломе двух веков
спокойно собирает ужин.

Бог в помощь, город у реки.
Бог в помощь, друг мой.
Жизнь прекрасна!
И я не протяну руки
тебе для помощи напрасной.

Ты знаешь, что не превозмочь
большую,
страшную свободу,
что Бог не в силах нам помочь –
мы сами помогаем Богу.

И чёрным клювом дирижёра
выклёвывая зерна нот,
оркестр подобьем приговора
швырнул в рождественскую ночь

всё то, что снилось,
то, что было,
всё то, чему уже не быть,
ту женщину, что так разбила
бокал,
как разбивают быт,

как разбивают время суток,
как льды взрывают в январе.
Судьба – беременная сука,
замерзшая в чужом дворе,

где с тонким стоном ель качается,
как одинокий голос в хоре.
И суть не в том, что жизнь кончается,
а в том, что вечность на исходе.

Как глухо.
Как метёт пурга.
И люди сквозь пургу, отчаясь,
бредут на ощупь, наугад,
домов и лиц не различая.

Они похожи.
К масти – масть.
Но то, что ночь им уготовит,
сегодня рано понимать,
а завтра понимать не стоит.



Они ослепли в эту ночь.
Метет пурга.
Но за ворота
я выйду.
Как сквозь масло нож,
пройду сквозь снег до поворота.

И встану на голову, чтоб
увидели,
прервав движенье,
что в переулке вырос столб
с лица необщим выраженьем.

Луну зарезали под утро,
в шестом часу, в канун Покрова.
Как перевернутая урна,
валялось небо у парома.

Вороны раздирали воздух
осколками ушедшей ночи,
гортанно падая на воду
и рассыпаясь многоточьем...

Уже ничто не отделяло
от наступающего снега –
лишь край стола да одеяло,
да женщина на фоне неба.

Она под утро воскресенья
явилась в снежном, ветхом платье –
последней милостью осенней,
последним знаком о расплате.

Остановились дни и числа.
Среди реки застыло судно.
Шёл первый снег,
шёл снег пречистый
на мир, исполненный абсурда,

на мир, где улица томилась,
меняя лики на личины,
где Божий гнев и Божья милость
уже почти неразличимы.

Облако,
изъеденное молью,
яблоко,
изъеденное червем,
женщина,
оставленная мною,
жёлтый лист на тополе вечернем.

Понимаю,
в этом всё и дело –
в облаке,
в падении листа.



Господи,
но как же надоело
эту книгу заново листать,

мучиться сомнением и болью,
чтобы на изжѣванных листах
отыскать изъеденное молью
облако
и женщину в слезах.

Памяти Юрия Левитанского

Всѣ сбылось, наконец.
Короли оказались голы
и вальты.
и эта дама в чужом окне
наконец-то заснула, его глаголы
повторяя в своём беспокойном сне.

И в песочных часах уже не песок, а пепел,
да и тот просыпался сквозь стекло.
И душа так легко срывается с петель,
как калитка,
ведущая к берегу, где светло,

где уже не важны
ни глаголы,
ни власть,
ни вера,
ни любовь, о которой он так молил
ту страну,
что живѣт по законам ветра,
разносящего по миру
коченеющий снег могил.

Скупая геометрия зимы.
Квадрат окна.
Гипотенуза шторы.
Две улицы, бредущие из тьмы,
забытые, как заповеди Торы.

Два дерева на ледяном ветру
углом склонились на манер холопьев.
Красавица, рожденная из хлопьев,
в моих руках растаяла к утру.

Мне холодно.
В руке сжимая уголь,
рисую стены.
Дело – к февралю.
И медленно делю шагами угол,
как будто зиму надвое делю.



Что-то крылья летают отдельно от птиц,
или угол полёта рассчитан неверно.
И блуждают зрачки в отдалении от лиц,
одинокие,
как голова Олоферна.

Эта женщина слишком лукаво молчит.
Я проигран.
Раскрыта краплёная карта.
Неужели столетье меня победит,
как в кино,
расстреляв из последнего кадра.

Был без ножен клинок,
без рояля мотив,
без любви голова доживает под ветром
на серебряной пике,
покуда Юдифь
настороженно прелюбодействует с веком.

Я тебя досмотрю.
Я – добыча твоя,
словно грязная кость для бездомной собаки,
что опасливо роется в мусорном баке,
постигая гармонию небытия.

Пока во мгле, подобно чуду,
звезда над Сретенкой горит, –
допить вино,
разбить посуду,
все распродать иль подарить,

и, пальцы в голову вонзая,
прощаться,
плакать без стыда,
купить билеты у вокзала
и не уехать никуда,

допить вино,
глядеть покорно,
просить прощенья в темноте,
захлопнуть дверь
и спать спокойно
с вязальной спицей в животе.

РОМАН КАЗИМИРСКИЙ

ВЕРА В ПРАВДУ РЕВУЩЕЙ ТОЛПЫ

С ТРИ КОРОБА

Мама, когда ты расскажешь мне
дивную сказку,
в которой я – главный герой?
Когда ты придумаешь
добрую песню
о самой счастливой стране,
где над запахом моря не запах мочёных
замызганных яблок
трясёт паутиной и плесенью тянет
забывших сменить на перчатки из кожи
когтистые гроздьа осенних прощаний?

Кричи – не кричи – не звучишь.
То ты принц, то ты нищий двойник двойника,
на ура повторяющий чьё-то безумие
в наспех надетых фиглярских глазах.
Опоздавший на праздник –
с бутылкой шампанского, шпагой и лысиной –
и в окружении солнечных зайчиков.
Но опоздавший.
Запешивший не вовремя.

Мама, когда ты во благо
наврёшь мне с три короба?
Будто три короба – это три повода жить:
засыпать, просыпаться,
читать между строк и смотреть между глаз –
и любить напоказ,
чтобы всякая бабка скамеечной логи
плевала вослед нам и крыла нас матом.
Когда ты во благо
наврёшь мне с три короба, мама?

МУЗЕЙ

Вот стоит стол.
На столе лежит сыр.
В этом сыре полно дыр.
Ну, а в дырах ничего нет.
Вот и славно...



Но пошёл слух,
 будто в сыре ничего нет.
 Будто сыр – это лишь сон.
 Межправительственный комплот.
 Вот стоит стол.
 На столе как есть – дыра.
 А дыра та – черней золы
 коридор в параллельный мир.
 Параллельно там всё и всем,
 не в пример поперечным нам.
 И пошёл беспокойный слух,
 будто все мы – контр-параллель.
 Будто мы – зеркала себя.
 Приукрашенные вещи в себе.
 Вот стоит стол.
 На столе лежит сыр.
 Только стол уже не тот.
 Да и сыр – под колпаком.
 Вокруг колпака – толпа.
 Вокруг колпака – музей.

ШУТОВСКАЯ ПРОЦЕССИЯ

Не искал, не нашёл – растерял по канавам и ямам
 апельсиновый цвет междометий и матерных слов.
 Вот и пешка моя – смотрит косо, но движется прямо.
 Вот и конь мой – сбивает о клетки вериги подков.

Шутовская процессия прёт к шутовскому финалу.
 Я в её авангарде. Выходит, я – стоящий шут.
 Здесь ни много, ни мало – за многое платится малым.
 Здесь дадут впопыхах и неспешно с ухмылкой берут.

Я не знаю, что было вчера, но я вызубрил завтра –
 чёрно-белая радуга манит ослепших стрелков.
 Эта смерть наугад всё звучит, словно вящая мантра,
 изрыгая забытых героев и яростных вдов.

Ну, а шут – это крик, облачённый в дурацкую форму.
 Боевой генерал, прозевавший начало войны.
 Обедневшая почва, укравшая мёртвые зерна.
 Полоумная жизнь, недовзятая кем-то займы.

БРЕШИ

Бреши на меня, бродяга.
 За каждым моим поворотом лай.
 Игры на нервах заменишь игрой на рельсах –
 трамвайные тропы доставят в трамвайный рай.
 Хватай за штанину, сука.
 За каждое слово кривое хватай.
 Желудя бисер в мой личный свинарник –
 запустишь визгливые клинья свинячьих стай.
 Оставь меня, слышишь,
 оставь в кочевых механизмах замков –
 продающий надежды не спит и уже не дышит.
 Над упавшим в огонь насмехается жирица дров.



РОЙ

желания пеленают вальсом
 руки в карманы одеты
 то ли это монеты греют пальцы
 то ли пальцы греют монеты
 тень пара – бабочкой на стене
 я рядом с тобой
 ты – во мне
 не целясь – в зрачок
 я – иванушкадурачок

рукавами огрызки в глаза,
 Василиса,
 непростительно
 расточительно

и опять водопою пою
 пересохшей реки кость
 тебе, человек-гвоздь

говорю:
 топоров рой в голове зарой
 над головой вырой дыру
 к утру

отвечаешь:
 своё – в себе запру
 с собой заберу
 я, человек-кенгуру

ТРОЕБУКВИЕ

Кто прогрыз сундуки вещих сказок? –
 смешал,
 перепутал всё,
 переименовал –
 и в яме ещё одна яма, за стенами стены,
 по венам – вино из копытца,
 напиться – да в принца хвостатого.
 Кость в рукаве гостю в глаз,
 вытекающий в квас.

Кто сегодня пойдёт по рукам,
 по тарелкам –
 каёмочки,
 блюда,
 живильные яблоки,
 мыши блины да былины по норам –
 понурые следом сверчки
 догрызают смычки.

Кто-то нёс – не донёс,
 растерял,
 раздарил,
 закопал про запас золотой
 на золой чёрный день.
 На вопросах молчал,
 на вопросы мычал –
 так старался забыть,
 что однажды забыл.



Кто сегодня творил небеса
и придумывал нас
в сотый раз
по причине причин –
за почином почин
и конец, наконец, не наступит
ни утром, ни вечером,
ни никогда.

Полотёры корсарами, знаешь, могли бы,
когда бы они бы не мастерски драили.
Знаешь, кондукторы, может, трамвайные,
очень хотели бы ездить в автобусах –
только без качки, без шума, без ляга
и жизнь не мила, и автобус не мил–

–так сегодня творил троебуквие кто-то,
лишившийся сил –
и вот
на трёх буквах построенный город блюёт гарью.
Центральная площадь метит в центральный рынок.
Раз, два, каждый второй имеет свою личную Марию –
и кудесит её от души, покуда она не остынет.

И вот вышел лицом белым, не вышел нутром красным.
И вот вышел за дверь – направлять к звёздам стопы.
На званный ужин с узелком горестей гостем незванным.
А там – в Пушкинский лес рубить наотмашь тропы.

В умелых руках, знаешь, блохам – подковка счастья
в глубоких морщин жидкую пересечённую местность.
И сам себя на хлеб и на холст постным маслом.
На противоходе в противовес ходу ход крестный.

МАЛЫШ

Ты тоже полюбишь искусственный лес,
карманных собак и антенны на крышах –
карьерные выступы офисных лестниц
ты тоже полюбишь, малыш.

Ты тоже захочешь читать между строк
и жить между дел и душить тех, кто дышит.
Идти со звенящими золотом в ногу
ты тоже захочешь, малыш.

Ты тоже захочешь увидеть себя
на стене
в орденах
с волевым подбородком –
и чтобы служивые мира сего
тебе поклонялись погонями с водкой
и думали вслух благородную зависть
и дружно клялись воспитать поколение
точно с такими же вот подбородками –
и чтобы на стену,
и чтоб с орденами.

Ты тоже получишь однажды под дых
и станешь с тех пор генеральствовать тише.
И тише. И тише. И тише. Так тихо,
что станешь неслышным, малыш.



РЕФЛЕКСЫ

Этот ротный рефлекс – вера в правду ревущей толпы.
 Накладными глазами ощупывать воздух – вполне.
 Чтобы выплыть и выжить, старайся не жить и не плыть –
 даже если сидишь на весле.
 Каждой спичке родной коробок – королевский дворец.
 Это нужно кому-то – сжигать тех, кто любит тебя.
 Что за странная блажь – растаскать на поленицы лес,
 чтоб назавтра о нём горевать.
 И в руках не синица – прозрачная тень журавля.
 И ты видишь того, кто мечтает украсть эту тень.
 Эта высшая радость – уметь убивать и прощать
 за убийство себя и в себе.

ШЁЛ

от семи берёз
 от семи дорог
 шёл Иван домой
 семимильными
 шёл канавами
 шёл окольными
 загаульными
 незаметными

шёл – дробил босыми
 камни в пыль
 росой кровавой выл
 в семь голосов

зубы острые
 ноги быстрые
 щёки впалые
 вены полые
 шёл Иван домой
 мимо благости
 мимо сытости
 подворотнями

шёл – месил словами
 песни в быль
 семиголовым выл
 на семь голов

шёл знакомыми
 шёл любимыми
 вышел к чёрному
 опустевшему
 уголь – золотом
 солнцу скалится
 белозубые
 пустоглазые

шёл



В ЧИСЛЕ ПРОИГРАВШИХ

В твоих переулках
трамваи играют
на рельсах
за медный пятак.
Что-то случится,
если
исчезнут все «если»,
но в такт
можно будет попасть,
только если
идёшь наугад.
Простые слова растворяют значения
в местоимениях –
слишком безличных,
как львиная грива – седая – на череп,
как рыба, которая не без труда, –
на последней странице
простушит уставшее «нет, никому, никогда».

Сомнительных радостей верная плаха
на первого Карла и Карла второго
карманит кораллы
из страха запомнить
все то, что украла
безумная Клара –
всё то, что носила
в дырявой котомке
и что было сил обнимала
и кутала в рваную шаль
этот маленький
ключ
от тюрьмы и сумы,
направляясь с сумою в тюрьму
с безысходными «нет, никогда, никому».

И снова себя
с медицинской циничностью
мойровой нитью –
к следам недошедших,
заснувших на выдохе первопроходцев...
На ветхом фундаменте
башни,
сгоревшей
под яростным солнцем
нелепой войны,
в которой в числе проигравших – мы.

ЕЛИЗАВЕТА РАДВАНСКАЯ

НЕ НАРУШАЯ ХОД СОБЫТИЙ

ДОЧКЕ (ВАРЕ)

Наугад по глазам доверчивым
Читая главное,
Не поверь другим.
А слова и время – лишь мелочи,
Грехами данные,
Ты от них – беги.
Твоё сердце вынесет многое,
И даже большее,
Чем могло моё.
Все мы шли одними дорогами,
По злу, по прошлому,
И всегда – вдвоём –
С тем, кто так же глупо, отчаянно,
По-детски искренне
Научился жить.
Не страшись напиться печалью,
Как снами быстрыми –
В этом – суть души.
Друг за другом – слепо, доверчиво –
Против метания –
Ведь нельзя свернуть.
Только так всё будет излечено.
Одно сознание
И один лишь путь.
В предрассветном ветром простуженным
Туманном городе –
Не видать ни зги...
А я буду сидеть до ужина
В уютной комнате
И вязать носки.

...и зажгутся опять тридцать восемь седых фонарей
(кроме двух, не сосчитанных мною, пожавших плечами)
где-то между замерзшим «дождись» и неслышным «согрей»,
изо всех ноябрей выплывающим горстью печали.
...и не станет легко: не бывает легко от любви.
только ближе рассвет – тот, что мудростью все называли.
в парке пахнет дождём: он насквозь им, как пулей, пробит,
и целуются пары под взглядом столетних развалин.



...и, конечно же, снег: без него не обходится ночь,
 раздающая горечь вины всем случайным прохожим,
 а ее подсластить –
 даже ты мне не сможешь помочь,
 оттого, что для горечи этой –
 ты слишком хороший.
 ...и плечами пожмут равнодушные два фонаря,
 где-то между несказанным «мой»
 и неслышным «моя».

Я хочу тишины.
 Но могу ли её заслужить?..
 С предосенним дождём
 Возвращается то, что забыто:
 Неприкаянная слов,
 Перешедших не все рубежи,
 И боязнь пустоты,
 Пропускающей время сквозь сито.
 Я хочу тишины,
 Но ей будет так тесно во мне –
 Среди хлама навязанных чувств
 И ненужных желаний
 (это холод, что в душу
 Без спроса приходит извне,
 Это тяжесть в груди
 Из-за едкости воспоминаний).
 Я хочу тишины,
 Суету побеждающей в нас.
 Вот она – у порога стоит,
 В белоснежной рубахе...
 Но посметь ли впустить её в дом,
 Где темно и сейчас,
 Где гнездятся ещё
 Моя гордость и глупые страхи?..
 ...То, что брошено прочь было мною
 В безумном бреду –
 С предосенним дождём
 Возвращается – хоть понемногу.
 Может, скоро и я
 Наконец-то рубеж перейду –
 И услышу её –
 Всё стоящую там, у порога...

Мне страшно.
 С востока – ветер,
 А с запада – пустота.
 Под окнами плачут дети
 От холода и стыда.
 Идти, не свернув, – опасно,
 Идти напролом – легко.
 Мне страшно,
 Что боль – напрасна,
 И ложь
 Продиктует ход.
 Туман заползает в щели –
 Засовами не спастись.
 Не этого ли хотели,
 Взглянуть побоявшись ввысь?..



Горит, не сгорая, город, –
 Безумием подожжён.
 И путь – перед нами – вспорот
 Сомнением,
 Как ножом.
 Мне страшно.
 Но мы – в ответе,
 И падает время нищ...
 ...Под окнами плачут дети
 И кормят голодных птиц.

Ломается почерк.
 И шпили, что небо щекочут –
 Надломлены тоже:
 В руках бы держала –
 Скрепила бы скотчем,
 Как локоть пластмассовой куклы.
 Но город стреножен
 Избытком пространства и смога,
 И хлипкую жалость
 Хранит в отражениях тусклых
 Витринного чрева –
 На площади круглой,
 Где пахнет тревогой
 Всегда накануне апреля,
 И хочется веры,
 В которую больше не верят.
 Ломается ветер,
 Углы по пути не заметив,
 И падает навзничь:
 Пусть топчут – за счастьем
 Бегущие дети
 С зелёнкой на острых коленках.
 Лениво и праздно
 Спускается время на город –
 И режет на части;
 Снимает брезгливо, как пенку
 С какао –
 Всю память:
 Веков пересменка...
 Дух прошлого вспорот.
 Столица разорвана в клочья
 Чужими зубами.
 Мне больно.
 Ломается почерк.

А ведь я ничего не знаю.
 Не умею, похоже, знать...
 Так для всех, родившихся в мае:
 Неуменья – отец и мать...
 Все слова давно обнищали,
 Оттого и мимо бегут.
 Одного себе не прощаю:
 Что не в силах ослабить жгут.
 На обугленном чьём-то прошлом
 О бессмыслицах погадать –
 Это всё, что нам, глупым, можно,
 Так стремящимся в благодать.



Замедли шаг: нам некуда спешить,
 Пока ещё нет правды и расправы.
 Мы будем жить.
 Мы будем просто жить.
 Не потакая времени и нравам.
 Замедли шаг, о ложь не оступись
 В затмившей небо липкой паутине.
 И сквозь неё
 Стремись всё время ввысь,
 Пока сплошной не стала серость линий.
 Замедли шаг: спешить не надо нам, –
 Чтоб не порвать связующие нити.
 Пока изгиб луча
 Не станет прям,
 Молчи, не нарушая ход событий.

Прошу, успеи спасти меня
 От разъедающей вины
 И страха, что рождён грехами.
 Так жутко переплетены
 Все те, под кем живет земля,
 Хранимая Его руками.
 Прошу, успеи меня простить
 За то, что не хватило сил
 Отвергнуть шёпот: «Не смирайся».
 Сердца вокруг своей оси
 Плетут нервущуюся нить,
 Чтобы сыграть в безумном фарсе.
 Прошу, успеи не расплескать
 То, что нам дали так давно,
 Когда казался мир огромным...
 Одна. Одна. Вокруг – темно.
 И жадно дышит мной тоска.
 И в этом – только я виновна...

С самой древней колокольни
 Звон сползал, как зыбь.
 Если сердцу стало больно –
 Сахаром присыпь.
 В одинокие минуты,
 Когда город спит,
 Выжми сок из горьких шуток
 И своих обид.
 Грустно – это если руки
 Мёрзнут на ветру.
 Ты печаль свою баюкай –
 Пусть уснет к утру.
 И не мучайся истомой,
 Не сжимай виски,
 А горячий чай с лимоном
 Выпей – от тоски.
 Боль свою ты в очень прочный
 Узел завяжи,
 И пойми, что можно проще
 И любить, и жить.

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

От редакции: Александр Николаевич Арцибашев родился в 1949 году на Северном Урале. В литературе всерьёз заявил о себе как публицист (очерки о русской деревне – «Наши современники», «Москва»). Первая книга – «Дождаться яблоневого цвета» (М.: Советская Россия). Роман «Крестьянский корень», повести «Стаканчики гранёные», «Прости, отец», «Бриллианты Шалыгина», рассказы выпускались различными столичными издательствами. Лауреат премии им. Н. Островского. Секретарь правления Союза писателей России.

И БУДЕТ ВОЗНЕСЕНИЕ

рассказ

Жуткий мороз нагнал сиверик к началу февраля. На что холодно было в Крещение – ахали бабы: пока шли от стаяк к сениям, молоко, только-только из вымени, схватывалось ледком, – тут же жаротки в печках не остывают, а углы никак не отойдут от инея.

Избы, прясла, деревья едва угадывались в густом молозиве, словно у всех разом ослабли глаза. В сорок градусов мужики, бывало, подергивали плечами в овчинах, да ничего, ехали себе в лес на деляны, разве ребятишек в школу не пускали, чтобы не поморозились.

– Высоко оглобли задрал, – судачили по дворам, – поленницы лижет охалка за охалкой. И скотине неладно – от одного дыху какой сугрев?

В такую вот стынь у нас в доме умер дед Василий. Это была первая смерть родного человека на моих глазах. Мне тогда едва исполнилось семнадцать. В город, где я учился в техникуме, пришла коротенькая телеграмма: «Приезжай, делушка плох. Отец». Кажется, этот листок до сих пор лежит где-то в моём столе, не единожды натыкался на него, перебирая старые письма, поздравительные открытки, фотографии, и всякий раз с содроганием вспоминал грустную историю, связанную с дедовыми похоронами – таинственную, загадочную, в некотором роде даже мистическую.

Мороз морозом, а на третий день по христианскому обычаю полагается хоронить покойника. Надо было ехать на кладбище и рыть могилу.

Чувствую, у вас начинает каменеть грудь и вам хочется подуть на озябшие руки. Так и у меня тогда: губы пили обжигающий горячий воздух, шедший от раскалённой докрасна печной грубки, а нутро знобило – разве ровгу* возьмёшь кайлом и лопатой. Отец привёз на кладбище две машины смолья, разложили большущий костёр. Могилу вызвались рыть наши соседи: грузный, одутловатый мужик Пётр Шарин – на вид ему было лет пятьдесят, и долгий, как подсолнух в картошке, с худым, почти костяным лицом неженатый парень Паша Мандрыкин по прозвищу «Мария Ивановна». Так звали его мать. Она работала в клубе уборщицей, растила сына в одиночестве и слыла первой сплетницей в посёлке. Сам Паша вообще-то был добрым, незлобивым малым, однако же привязалось: «Мария Ивановна»... Хоть вой от досады! И случилось, выл, гонялся в ярости за обидчиками, а клечка так и осталась, как затесь на дереве. Рассчитывали, что после трёх-четырёх часов горения дров, пусть на штык лопаты, но земля отойдёт. Впереди ещё два дня, глядишь, к сроку могила и будет готова.

Дед был человеком набожным, без отпевания хоронить нельзя. Ближайший храм в селе Петропавловском стоял разоренным, а когда последнего священника сослали на Колыму, и старики путались. Продолжали, правда, служить в церкви Богословского завода, но это от нас за сотню верст. Далековато. Бабушка позвала на молитву какую-то древнюю старушку. Сухонькая, согбенная фигура её в клубах мороза, рванувшегося из сеней в открытую дверь, промелькнула передо мной едва различимой тенью, и рассмотреть лицо канонницы я смог только тогда, когда следом за ней переступил порог прируба. Она прошла к изголовью усопшего, положила на тумбочку чёрную книгу с металлическими застёжками и, щёлкнув замочками, принялась шуршать жухлыми страничками, словно вороша зимовавшую солому. То было Святое Писание. В качающемся неровном свете оплывающих ослопных свечей резко проступали глубокие морщины на золотушных впадинах щёк старушки, тонкие губы почти сливались с острым носом, но отнюдь не придавали лицу отталкивающего выражения и, хотя чёрный шерстяной платок нависал над самыми бровями, нельзя было не отметить совершенно ясных, безукоризненно синих, излучающих



божественное сияние грустных глаз. Настолько это поразило меня, что призралось, будто глаза её и всё остальное созданы как бы по отдельности. Или это душа так светилась?

– Помяни, Господи Боже наш в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего Василия, и, яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго и даруй ему причастие и наслаждение вечных благих, уготованных любящим Тя аще бо и согреши, но не отступи от Тебе и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова и Единицу в Троице и в Троицу во Единстве, православно даже до последняго своего издыхания исповеда...

Сколько я не напряживал слух и не подвигался навстречу глухим сливающимся звукам, никак не мог понять смысла произносимого старушкой, – это как на речном перекате бьётся вода об осклизлые камни, а что хочет сказать – поди, узнай. Хоть и были мы крещёнными, но молитв не знали, даже «Отче наш» не усвоили. Силком нас к божнице никто не тянул, как я понимаю, – прежде всего, из чувства предосторожности (тогда всего боялись) и, во-вторых, следуя мудрой Христовой заповеди: «Всяк, иже не собирает со мною, той расточает». Что толку осеять себя крестным знаменем, если душа блуждает? Каждый должен сам дойти до понимания истинной цели христианской жизни: стяжания Духа Святого Божьего. Пост, бдение, молитва, милостыня все остальные добродетели – суть средства для этого. Никому не дано научить Божией Благодати, но три воли обязательно испытуют каждого: Божия, всесовершенная и всеспасительная, вторая – собственная, если не пагубная, то и не спасительная, и третья – бесовская, затягивающая в омут. Какая из них возьмет верх – не скажет ни отец, ни мать, ни один пророк не скажет.

И, тем не менее, какие-то подсказки существуют. Крестики наши сразу же после церковной купели мать спрятала в дальнем углу комода, как и полагалось пионерам, вместо них мы носили на шее алые галстуки (бабушка называла их жижолками), однако, приходя домой, на чём прежде всего останавливались взглядом? На божнице. Как пройдёшь мимо светящейся лампадки? Пусть неосознанно, без всякого значения, но глаза в глаза с Николаем-угодником, считай, каждый день: что-то да и шевельнётся в сознании...

Или вот церковные праздники.

– Завтра – Благовещение, – скажет бабушка матери, – ни мыть полы, ни стирать – нельзя...

Нам забавно: что за праздник, если красные флаги на воротах не вывешивают? А само слово уже осело в памяти. «Не было бы Благовещения, не было бы и других Христовых праздников, – поучали старшие. – Богородица, мать Сына Божиего, наша Заступница и Покров от грехов, бед и напастей, день и ночь за нас молящаяся. Царица и Владычица, пред силою её никакие враги, видимые и невидимые, устоять не могут...».

Там вскорости – «Вход Господень в Иерусалим». Этот день называют ещё по-другому – Вербное Воскресение. Чтобы дом посетила Божия благодать, надо нарезать вербы и поставить её в воду. Не охаживая ли носили мы эту вербу с бережья? К Пасхе промёрзшие почки оживали, покрываясь белесовато-жёлтым налетом, и казалось, что на тоненьких веточках затихали сотни весенних шмелей. Да оно и правда в эту пору дело шло к теплу. Вскоре за Благовещением – Светлое Христово Воскресение. Чудный день! Ни одного грустного лица не встретишь, все в нарядах, улыбаются. Спозаранку христосуемся с родителями и бежим через огород к дедовой избе.

– Христос Воскрес! Христос Воскрес! – кричим, перебивая друг дружку с порога.

– Воистину Воскрес! – отвечают бабушка и дед. Трижды целуют каждого, осеяя крестным знаменем, и, понятно, одаривают подарками. Кому что, но обязательно по крашеному яйчку. Давай биться этими яйцами: чьё скорей расколется. Руки у деда огромные, зажмёт яйцо в своих кулачищах – поди, разбей! До слёз спорили. Потом на улице то же самое с друзьями. Бывало, воротиться домой, а в руках – шапка крашенных яиц.

За Пасхой следуют другие праздники. Если вы даже неверующий, то всё равно обращали внимание, что, скажем, на Троицу – в начале лета – избы в деревнях украшают берёзовыми ветками. Этот обычай у христиан от апостольских времен: весенняя зелень – как бы знак обновления. Нас, ребятшек, опять-таки мало интересовала сама суть Святой Троицы, зато в лес за берёзовыми ветками бегали охотно. И ещё запомнилось: веники для бани вязали только после Троицына дня.

В межень лета обязательно услышишь: «Пётр и Павел (ветхозаветные апостолы) – час убавили, Илья-пророк – два уволёть!» Апостол Пётр имеет благодать избавлять от горячки и сильной простуды, а у Павла просят помощи, приступая к какой-либо работе. На Илью жди дождя, и уже нельзя купаться: «Боженька накажет!». В августе – три Спаса: водосвятие, яблочный и медовый. Слова-то какие! Грех не запомнить.

Из осенних праздников выделим – Покров день, или правильнее – Покров Пресвятой Богородицы. Первое зазимье. «Покров землю покроет, где листом, где снежком». И точно: редко когда в стылом сиреневом небе не закружат пугливые белые странницы. На Покров я родился, – как сказала бабушка, попал под омофор самой Владычицы небесной.

Скоро за Покровом – заговенье на Рождество, ожидание новогодней ёлки. В самые морозы – святки: катание на рысаках, ряженые, гаданья. Там – Крещение. А в феврале уже солнышко – Сретение, зима с весной встречаются. Особенно любили масленицу – с блинами, пирогами, хороводами. Отпущим честная, и Русь-православная, испросив прощения за вольные и невольные прегрешения, войдёт в Великий пост.

Простите и вы меня за столь длинное отступление, сделал его с единственной целью – подвести к

мысли, что несмотря на хулу церкви и поругание десятков тысяч православных храмов, жизнь в русских семьях и в советское время текла в прежнем русле, заданном когда-то мудрыми христианскими Святителями.

В день похорон деда мороз ещё больше поднажал. Это было заметно по растущим наледям на окнах, печи теперь уже топили не переставая. С утра отец засобирался на кладбище: что с могилкой? Решил поехать с ним и я. Едва мы ступили за порог, как наши полушубки подёрнулись куржаком. Дышать можно было только через шарф, стужа словно прощупывала с ног до головы. Сизая хмарь плотно обступала дорогу. Казалось, сам воздух был стянут гигантскими ледяными обручами. Мужики на кладбище встретили нас понуро.

– Смола кипит, а копнуть нечего! – бросил в досаде наземь рукавицы Шарин. – Подходящее время выбрал дед помереть. Это, наверное, чтоб дольше помнили...

Могилка была вырыта всего на метр – хоронить нельзя. Отец смахнул рукавом полушубка снег с чурбака и присел в раздумье.

– Сейчас бы аманальчику трошки, и не мучились бы, – полушутя-полусерьёзно робко обронил Паша Мандрыкин, часто заморгав при этом своими белесыми ресницами.

– Хочешь, чтобы покойники вокрут повставали? – усмехнулся Шарин.

– Да тут одни шахтёры, к взрывчатке привычные. Небось, не напугаются... – в тон ему ответил Паша.

– Не буровь, какая взрывчатка на кладбище? – Шарин пошевелил палкой шипящие поленья и после небольшой паузы поднял воспалённые глаза от костра: – А правда, что делать с могилкой?

На какое-то время все умолкли. Я мысленно перенёсся домой. Простины были назначены на полдень, наверхники теперь уже подходит народ, съехались издалека родственники. Ещё ночь сидеть у гроба? Из глубины леса протяжным эхом отдавался нудный скрип раскачивающихся деревьев, собравших на себе пудовые вороха снега и теперь будто бы жалующихся на тяжёлую ношу, изредка слышалось что-то вроде пощёптывания или бурчания, жар, идущий от костра, обогривал лишь лицо и грудь, а спина, икры ног дрогли от стужи, упорствующей в своём стремлении сковать всё живое вокрут.

– А может, и впрямь рвануть? – первым нарушил молчанье отец.

Мандрыкин, похоже, был готов к такому повороту событий. Пока молчали, он, видать, прокрутил в голове высказанную им, на первый взгляд, абсурдную идею и укрепился в мысли, что это был, пожалуй, единственный выход из создавшегося положения. Реакция его была мгновенной:

– Тут всего-то три-четыре пары шпуров заложить и отряхнуть руки!

– Но где добыть взрывчатку?

– На шахте. Где ещё?

– Так тебе её и дали... Кому под суд охота? – буркнул Шарин, закуривая папиросу.

– Понятно, с начальством надо переговорить, – ничуть не смутился Паша. – А может, лучше и не говорить? Втихаря с взрывниками потолковать, и знать никто не будет.

– Попробуйте, – пожал плечами Шарин.

Как только машина с отцом и Пашей скрылась под белым пологом леса, мы взялись раскалывать железные ломы.

– Господи, чего только не сотворишь на этом свете! – вздохнул Шарин, подбрасывая в костёр смолистые поленья.

В посёлке ходили слухи, будто бы в войну он был у немцев в плену и, когда наши войска вошли в Германию, – удрал вместе с другими пленными солдатами на Запад, к американцам. Боялся, расстреляют – Сталин родного сына не пощадил, на что было рассчитывать мелкоте? Америка не приглянулась, тянуло в Россию. После нескольких лет скитаний на чужбине вернулся на родину. Расстрелять не расстреляли, но в лагерь всё ж таки упрятали. Так и остался на Северном Урале. Мешковатый, насуспенный, с огромными ручищами, он словно матёрый медведь не мог не вызывать у людей чувства страха, к нему у нас относились с почтением за невероятную силу, однако и побаивались: торьмы-то вкусил, всякого можно ожидать. Через полчаса железо заиграло желтовато-белесыми переливами.

– Накинь рукавицы, будешь придерживать лом, – сказал мне Шарин и, поддев сушиной раскалённую железку, потянул её из огня.

Поперёк могилы, вплотную друг к другу, были уложены два толстых берёзовых комя. Он осадил меж ними шипящий лом и взялся за кувалду.

– Держи, да покрепче!

Не без опаски я обхватил руками верхний конец лома. Мощный удар вогнал железо в мерзлоту не более чем на толщину ладони.

– Ещё разок, – примерился Шарин и замахнулся вдаругорья.

Железо остывало на глазах. Пока вбивали один лом, второй грелся в костре. Так и меняли их, покауда не заглубили шпур до нужной отметки. Шарин отёр пот с раскрасневшегося лица и опустил наземь кувалду:

– Передохнём чуток.

Мы присели у огня. Он опять потянулся в карман телогрейки за папиросами и, прищурившись, с любопытством посмотрел на меня:

– Небось, неохота было ехать из города в такую глушь?

– По правде сказать, хорошего тут мало, – согласился я. – Никакой перспективы...

– А в городе, думаешь, большая перспектива?



– Закончу техникум, в институт буду поступать, потом работать куда-нибудь устроюсь.

Шарин передёрнул плечами:

– Учиться, конечно, надо, но ты особо нос от дома не вороти. В городе, брат, давно расписано, кому на каком месте сидеть...

– Кем расписано? – не понял я.

– Поживёшь, узнаешь! А объяснять – это длинная история. – Он уперся взглядом в горящий костёр и замолчал.

– А правда, дядя Петь, что вы в Америке были? – сорвалось у меня с губ.

– Был.

– И как там?

– Богатая страна, но дури тоже хватает.

– Не понравилось?

– Русскому человеку лучше от России не отрываться. Богатых людей по миру много, но русских среди них не встречал. Не любят нас, не нужны мы никому. Ты – вроде обсевка, все тебя стараются обойти. Потому и говорю: укореняйся там, где родился. И место это, могилу дедову не оставляй, не забывай.

Каким образом удалось достать взрывчатку, – я так и не узнал, – тогда в спешке некогда было расспрашивать, а после похорон сразу же уехал в город. Скорей всего, сделали это тайком, вряд ли кто из горного начальства расписался бы в накладной. Да и взрывали с опаской, то и дело поглядывая на дорогу – не покажется ли чужой.

От взрыва с ближайших деревьев с шумом осел снег, зашуршали по кустарнику комочки звенящей глыны. Первым подошел к могиле Паша Мандрыкин, спрыгнул вниз и стал выбирать совковой лопатой мерзлый грунт.

– Мелковато... Надо бы ещё зарядить.

– А не завалится? – Шарин наступил на край ямы и попробовал надавить.

– Не должно. Вишь, как аккуратно колупнуло.

Опять взялись калить ломы и бить шпурь. После второго взрыва могилу удалось заглубить на два метра. Но и дальше шла мерзлота. В эту стылую твердь спустя пару часов опустили мы дедову домовину и, казалось, навсегда распрощались с дорогим нам человеком.

Промёрзнув за день, хотелось поскорей добраться до тепла. Как и полагается, помянули покойника, и я, раньше чем обычно, лег спать. Разбудил меня негромкий разговор на кухне.

– Не может того быть, чтоб не развязали...

– А кто смотрел?

– Да упомянь ли обо всём!

– Надо ещё поспрашивать.

– Сходить, что ль, к Агляму?

– Пускай придёт... Неужели и впрямь упустили?

Через дорогу от нас жили татары Зингеровы. Хоть и иной веры, но мы дружили с ними, ходили друг к другу в гости, вместе косили сено, пасли скот. Дядя Аглям работал забойщиком в руднике и по вечерам, бывало, частенько навещался к деду поиграть в карты – в «дурачка». Естественно, был и на похоронах.

Я оделся и вышел в кухню. Отец сидел за столом явно чем-то встревоженный, возилась с чугунами у печки мать с заплаканным лицом, всхлипывала, прислонившись к стене бабушка.

– Что случилось? – спросил я отца.

– Ноги забыли развязать деду.

– Ну?

– Вот тебе и ну! Теперь думай, как быть.

– А зачем их вообще связывали-то?

– Чтоб не разлетались, когда гроб на кладбище несли, – ответил отец.

– Шесть недель теперь душа его будет витать надо мною и корить, что не доглядела напослед, – подала голос бабушка, причитая и заливаясь слезами. – На сороковой день все пред Господом предстанут, а как он пойдёт в заклепах-то?

В сенях стукнула дверь, и на пороге появился дядя Аглям, за ним вошёл Шарин, потирая ладонью раскрасневшееся от мороза лицо. Присели на табуретки. Зингеров не стал долго томить и с ходу затараторил:

– Ночью спала, и вот, гляжу, дедушка, – сердитый такой, вся в белом, спрашивает: «Зачем Агляму ноги вязал, как к Богу ходить буду?» Моя сильно пугалась, язык не могла ворочать, Аллах звала! Быстро просыпался и айда за Петром. Она тоже не помнит. Мой вина какой? Молчать некорошо...

Он блуждал глазами по комнате, боясь остановить на ком-либо взгляд.

– Что ж, тепереча могилу раскапывать? – произнёс неуверенно Шарин.

– Да разрешат ли? – вырвалось из груди у матери.

– А кто должен давать разрешение?

– Поди, сельсовет...

– Ты ещё в милицию донеси, там скоро справку выпишут на этап! – выругался отец, сверкнув глазами в сторону печки.



Больше всего было жаль бабушку. Я никогда не видел её плачущей, нервы у неё были настолько крепкими, что даже тогда, когда хоронила своих детей, умерших в младенчестве, она, как рассказывали, не проронила и слезинки. В голодные годы ходила побираться, вымаливала кусок хлеба, но терпела. Плевала вслед тем, кто вешался, стрелялся, топился, а тут заявила отцу:

– Петлю наброшу на себя, если не откопаете.

Представляю, что пережила тогда отец. Решиться на вскрытие могилы – завтра злые языки разнесут об этом по всему посёлку, и неизвестно как посмотрят на происшедшее власти? Отмахнуться от просьбы бабушки – значит до конца дней мучиться в сомнениях, винить себя за грех.

...Откапывали гроб всё те же: Петр Шарин и Паша Мандрыкин. Работали молча, без остановок. Смёрзшиеся комья земли выбрасывали наверх руками. Никого из женщин рядом не было – у мужиков слёзы стояли в глазах, – а смогло бы вынести все это слабое сердце?

Когда показалась синяя материя крышки домовины, отец, обхватив голову руками, тихо простонал:

– Петро, ты уж поаккуратней с лопатой-то.

Мороз пошёл на убыль, пуржило. От скрежета гвоздодёра больно резануло в ушах, дикий страх буквально сковал всё моё существо. Я чувствовал, как неведомая сила сдвинула оплечья, и сами собой стали подкашиваться коленки, словно Господь Бог ниспослал сверху чудовищную епитимию. Тут бы перекреститься, но этого тогда не принято было делать прилюдно, оставалось целиком положиться на волю судьбы и молиться во спасение души своей про себя, чуть шевеля совершенно онемевшими губами.

Мужики вскрыли крышку гроба, и снег густо повалил на неподвижное дедово чело. За ночь оно совсем не изменилось, и всё же что-то новое, едва заметное мелькнуло на миг в печальном выражении сомкнутых век. Оплаканый, отпетый, соборованный в дальнюю дорогу, надеялся ли он на эту встречу? Кто скажет?

Ноги у деда действительно оказались связанными. Не представляю, что случилось бы с отцом, если бы могилу потревожили напрасно, – это обстоятельство несколько смягчило удар, пригасило боль. Озябшими, негнуцимыми пальцами Шарин распутал сатиновую тесёмку, осторожно вытянул её из-под ног и снова положил в гроб. Затем, не вылезая из могилы, трижды осенил себя крестным знаменем и, поклонившись усопшему, глухо произнёс:

– Теперь свободен, ничто не держит. И будет Вознесение!

Панихиду по деду я заказал много лет спустя, когда опалу с храмов сняли, и можно было безбоязненно затеплить свечку перед Кануном. Как будто груз какой свалился с плеч, вздохнул облегчённо и подумал: «Ведь будь тогда на похоронах деда священник, вряд ли приключилась бы та печальная история. Всё наша суета, суета...».

ИГОРЬ АЛЕКСЕЕВ

ИЗ «ОДЕССКИХ РАССКАЗОВ»

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Если бы мне на глаза попался сборник с таким названием как «Одесские рассказы», я бы не удержался и связал: «Ну вот! Ещё один в Бабели напрашивается!».

Но я застрахован от широкого употребления этой насмешки в свой адрес малым тиражом, так как пишу исключительно для себя и тех близких и друзей, кто в этих рассказах упоминается, и потому все имена здесь подлинны, а уж от друзей и близких замечания, уточнения, критику и насмешки я с удовольствием приму. По существу это – мемуары, где я же и главный герой, их правильнее было бы назвать воспоминаниями об Одессе. Об Одессе хочется вспоминать, вон какие люди писали – Бабель, Катаев, Паустовский, Утёсов, Жванецкий и далее несть числа... Вот и я покусился и заранее прошу простить и за чужое название, и за слишком «своё» содержание.

Одесса... Кто останется равнодушным при одном лишь упоминании этого знаменитого города, кто не испытает хоть какое-то чувство? Кто в нём родился – чувство гордости и особой принадлежности; кто в нём бывал – чувство удовлетворения этим фактом и воспоминания, преимущественно приятные; кто о нём читал или слышал – интерес и предвкушение «острого блюда»; и даже у совсем непричастных возникнет либо любопытство – «О-о-о, Одесса!», либо раздражение – «Да на фига мне она?».

Я вроде бы из вторых, из тех, кто «бывал» в Одессе. Но это – скудное определение для человека, посещавшего Одессу в течение 30 лет. В школьные годы, с 1946 по 1956, я проводил в Одессе каждое лето, иногда почти по 3 месяца, затем в студенческие и совсем взрослые годы навещал её всё реже и реже, вплоть до 1976 года. За эти годы я насчитал чуть менее двадцати визитов в летнюю Одессу (увы, я не видел её в другое время года, за исключением ранней осени), и прожитые в ней в сумме 2-2,5 года означают, что я не просто «бывал» в Одессе, а даю чувство особой сопричастности. Я люблю этот город, я обласкан его солнцем и морем, обожжён песком и галькой, изрезан камнями и ракушками, «весь обвеян дуновеньем» его степного, полынного воздуха; я впитал его колорит и храню самые тёплые воспоминания об Одессе... Вот некоторые из них.

ПРОВЕРЕНО – МИН НЕТ!

В Одессу мы ездили к родственникам по маминной линии. Мамина двоюродная сестра тётя Лиза, врач-отоларинголог, и её муж дядя Лёша, профессор физики, переехали в Одессу из Горького в скором времени после окончания войны. Дяде предложили кафедру в одесском университете, и он согласился. Путь и оформление шли через Москву, где наша комната в коммуналке стала ненадолго точкой опоры и хоть какого-то приюта и местом оживления родственных связей, до того практически разорванных бурными событиями отечественной жизни: революция, репрессии, война коснулись (и ещё коснутся) многих семей, а особенно старой интеллигенции. В благодарность и, возможно, просто из вежливости Брюхановы пригласили нас погостить у них в будущем в Одессе, чем мы и не преминули воспользоваться.

Бедные люди! Какой тяжкий крест – крест гостеприимства – они взвалили на себя в последующие годы, ибо к ним регулярно стали приезжать не только мы, но и более близкие тульские, сибирские и прочие родственники, а также горьковские и ленинградские знакомые. И, надо отдать им должное, они несли этот крест достойно в течение всей жизни, доставляя радость отдыха и общения многим своим гостям.

В Одессе дяде Лёше дали просторную университетскую квартиру в центре города на улице Щепкина, и наш первый визит летом 1946 года мы нанесли именно туда. Мне было семь с половиной лет, только осенью я должен был пойти в первый класс, и, естественно, вспомнить в деталях подробности первого знакомства с Одессой я не в силах. Запомнились, однако, не только описанные выше дорожные впечатления (очевидно, в силу своей неизбежной повторяемости и однообразности), но и первые восприятия Одессы. Квартира на Щепкина была огромной, больше всего поражал воображение невероятных размеров

коридор, по которому бродила также крупногабаритная овчарка, но её мы, дети, не очень уж боялись. Не помню, сколько там было комнат, но нам представлялась отдельная, в которой отнюдь не было тесно. Поразительно, что главное впечатление при первом знакомстве оставило не море – позже я видел его много-много раз, восхищался его красотой, то вкрадчивостью, то силой, изумлялся его непостижимости, сливался с ним воедино, боролся и наслаждался, и впечатлений «море», – а... разрушенный город! Следы войны виднелись повсюду, были разрушены целые кварталы, хотя интенсивно велось восстановление; причём, во многих местах, и во дворе университета в частности, работали пленные немцы. На всю жизнь запечатлелась основная надпись тех лет: «ПРОВЕРЕНО – МИН НЕТ!». Она писалась углём, варом или чёрной краской на стенах домов и заборах, а мы, мальчишки, обожали лазать именно по руинам, несмотря на строгие запреты родителей. И хотя далеко от дома нас не отпускали, особо далеко ходить было и не надо: руины имелись повсюду, начиная с соседнего двора. Из находок чаще всего попадались стреляные гильзы, пули, обломки кабинетной и домашней утвари, а счастливицы, к коим мы не принадлежали, находили, по слухам, даже оружие и ценные вещи.

Мы – это я, мой троюродный брат Аркадий и его товарищ по двору по прозвищу Каля.

Аркадий был младше меня ровно на два с половиной года, но эта разница не мешала нам дружно прожить лучшие годы нашего детства, о чём мы при всё более редких встречах с удовольствием вспоминаем. Кстати (как раз, совсем некстати!), Аркадий в этом году умудрился свалиться в известковую яму, откуда его вытащил пленный немец, после чего обжёг глаза и лишился ресниц, и все беспокоились, вырастут ли. Ничего! Выросли и ещё какие – длинные, загнутые, девчонкам на зависть...

Каля по возрасту был посередине. Он был коренной одессит и являл нам образцы одесской речи как раз в том губочном возрасте, в котором речь хорошо впитывается. Во всяком случае, уже через год и Аркадий говорил, как настоящий одессит, да и я впоследствии не избежал знаменитого «я знаю?!» с уникальной смесью вопросительной и утвердительной интонаций, а также других, чисто одесских штучек.

У Аркадия была ещё сестра Лара старше его на 12 лет, так что мы для неё всегда были зелёной мелкотой, пока не стали вдруг большими, а она для нас лишним взрослым в тех ситуациях, когда взрослых в принципе не должно быть в поле зрения и, что ещё важнее, мы не должны попасться им на глаза. Но Лара была к нам добра и снисходительна к нашим шалостям, по крупному никогда не закладывая нас более строгим родителям, особенно отцам.

Милая, благословенная пора!... А, главное, – бесхитростная: старшие тебя ещё не принимают всерьёз, а со сверстниками отношения почти щенячьи, на уровне инстинктов и острого любопытства к стремительно разворачивающейся вкрут и всё усложняющейся картине жизни.

Нет! Конечно же, хитрость есть и сидит в каждом из нас, но в отношениях с миром, пожалуй, только к этому недолгому возрасту можно приложить врезавшуюся в память чёрную надпись:

«Проверено – мин нет!»

РАЙ НА ЗЕМЛЕ

На Щепкина Брюхановы прожили недолго. В 1948 году дядя Лёша купил у Туркатова (так и хочется сказать «помещика Туркатова») дачу на Пролетарском бульваре, и семья переехала туда. Городская квартира на Щепкина была впоследствии обменена на уютную квартиру в самом центре Одессы – в начале Садовой улицы, продолжающей Дерибасовскую, напротив известного сквера, практически всегда оккупированного толпой футбольных болельщиков. В ней позже поселилась старшая дочь Лара с семьёй, а остальные Брюхановы стали постоянно жить на даче, о которой и пойдёт речь, так как именно она стала нашим постоянным пристанищем во все приезды, и главным объектом воспоминаний. Эта дача и её расположение уникальны для жителя московской коммуналки и заслуживают отдельного описания.

Пролетарский (бывший Французский) бульвар расположен менее чем в километре от вокзала и примерно на таком же удалении от берега моря, вдоль которого он тянется от одного достопримечательного приморского парка, Ланжерона (им. Шевченко), до другого – Аркадии.

По обеим сторонам мощёной брусчаткой магистрали проложена трамвайная линия, обсаженная деревьями – вязами, каштанами, платанами и акацией. По ней ходил единственный трамвай №5 (о нём особый разговор!), машин (во всяком случае, раньше) также было немного, и тихий, красивый, уютный бульвар считался престижным местом для жизни. Здесь были расположены известные на всю страну глазная клиника им. Филатова, завод шампанских вин, одесская «кинофабрика» (именно так, киностудией она стала уже потом), синагога, много санаториев и домов отдыха, дача Жукова, ставшая на некоторое время местом ссылки опального маршала. Вдобавок к этому здесь было много дач и различных дачных кооперативов и товариществ. В одном из таких кооперативов для научных работников и приобрёл дачу профессор Брюханов. Кооператив был расположен на левой, приморской стороне бульвара между клиникой Филатова и пустынным Дурьяновским переулком, начинающимся прямо напротив завода шампанских вин и упирающимся другим концом в лачуги, стоящие на краю обрывистого спуска к морю. Кстати, самого моря из-за наличия санаторно-дачной полосы и обилия зелени с бульвара практически нигде не было видно. Территория кооператива со стороны бульвара была огорожена красивой чугунной решёткой с двумя воротами для въезда машин и будкой сторожа в первых из них, а с остальных сторон в основном глухими заборами из самого распространённого в Одессе строительного камня – ракушечника,



или «ракушатника» по-местному. Внутри территория разделялась аккуратными аллеями, по сторонам которых располагались заборы дач с входными воротами и калитками.

Точнее говоря, заборов в нашем российском понимании не было; их заменяли живые изгороди из шелковицы, акации, сирени, пролезть сквозь которые не то что человеку, а подчас и собакам с кошками было нелегко. Если в некоторых зелёных заборах и имелись столбы с проволокой, то они никак не бросались в глаза, и общий антураж был весьма мил. Сквозь заборы и калитки проглядывали уютные дачи в фруктовых садах. Здесь жили известные не только в Одессе профессора Добровольский, Беленький, Гроссман и другие. Некоторые дачи, как, например, профессора Добровольского (прямо напротив нас), ещё в те времена имели внушительный вид.

Фактически в этом же кооперативе находилась (или примыкала к нему) и дача самого академика Филатова, занимая всю левую сторону аллеи, тянувшейся от главных ворот со сторожевой будкой.

Дача Брюхановых располагалась в последнем ряду, выходя тыльной стороной в Дурьяновский и являясь второй по счёту от Пролетарского, а на внутреннюю аллею можно было попасть либо через вторые ворота, если они были открыты или имелся ключ, либо войдя в ворота главные, и как бы прогулявшись затем по аллеям парка. Основной вход был с аллеи через такую массивную, скрипучую и грохочущую железную калитку, что входящего всегда было слышно из любого, даже самого укромного местечка, а въездные ворота, появившиеся позже по случаю приобретения первой автомашины, были проделаны в ограде из шелковицы метрах в десяти по ходу от калитки. Шелковица, кстати, росла двух сортов: белая и чёрная, и у обеих были до того вкусные, сочные, хотя и приторные, ягоды, что даже сейчас (!) не дают спокойно войти с моим немалочисленным, быть может, единственным читателем на территорию дачи. От калитки шла прямая асфальтированная двадцатиметровая дорожка, делившая территорию сада пополам и упиравшаяся в главное украшение дома – открытую каменную террасу с колоннами и ступеньками для подъёма, напротив которых находился вход в дом. По отношению к дому терраса была асимметрична и как бы охватывала его левый угол, соответственно выступая слева на три примерно метра и заходя своей изящной оградой, начинавшейся справа от входа в дом, метра на полтора за фасадную стену; причём, слева имелся ещё один спуск с террасы. На террасе стоял большой обеденный стол, за которым летом завтракали, обедали, ужинали, отмечали торжества, играли в преферанс, хозяйничали, просто отдыхали. Дом был одноэтажный, но с громадным чердаком-мансардой, придававшим ему внушительный вид. В доме было четыре комнаты: три изолированные и одна общая гостиная, из которой можно было попасть во все остальные, включая и просторный, по городским меркам, совмещённый санузел с ванной, печкой и цементным полом. Слева от гостиной находились «детская» (называю условно просто потому, что мы с Аркадием в основном спали там, если дом не был переполнен гостями), в которую вёл вход с террасы, и кабинет дяди Лёши, в котором летом преимущественно жила Лара, а справа комната (она же спальня) хозяев. Полы были простые, дощатые; мебель тоже простая и старая, как и подобает дачной. В гостиной стоял старый рояль, на котором любила помузыцировать моя мама, и изредка дядя Лёша пытался исполнить собачий вальс, чтобы добиться подвигания живших в доме собак боксёрской породы. Временами нам с Аркадием приходилось спать в этой проходной гостиной как самым младшим и, следовательно, самым непритязательным, что и было нам, действительно, «по барабану». С правой стороны дома дядя сделал пристройку, состоящую из кухни (с выходом в неё из спальни) и закрытой веранды с крыльцом и лестницей, ведущей в самое, пожалуй, интересное место – на бетонную крышу веранды, представляющую собой солярий, а уже с него был вход в упомянутый огромный чердак с массой интересного старья, оставшегося ещё от прежнего хозяина, и... с осинным гнездом, в которое мы как-то сдуру вздумали палить из духового ружья. Тыльная сторона дома была заподлицо со стеной вдоль Дурьяновского переулка, в которой была калитка справа от веранды и единственное окно из санузла. Через эту калитку ходили на море и иногда на трамвайную остановку, но по возвращении приходилось покричать через забор кому-либо из домочадцев, так как калитка запиралась изнутри. Ходьбы до моря, в зависимости от возраста и компании, было не более 10-15 минут!..

Слева от дома, вплотную к стене стоял небольшой флигель из двух комнатушек, который все называли «халабудой». В нём любили жить мои родители. Перед флигелем имелась такая диковина, как площадка для крокета, где в течение нескольких лет мы увлекались этой редкой для нас и интересной игрой. В самом углу участка к халабуде примыкал гараж, построенный напротив въездных ворот для первой «Победы». В результате часть фруктового сада площадью около 40 м² пришлось отвести под автостоянку. Но вот, наконец, мы вернулись в сад, куда вошли через естественную ограду из шелковицы...

Вы представляете, что такое для московских жителей коммунальной квартиры, которым в те послевоенные годы иногда выделяли клочок земли для выращивания картошки где-нибудь в ближнем Подмоскovie, прямо около железной дороги, собственный южный фруктовый сад?...

Извлекая сегодня из памяти его размеры, понимаешь, что был он невелик, так как вся площадь участка вместе с домом вряд ли превышала 7-8 соток; но тогда он казался большим и вмещал в себя почти всё, что душе угодно, и что эта «душа» могла видеть в овощных и фруктовых рядах одесских базаров. Сад был распланирован в продольном направлении виноградными изгородями, параллельными центральной аллее, ведущей от калитки к дому, и посаженными по бокам её, по границам с соседними участками и ещё в двух рядах левой (если смотреть от дома) половины. Виноград был белый и чёрный, недорогих сортов – в том числе, «Лидия» и «Изабелла» – и рос хорошо, давая к концу лета неплохой урожай. Бе-



лый отличался насыщенными гроздьями с матовыми ягодами почти идеальной сферической формы и лёгкой желтизны (если до её появления хватало терпения), предвещавшей сладкий вкус, иногда немного мускатный. Чёрный, как и положено, имел шкуру поглубже, но тоже пользовался успехом, а особенно «Лидия» с её редким ароматом и способностью ягоду собирать мякоть с зёрнышками в гладкие, упругие шарики и отдавать душистым, сладкий сок сразу после прокусывания кожицы. Делали Брюхановы и вино, но в связи со сроками созревания (вина!) и необходимостью отъезда мне удавалось попробовать лишь совсем молодое, так хорошо кружившее голову, а уж прошлогоднее меня почему-то не дождалось, и лишь однажды, приехав в октябре, я отвёл душу...

Между виноградными рядами росли различные фруктовые деревья: абрикосы, персики, сливы, груши, яблони (увы, субтропические культуры, такие как цитрусовые, хурма, инжир и прочие, в Одессе не растут, но имевшихся было вполне достаточно, и среди этого изобилия, которое московскому мальчишке только грезилось, я нередко ловил себя на мысли, что как-то ничего особо сильно уж и не хочется, что порой лень и руку протянуть; и только сердобольные родители не уставали пичкать своё чадо отборными красивыми плодами, снятыми с дерева и припасёнными в халабуде).

Раньше всех, в июле, поспевали абрикосы, которые и надоедали быстро, переключая интерес на косточки и их содержимое. Персики срывать строго запрещалось: их поначалу было совсем мало на двух молоденьких деревьях, и их сбор и распределение были прерогативой хозяина; но запретного-то как раз и хотелось больше всего на свете, и мы ходили вокруг да около, ища способы нарушить запрет. Позже персики разрослись, и вот моя жена Ирина (тот самый единственный читатель!) вспоминает, как в 1974 году, когда они с мамой гостили в Одессе (мне удалось прилететь только на три дня), свекровь угощала её отборными красавицами в той же халабуде. Осы, начинавшие докучать с созреванием абрикосов, совсем обезумевали, когда поспевали сливы и груши.

Синеvато-лиловый, седой чернослив, по спелости весьма вкусный, всё же уступал знаменитому «рен-клову», коего было, кажется, три дерева. Мне же хорошо запомнилось одно, росшее у солярия справа от калитки. В августе 1966 года (тогда был мой первый аспирантский отпуск с почти двухмесячным пребыванием в Одессе, один из самых насыщенных и запомнившихся) в день свадьбы Аркадия и Зины я на винных парах взлетел на эту сливу, срывал, отбиваясь от ос, и бросал вниз окружившим дерево девушкам янтарно-лиловые, сладкие, иногда надтреснутые плоды, просидев на дереве, по свидетельству очевидцев, около получаса; и когда я утром взглянул на обобранную крону, никак не мог понять, как можно было дотянуться до самых высоких и самых удалённых ветвей, на которых остались совсем уж недостижимые экземпляры. Ни одна оса меня не укусила, а вот «кукусы благодарности» были! Грушевых деревьев в саду было много. Ранние сорта давали красно-жёлтые и жёлтые плоды уже в августе, но они были нестойкими, имели склонность к перезреванию, быстро становясь «ватными», и нещадно поедались осами. Позже, к сентябрю, созревали зелёные с красным бочком, более крепкие и при этом очень сладкие и сочные. Но самыми вкусными были поздние груши бледно-бурого цвета и удлинённой формы, очень крепкие, которые после снятия должны были ещё полежать и дойти. Я их не мог дожидаться, и их обычно привозили родители, когда стали пенсионерами (уже в шестидесятые) и возвращались на рубеже октября-ноября. Что же касается яблонь, то их было немного: одно-два дерева, плоды давали достаточно крупные, красного цвета, в меру вкусные; но они как-то не пользовались успехом, и внимание на них переключалось, как я отмечал, уже на обратном пути.

В саду была земля, отведённая и под овощные культуры. Так, например, дядя Лёша выращивал превосходные помидоры, за которыми перед каждым обедом «дежурная» хозяйка (мама, тётя Лиза, её сестра тётя Люба из Тулы) ходила в огород или посылала кого-нибудь из нас.

Помидоры были крупные, по-настоящему вкусные и, как я теперь понимаю, совсем не уступали своим потенциальным конкурентам из Астрахани, Волгограда, Крыма, Азербайджана и другим.

Вообще Одесса летом и осенью была завалена помидорами, их можно было купить на базаре за 20, а то и 10 дореформенных (до 1961 г.) копеек!.. (Потом цены «скромно» остались такими же, но долго-долго не измерялись в рублях). Мы на базаре тоже покупали, пока не созревали свои.

У дяди была даже своя маленькая бахча, где он с успехом выращивал собственные дыни и арбузы, хотя последние были небольших размеров и, в отличие от помидоров, уступали образцам из южных степных районов. Надо сказать, что дядя, как человек талантливый и ищущий, увлекался садоводством, вечно что-то подсаживал, пересаживал, прививал, строго следил за своим хозяйством и обожал привлекать нас с Аркадием к различным черновым работам: копанию, тасканию носилок с мусором, уборке и т.п., включая и разные строительные работы, а нам в этих случаях ничего не оставалось, как попытаться вымученно изобразить на лицах подобие удовольствия.

Наконец, кроме фруктовых, на территории росли три дерева, каждое из которых было по-своему облюбовано нами и использовалось для лазания, игр, сидения на ветвях. Прямо перед домом, слева от центральной аллеики, рос кряжистый, раскидистый вяз с большими узорными, тёмно-зелёными листьями, дававшими неплохую тень; на него было легко забраться и удобно расположиться на почти горизонтальных толстых ветвях, где мы приделали пару дощечек в качестве сидений и любили проводить там время в разговорах и наблюдениях. У крокетной площадки росла сосна, сидеть на которой было, честно говоря, негде, и влезали на неё, чтобы удовлетворить обезьяний инстинкт и ненароком вымазаться в смоле; она использовалась для качелей и для установки различных мишеней при стрельбе из



духового ружья. Но самым интересным и ценным деревом был грецкий орех, росший с правой стороны дома перед крыльцом закрытой веранды. Его гладкая кора и плотные большие листья вызвали желание потрогать, прикоснуться, залезть на него было легко и приятно. Но, конечно, главный интерес представляли грецкие орехи, которые на твоих глазах зрели в зелёной кожуре, постепенно увеличиваясь в объёме, до тех пор, пока кожура не начинала растрескиваться и в этом месте чернеть, а плоды всё дружнее падать на землю, чему также способствовала и намеренная тряска по осени. Однако, свежие, невылежавшиеся орехи разочаровывали на вкус, хотя мы, не дожидаясь созревания, неоднократно грызли их и совсем зелёными – такими же зелёными, как были и мы!...

...И вот, бывало, выйдешь поздним вечером, поднимешься на солярий и стоишь, как зачарованный... Над тобой тёмное южное небо, усыпанное звёздами; ты перед ним и ничтожен и реален, и материален и духовен одновременно... Вокруг тебя тёплая, тихая южная ночь, воздух пропитан ароматами левкоев, лилий, цветов табака и каким-то особым, степным настоем. Слышен беспрерывный цокот цикад, а если особенно повезло, и тихий вечер наступил после лёгкого дневного ненастья с ветром и волнением, то до тебя доносится отдалённый шум моря...

Стоишь и не понимаешь, где ты?.. И вдруг грохот позднего трамвая, проходящего по Пролетарскому совсем рядом, напоминает тебе, что ты находишься в прекрасном городе, до центра которого можно дойти за полчаса, и ты понимаешь – да это ж «Рай на Земле»!..

Правда, такие же мысли приходят и днём, когда ты носишься на маленьком, но двухколёсном (!) велосипеде, недавно научившись кататься в Дурьяновском, по нему или по аллеям кооператива, а то и по тротуару Пролетарского, чем нарушаешь табу, или, в студенчестве, мчишься на мотоллере по дороге вдоль моря от пляжа «Дельфин» до Аркадии без прав и правил, или просто шлёпаешь босиком на море, и ты удивляешься – да как же это люди могут всю жизнь жить в раю?... Но, взрослея, ты понимаешь, что и здесь свои трудности и проблемы, что ты не жил здесь в промозглую, слякотную зиму, а то и с жуткими 20-градусными морозами и ветрами, как прожил в командировке полтора месяца твой отец, когда море замёрзло на несколько километров; что здесь, в Одессе, жизнь непроста, и многие желали бы поменяться на Москву; что на земле рая нет, а существует он только в твоей душе, если в детстве ей посчастливилось открыть восприимчивый уголок для добра, света и самых простых человеческих радостей.

ДОРОГА НА МОРЕ

Дорога на море начиналась с калитки в Дурьяновский переулочек. Можно было идти и через территорию кооператива, пройдя по аллеям к его задней, «приморской» стене, но это был более цивилизованный путь, требовавший некоторых приличий в одежде (не от мальчишек, конечно, но ведь и мы быстро, к сожалению, повзрослели!), тогда как по Дурьяновскому можно было идти хоть «в чём мама...», да и сам переулочек привлекал какой-то своеобразной дикостью и свободой. Он поначалу был как бы частью пустыря, на котором потом построили санаторий железнодорожников, и представлял собой проезд между двумя длинными каменными заборами. Проезд – это сильно сказано, так как в те годы хорошо, если хоть одна машина в день проезжала по переулочку, но для прохода он очень годился. Как и пустырь, он весь зарос польной и бурьяном, да и название своё, скорее всего, получил от последнего. Проезжая часть была обычным грунтом со шлаковыми вкраплениями, по которому приятно было шлёпать босиком, обжигая с полудня подошвы и купая ноги в поднимающейся серой пыли; причём, грунт не был глинистым и после дождя быстро высыхал, не причиняя заметных неудобств. Асфальта там не было никогда, и неизвестно, есть ли сейчас. Домов в переулочке, за исключением скрытых глухой стеной кооператива и снабжённых калитками, не было, и не только машины, но и люди встречались редко. В конце переулочка опирался дачную территорию, поворачивая под прямым углом налево, и в этом аппендиксе по правой стороне ютились несколько лачуг с небольшими двориками. Из них прохожего обычно облаивали собаки и обдавали ароматы чужой, совсем не сладкой жизни. Но вот с правой стороны аппендикса дома кончались, напротив калитки в кооперативном заборе, которой мы предпочли описываемый путь, дорога сворачивала вправо, и ... появлялось море!

Тот, кому посчастливилось в этой жизни проехать через Байдарские Ворота и взглянуть на внезапно раскрывшуюся перед ним голубую бездну, уже должен благодарить судьбу хотя бы за этот миг красоты и восторга. Тот, перед кем появлялось море по выходе из Дурьяновского переулочка, входил в красоту более скромную, входил постепенно, но тоже не должен считать себя обиженным судьбой, особенно ежели он имел это удовольствие почти ежедневно. Море начинало выглядывать из-за кустов и деревьев последнего по ходу участка и через несколько шагов виднелось уже во всю ширь, а выезжая на велосипеде, можно было получить более стремительный раскрыв пейзажа. Перед наблюдателем были последние сто метров ровного плато, а дальше оно с высоты примерно метров 50-70 несколькими террасами обрывалось к морю. На таком плато расположен весь город, что особенно хорошо видно с моря, откуда одесский берег не спутаешь ни с каким другим: ровная степь обрывается в море, каких-либо гор и даже холмов нет и в помине. В этих обрывах вырублены знаменитые одесские катакомбы, входы в которые в виде пещер имелись и в нашем районе, заманивая вглубь своей таинственной неизвестностью, и только из-за сильной загаженности пещер это желание быстро пропадало.

Такой же длинный ровный обрыв в виде песчаной ленты тянулся вдали слева, где была Лузановка – самый, пожалуй, лучший одесский пляж, – а в пересечении берегов находились одесская бухта и главный морской порт, не видимые отсюда полностью и лишь угадываемые по отдельным признакам: маяку, части волнореза, портовым кранам и обилию входящих и выходящих судов. Прямо и справа море ограничивалось только линией горизонта. Беглым, но опытным взглядом можно было оценить довольно много параметров: направление ветра и балльность волнения (по барашкам), случившийся накануне шторм (по желтизне воды у берега и йодистому запаху) и даже... температуру воды!

Дело в том, что при сильном береговом ветре северной четверти, часто дуящем в Одессе и вызывающем на почти неподвижной, прудового спокойствия воде, быстро бегущую от берега рябь, в воду лучше не соваться, так как тёплый верхний слой сдувается, и вас ждёт купание в 10-градусном (хорошо ещё!) обжигающем студне из медуз. Перед спуском, на краю обрыва стояли «грибки», т.е. скамейки под зонтиками, сделанные для отдыхающих железнодорожников, на которых любили сидеть мои родители, а потом мама; и если я иногда (но как редко!) составлял им компанию, то это и были как раз те счастливые минуты, цену которым начинаешь осознавать только сейчас, на склоне лет...

Для спуска были два нормальных варианта: медленный, по серпантину наклонных дорожек с небольшим уклоном, которым пользовались взрослые и прочая степенная публика, и быстрый, по крутой тропинке с колдобинами и промоинами, предназначенный, конечно же, для нас. Оба пути приводили в своеобразную долину, по которой можно было пройти над всеми пляжами от Отрады до Аркадии и спуститься к намеченному. Наш пляж, поначалу дикий, а затем постепенно оборудованный в цивилизный «Дельфин», располагался чуть левее крутой тропинки. Домой с пляжа возвращались, естественно, одним из двух описанных путей.

Но был и третий, самый интересный путь... Однажды мы с Аркадием были изумлены, когда на наших глазах к краю плато подошла рота солдат и, не раздумывая, все они прыгнули с обрыва вниз и то летели, то съезжали по почти вертикальному суглинистому откосу на «пятой точке», тормозя ею и подошвами сапог так, что клубы пыли дымилась им вслед. Это было как раз то, что угрожало нам при таком излюбленном занятии, как подъём по пути с пляжа вверх по стене обрыва: сорваться вниз и серьёзно ободаться, поскольку мы-то лазали только в трусах, а солдат защищали сапоги и форма. Мы обожали это своего рода скалолазание. Вооружившись заранее кухонными ножами, по пути с моря («мы выбирали трудный путь, опасный, как военная тропа», и, отдав пожитки (если они были) взрослым (если и они были), по бурьяну и колючкам подбирались к намеченному участку обрыва, по которому нам предстояло взобраться наверх.

Стена обрыва обычно представляла собой рельефный, сильно испещрённый глинистый откос с многочисленными впадинами и выступами, образованными ветрами, дождями и осыпаниями, а также с растущими кое-где колючками, и даже ласточкиными гнёздами. Цепляясь за всё это, казалось, легко было подняться вверх, но так только казалось. Стена была очень коварной, и любой её выступ, на который ставишь босую ногу или хватаешься за него рукой, мог внезапно осыпаться, и тогда ты сползал вниз с довольно неприятными последствиями в виде многочисленных ссадин, царапин, а то и заноз на юном, загорелом теле.

Вот зачем нужны были кухонные ножи!

Втыкая нож в стену, ты получал дополнительную точку опоры и мог увереннее «вращать шар земной». Надо сказать, что лазали мы достаточно аккуратно и срывались редко, но иногда подъём занимал слишком много времени, а иногда приходилось отступить и сползти вниз, пока ещё не поздно.

А если поздно?... Однажды мы с Аркадием выбрали, видимо, слишком уж крутой маршрут, задумав покорить самую верхнюю террасу, которая была и самой трудной. Её склон высотой метров около 15 был не только очень крутым, но местами и слегка вогнутым. По таким склонам можно было подниматься лишь «змейкой», уходя от впадины вбок по наклонной тропе и затем проходя над нею по тропе с противоположным наклоном. Трудности начались прямо с подножия, так как грунт оказался чересчур сухим и сыпучим. Пришлось чаще хвататься за стебли и пользоваться ножами. К тому же погода начала портиться, с моря подул сильный ветер, небо стало заволакиваться тучами. Затратив немало времени, мы кое-как добрались до середины откоса и оказались как раз у основания не одной, а даже двух, больших по площади, но малых по глубине впадин, как будто кто-то невзначай прикоснулся к откосу гигантским задом (намёк оказался пророческим!) Лезть выше не было никакой возможности ни мне, ни Аркадию. Нужно было попытаться двинуться вбок, но сразу решить в какой мы не могли: грунт, как назло, был в этой зоне чересчур гладок, зацепиться было почти не за что, и, кроме того, взглянув вниз, мы оторопели от набранной высоты и вдруг поняли, что «зависли»... Мы поднялись уже метров на десять, и перспективы сорваться вниз как-то не вдохновляла, да и оставалось не так уж много, но мы не могли толком пошевелиться, вдавившись в склон всем телом и держась на ноже в правой руке и маленьких ступеньках под босыми ногами, ими же и выбитыми. Между нами было около трёх метров, помочь друг другу мы вроде бы ничем не могли. Между тем назревала буря и в прямом, и в переносном смысле, так как дома уже пообедали без нас и недоумевали, где мы запропастились (хорошее слово, очень к месту!), и, что хуже всего, не на шутку взволновались.

Закапал дождь, стало холодно и неудобно. Наконец мы приняли решение, чтобы Аркадий, более ловкий от природы, попытался уйти резко влево и там либо подняться, либо спуститься, чтобы потом подняться и, оказавшись наверху, как-то помочь мне (Спустить верёвку? Вертолёт вызвать?).

Но перед этим мне удалось чуть спуститься вниз, подлезть под Аркадия и, укрепившись кое-как,



подставить ему свою голову. Он удачно воспользовался сим тупым предметом и, выйдя из неудобного положения, принял влево по горизонтали, а я стал карабкаться под ним, чтобы при необходимости повторить найденный приём. Довольно скоро мы смогли пойти снова вверх и оказались почти у края плато, но там опять возникли трудности из-за размокшего от дождя грунта, превратившегося в скользкую глину. Наконец, помогая друг другу, мы выбрались на самый верх, и грязные, продрогшие, но упоённые одержанной победой, побежали домой, смывая под дождём остатки грязи с голого тела и единственной одежды – трусов. Домой мы прибежали где-то в пятом часу...

Нас выпороли... Каждого порол свой отец, причём, Аркадию, мне помнится, досталось больше. Мы стойчески перенесли справедливую порку, но после неё столь дерзновенных восхождений, кажется, больше не совершали; во всяком случае, в памяти осталось почему-то именно это.

Нормальные люди, каковыми постепенно становились и мы, возвращались с пляжа не спеша, медленно поднимаясь по серпантину, так как подъём был достаточно высок, и в жаркую погоду, обычную для Одессы, и без того давался трудно, а уж лобовой штурм, вверх по крутой тропинке, просто изнурял и лишал удовольствия от недавнего купания – хоть разворачивайся и снова кидайся в море! Ну, а как могут подниматься ненормальные, вы же знаете...

МОРЕ

«Море ласково играло... О, море в Гаграх!.. О, море, море!» и т.д. Обилие обращений к морю, к его поэтическому образу, в большинстве своём превратившихся в извечные штампы, уже говорит о том, какую роль всегда играло море в обычной и духовной жизни человека, в его общении с природой и борьбе со стихией, в истории цивилизации, в формировании характера и личности. Я всегда завидовал и до сих пор светлой завистью завидую тем, кто живёт у моря, и считаю, что это одна из самых естественных форм нашей жизни. Вместе с тем, если задаться вопросом, жители какой страны наиболее удалены от моря (тёплого, естественно!) и могут прожить всю жизнь вне контакта с ним, ответ будет очевиден – жители России. По себе знаю, как мало кому доступным было побывать на Чёрном море сразу после войны, как завидовали мне дворовые мальчишки и девчонки, как слушали с раскрытым ртом мои нехитрые рассказы.

Вы, наверное, обратили внимание, что в предыдущих рассказах-воспоминаниях море куда-то всё отдалялось, появляясь лишь иногда как фон, хотя, казалось бы, должно было проявиться как самое первое и самое сильное впечатление. Да, конечно, в первые же годы пребывания в Одессе, когда мы жили в центре города на улице Щепкина, море было тем главным, из-за чего туда мы ездили; мы, если и не ежедневно, то очень часто посещали городской пляж Ланжерон, реже Аркадию и Лузановку; море, безусловно, всегда радовало, восхищало, благотворно влияло на здоровье родителей и моё, развивало, учило, заполняло ячейки памяти «на всю оставшуюся жизнь»; но всеми «фибрами», всеми своими клеточками я его прочувствовал и впитал только живя на описанной даче на Пролетарском бульваре, и поэтому морские впечатления должны были уступить порядковую очередь предшествующим дачным.

Ещё четверть века назад все главные одесские пляжи от Ланжерона до 16-ой станции Большого Фонтана были в основном обустроены как цивилизные; т.е. их снабдили парашютами и волнорезами, а некоторые и причалами для катеров, разбили скалы и большие камни, берег и морское дно засыпали песком, поставили тенты, скамейки и лежаки, настроили ресторанчиков, буфетов и прочих забегаловок, радиофицировали и лишили тишины. В результате такого обустройства все пляжи стали похожи не только на соседние, но и на сочинские, ялтинские и многие другие пляжи. Не знаю, как сейчас, но смею предположить, что во всей череде пляжей практически не осталось ни одного первозданного, дикого уголка. Побочный результат пляжного обустройства состоит в том, что оказалась разрушенной естественная прибрежная среда, существенно обеднела морская флора и фауна. Поскольку процесс цивилизации проходил на наших глазах и длительно, мне есть с чем сравнить, к каким истокам вернуться и припасть.

А истоки эти – естественные, абсолютно дикие пляжи на том месте, где потом расположился «Дельфин», т.е. под нашим спуском, под клинкой Филатова. Такой пляж, в том числе и наш любимый, представлял собой полоску скалистого берега, заваленного камнями, между двумя группами (или нагромождениями) скал, где можно было войти в море, не перелезая через них.

Длина его не превышала полусотни метров, а ширина десяти-пятнадцати, сокращаясь при сильном прибое почти до нуля, до заливания подстилок и уноса в море вещей. Пляжное пространство было заполнено крупной и мелкой галькой, песчаных островков почти не было, а кое-где стояли отдельные большие камни, могущие претендовать на самостоятельные скалы. Расположиться можно было где угодно, даже на вершинах больших скал, где не только хорошо пекло, но и всегда обдувало, или в мрачной темноте за ними, если кто-либо хотел спрятаться от палящего с южной стороны южного солнца, так как других тенистых уголков с утра не было и лишь после полудня в самой правой зоне пляжа начинала появляться тень от береговых круч. Вход в море, точнее, та, будто живая, вечно дышащая, играющая, сверкающая, то нежно рокошущая, то с грохотом взрывающаяся снопом брызг, колеблющаяся пенная граница между морем и сушей всегда была обманчива, даже слегка коварна. В жару и безветрие она манила скорее переступить, кинуться с разбегу в зеленовато-голубую воду, но, во-первых, обдавала контрастным холодком, стимулирующим маленькое волевое усилие, а, во-вторых, разбег мог дорого обойтись новичку, так как дно было поистине ужасным! Оно было устлано различными камнями «на любой вкус»: тут скрывались и

большущие гладкие камни, обросшие водорослями и невероятно скользкие, с которых нога купальщика стремительно соскальзывала, как лыжа со склона, обязательно ударяясь щиколоткой о края; тут подстерегали опасные камни, острые либо сами по себе, либо покрытые раковинами мидий с острыми створками, режущими как бритва; тут тайлился нагромождения или отдельные экземпляры, в которые упиралась вдруг нога, когда казалось, уже миновав основные препятствия, она расслабленно ступала по долгожданному песочку, начинавшемуся кое-где в нескольких метрах от берега (хуже потом я видел только в Финском заливе под Сосновым Бором, где под водой был просто настоящий хаос из камней, и в Комарове, где ужасающее мелководье обрекало купальщика на, казалось бы, вечный путь мученика). О, сколько порезов, ссадин, царапин, шишек и прочих прелестей мы заработали здесь! Иногда, бывало, так рассадишь ногу, что кровь просто хлещет, но тогда приходилось выйти из воды, чтобы дать ей, в конце концов, остановиться, а целебная морская вода препятствовала инфицированию и возникновению каких-то серьёзных осложнений. Во всяком случае, я не помню, чтобы мы обращались за помощью к взрослым, и чтобы морские травмы хоть на день отлучали нас от моря.

Именно здесь я научился плавать, а затем нырять и вообще чувствовать себя как рыба в воде (или как Аркадий, что почти одно и то же). Никогда не забыть того потрясающего ощущения, что твои судорожно барахтающиеся ноги отныне не опускаются на дно, а бьют по воде, производя шум и пену! Значит, по-собачьи ты уже плывёшь! Но собака этим стилем исчерпывает свои возможности, она не может опустить в воду голову и долго рассматривать открытыми глазами диковинный подводный мир, постепенно выдыхая накопленный воздух.

Для обучающегося ребёнка именно это, я считаю, важнее, чем просто научиться кое-как плавать, ибо неоднократно наблюдал, как для многих водная поверхность является не естественной границей раздела двух сред, а скорее мистической, непреодолимой преградой, вызывающей некий «священный ужас»; они неплохо держатся на воде и плавают, но понятия не имеют о том, как это можно с открытыми глазами уйти под воду или на дно и, сохраняя полный контроль над собой, находиться там почти минуту, плавая, ница, рассматривая или просто сидя на дне, и упаси бог, если их накроет приличной волной или под ними перевернётся лодка.

Справедливости ради отметим, что в большей степени это присуще не приморским жителям, а нашим пресноводным купальщикам, для которых – преодолимой, конечно, – но неприятной преградой является осмотическое давление, возникающее в пресной воде и заставляющее лопаться мелкие глазные сосуды, вызывая резь в глазах и красные белки; в море же (откуда мы и вышли, по известной теории) благодаря солёной воде этого не происходит, и можно нырять хоть до одурения, но «рачьих глаз» не приобретёшь. Нам с Аркадием повезло, что в детстве с нами много занимался его взрослый троюродный брат, дядин племянник Олег Фаворский.

Он был лет на двадцать с лишним старше нас, служил и воевал на флоте и знал многие морские премудрости. Это он учил нас не только правильно плавать, а свободно чувствовать себя в воде, вязать узлы, делать снасти, ловить рыбу и мягко, ненавязчиво присматривал за нами.

Через пару лет мы (особенно Аркадий) уже превосходно плавали различными стилями: кролем, сажёнками, на спине, на боку и главным для моря стилем – брассом, а также вовсе ныряли и плавали под водой.

Наш пляж и прилегающие морские глубины мы изучили досконально, и если бы уже в те времена принято было пользоваться подводными масками, то вряд ли это существеннее расширило бы наш подводный кругозор. Мы купались не просто так, а по определённому маршруту, посещая открытые нами и затем облюбованные «четыре скалки», находившиеся под водой на небольшой, но разной глубине. Трудности входа в воду мы преодолевали легко, мы знали, где можно забежать чуть выше колен, не напорювшись на камни, а затем ныряли в воду и плыли, контролируя обстановку даже на малой глубине. Плыли мы до первой скалки, которая находилась метрах в пятнадцати-двадцати от берега и представляла собой соединение из нескольких подводных камней общей длиной метров пять на глубине по пояс, так что найти её, даже не глядя в воду, было легко. За первой скалкой дно было уже песчаным, но воспользоваться этим желанным для многих удобством из-за глубины было нельзя. Оставалось только нырнуть, опуститься на песчаное дно и посидеть там полминутки, рассматривая косяки рыб, ракушки, обильные водоросли на камнях. Было интересно также чуть нырнуть и плыть вдоль скалки, пытаясь схватить рукой зазевавшуюся рыбёшку, чего никогда не удавалось. Далее путь лежал на вторую скалку, до которой было не менее двадцати метров. Она была небольшой, метра полтора в длину и меньше метра шириной, но самой высокой; слой воды на ней едва доходил до колен, и при небольшом волнении в 2-3 балла над ней всегда образовывались буруны, позволявшие легко заметить её издали, но осложнявшие пропорционально балльности возможность беспрепятственно залезть на неё из воды, а затем удерживаться стоя. Это была наша любимая скалка, так как с неё можно было всласть понырять вглубь и здесь, в сорока метрах от берега, открывался вид на береговые кручи и подъём, который предстояло одолеть на обратном пути, никто не докучал вознёй, брызготнёй и просто соседством, разве что какой-нибудь сосредоточенный пловец вознамерится тут передохнуть, да и раздумает ввиду малости и занятости скалки. Кроме того, делом чести считалось пронырнуть отсюда до первой скалки, ни разу не высунув голову, что было не так уж и просто, но для нас было делом плёвым и осуществлялось по пути к берегу. По пути же от берега ещё предстояло посетить третью и четвёртую скалки, достаточно глубокие (по пояс и по грудь) и менее интересные, используемые как места обязательного поклонения или как точки отдыха при дальних за-



плавках. До третьей было метров 12-14, и она, как и первая скалка, была достаточно протяжённой, а вот четвёртую было найти непросто, так как до неё от третьей было метров 20-25, и она была самой маленькой и самой глубокой. В районе четвёртой скалки глубина моря была уже около пяти метров, и достать дно (по-прежнему песчаное) без соответствующей сноровки было не так-то легко. В общем, эти скалки были для нас маленькими собственными островками в необъятном море, и приятно было знать, что всегда можно прибегнуть к этим точкам отдохновения и уединения. Думаю, что они, начиная со второй, сохранились на своих местах и по сей день.

На нашем «диком берегу» развлечением с особым вкусом и ароматом было купание при сильном прибое, или в шторм. Точнее говоря, аромат устанавливался позже, когда выброшенные на берег водоросли высыхали и начинали преть, а на этом ковре, лежавшем несколько дней, в изобилии появлялись неведомые жучки, козявки, блохи и прочие любители йодного коктейля.

Что же касается «вкуса», то это блюдо было на любителя. Допустить, чтобы тебя сбивала с ног и опрокидывала на острые камни набегаящая волна, давно завернувшаяся в мощный белый бурун, было нельзя; оставалось либо стоять у самой кромки на всегда появляющейся при шторме полоске песка, полоскаемой волнами, и пытаться удержаться на совсем малой глубине, либо смело броситься вперёд и плавать, пробивая волны или ныряя в них, но подальше от берега и от своих любимых скалок. Естественно, мы предпочитали второе, но всё же голову имели, и при более чем четырёх баллах старались её не терять, хотя бывало всякое. Основная проблема при шторме – безболезненно выбраться на берег; и вот почему-то, в отличие, например, от кавказских пляжей, где отливающая волна особенно сильна и безжалостно уносит назад, на одесских пляжах это не представляло большого труда – может быть, из-за меньшей глубины и наличия тех самых подводных скал колеблющейся воды была меньше? Важно было лишь удачно поймать перед выходом хорошую волну, чтобы она приподняла тебя, но не прихлопнула, а на своём гребне вынесла почти на берег, где тебе оставалось либо опростетью бежать, перепрыгивая начинающую отлив массу, либо зацепиться за камни и удержаться на месте, пока отлив не схлынет. Конечно же, иногда прикладывало очень ощутимо, и без шишек и синяков не обходилось. На других, песчаных пляжах – в Лузановке в первую очередь – купание в шторм всегда большое удовольствие: люди стоят, в среднем по пояс, в воде и подпрыгивают на волнах так, чтобы голову по возможности не накрывало, хотя, на мой взгляд, гораздо интереснее подбегать под волну и бросаться в неё с вытянутыми руками головой вперёд, стараясь не допустить сноса к берегу и остаться почти на том же месте... Эх! Сейчас бы мне да те мои заботы!..

Когда в левой части пляжа в продолжение больших граничных скал построили небольшой причал для каботажных катеров, у нас появилось новое увлечение – прыгать в воду с высоты. Оно захватило нас надолго и всерьёз, были резко сокращены дальние заплывы, временно забыты скалки. Целыми днями мы плюхались в воду, выныривали, подплавали к причалу, карабкались по его сваям наверх, и всё опять повторялось сначала. Высота причала была около двух метров, но если встать на угол из ограждающих перил (и не сорваться при этом!), то можно было прибавить ещё полметра, которые очень даже ощущались. (Я помню, как вдоволь напрыгавшись с высоты 2-2,5 метра, мы однажды оказались в бассейне, кажется, Одесского Мореходного Училища, где были вышки 3, 5 и 10 метров. Мы бодро забрались на 5-метровую, но, глянув вниз, поняли, что отсюда нам «ни в жисть» не сигануть, и, даже не задирая головы на 10-метровую, спустились на, казалось бы, привычную высоту 3 м. Но не тут-то было! Высота тоже оказалась непривычно большой, прыгать было страшновато и пришлось немало помяться, прежде чем совершить неотвратимое – не прыгнуть с трёх метров было бы вечным позором и друг перед другом, и перед самим собой; причём, прыгнули «солдатиком», чего я не очень любил, предпочитая прыгать вниз головой). Прыгали самыми разнообразными, как нам казалось, «способами»: колом, стрункой, ласточкой (у меня сохранилась фотография: это та ещё птица!) и солдатиком. Сразу же (очевидно, с подачи Олега) мы усвоили незыблемое правило: прежде чем нырять, необходимо тщательно обследовать дно, чтобы не напороться на неожиданный предмет (Олег рассказывал, как один матрос прыгнул солдатиком прямо на торчавший в воде со времён войны немецкий штык!) или просто камень. Благо, морская вода почти всегда прозрачна, но позже и в пресной воде я всегда осматривал, невзирая на резь в глазах, дно в районе предполагаемого прыжка. Народу всегда толпилось и прыгало много, включая и взрослых дядек, и особый восторг вызывали неудачные прыжки животом об воду, когда раздавался шлёпающе-плюхающий звук и во все стороны летели брызги, а уж если это совершал толстяк, то восторгу не было предела. Самому же бедняге бывало не до смеха, он вылезал с пунцовым отбитым пузом, превозмогая довольно неприятные болевые ощущения. Каковы они, мы знаем на собственном опыте, и не только благодаря неудачным прыжкам, случавшимся, конечно же, и у нас, а и потому, что иногда совершали преднамеренные прыжки «животом» смеха ради, но при этом уже не забирались на самый верх, а, наоборот, спускались пониже на поперечные сваи или посадочную площадку. Вообще, каждый прыжок, даже с малой высоты, это всегда волевое усилие, маленькая победа над собой, с какой бы удалью и показным безразличием ни совершал его ныряльщик. Пожалуй, самым приятным было дойти по инерции до дна и упереться руками в мягкий песок, а затем, перевернувшись, оттолкнуться от него ногами и стрелой пойти вверх; но там, где глубина была мала, нужно было уметь при прыжке вниз головой моментально вывернуть ладони и ударить ногами по воде, чтобы резко изменить траекторию на почти горизонтальную. Особым шиком было не выныривать здесь же, а отплыть под водой подальше или на другую сторону причала, чтобы озадачить



окружающих. Каких-либо несчастных случаев не припомню, но часто ребята и мы сами «уныривались» до синей дрожи и гусиной кожи.

Мой отец практически не умел плавать. Он мог сделать несколько движений «по собачьи», отдуваясь и тяжело пыхтя, и оправдывался тем, что он сердечник и ему тяжело, но просто в молодости не довелось ему как следует научиться. Он входил в море по грудь, обмывал свою лысую голову и стоял на месте, и прохладяясь, и, видимо, по-своему наслаждаясь, а мы обожали разогнаться как следует и врезаться головой в его большой, мягкий живот. Иногда один из нас забирался с помощью другого на его плечи и прыгал с них в воду, стараясь поднять побольше брызг. Маме не повезло: после первых двух отпусков в Одессе у неё нашли рак груди; пришлось грудь отнять (операция была 30 декабря 1947 года, и я до сих пор помню, с какой тревогой и печалью встречали мы с папой Новый 1948-й), носить корсет с ватной имитацией, и мама на людях больше не купалась. Мама была великим специалистом по ловле крабов. Она уходила в левую часть пляжа, заходила по колено в воду около больших скал и бродила там, высматривая на дне притаившихся или нахально ползущих объектов своей увлекательной охоты. Черноморские крабы невелики (хотя много позже в Мисхоре дети хозяйки, у которой я снимал койку, ловили мне на партийном пляже «Красного Знамени» экземпляров покрупнее, чем одесские, но в таких оазисах всё должно было быть отборным!), но схватить краба просто так, без сноровки, было рискованно, так как и у маленьких крабов клешни были что стальные кусачки, и кровопускание гарантировалось. Мама умела удивительно ловко хватать крабов за спину, не позволяя пустить клешни-кусачки в ход, хотя и при её умении не обходилось без цапаний, которые она переносила шутя, промыв ранку морской водой. Набрав целый подол или майку (ведь пакетов нынешних тогда не было!), мама возвращалась с уловом и чувством выполненного долга. Дома потом этих крабов она же и варила, и хотя некоторые из домашних, и в том числе мой папа, относились к ним равнодушно, мы с Аркадием поедали их с большим удовольствием, а позже, набравшись опыта, даже варить их стали в морской воде, специально прихваченной с пляжа. Быть может с тех пор моим, пожалуй, самым любимым деликатесом являются моллюски: крабы, креветки, раки, мидии, лангусты – и всё это, за исключением лангустов, удалось сполна вкусить в своё время в Одессе и её окрестностях (лангустов ел, а вот омаров не вкусил до сих пор!)

Под теми же скалами, около которых мама ловила крабов, кишмя кишели маленькие черноморские креветки, которые здесь иначе как «рйчками» никто никогда не называл. Стоило взять майку и провести ею под скалой, как в ней вместе с водорослями и морскими блохами оказывалось более десятка-двух трепещущих и подпрыгивающих длинноусых чудовищ. Однако мы никогда не ловили их для еды (а почему, и сам не знаю), а только для рыбалки. Ею мы стали увлекаться с самых ранних лет, охладевая лишь с возрастом. Объектом рыбалки были бычки, в изобилии водившиеся в прибрежной зоне до начала массового обустройства пляжей.

Конечно, настоящих, крупных бычков, поразивших нас своими размерами и необыкновенным вкусом при первом же приезде в Одессу и походе на центральный рынок, рыбаки ловили с лодок в нескольких сотнях метров от берега, где им попадалась и другая вкуснейшая черноморская рыба: камбала, скумбрия, кефаль, лобан, барабулька. При ловле же с берега можно было рассчитывать лишь на мелких бычков, но в достаточном количестве и тоже очень вкусных. Нашим учителем был Олег. Ловили обыкновенными бамбуковыми удилами, оснащёнными поплавочными удочками с одним-двумя крючками. Располагались обычно сидя на скалах, под которыми вполне достаточно было иметь хотя бы полметра глубины, но иногда просто стояли на камне по колено, а то и по пояс в воде.

В качестве наживки использовались свежие рачки, у которых отрывали голову, а оставшуюся съедобную часть насаживали на крючок. Поэтому перед каждой ловлей или в ходе её приходилось пошарить с майкой под скалами, чтобы создать или пополнить запас рачков, имевших к тому же особенность быстро свариваться на солнцепёке, и эта процедура в утреннюю или пасмурную пору не всегда была приятна. Клёв бычка обычно верен, он, как и наш ротан (его, видимо, родственник), заглтывает наживку глубоко и не то что срывается с крючка, а, напротив, доставляет немалые трудности при съёме. Приятнее, конечно, ловить в спокойной воде, но в прибой бычок берёт подчас даже увереннее, и быстро приноравливаясь замечать поклёвку, несмотря на волны. Добыча насаживалась на простой кулан, представлявший собой метровый кусок толстой лески, к одному концу которой привязана палочка или камень, а другой пропускается через жаберную крышку и рот. Во время ловли кулан должен был находиться в воде, что и приводило к редким, но провальным случаям, когда плохо закреплённый в скале или привязанный к поясу верхний конец соскакивал и весь кулан в интересный, но, видимо, потому и незаметный момент, падал в море и найти его, да ещё в целости, было маловероятным. На одном кулане умещалось обычно до 50-60 бычков, и втроем при удачном клёве мы налавливали до двух куланов, т.е. более сотни. Счастливые и гордые, мы торжественно приносили улов домой, задавая нелёгкую работу мамам или домработнице Марусе, так как выпотрошить, почистить и пожарить такую прорву было совсем не быстро. Когда же, наконец, блюдо было готово, все с удовольствием, а мы с жадностью, поедали вкусное хрустящее жарено, и это единодушное чревоугодие вдохновляло нас на новые подвиги...

Через много лет в 1976 году, в моё последнее пребывание в Одессе, мы вдвоём с девятилетним сыном Аркадия Павликом ходили ловить бычков...

Наш бывший пляж было трудно узнать: он стал почти весь песчаным, никаких скал не осталось, рыбу можно было пыгаться ловить с высокого современного причала, к которому периодически приставали



большие катера, регулярно теперь курсировавшие между Одессой-портом и Аркадией.

Удочки практически не были нужны, так как с высоты более двух метров удобнее было просто спускать вниз леску с крючками и грузилом, дожидаясь подёргивания при поклёвке. Рачков, увы, ни у кого теперь не было, ловили ...на червя, будто карасей в пруду, и Павлик принёс баночку с червями, накопанными дома; червь был не навозный, а земляной, неважного качества, но бычок заглывал хорошо. Вот только сам бычок был совсем не так хорош, как во времена, когда в возрасте Павлика был его папа, ныне погрузневший, полысевший и добродушный, как большинство крупных людей.

Клевала какая-то – пузатая, хотел сказать по инерции – нет, наоборот беспузая мелочь; причём, чаще попадались зеленухи, в наше время вообще мало известные. Куканов с такой высоты не спускали, а рыбёшек засовывали в полиэтиленовый пакет с водой, быстро нагревавшейся на солнце. Быстро нагревались и сами рыбаки, а купаться приходилось идти на берег, чтобы не плюхаться с причала и не отпугивать малочисленные стайки, крутившиеся около свай.

За исключением общения с симпатичным племянником, удовольствия от рыбалки я не получил. Вдвоём мы поймали чуть больше десятка мелких бычков и зеленух, и на бывшее пиршество едва мог рассчитывать лишь кот.

Зато в этом же 1976 году мы вместе с Аркадием и Павликом познали новое увлечение – сбор мидий (точнее сказать, они вовлекли меня в это им уже знакомое занятие). Цивилизация пляжей уменьшила, сведя почти на нет, численность бычков и рачков, но мидий на волонорезах развелось в изобилии. На нашем пляже там, где были левые граничные скалы, теперь тянулся в море волнорез из больших каменных плит, по которому любители ходить купальщики и прыгать с его небольшой высоты в воду. Эти плиты быстро обросли водорослями и мидиями. Последние густо покрывали подводную часть плит своими колониями; причём, прирастали они к камням местами очень крепко. При сборе мидий нужно было вооружиться ножом и пакетом и, нырнув под воду, отколупывать от камней отдельные раковины или лучше целую группу, как уж получится, и складывать добычу в пакет. Лучше всего это получалось у Павлика, но активное участие приняли мы все втроём и набрали целое ведро раковин. Пришлось понырять, потрудиться под водой и заодно отметить, что раньше под водой можно было пробыть дольше. Дома ведро это мы сварили, а когда почистили, то есть раскрыли у каждой раковины створки, извлекли мясо цвета крем-брюле и сложили в миску, то чистый улов оказался весьма скромным, но нам всё же хватило. Мясо мидий не такое вкусное, как у крабов или креветок, но мы его сдабривали соевым, кажется, соусом и запивали вдоволь сухим вином, а Павлик – лимонадом, и все были довольны.

Но вернусь в своё детство ... Иногда во время ловли бычков попадалась «собака», или морской петух, как узнал я позже. Она была похожа на бычка, но выглядела как-то ярче, контрастнее, имела колючие ядовитые шипы спинного плавника и была покрыта ядовитой слизью. Собаку с негодованием и проклятиями выбрасывали, но руки после неё не всегда тщательно мыли.

Например, я имел неосторожность однажды после собаки потереть пальцем левый глаз, и после этого изображение в нём потеряло резкость, затянulosь пеленой, да так потом и не пришло, как мне показалось, в норму. Наверное, это преувеличение: мой левый глаз от рождения имел пониженный тонус, косил (забегал) в минуты задумчивости, а случай с морским петухом просто мне помог обратить внимание на то, что зрение в левом глазу хуже, чем в правом. Однажды же мне выпало редкое везение: я вытянул после дробной поклёвки диковинную серебристую рыбку величиной с небольшую селёдку, и мне тут же объяснили, что это черноморская скумбрия, которая на удочку, да ещё у берега, никогда не попадает. Я с трепетом насадил её на кукан, полюбовавшись её красотой и изяществом – особенно мне понравился хвостик, резко расширяющийся после тонкой, почти сошедшей на нет спинки – и опустил кукан в воду. Когда рыбалка была закончена и я вытащил кукан полностью из воды, меня ожидало жестокое разочарование. Нет, моя красавица никуда не сбегала – она просто перестала быть красавицей! Нахальный краб подкрался к кукану и отрыз ей хвост, перекусив как раз то самое тонкое место, на которое я обратил внимание. Теперь туловище заканчивалось продолговатым конусом, похожим на рожок, из острия которого торчало нежное мясо, подкрашенное кровью. Даже настроение испортилось!

Тем не менее, дома мой трофей зажарили вместе с бычками и вручили мне на дегустацию, ну а я, естественно, дал кусочек и Аркадию, искренне возмущавшемуся недавно вместе со мной поведением злодея краба. Мне она показалась, конечно же, необычайно вкусной, но объективно скумбрия всё же уступает бычкам.

Из необычных происшествий запомнилось следующее. Однажды тёплым летним вечером мы под руководством нашего дядьки-воспитателя Олега ловили бычков. Мы сидели на большой, нагретой за день солнцем скале в правой части пляжа и «тягали». До захода оставалось часа полтора, жара спала, о скалу нежно плескалось море, было как-то по особому комфортно и уютно, тем более, что недавно мы выкупались и теперь с наслаждением тёрлись о тёплый камень. Клевало тоже хорошо... Вдруг, откуда ни возьмись, на нас внезапно налетела целая туча каких-то огромных, безжалостных комаров. Вообще говоря, комаров в Одессе всегда хватало, на нашей даче они часто докучали, а когда уже будучи взрослым я проводил в Одессе свой первый аспирантский отпуск и спал полтора месяца на открытой террасе, то они меня просто заели, заставляя спасаться от бессонницы и сопутствовавшей, как на грех, в тот период зубной боли обильными возлияниями и полосканиями сухим вином; но всё же было не совсем понятно, откуда они здесь берутся. Ведь климат в Одессе скорее степной, чем морской (а летом уж точно), ни од-

ной речушки, никаких прудов и болот нет, почва пересушена. Но, видимо, надо учитывать, что, кроме города Одессы, есть ещё и Одесская область, и другие соседние, где впадают в море такие крупные реки, как Дунай, Днестр, Днепр, Южный Буг, образуя обширные пресноводные лиманы, плавни, заводи, где комаров тьма тьмущая, и их просто приносит ветром. Однако, злее тех, какие набросились на нас в тот вечер, нет и быть не может. Мы судорожно отмахивались, лупили себя по всем местам и, дойдя почти до истерики, кажется, заплакали. Олег накрыл нас обоих сразу своим большим флотским пиджаком, в котором любил «щеголять» даже на рыбалке, и стал спешно собирать снасти и вещички, но и пиджак не спасал: кровопийцы и под него забирались, и открытые ноги кусали ещё усерднее. В конце концов мы, бросив всё и даже улов, опрометью кинулись бежать к дому, испытывая нестерпимый зуд и расчёсывая тело до крови, а бедному Олегу, которому тоже досталось по первое число, пришлось тащить одному снасти и весь скарб...

Бывали мы, разумеется, и на других одесских пляжах. На каждом было что-то своё, особенное, да и море бывало немножечко другим. Чаще всего мы посещали Аркадию, куда можно было дойти и пешком вдоль берега примерно за час, но обычно туда вместе с взрослыми ездили на трамвае (одесский трамвай – это особый разговор!) Аркадия, этот небольшой приморский парк с примитивным интерьером и убогой в то время советской торговлей, пользовался тем не менее у одесситов популярностью, и в погожие, а особенно в выходные дни трамваи были облеплены людьми, как мухам, а на небольшом пляже, венчающем парк, действительно яблоку негде было упасть. Купание нам никогда не доставляло там удовольствия: место на пляжном песке нужно было долго выискивать, к воде пробираться среди лежаков, подстилок и голых тел, а уж в море людей толклось и плавало, что сельдей в бочке. Пробежёшь через эту массу, найдёшь дорожку отпалить подальше, отплавёшь наконец, а тут уже и буйки стоят, за которые истошный пляжный репродуктор просит не заплывать и на них не влезать. Что же привлекало?...

За нас с Аркадием я могу ответить однозначно – мороженое!.. В парке и непосредственно над пляжем торговали довольно вкусным мороженым в вафельных стаканчиках, которое мы пристрастились поглощать в неумеренных количествах, благо, стоило оно как раз вполне умеренно и не должно было быть обременительно, на наш взгляд, для кармана взрослых, но это как сказать! Как только мы доходили до первой попавшейся тележки – а уж мы старались, чтобы таковая обязательно попалась, – по первому стаканчику нам покупали без разговоров, как бы уже по традиции. Затем, если удавалось уговорить взрослых отдохнуть в парке после трудной дороги и не кидаться сразу на переполненный пляж, можно было одновременно уговорить их и на второй стаканчик, от чего они сами уже отказывались, но нам отказать, слегка поворчав, не могли и лишь просили, чтобы мы ели осторожно, берегли горло. На пляже приходилось уже канючить, ссылаясь на жару, жажду, аппетит и прочие штучки. Если удавалось выклянчить десятирублёвку (дохрущёвскую), без напоминания о сдаче, то можно было рассчитывать съесть сразу по паре стаканчиков. Наконец, уходя домой и проходя обязательно мимо тележки, можно было предпринять ещё одну просьбу, если, правда, публика ещё не опустошила весь запас мороженого. Нельзя сказать, чтоб мы имели совесть, но обычно мы всё же ограничивались двумя-тремя стаканчиками за день; но однажды выдался и навсегда запомнился день, когда наши личные рекорды (совпавшие, естественно) составили по семь (!) стаканчиков, и ни ангина, ни заворота кишок после вроде бы не было.

Поездка в Лузановку всегда бывала целым событием, которое намечали заранее и реализовывали в выбранный день. Путь был неблизкий. Нужно было добраться двумя трамваями до центра и там решить, пытаться ли отправиться из порта переполненным катером, рискуя провести полдня в очереди на него, или же ехать 6-ым трамваем – ехать тесно, долго и нудно, если не развеселит какой-нибудь очередной трамвайный скандалчик, весьма и весьма вероятный. Обычно мы выбирали именно этот путь, предпочитая вернуться катером, ибо там уже сориентироваться было намного легче. Достигнув наконец «земли обетованной», можно было вволю покупаться и поплякаться. Берег в Лузановке пологий, без характерных обрывов, береговая линия ровная и тянется долгой полосой песчаных пляжей. Привыкший больше к гальке и камням, я не отношусь к любителям песчаных пляжей, но уж когда попадал на них, то не отказывался от «благ», ими доставляемых, тем более в детском возрасте. В Лузановке песок был не светлый, а буроватый, вследствие чего нагревался сильнее, и мы очень любили в него закапывать друг друга так, что одна голова торчала, как у индейцев Майна Рида. Побегать по нему тоже было приятно, но особенно интересно было в нём покопаться, надеясь что-нибудь найти, и иногда это удавалось!

Так, не говоря уж о попадавшей мелочи, однажды мы нашли зелёного камня кулон на золотой цепочке; другим попадались кольца, серьги, часы – всё, что так искусно поглощают песчаные пляжи. Но если даже рукотворные изделия и не попадались, поиск всегда вознаграждался находкой нескольких изумительно изящных маленьких витых раковин конической формы, встречавшихся почему-то именно в Лузановке. Купание здесь было отличное от привычного нам: песчаное дно, медленно и плавно (но, конечно, не так нудно, как на Балтике) уходящее в глубину, отсутствие камней, раскрепощающее для любых ныряний, кувырканий и прочих шалостей, возможность от души попрыгать на волнах в шторм. При хорошем западном или юго-западном ветре на берег набегали волны, которые из-за меньшей глубины закручивались подальше от берега и обрушивались на купающихся с меньшей силой, чем на наших камнях, отливная волна была не сильной. Народ прыгал, женщины и дети визжали от удовольствия и лёгкого страха, но не было риска быть брошенным о камни с получением ушибов, травм или вообще господнего благословения. Однако при противоположном ветре вместо волн на воде была манящая гладь,



так и зовущая поплавать, но ничего не подозревающий купальщик, подойдя к воде, а то и бросившись в неё с разбегу, выскакивал, как ошпаренный: такой ветер сдувал тёплые слои, и вода была ледяной, а к берегу сплошной студенистой массой прибивались медузы, так что буквально было не пройти. Этими медузами мы от нечего делать швырялись друг в друга, и хотя нам говорили, что среди них есть какие-то ядовитые – цветные, кажется, – ни разу мы ожогу не подверглись. Именно в Лузановке такое явление встречалось чаще всего: за всю жизнь я побывал в ней не более десятка раз, но раза три уж точно на него напарывался... Домой, выбрав подходящий момент, всё-таки удавалось отправиться катером, и это было приятное путешествие. Накупавшись, набегавшись, перекусив и немного разомлев, стоишь на палубе, обдуваемый свежим ветерком, и наблюдаешь, как постепенно приближается крутой берег центральной Одессы, наиболее высокий; видишь панораму порта, красивые здания на набережной, Потёмкинскую лестницу, различаешь колоннаду и памятник Дюку и знаешь, что тебя ждёт ещё и, быть может, мороженое, и ещё одно не совсем обычное удовольствие – подъём вверх на фуникулёре, а затем прогулка по самому центру Одессы до троллейбуса (он ходил по Пушкинской) или до трамвая, чтобы доехать до вокзала и пересечь, наконец, на свой родной рыдван – трамвай 5-ый номер.

Сравнительно новый пляж Отрада я часто посещал уже будучи взрослым, для взрослых, соответственно, занятий – преферанса, шахмат, компаний и так далее, – и поэтому к детским впечатлениям о море он практически ничего не добавляет, а вот всего одна поездка на далёкий пляж Люстдорф запомнилась навсегда. Люстдорф – это бывшая, как говорили, немецкая колония, расположенная к западу от Одессы, за Большим Фонтаном. Однажды мы ездили туда на грузовике, не помню, кем организованном, большой компанией; помню лишь, что были мы с Аркадием, наша (его двоюродная, моя троюродная) сестра Эля из Тулы – наша постоянная подруга, участница почти всех наших детских развлечений, великолепная рассказчица; были мама с папой. Более всего поразили в Люстдорфе открытое море, без привычно видимых береговых полосок сбоку, большие волны и удивительные морские камешки. Они были светло-коричневые и не круглые, как привычная морская галька, а продолговатые, прямоугольной формы с обкатанными прибоем рёбрами и углами, так что напоминали удлинённые подушечки или современную жвачку...

Жвачка! Её в Одессе, как в приморском городе, можно было достать и в те глухие времена, особенно на знаменитом «толчке» (толкучем рынке), и для нас, детей, это были почти волшебные пластинки, удивительно вкусные, ароматные, податливые, жующиеся бесконечно долго и позволяющие из оставшейся массы надувать пузыри и хлопать ими по лбу либо себе, либо приятелю...

Кроме коричневых, реже попадались чёрные, как агат, камешки, а также с серыми и перламутровыми прожилками, но тоже продолговатые по форме. Только, много лет спустя, в Коктебеле было ещё в этом смысле интереснее. Я набрал мешочек люстдорфских камешков с собой, в Москву. В те годы я привозил из Одессы, в том числе и с нашего дикого пляжа, коллекции отобранных наиболее интересных морских камешков, чтобы показать ребятам и хранить как память, и потом долго у меня хранились несколько таких мешочков, пока жена не уговорила выбросить... А до сих пор кажется, что открыл бы иной раз такой мешочек, поднёс, как раковину, к уху и услышал бы шум того далёкого-далёкого моря, которое зовётся детством...

ДЕСЕРТ НА ВОДЕ

Все солнечные летние дни на море обычно похожи друг на друга: лёгкая утренняя свежесть и безветрие постепенно уступают место натиску нарастающего дня, стремительно восходит к кульминации Солнце, усиливается зной, поднимается ветер с моря, появляются волны с белыми барашками, а затем ближе к вечеру всё начинает смягчаться и стихать. В пасмурных же днях есть своя индивидуальность, своя неповторимая прелесть, умиротворённость, способность пробудить чувство «светлой грусти», и они запоминаются надолго. Я имею в виду не те ненастные дни, когда вторгается циклон, гоня по небу низкие рваные тучи, поливая косым дождём и пронизывая сильным, порывистым ветром, а тихие тёплые пасмурные дни, когда небо затянуто сплошной высокой облачностью с не различимыми отдельно облаками, слегка парит, иногда накрапывает дождик, горизонт скрыт в тумане, и море вдали практически сливается с небом, а на видимом пространстве его спокойная поверхность разрисована причудливыми продолговатыми узорами в виде ленточных дорожек, почему-то всегда параллельных берегу.

Вот в один из таких дней я в одиночестве пришёл на наш пляж. Не помню года, но был я уже достаточно взрослым, скорее всего, в студенческом возрасте. На пляже не было ни души, за исключением вышедшего через некоторое время на берег после заплыва мужчины средних лет. Я разделся, сложила кучкой рубашонку, сатиновые шаровары (тогда и «треньки»-то ещё не были в ходу) и сандалии со спрятанными в них часами, и рокировался с ним, наоборот войдя в воду. Море было тёплым, спокойным и так и влекло в свои глубины. Напротив пляжа на рейде стоял, казалось, в нескольких ста метрах от берега небольшой военный катер, по виду тральщик или сторожевик, и я решил поплыть в его направлении, ещё не ставя обязательной цели непременно доплыть до него. Проплыл мимо наших любимых скалок, не остановившись ни на одной, и удаляясь от них, держа курс на катер. От берега всегда плыть легко, чувство увеличивающейся глубины под тобой неизъяснимо приятно, а когда впереди маячит цель, искушение достичь её всё нарастает. Плыл я брассом, выдыхая в воду, иногда вертикальным поплавком то погружался чуть вниз, то выныривал, расслабляясь и отдыхая, так что голова моя периодически скрывалась в воде, и

следить за мной с берега, как я сообразил потом, было всё труднее; плыл уже долго, но катер почти не приближался. Обернувшись на берег, я понял, что до него пока ещё ближе, чем до катера, и подумал, не повернуть ли. Но, как любил говорить мой близкий, ныне увы, покойный друг, «мысль пришла, поступала и, не застав никого, ушла». Упрямая, неодолимая сила влекла меня вперёд, и ещё через метров сто я понял, что назад пути не будет, и что до катера я обязательно доплыву. Наконец, при очередном обороте к берегу, стало ясно, что теперь до катера ближе, а чёрная точка – кучка оставленной на берегу одежды – стала почти неразличимой. Зато катер вдруг начал приближаться всё заметнее, при погружении головы в воду всё сильнее слышался стук его работающих моторов, а на палубе явно обратили на меня внимание несколько матросов, глядя в мою сторону и оживлённо жестикулируя, в том числе, как мне показалось, и крутя пальцем у виска. У меня не было ясной программы столь необычного свидания, я не знал, прикоснуться ли мне к судну, подержаться ли за него и отдохнуть, или же сразу повернуть к берегу. Но жизнь всегда сама подскажет, поправит, если что не так (не кавычу, так как не уверен, есть ли такая цитата и кому она принадлежит, – вдруг моя?). Когда до катера осталось метров двадцать и стали видны лица матросов, один из них сделал приглашающий жест рукой и крикнул: «Давай, давай!».

Я, ничего не подозревая, подплыл ближе и уже примеривался, где бы взяться рукой за борт, как вдруг на меня выплеснули... помойное ведро с картофельными, слава богу, очистками. Ничего себе шуточки!

Я нырнул, умылся и отплыл метра на два в сторону, а матросы (их было трое) после дружного смеха вполне дружелюбно пригласили меня подплыть, спустив с борта короткий трап.

Я не стал по нему взбираться (да меня и не приглашали, корабль-то военный), а удобно взялся рукой, и мы немного пообщались. Матросы спросили, какая нужда заставила меня предпринять столь дальний заплыв – ведь до берега, как они сказали, было метров 800 – похвалили меня за смелость, спросили, не устал ли, не хочу ли отдохнуть, а после бодрого отказа один из них ненадолго удалился и вернулся, угостив меня... кружкой компота! И вот, по грудь в воде, держась одной рукой за трап, я шёл этот нехитрый, незатейливый, недостаточно сладкий флотский компот не то чтобы с наслаждением, но с чувством какого-то святого долга, как будто меня встретили хлебом-солью где-то на незнакомой земле, уважая хозяев и боясь обидеть их хотя бы подобием гримасы неудовольствия. Никаких дурацких вопросов я им не задавал, так как уже имел некоторый опыт: отдыхая впервые на Кавказе по окончании 9-го класса (то была моя первая измена Одессе!) и будучи однажды пойман июльской ночью на пляже пограничниками в голом виде, я додумался спросить у них, а сколько их тут в среднем стоит на километр, и был немедленно отпущен за явной придурью, представив позже, каким же идиотом я, надо полагать, выглядел.

Мы распрощались, матросы пожелали мне счастливо доплыть до берега, дав понять, что будут следить, и, оттолкнувшись с новой силой от борта гостеприимного всё-таки корабля, я поплыл на спине в обратный путь, делая сначала сильные гребки руками и толчки ногами и глядя, как начал быстро отодвигаться от меня катер...

Обратный путь был скучен. Отплыв на спине от катера на приличное расстояние, я перевернулся на живот и перешёл на брасс, получив теперь в поле зрения вместо катера желанный берег. Но, боже, как ещё было до него далеко! Почему-то всегда обратный путь труднее, пловец хочет скорее доплыть, начинает торопиться и уставать, что может плохо кончиться. Я это знал и заставляла себя наоборот плыть медленнее, часто прибежал к «поплавку», дающему идеальное, на мой взгляд, расслабление и чувство невесомости, и никакой усталости не чувствовал. Вода была тёплая, и хотя в детстве в любой тёплой воде я (из-за худобы наверное) через 20-30 минут покрывался мурашками и промерзал до дрожи, сейчас этот механизм (силой воли, очевидно) был выключен, и мне плылось вполне комфортно. Наконец, я заметил, обернувшись, что до катера стало вроде бы дальше, чем до берега, и это значило, что более полпути уже позади. Матросы, как мне показалось, помахали мне рукой, хотя они уже должны бы были потерять меня из виду. Через некоторое время берег стал прорисовываться отчётливее и я увидел, как по нему беспокойно суетится и глядьвается вдаль из-под руки, хотя солнца по-прежнему не было, какой-то человек в одежде, а ещё через три-четыре десятка гребков разглядел знакомую чёрную точку – свою одежду. За часы было спокойно, больше никто на пляже пока так и не появился. Берег, хоть и очень медленно, но приближался, на дне иногда стали просматриваться камни на песке, скоро должны были предложить свои услуги наши опорные точки отдыха – скалки, но я решил дотянуть до берега без всякого отдыха. В районе четвёртой скалки я обратил внимание, что человек в одежде машет мне рукой, но как-то загребая к себе – мол, вылезай скорей! Знакомых черт я в нём не высмотрел и спокойно продолжал плыть ныряками с выдохом в воду, доплыв почти до кромки, где глубина уже по колено, встал на руки, подтянул ноги и, как ни в чём не бывало, вышел из моря с олимпийским спокойствием, ровным дыханием и безо всяких там мурашек. Мужчина сразу обратился ко мне не то с радостью, не то с укоризной, и я узнал в нём того купальщика, с которым более часа назад делал «рокировку». Он возбуждённо рассказал мне, что, обсохнув и одевшись после купания, он сел на берегу отдохнуть, покурить, затем почитал, а ещё через некоторое время, взглянув на мою одежду, вспомнил обо мне, бросил взгляд в море, но сразу меня не обнаружил и, лишь пристально глядевшись, заметил чёрную точку, иногда появлявшуюся, но чаще пропадавшую в зыбких волнах (море было, напоминаю, спокойным, и волны могли быть только гладкими, типа зыби). Потом она пропала окончательно. Он был в растерянности, не предполагая, что я мог поплыть к катеру, и не знал, что же делать. Затем он попытался достать рыбацкую лодку, которые прикалывались в небольшом количестве на соседнем пляже, но рыбаков, как на грех, никого не было.



Спасательных станций поблизости тогда не было, бежать в город не имело смысла. Другой бы планул и ушёл, особенно в нынешнее время, но человек попался не безразличный, ответственный. Вернувшись на наш пляж, он снова всмотрелся в морскую даль, и ему показалось, что он заметил несколько парных взмахов не то руками, не то крылами, будто человек плывёт (а это я как раз плыл от катера на спине!) или баклан какой сел на воду, а затем он опять стал иногда видеть чёрную ныряющую точку, и появилась надежда. Через несколько минут точка выросла, стала появляться и пропадать в чётком ритме, и мой наблюдатель, случайный и невольный участник затеянного мною экспромта, воспрянул духом и, уже не сомневаясь, что это возвращается пропавший было пловец, сомневался лишь, дотяну ли я до берега, и ждал, когда же, наконец, этот кошмар закончится. Когда я вылез, он, несмотря на солидную разницу в возрасте, обратился ко мне вполне уважительно и лишь посетовал, что надо было, мол, предупредить, что поплывёшь к катеру, но ведь я-то и сам об этом поначалу не знал! Потом он рассказал мне о своих наблюдениях, сомнениях и метаниях, и я искренне перед ним извинился, а он попросил меня впредь не совершать таких рискованных заплывов, и я пошёл домой без угрызений...

Много раз потом я плавал на других пляжах, в других местах и даже других морях (ишь, размечтался! Ещё только в Балтийском, что после Чёрного и морем-то с трудом назовёшь; в других не довелось), и, пожалуй, подобных заплывов больше не совершал. Много выпил я в жизни компотов, самых разных и несравненно более вкусных, но почти всегда, держа в руках кружку, чашку или казённый столовский стакан с компотом, вспоминал этот примитивный флотский десерт, а вокруг море, море, море...

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
в переводах Эрлена Бейлиса

РОБЕРТ ФРОСТ

A LINE-STORM SONG

The line-storm clouds fly tattered and swift,
The road is forlorn all day,
Where a myriad snowy quartz stones lift,
And the hoof-prints vanish away.
The roadside flowers, too wet for the bee,
Expend their bloom in vain.
Come over the hills and far with me,
And be my love in the rain.

The birds have less to say for themselves
In the wood-world's torn despair
Than now these numberless years the elves,
Although they are no less there:
All song of the woods is crushed like some
Wild, easily shattered rose.
Come, be my love in the wet woods; come,
Where the boughs rain when it blows.

There is the gale to urge behind
And bruit our singing down,
And the shallow waters aflutter with wind
From which to gather your gown.
What matter if we go clear to the west,
And come not through dry-shod?
For wilding brooch shall wet your breast
The rain-fresh goldenrod.

Oh, never this whelming east wind swells
But it seems like the sea's return
To the ancient lands where it left the shells
Before the age of the fern;
And it seems like the time when after doubt
Our love came back amain.
Oh, come forth into the storm and rout
And be my love in the rain.

ПЕСНЯ В ГРОЗУ

Вверху штормовые летят облака,
Дорога безлюдна весь день.
Летят мириады крушинок песка
В лицо, словно стрелы в мишень.
Напрасно цветёт у дороги герань –
Пчела позабыла о ней.
Со мною пройди через горы и стань
Любовью дождливой моей.



И в зарослях птицы не больше поют
 Под яркие вспышки зарниц,
 Чем эльфы, веками живущие тут,
 Которых не меньше, чем птиц.
 Все песни в лесу рассыпаются в прах,
 Как розы непрочный цветок.
 Любовью моей стань во влажных лесах,
 Где ветер срывает листок.

Здесь дует нам в спину седой ураган,
 И глушит он наши слова,
 Вода вдруг вздымается вверх, как фонтан,
 Срывая одежду покрова.
 Не важно, на запад, на юг, на восток
 Идти нам, чтоб не утонуть,
 Когда золотарника мокрый цветок
 Как брошь, тебе ляжет на грудь.

Увы, этой буре не будет конца,
 Как будто вернулись года,
 Когда над землей по велению Творца
 Текла океана вода.
 Но, кажется, пройдена нами та грань
 Сомнений и глупых речей.
 Пройди через бурю и ветер и стань
 Любовью дождливой моей.

FIRE AND ICE

Some say the world will end in fire,
 Some say in ice.
 From what I've tasted of desire
 I hold with those who favor fire.
 But if it had to perish twice,
 I think I know enough of hate
 To say that for destruction ice
 Is also great
 And would suffice.

ОГОНЬ И ЛЁД

Погубит мир большой пожар,
 А может, лёд.
 Желаний испытай угар,
 Согласен я, нас ждёт пожар,
 Но, коль нас дважды гибель ждёт,
 Мне ненависть даёт совет –
 Разрушить всё сумеет лёд,
 Спасенья нет,
 И всё умрет.

ДИЛАН ТОМАС

DO NOT GO GENTLE INTO THAT GOOD NIGHT

Do not go gentle into that good night,
Old age should burn and rave at close of day;
Rage, rage against the dying of the light.

Though wise men at their end know dark is right,
Because their words had forked no lightning they
Do not go gentle into that good night.

Good men, the last wave by, crying how bright
Their frail deeds might have danced in a green bay,
Rage, rage against the dying of the light.

Wild men who caught and sang the sun in flight,
And learn, too late, they grieved it on its way,
Do not go gentle into that good night.

Grave men, near death, who see with blinding sight
Blind eyes could blaze like meteors and be gay,
Rage, rage against the dying of the light.

And you, my father, there on that sad height,
Curse, bless, me now with your fierce tears, I pray.
Do not go gentle into that good night.
Rage, rage against the dying of the light.

НЕ УХОДИ ПОКОРНО В ЭТУ НОЧЬ

Не уходи покорно в эту ночь,
Пылает старость пусть на склоне дня;
Противься, когда свет уходит прочь.

Мудрец, что понял – тьму не превозмочь,
Бессилье слов пред молнией цена,
Он не уйдёт покорно в эту ночь.

Добрjak, которому забыть невмочь
Свои поступки, плачет, всё браня,
Противится, коль свет уходит прочь.

Безумец, что был к подвигам охоч,
Пусть поздно, но стезю свою кляня,
Он не уйдёт покорно в эту ночь.

Злодей, что смех не в силах превозмочь
При блеске метеорного огня,
Противится, коль свет уходит прочь.

И ты, отец, печальный час отсрочь,
Молю, благослови в слезах меня,
Не уходи покорно в эту ночь,
Противься, когда свет уходит прочь.



ЭДГАР ПО

THE RAVEN

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
 Over many a quaint and curious volume of forgotten lore –
 While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
 As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
 “‘Tis some visitor,” I muttered, “tapping at my chamber door –
 Only this and nothing more.”

Ah, distinctly I remember, it was in the bleak December,
 And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
 Eagerly I wished the morrow; – vainly I had sought to borrow
 From my books surcease of sorrow – sorrow for the lost Lenore –
 For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore –
 Nameless here for evermore.

And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
 Thrilled me – filled me with fantastic terrors never felt before;
 So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating,
 “‘Tis some visitor entreating entrance at my chamber door –
 Some late visitor entreating entrance at my chamber door; –
 This it is and nothing more.”

Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
 “Sir,” said I, “or Madam, truly your forgiveness I implore;
 But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
 And so faintly you came tapping, tapping at my chamber door,
 That I scarce was sure I heard you” – here I opened wide the door: –
 Darkness there and nothing more.

Deep into that darkness peering, long I stood there wondering, fearing,
 Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before;
 But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
 And the only word there spoken was the whispered word, “Lenore?”
 This I whispered, and an echo murmured back the word, “Lenore!”
 Merely this and nothing more.

Back into the chamber turning, all my soul within me burning,
 Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.
 “Surely,” said I, “surely that is something at my window lattice;
 Let me see, then, what thence is, and this mystery explore –
 Let my heart be still a moment, and this mystery explore; –
 ‘Tis the wind and nothing more!”

Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter,
 In there stepped a stately Raven of the saintly days of yore;
 Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed he;
 But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door –
 Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door –
 Perched, and sat, and nothing more.

Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
 By the grave and stern decorum of the countenance it wore,
 “Though the crest be shorn and shaven, thou,” I said, “art sure no craven,
 Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly shore –
 Tell me what thy lordly name is on the Night’s Plutonian shore!”
 Quoth the Raven, “Nevermore.”



Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so plainly,
 Though its answer little meaning-little relevancy bore;
 For we cannot help agreeing that no living human being
 Ever yet was blessed with seeing bird above his chamber door –
 Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber door,
 With such name as “Nevermore.”

But the Raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
 That one word, as if his soul in that one word he did outpour.
 Nothing further then he uttered-not a feather then he fluttered-
 Till I scarcely more than muttered, “Other friends have flown before –
 On the morrow he will leave me, as my Hopes have flown before.”
 Then the bird said, “Nevermore.”

Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
 “Doubtless,” said I, “what it utters is its only stock and store,
 Caught from some unhappy master whom unmerciful Disaster
 Followed fast and followed faster till his songs one burden bore –
 Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
 Of ‘Never-nevermore.’”

But the Raven still beguiling my sad fancy into smiling,
 Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird and bust and door;
 Then, upon the velvet sinking, I betook myself to linking
 Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore –
 What this grim, ungainly, ghastly, gaunt, and ominous bird of yore
 Meant in croaking “Nevermore.”

This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
 To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom’s core;
 This and more I sat divining, with my head at case reclining
 On the cushion’s velvet lining that the lamp-light gloated o’er,
 But whose velvet violet lining with the lamp-light gloating o’er,
 She shall press, ah, nevermore!

Then, methought, the air grew denser, perfumed from an unseen censer
 Swung by Seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted floor.
 “Wretch,” I cried, “thy God hath lent thee – by these angels he hath sent thee
 Respite-respite and nepenthe from thy memories of Lenore!
 Quaff, oh, quaff this kind nepenthe, and forget this lost Lenore!”
 Quoth the Raven, “Nevermore.”

“Prophet!” said I, “thing of evil! - prophet still, if bird or devil! -
 Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore,
 Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted –
 On this home by Horror haunted – tell me truly, I implore –
 Is there-is there balm in Gilead? – tell me – tell me, I implore!”
 Quoth the Raven, “Nevermore.”

“Prophet!” said I, “thing of evil! – prophet still, if bird or devil!
 By that Heaven that bends above us – by that God we both adore –
 Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
 It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore-
 Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore.”
 Quoth the Raven, “Nevermore.”

“Be that word our bird or fiend!” I shrieked, sign of parting, upstarting –
 “Get thee back into the tempest and the Night’s Plutonian shore!
 Leave no black plume as a token of that lie thy soul hath spoken!
 Leave my loneliness unbroken! – quit the bust above my door!
 Take thy beak from out my heart, and take thy form from off my door!”
 Quoth the Raven, “Nevermore.”



And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
 On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
 And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
 And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
 And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
 Shall be lifted-nevermore!

ВОРОН

Полночь тянется тоскливо. Я устало и лениво
 Размышлял над грудой старых фолиантов во полусне.
 Вдруг несмелый стук раздался, будто кто войти пытался,
 Будто в дверь мою стучался некто, кто пришёл ко мне.
 «Там какой-то посетитель, – буркнул я, – пришёл ко мне,
 Никого там больше нет».

В декабре зима сурова. Тлеет огонь в камине снова,
 Отблески углей сосновых на полу плели узор.
 Утра ожидая страстно, книги я листал напрасно,
 Чтоб не помнить о прекрасной и утраченной Ленор,
 Той, чье ангельское имя – лучезарная Ленор –
 Не помянут с этих пор.

Шорох шелковой портьеры страх внушал, лишая веры,
 Сердце билось, и казалось, что в глазах померкнул свет.
 Чтоб унять свои страданья, я сказал, как заклинанье:
 Там какой-то гость случайный в поздний час пришёл ко мне,
 Просто, это гость случайный в поздний час пришёл ко мне, –
 Никого там больше нет».

И тогда, собравшись с духом, я сказал с волнением глухо:
 «Я прошу Вас, извините за столь поздний мой ответ.
 Не корите меня строго, я, увы, вздремнул немного,
 Вы стучали у порога слишком тихо в дверь ко мне.
 Тут ракрыл я настежь двери – темнота навстречу мне –
 Никого там больше нет».

Полный страха и сомнений я смотрел сквозь мрак и тень,
 И ничто не прерывало тишь молчанья моего.
 Только имя девы милой, что в моем сознании всплыло,
 Тихо эхо повторило, имя, что важнее всего.
 Я услышал звук его! Имя, что я вслух промолвил.
 Кроме эха, ничего.

Я опять листаю книги, на душе тоски вериги,
 И опять ко мне стучатся посильней, чем до того.
 «Видно, ветер мне в окошко стукнул снежной мёрзлой крошкой,
 Пусть душа вздохнет немножко, тайну выясню всего,
 Разузнаю, в чем причина, тайну выясню всего –
 Ветер – больше ничего».

Только я коснулся створок, вдруг в окно влетает ворон
 И летает над дверями кабинета моего.
 Чёрный ворон без браваты сел потом на бюст Паллады,
 С миной лорда или леди, будто он важнее всего,
 Будто ждали здесь его, ворон сел на бюст Паллады,
 Сел... и больше ничего

Смотрит важно, величаво. Улыбнулся я печально
 И с иссиня-чёрной птицей тихо начал разговор:
 «Ты пришёл сюда из ночи, вечность видел ты воочью,
 Ты поведать мне не хочешь, как зовут тебя с тех пор?
 Ты ещё Плутона видел. Как зовут тебя с тех пор?»
 Ворон каркнул: «Просто вздор!».

Я засыл в немом молчанье, ведь пернатое созданье
 Понимало, как я понял, человеческий разговор.
 Никогда бы не поверил, чтобы кто-нибудь над дверью
 Видел птицу или зверя, что влетела из-за штор.
 И что птица, что вступила в человеческий разговор,
 Носит имя «Просто вздор!».

Ворон громко и сурово произнёс всего два слова,
 Будто он, сорвав покровы, душу вынес на обзор.
 Я сказал себе: «Нас – двое, нет моих друзей со мною,
 Предрасветною порою ворон вылетит во двор,
 Как все прежние надежды, ворон вылетит во двор.
 Ворон каркнул: «Просто вздор!».

Вздрыгнул я при этом звуке, осознав, какие муки
 Испытал хозяин птицы, что владел ей до сих пор.
 Разуверившись в надежде на возврат успехов прежних,
 Он смирился с неизбежным и воспринял свой позор.
 Лишь два слова повторял он, что звучали, как укор,
 Лишь два слова: «Просто вздор!».

Развалившись полужёва в бархатном удобном ложе,
 Я понять слова стремился, устремив на птицу взор.
 Возбужден я был без меры – этот призрак древней эры,
 Эта жуткая химера, этот вещий визитёр,
 Что сказать она хотела, глядя на меня в упор,
 Повторяя: «Просто вздор!»?

Сев на статую Паллады, ворон жёг мне душу взглядом,
 Я ж в молчании пытался свой ответ найти тогда.
 Лампы свет ласкал подушку... «О, Ленор, моя подруга,
 Ты своим прелестным ушком не коснешься никогда
 Этой бархатной подушки, что любила ты всегда,
 Не коснешься никогда».

Воздух был наполнен дымом – то курили серафимы
 Фимиаи, легко ступая на расстеленный ковер.
 «О, несчастный! Вот спасенье! Шлёт Господь тебе забвеньё,
 Шлёт тебе бальзам забвенья, чтоб забыла ты о Ленор!
 Пей бальзам во избавленье и забудь свою Ленор!»
 Ворон каркнул: «Просто вздор!»

«О, пророк! – тогда вскричал я, – Бог иль дьявол, я не знаю!
 Будь ты послан сатаною, огласи свой приговор!
 Как стереть в земле пустынной память о душе невинной,
 Может быть, бальзам старинный существует с давних пор?
 Я молю тебя, открой мне тот бальзам, как заговор!»
 Ворон каркнул: «Просто вздор!».

«О, пророк! – тогда вскричал я, – Бог иль дьявол, я не знаю!
 Я смиренно умоляю, будь со мною с этих пор!
 Мне ответь, в садах Эдема, где свой путь закончим все мы,
 Я по блеску диадемы отыщу мою Ленор?
 Ту, что ангелов достойна, обниму мою Ленор?»
 Ворон каркнул: «Просто вздор!».

И тогда в порыве страсти, я вскричал: «Уйди, несчастье!
 Прочь лети, во тьму, в ненастье! Вон! Скорей лети во двор!
 Бюст висит над самой дверью. Будь ты птицей или зверем,
 Больше нет к тебе доверья! Всё! Закончен разговор!
 Вырви острый клюв из сердца, улетай скорей во двор!»
 Ворон каркнул: «Просто вздор!».

Недвижимый ворон чёрный восседает непокорный.
 Силуэт его тлетворный затеняет мой ковер.
 Не мигая, смотрят очи, словно демон среди ночи
 Продолжать со мной не хочет беспредметный разговор;
 И душа моя над тенью, что легла на мой ковер,
 Не воспрянет – просто вздор!

СОАД ЭЛЬ КОАРИ

в переводах с арабского Ирины Сотниковой

السواد

هذه الليلة
أغفو بين رأسين
فيدعوني ملائكة النوم
أن أخلع رأسي
كائنات تشبه الأشباح
تدنو من سريري
فيطل الضوء
من نافذة عمياء
حلمي يهبط الآن
على شال النعاس
كطيور الماء
يستتجد بالموجة
تكسوه بصمات
فيطيش
الموج في صدري
و أجتأح رماد الحلم
مرات عديدة

ТЬМА

Я этой ночью
Всё ещё на грани полусна –
Я между памятью о яви и дремотой...
И ангел забытья протягивает
узкую ладонь.

Похожие на призраков виденья
Склоняются участливо к глазам
И закрывают свет окна слепого...
И прячется обманутая грёза
В уютной шали полусна,
Как птицы водные
В спасительной волне...

И накрывает сон причудливую грёзу,
И волны чувств в груди вскипают,
И я ещё не раз прорвусь сквозь пепел сна,
На грани осмысленья застывая...

قراءة أولى في سراديج الوجود

في مطار صغير
في مدينة ما
كنت أودع أشخاصاً لا أعرفهم
و أستقبل أشخاصاً لا أعرفهم
ثم أدفن عمري في منفضة السجائر
في مطار صغير
في مدينة ما
الحقائب تحقّ بي
و تمدّ لسانها الطويل
ساخرة من ابتسامتي البهائم
و أنا أودع أشخاصاً لا أعرفهم
و أستقبل أشخاصاً لا أعرفهم
و أسدّ أذني بقوة
كي لا يقتحمني
هدير الطائرات المسافرة

ЧТЕНИЯ В ТОННЕЛЯХ БЫТИЯ

В маленьком аэропорту,
В городе, затерянном и скучном,
С незнакомыми прощалась и встречала
Тех, кто абсолютно не знаком,
Страхивая пепел отгоревший –
Пепел жизни – в пепельницу снов.

В маленьком аэропорту,
В городе, затерянном и скучном,
На меня глазеют чемоданы,
Вслед швыряя тонкость языков,
Насмехаясь над моим смущеньем,
Над улыбкой глушой и больной.

Снова я встречаю незнакомых
И чужих я провожаю вновь,
И сжимаю уши, чтоб не слышать
Самолётов уходящих рёв...
...В маленьком аэропорту,
В городе, затерянном...

ما تطلبه مني
تستطيع أي امرأة أن تمنحك إياه
لكن ما أريده أنا
لا تستطيع أنت أن تمنحني إياه
أيها الرجل!



Любая женщина подарит то,
 О чем меня ты просишь,
 О, мужчина!
 Но никогда не сможешь дать мне то,
 О чем мечтаю я,
 Ведь ты – мужчина!

الرحلة

قبل أن نمضي بعيداً
 تاركين
 البابَ مفتوحاً
 لقطاعِ الطرقِ
 سوف نيكى و نغني في الخفاءِ
 و ننادي شجرَ الليلِ
 لكي يرمي أثاثَ البيتِ
 في جرحِ الفضاءِ
 * * *

قبل أن تشعلَ
 أمواجَ أستلقي
 على رف صغيرٍ
 بينما
 يذبل عمري
 في زوايا معتمة .

ПУТЕШЕСТВИЕ

Перед тем, как уйти насовсем,
 Оставляя убийцам открытые двери,
 От бессилия тихо заплачем...
 Будем петь свою песню украдкой,
 Сзывая ночные деревья,
 Чтобы сбросили форму, как мебель,
 В иссеченную рану вселенной...

До того, как зажгутся прощания волны,
 Я прилягу в уютном пространстве покоя,
 Вроде маленькой полки для книг...
 Только жизнь моя вянет бесславно и больно,
 Рассыпаясь в углах бесконечных и тёмных,
 Приближая прощания миг.

تميمتي الأخيرة
 شراع مبحر نحو المنفى
 لأي منفى
 أي منفى غير الوطن.



Последний талисман живой –
 Мой белый парус, что плывёт в изгнание.
 Любое отторжение приму, признаю –
 Любое, кроме одного: земли родной.

سعاداً..
 المساء أنتصف
 المساء الطالع كالأشواك
 المساء، المساء، المساء
 أهبط درجات عريضة
 مهرولة..
 أعبر سراديب خيالية
 أسابق خيول الصوت
 سعاداً
 المساء أنتصف
 من أين لي كل هذه القدرة على المضي ..؟
 إحدى عشرة درجة
 ثلاث عشرة درجة
 عشرون درجة
 المساء يتدحرج كأحشاء فراشة
 وأنا أهترئ
 أتساقط كحبات العنب

Соад...

И вечер наступил,
 Похожий на шипы колючек.
 Мой вечер...
 вечер...

вечер...

Бегу по лестнице широкой вниз
 И пробегаю фантастические подземелья...
 Я так хочу опередить себя
 и скорость звука...

Соад...

И вечер наступил...
 Откуда у меня так много сил
 Идти...

Бежать...

Одиннадцать ступеней,
 уже тринадцать, двадцать...
 Мой вечер катится за мной,
 как бабочки летящей лоно.

И я дрожу, как винограда гроздь,
 И падаю, как опадают виноградинки,
 Касаясь каменного пола.

РОМАН КОЖУХАРОВ

РЫБЫ

(Глава из романа «Господь IN Президент»)

Candidatus (лат.) – одетый в белое.

I.

Запустили в аквариум корм. Пугливо скользнули в распаренное помещение и стали, стыдливо пытались прикрыть свои грудки и юные лона. Беленькая и чёрненькая. Трепыхают тряпочками-плавничками, озираясь на толсто-стеклянные стенки, которые – логово.

Цеаш, недвижимый, намеренно медлил. Обжёвывал взглядом, ушываясь моментом. И ведь страх и страсть нетерпения – одной дрожки. Знакомо и жарко, под спудом телес, нарастало снедающее вожделение. Чтобы усилить, Цеаш обратился к приёму, который срабатывал безотказно. Без зарасте и прочих любезностей, не спросив даже, как их зовут, – непреклонно и властно приказал опустить руки.

Запоренно подчинились. Дрожь в них усилилась видимо и тут же, невидимо, – в нём.

Хороши... Как раз Владисвету по вкусу. Ножки стройные, икры – бутылочками, не шибок широкие бёдра, тонкие талии, плоские животы, торчащие крепко грудки.

Танцовщицы или спортсменки... Из глубин былого, которое в Цеаше пробуждалось смутно, но почему-то всё чаще, всплыло ещё одно. Преотлично бы подошло: *камсамалочки*... Всё тут сошлось, зазвучало, переливаясь тирольскими тролями: коммен зи, биттер, милочки, попотчуйте вашим млеющим мяском с парным молочком. И *сам*, и *очки*, и *щелочки*...

Арнольдич, чёртов пройдоха, подбор отработал, как часики. Где ж он их выловил? Не шибок высокие. Гандболистки, поди? Те сутулее, и нет в ключичках с коленками искомой изнеженной тонкости. Нет её и у гимнасток, но «художницы» берут гармоничностью. И, опять же, растяжка... Из синхронного плаванья? Те шире в плечах. Эх, до чего же умели в джакузи...

Цеаш искушенным нутром идентифицировал. Вспомнил: Арнольдич, с придыханием и брызгами слюны, дозвола испрашивал новой причуде. При футбольном клубе создали девчоночью группу болельщицких плясок. Кто, как не *всесильные мы* – неустанные меценаты-податели, окормители всего, что движется, ибо движение – жизнь, и, следовательно, конечно же, спорта – поддержат неодолимую тягу молодежи к здоровому телу?.. Вырвать из цепких лап улицы племя младое, незнакомое. Податливое. Заодно, хи-хи... и познакомиться... *Mens sana in corpore sano!* Что там, в здоровом-то теле, это мы настоятельно выясним.

Причуду обозвал по-мудрёному. Чи лидеры, чи не лидеры?.. Вспомнилось вот: чирлидеры!.. Тешит паршивца заморское, никак его не подсадить на отечественное. Вот же оно, плоть от плоти своё, родным чернорозёмом вскормленное, без канцерогенов, генных модификаций и прочей пакостной мутоты. На хлеб хоть намазывай. С каким забуторным, засиликоненным, такое сравнится? Как же такому податливому не подать, как не присовокупиться?

Причуде помощника Цеаш, конечно же, дал добро. Или что же, прикажете зло дать?!.. На такое щедроподательный кандидат попросту не способен. Потребовал лишь, чтобы строже следили за *совершеннолетием*. В свете бывавших, и не единожды, накладок – *прецедентов*, как поддакнул Арнольдич – нынче, в преддверии горячей предвыборной свары, лишние кривотолки и головняки не нужны.

– Чирлидеры? – потеплевшим, слегка только голосом, словно с трона, с дубового своего топчана спросил зелодушный Цеаш.

А они, цепляясь, как за спасательный круг, за толику теплоты, с готовностью и рвением закивали точёными своими головками. Причёсочки одинаковые у обеих – зализанно собраны волосы сзади в пучок. У первой – белее снега, у второй – чернее смолы.

– Ну, станцуйте что-нибудь... – разрешительно выдохнул и, совсем уже жарко и многозначительно, добавил:

– Для вашего щедрого Владисвета...

Блондинка с брюнеткой начали сковано, потом всё привычной задвигались по вызубренной в чирлидерской школе бестыдной хореографии. Давай выгибаться, ногами синхронно махать, *колёса* и прочие



па выписывать. Под гладью упругой кожи заиграли сплетения нежно-ладненьких мышц, выставляя плоть напоказ.

Снег и смола всё теснее, противоположнее спрягались в тесных покоях распаренного помещения. Молоко и нефть, Монро и Бейонси, Чичолина и... кто-то там из чернокожих порнобл[...].й?..

О просьбе хозяйской холуй не забыл. Со свойственным подобострастным рвением Арнольдч усёк как бы нехотя, вскользь озвученные, неясные прихоти, собрал оброщённые клочья и склеил в одно непотребство.

А не сыграть бы в такую... ролевою... ну, типа игру... на раздевание... с подходящими партиями... беляночки и чернушечки... призваны как бы символизировать Свет и Тьму...

Тут уж он мастер, постановщик хренов. На то она и причуда, прилипла при продубленной, расписанной под гжель чуде-юде. Услужил. Умаслил, паршивец, по самое *не хочу*. Вернее *хочу*, ох, как *хочу*. Обладать и белой, и чёрной, по очереди и одновременно, во всех этих па, выгибаниях и колесах, чтобы не абы как, не *умом*, и *душой*, и *сердцем*, и прочей абстрактною требухой, а чтобы всеми порами заматерелых телес подчинить себе под чресленную явь и Добро, и Зло, и, стерев все границы, иметь их, к чёртовой матери, без разбора...

II.

Въезд в Уренгой чужакам запрещён. Как Адаму – в Эдем. Как пели «Бони Эм», «Ван вэй тикет»... Ой, вэй! Все дороги ведут в Рим. Жители белокаменной посещают радушный Стамбул «all inclusive». Но дорога в Царьград жителям Третьего Рима заказана. Билет в одну сторону. Никак нет. Возвращение невозможно. Потерявшим старый свет остаётся одно: обрести новый. Как пели «Бони Эм»: «Ну-у-у... У-у... У-у... У-у... У-у...».

N.U. – New Urengoi... Нитевидные жилки пучатся синим. Пульсируют, набухают, подрагивают от напряжения. 70 килограмм на метр квадратный. Вентили, как чёртово колесо, повернулись против часовой стрелки. Уренгой изливается...

А ведь у истоков своих день не сулил никакого выхода из берегов. Всё, как обычно: пустопорожнее радение, суета и дуристика, не лишённые, однако, осознания собственной непреходящей значимости. Какашка никчёмности в фантике сопричастности. Атмосфера, не чуждая ни какому офису, а тройне – штабу владетельного кандидата Владисвета Цеаша, пребывающему в эпицентре невиданных потрясений, на острие событийной суводи. Пик паводка, а вода прибывает. Снова, с полуночи, Ново-Днестровская ГЭС увеличила сброс, до двух с половиной тысяч кубов. Снова хохлы не предупредили, и наши вынужденно увеличили сброс до трёх тысяч.

К обеде масса воды раскроет берега до Незавертайловки, и река превратится во вспученную растарашу. Тогда-то и побегут к нему с воплем и криком: «Спаси нас, тресветлый Цеаш!». Тогда он и явит могущество, ибо вершимое в сих руслах – творимое будущее. Здесь, в джакузи истории, громокипящем огнём, водой и медными трубами, отлавивают скрижали грядущего бытия, выставляют верши, указующие сотням тысяч, да что там – миллионам!

Пар клокочет, пламя горит. Днём – столп облачный, ночью – высеченный из огня цельного, пылающий, как костыль одноногого исполина. Отстегнув деревяшку, пройдоха использует её как копьё. Многих – коварных и преданных, хитрожопых и честных, товарищей и подельников – матерый морской змей извёл на тропе к сокровищу. Сокрыто в земле, в кровнице утоплено. Культя натёрта, гноится сукровицей, но культяшка служит по делу. Починце здоровой конечности карабкается по каменистым склонам. Вздвигается или скатывается вниз по трапу? Ведёт одержимого дьявольский блеск дублонов и крест на куске пергамента. Всё дозволено, всё полезно на пути к вожденной цели.

Историчность момента поневоле обуславливает его истеричность. Вот Арнольдч по поводу и без впадал в истерику. Ни рамок, ни границ приличия. Пёр, как бык. Не то, что Хома Брут, очертившийся от чертей и прочей рогатой нечисти. А тут ор и гвалт, матерщина при женщинах. Громовержец, блин. Плох тот бык, что не мнит себя Зевсом.

И в то утро. Побагровел так, что жилы на бычьей его шее вздулись. Того и гляди, выйдут из берегов. – И как!?!.. – орёт. – Как из себя не выйти!?!

Впал, короче, в экстаз. Ectasis – творчество, перевод с платонического. Выход за пределы себя. Исступление. А мы – скованные одной цепью. Как преступники, на кандалы осужденные. Ни тебе ENTER, ни EXIT. Выход-вход, в переводе с английского.

Только ничего мы не преступали. Это Арнольдч бился в истерику. Это он в исступлении преступать собирался. А мы, онемевшие, ждали: вот, сейчас наступит. Распахнутся в начальнике штаба некие створки, вскроются ставенки, и он из себя выйдет. То есть, в буквальном смысле, тю-тю. Собственной персоной. Или чем там ещё. Выступит.

Мне, в принципе, его брызганье слюны было, что мёртвому припарки. Фига в кармане – железобетонное средство. Проходили. Эту школу, когда начальник вступает в сношение с мозгом подчиненного, я в батальоне прекрасно усвоил. Старшина нас снапал по полной, в крутовороте тягот и лишений армейской жизни *летали* все – и *духи*, и *дембеля*, и *черта*, и *деды*. Караул, наряд, караул, наряд... Старшина наш мужик был в принципе неплохой, но комбат имел цель двигаться вверх по служебной лестнице, планировал



поступать то ли в военную академию, то ли на курсы «Выстрел»...

Короче, майор имел мозги штабных и командиров рот, ротные – старшин, а далее по лесенке субординации: старшины задалбывали дембелей и дедов, те – черепов, а те – духов. Зато батальон наш считался в полку и во всей дивизии не то, чтобы образцово-показательным, а самым боевым. Раздолбай, конечно, ещё те: и в *самоходь*, и на *зубу*, и в госпитале с челюстно-лицевыми травмами. Армянинов, как тот с ножевым заремела. С местными из-за чиксы одной схлестнулся. Девчонки, с Западного и из Белых казарм, постоянно в дивизии опшивались. Выйдешь из казармы, на улице минус двадцать, а она стоит в прозрачных колготочках, с ножки на ножку у крыльца, на снегу переминается. Ждёт у моря погоды. В такой-то дубак! Что её греет? Гремучая смесь из неодолимой тяги к военной форме и чисто бабьей жалости к *срочникам*. А солдатика рады стараться. Призывы, один – другому, по наследству их передавали. Бог его знает, с каких времён эстафета эта длилась. 59-я Краматорская пришла в Парадизовск из-под Вены, сразу после Великой Отечественной. Считай, с 45-го года. Но надо ж учитывать историческую ретроспекцию. На территории дивизии сохранились казармы Астраханского и Подольского полков, участников ещё Бородинской битвы. Построены Бог знает когда, а сохранились неплохо. Наши казармы танкистов, лет тридцать назад возведённые доблестным стройбатом, к чёртовой матери рассыпались в прах и бетонные перекрытия. Как Вавилонская башня. А этим больше века, а они стоят. Там сейчас миротворцы неплохо себе поживают.

Конечно, бывало всяко. Но если приспичит командованию отправить танкистов на стрельбы, как они говорили, *на большую землю*, и чтоб там не облажались и не опозорились, отправляли нас. Мы: командир танка Лобанов, Гаврюха, механик, и я, стрелок-наводчик. Другие экипажи Т-64, но все пацаны – из нашего батальона. Кто раз в таком побывал, тот уже не забудет. А я поучаствовал дважды. Скажу вам: движуха! Никто ни о чём не знает, но неделя за две начинается беготня. Все носятся, потом начинают *летать*. Не зря бетонированный пол в центре казарменного помещения *взлёткой* прозвали.

Не ропщет никто, потому как не плац шёткой драим, и не второй устав, с ночными построениями, *фанерами* и *лосями*, *сушеными крокодилчиками* и *сусликами в поле*. Духи при поздравлении дедов сбиваются со счёта *сколько осталось*, а и сами дедушки к черту забывают о своей *стодневке*, потому что началась, наконец-то, она – самая что ни на есть боевая подготовка. На заре, едва разделившись с физзарядкой и рыльно-мыльной прелюдией, понеслись: технику из боксов и на полигон, и лишь вечером в боксы и, если не в караул или наряд, то едва добраться до койки, чтобы *отбиться*, или с аккумуляторами – каждый по 70 кило – гуськом на подзарядку, а потом с подзарядки, и марш-броски в полной выкладке, и стрельбы...

Отправляли транспортным бортом, прямо с *бетонки* военного парадизовского аэродрома. Первый раз – в Ленинградскую область, второй – куда-то к черту на рога, под Челябинск. Хоть раз если из «тэшки» стрелял, уже никуда от тебя это не денется. Масса – 46 тонн, калибр орудия 125 миллиметров. Громовержец! В момент выстрела весь содрогается, потому что ты, замазюканный, своими ладошками грязными, его настропалил. Как взрвёт движок, во все свои тыщу сто двадцать пять лошадей, как ударят пулемёты, начнут садить одновременно, «утёс» и «калаш»... Силаща, я вам скажу. До самой Чечни единственный факт боевого применения Т-64 имел место на Бендерском мосту через Днестр, в 92-м. Ну да, в год моего рождения, чуть ли не в дни...

Когда на плацу раздавалось зычное: «Рижский танковый уда-а-арный!..», даже разведбат почтительно умолкал, не говоря уже о каком-нибудь чмочном ОБМО... Во всей дивизии мы были единственные, кто в столовке, во время приёма пищи, не снимал свои *башни* – шапки-ушанки. Разве можно танкисту без башни? Никак нет...

Конечно, бывало всяко, но в истерику не впадали. Остановит тебя старшина в умывальнике и скажет. Негромко, но веско, всего пару ласковых. Да двинет под дых, без замаха. И пойдёт себе в расположение. А ты остаёшься, прислонившись к стеночке, ловишь воздух ртом, как пескарник, выплеснутый на берег. Нищий духом, ибо весь дух из тебя только что вышибли.

Нет, тут надобно оговориться: вышибало старшиновым кулачищем дыхание. Дух испед много раньше, оставив лишь сирое тело. Парадокс, но это стряслось в тот самый миг, когда ты, приняв присягу, переводился из *затахов* в *духи*. Он где-то здесь, неотлучно, может, прямо над серо-сизой твоей шапкой-ушанкой, но сам-то ты – *тело*. Каждый старослужащий это тебе доходчиво обоснует. И товарищи твои по армейскому бытию-битию – исключительно *тела*, облатки, мучимые – особенно первое полугодие – *нехваткой*, потницей, сержантами и старшинами, похотливыми снами. Да мало ли чем! Тяготами и лишениями солдатской жизни.

Только через год с лишним, на стрельбах, на бескрайнем, заснеженном танковом полигоне, моя нищая духом телесная оболочка снова исполнилась. Башню трясёт крупнокалиберный гром и тебя вместе с ней, и ты садишь по целям, посылаешь, один за другим, все восемь снарядов, и грохот такой, что в шлемофон не слышно криков Лобасика, но ты понимаешь его без слов, потому что здесь и сейчас вы трое – экипаж, и машина, и мир, запруженный немолчным звоном, – явили единое целое. И «мир» начертаться должно обязательно с точкой.

Душу свою за други своя. *Родина-ласточка, косые крылышки, с кровью и мясом и меня возьми!* Это типа про ВВС – военно-воздушные силы, в переводе с армейского. Крылышки – тама, а мы – тута, нам без башни нельзя. Танкисты мы. Но по сути всё верно сказано. Как сделано. По-пацански. Воинство там – небесное.



А мирским оно не бывает. Так что пацан сказал, пацан сделал. А ещё того пуще, совсем по-пацански, – вообще, промолчать. Лучший способ сказать – это сделать. Что сделаешь ты для людей, если сели аккумуляторы или попросту нету фонарика? Вынь дыхание и, заодно, с кровью и мясом, – возьми никчёмно дрожащее сердце. Так – по-старшински, по делу. Доходчиво, по-мужски, а не как в то утро, с бабьими взвизгами и выплесками слюны и желчи...

III.

Арнольдич учинял нам разнос. Поутру, как привезли плакаты, и проспекты с календарями, и началось выступление. Нет, на первый взгляд, дело привычное. Можно даже сказать, плановое. Арнольдич разносами и раньше не брезговал. По обыкновению это так у него виртуозно, до автоматизма протекало, что даже и обиды никто не затаивал. Необходимый, так сказать, элемент властных полномочий, смазка для безотказных корпоративных механизмов, искры от брызжущих туком священнодейственных костров, озаряющих портреты самого венценосного.

Оно и понятно: где ж ещё разряжаться, как не вверенном офисе, где для каждого из трепещущей в исполнительском раже «команды» ты царь и Зевс-вседержитель? Тем более, что в офис Арнольдич являлся не откуда-нибудь, а с самого верху (хотя, казалось бы, и мы – «святая святых», предвыборный ШТАБ кандидата на пост – не внизу и даже не посерединке располагались). Не являлся – нисходил.

На вершине, то бишь, на пике атмосфера, сами понимаете, буквально напичкана электричеством. Сплошное громовержество: лампочки горят и сверкают, перегулом гудит всё от напряжения, такого, что даже морщины разглаживаются. Шутка ли: предстать пред светлые очи самого Цеша, Кандидата от Партии Власти, тресветлого Владисвета! Иначе, как со спины, и не подойдёшь, потому как в фас – испепелит. А если так каждодневно? Даже имея природную сверхпроводимость и сверхизоляция, даже если ковался ты из высокопрочной стали в политических кузнях с горкомовских ещё времён, всё одно поневоле напитаться высоковольтными, со спины истекающими токами, намагнититься полем тысячеваттных державнейших дум, зарядиться амперами светлейшего, как самый последний в цепи конденсатор.

А кому охота быть распоследним в цепи конденсатором, когда ты далеко не последний? Наоборот даже, светоносный избранник, *доверенное лицо*, постоянно включаемое (попеременно – то одесную, то в шуицы) в свиту – вождённое легионами, тьмами и тьмами, роящееся свечение, коим всегда, как заветным хитомом, укутан заботливо демиург-громовержец. Такие вот AC/DC – постоянные-переменные токи...

Разрядиться!.. Здесь и сейчас. По горячим, ещё не остывшим следам горних молний. И вот тут-то штабисты свои подчиненные в самую тему. Под горячую руку. Почини громоотводов, все как на подбор – никелированное содержимое в изоляции униформы. Требования – безукоризненные: белый верх, чёрный низ, костюмы и галстуки, юбочки-блузочки. Насчет расстояния, пройденного краем материи от бедер к коленкам, и глубин декольте, кстати, не оговорено, потому как лёгкий (с усугублением) налет эротизма в деле партийного строительства – цементирующее корпоративный дух подспорье. Это из Арнольдичевых афоризмов-слоганов, которые он вещал, пляясь склизлыми глазами (гад!) неизменно на Таю. В плане гигиены рядов, надо сказать, штаб наш сиял образцово-показательно. Босс-вседержитель настоятельно требовал, ибо натаскан был в сверхпроводимости – первейшем законе иерархии.

О, пирамида сверкающая, залитая неонем и соками вождения, искусственное излучение твоих ламп ни на секунду не меркнет. Да и зачем, скажите, нужен день, если есть лампы *дневного освещения* – светильников семь золотых, только не семь, а семизды семь и не золотых, а тринихромтитановых. Вздыхаешься ты из пучин темноводного выпота, омываемая вечным прибоем – серой слизью человеческого хотения. Но это всё там, внизу, а для тех, кто, закусив удила и до киева раскатанные губы, взапуски, сломя голову по головам, засучив рукава и ссучившись, карабкается... Открывается... Она, пик Олимпа титановых устремлений, самая шишечка-кончик вершины твоей, безымянная, безязыкая, бесплощадная сука-власть. Княжество мира сего. Чем ближе к ней – точке «+» полюса, тем беспрепятственнее должно перетекать. Такие миллионвольтные низвержения нисходят из сосредоточия, что ни-ни! И рядом, и сквозь – ни соринки, иначе замкнёт, и конец. В смысле света. В смысле щедрот надежды, оплота, чайный электроторатовых – тресветлого Цеша.

Враз прекратят тучноносные взоры орошать преобильно судьбу твою и карьеру. Тук и ток пресекутся, и букашка-диод исчахнет. Станешь ты пшик, даже праха и пепла история не удостоит. Так только – обалдчо пара, что вмг разомкнется на кислородные водородные атомы.

Отсюда и чистота – корпоративной эстетики, антуража. Куда не оторвись от монитора, всё ледниково блестит – от вечноцветущих пластиковых лилий и новейшей оргтехники до врачебно безукоризненных блузочек Алины Эдгаровны, прочих штабисток. О, Алина! Язва души, слепое око циклопа. И Тая, невыносимая мука укора...

Почему же Таися эти дресс-код и повадки так быстро восприняла? Неизъяснима для слабой женской природы притягательность субординации и воплощающей его униформы. Ничего, что в темноводнейших думках никелированного содержимого желчь, и слюна ехидны, и серая слизь. Планктон в офисном нутре – бульон, питающий телеса корпорации. Толстогазое Обло.

Алина, уже после всего, презентовала мне «Hugo Boss». After-shave – after-party... «Пахни боссом, малыш. Власть – сильнейший афродизиаж»... А сама смеётся, стерва... Huso huso. По латыни свинья.



Свинтус свинский, свинейший, освинительный. «Hugo Boss» или что там другое. Скупиться не следует, ибо нюх в запутаннейших лабиринтах олимпийской пирамиды – первейший путеводитель. Там, где инстинкты обострены, первая защита – максимальное камуфлирование собственных запахов. Стирание осбопыт примет. Невозможность идентификации.

Чистота в штабе тресветлого Цеша возводилась в абсолют. Или это была развёрнутая в корпоративный принцип оговорка по Фрейду? Подсознательное желание отмыться у тех, кто *из грязи в князи*. Иначе ли, так ли, сверкало. Офисная бляха медная, с фасада начищенная до зеркального блеска. Hi-tech! Каждая мелочь обсосана дизайнерской мыслью, как плащ – зубной щёткой.

Я поначалу шурился, не мог привыкнуть к прямо-таки ослепительной белизне наших стен. Даже подумывал о солнцезащитных очках, чтоб одевать их на манер полярников, через льды и торосы от-правлявшихся к полюсу мира. Но постеснялся. Представил, как распирает столичных хватов Углевого с Дорониным, с неразлучным Октановским, и прочих шутников-самоучек: «О! – накинутся. – Припёрся... звезда рок-н-ролла!».

И Тая начнёт смеяться. Этого я, дурак, боялся больше всего. И шурился, пока не пришла другая напасть: ослепляющие ледники сменились *тресветлым гипнозом*. Пошли первые тиражи портретов Цеша, и мы, в порядке корпоративного патриотизма обклеили ими все штабные стены, от плитусов по самые натяжные потолки. Естественно, по указке главного, ибо, как вещал Арнольдич, потряхивая своим золотоциферным «Ролексом», – «высший патриотизм в том, чтоб возлюбить начальника своего. Ибо Избранник помазан хотением народным, воплощая чаяния электората. Начальник – помазанник власти». На слове «власть» машинально его оборачивало к чизу Цеша, клонированному по стенам, как монро, кока-кола, мао и ленин в галерее Энди Уорхолла. И мы, в жаре ража, ровняли ряды против рядов кандидата, такие же одинаковые, как тираж, внимая тому, что сверхпроводил нам промежуточный Арнольдич. И когда произносил он слово «Избранник» (пренебреженнейше оглянувшись!), то и устно у него, неизвестно как, получалось с большой буквы И. А когда этот гадский андроид, причмокивая, говорил «возлюбить», глазены его, оставляя масляный след, переползали с пышных бёдер Алины Эдгаровны к пухлогубой Лилечке и окончательно замирали на Тайной груди.

А мы – на подбор, сверкающие чешуями – должны были счастливо паяться в *воплощение чайный* – заснеженнейшую эмаль с предвыборных глянецов, кои щедро, словно фотообои, выстилали белейший периметр штаба. Клоны, клоны, клоны.

Мне даже мерещилось: вся наша белизна подогнана под вершину дентальной косметики – пресветлую улыбку кандидата. Резец к клькы – китайский фарфор, а не зубы, артефакт виртуоза-дантиста по «штуке зеленой» за штуку. Кусковой рафина! Соответственно, каждое, из сахарных уст вымолвленное, – слаще пачки. Голосуй, и будет тебе *dolce vita!* Сладкая жизнь, перевод с древнеримского.

Да, такие конфетки, для которых собирали мы фантики. Чисто эстетика! А об этике и о помыслах – ни слова, в смысле – ни гу-гу. В офисе нашем на это налагалось строжайшее табу. Даже не табу... то есть, тому, кто попал в накрахмаленное нутро предвыборной гонки, и в голову не приходило. Никель и пластик, hi-tech, мать его... Высокие технологии, в переводе с английского. О чем ещё думать, когда всё отлажено, как швейцарские «Ролексы», что всевидящим оком сверкали на разлапистой шупце Арнольдича. Дыры задраены, и дреноут дураков погружается. Чудо-юдо движет в угоду тому, кто сверкает холёно надраенным чизом.

Лучшим и, пожалуй, единственно эффективным способом выказать, говоря условно, *внутренний миф* было – прийти поутру, занозя глаза новым галстуком от кого-нибудь из модных итальянских педиков. В нашей PR-команде встречали по одежке и по ней же провожали. А жар ража? Ещё бы... *Чешуёй, как жар, горя*. «Адекватность и ещё раз адекватность – вызовом времени и ситуации», – бывало, глаголил, как заведенный, в нашу сторону Арнольдич, ведя переговоры по мобильным сразу с двух рук, по-македонски. Адекватность в переводе с арнольдичева означала – с молчаливым усердием ежеминутно выказывать корпорации – в частности, и её руководителю – в целом, усердие и полезность, при этом порывы пылкой души и прочие инициативы упрятать в самый глубокий задний карман своего липового, купленного на толчке костюма «Армани». Помыслы – не твоего ума дело. Сия мудрота чревопочит *оттуда*, с плакатов надёжи, оплота, средоточия чайный – Владисвета Тресветлого, несравненного Цеша.

IV.

В начале подумал, что они прикальваются. Арнольдич любил всякие глупые приколы. У нас на районе говорят: *малолетки на приколе*. А тут – *взросляк*... Приколисты, блин. Ну, они же все молодились, предпочитали непременно молоденьких. Вон хоть Алина Эдгаровна. По мне, по внешнему виду вполне ещё сходила за Алиночку. Стерва, конечно, порядочная, но дама в соку, и по формам даст фору любой двадцатилетней. И повадки – матерые, самочьи. Хищница хватывала и проглатывала, не морщась... Из-за этих коварных хваток мы с Таей и рассорились.

А для них Алиночка уже была не то. Не бередила «буйство глаз и половеде чувств», – хихикая, бормотал Арнольдич. А смех у него был мерзкий, и я его готов был убить в тот момент. Потому что он, гад, в тот момент на Таисью паялся и глазки его не просто её провожали, а хватали, лапали и тискали. Делались влажные, светло-коричневые. Два склизких слизня. Знал я, что у него на уме. Ярко, в зримых

картинах себе представлял. И, конечно же, за этими слизнями маячил не кто-нибудь, а Сам, с плакатов глядящий. Равнение на средину! Чаюнья взлакавшего электората, оплот, и гранат, и твердыня. Макушка пирамиды. Тутанхамон хренов.

Но тогда я вдруг сообразил, что не прикалываются и не шутят. Настолько бредово звучало. По при- стязи этой понял, по глазёнкам их бегаящим. Углевой и Доронин, и с ними неразлучный Октановский. Загнали меня в угол. Окружили, сомкнули кольцо. Арнольдыч тараторит, а эти молчат. А у самих глазки, как таракашки, – туда-сюда, туда-сюда. «Ну, ты это, давай, будь мужиком... Думаешь, мы не знаем, как ты Алину оприходовал? Молодчина!.. Мужик!.. Её оприходовать – это потрудиться надо!..». Откуда знают? Сволота... Неужели Алина им всё рассказала? Дубина я стоеросовая. Именно всё. И не потому его оседлала, что такой он раскрасавчег, а потому что дурень. Что-то вроде присяги, только в роли родины-ласточки толстозаодое обло. Хотя бёдра у неё очень ещё ничего. Широки, но округлы, и сужаются к талии. Не тебя ли бросало в жар от этих крутостей, когда они были в одежде? Не тебя ли имели? Многоопытное лоно наделяет глубоким знанием. Глубокомудрая провела ритуал перевода из *затахов* в *духи*, согласно приказу. Что-то вроде USB-входа в систему. Всунули новую флэшку. Осталось активизировать, нажать мышкой «вкл.». Вот они и стараются.

«Откуда? Хе-хе... Надо откуда...». А сами крепче кольцо своё смыкают. Не дёргайся, ты уже в матрице. Точно в пасти. Прихватили клыками и жмут. «Да тут и делать-то ничего не надо будет. Связь on-line обес- печишь. Заодно и кинишку посмотришь... хе-хе... для взрослых... хе-хе... только потом – не болтать... никому ни-ни...». Я думал, бить начнут, или ножами садить. Саданут под сердце финский...

В натуре, якудза... Только никакая не якудза. Своё, нутряное, под спудом острого морока, в сту- дёной прожарке шпизо и барачной мерзлоты выношенное и выстраданное. Вот и «Siberian educazione» наворочено якобы в Бендерах. Сибирское воспитание, в переводе с итальянского.

Синие мундиры, сшитые – стежок к стежку, орден к ордену, медалька к медальке – прямо по коже. Царство закона, не писаного, но наколотого, *черняшкой* по выдубленной коже. Вся летопись без утайки, ибо здесь всё тайное становится явно красным. Ничего в себе – всё во вне, твой дух – твоё тело, вернее то, что на нём. *Via dolorosa*, с древнеримского – путь скорби. С него не свернуть, даже если б помыслил. Пойман – вор, невод крепче звона кандалного. Око за око, клык за клык. Око Аз. Око Всевидящее.

Арнольдыч втолковывал, а я всё не мог взять в толк. То есть, у нашего кандидата, у оплота, надежи, твердыни, у владетельного кандидата Владисвета Цешпа, под костюмом, крахмальной сорочкой и галсту- ком – и всё эксклюзивных, от модных итальянских педиков, и всё за тыщи баксов, – под безукоризненным лоском, растиражированным десятками телеэфиров, десятками тысяч плакатов и постеров, календариков и календарей, настенных, настольных, карманных, и прочей полиграфической лабудой, – под всем этим глянцевым спудом таится... Узор расписной? Карта?! Подробнейшая, с прорисовкой каждого магистраль- ного трубопровода, отводов, с реперными точками перекачивающих узлов и компрессорных станций, с отметинами газохранилищ. В общем, Обло, Система!..

На самой вершине, на плечах, гнездится неиссякаемый – на ближайшние полвека, если верить оценкам геологоразведки, – источник блата, благ и могущества. Новый Уренгой изливается! Под эполетами, обе ключичные области венчают вентили – тщательно выделанные, с восьмиконечными ручками, неуловим- но напоминающими воровскую «розу ветров». Или, может быть, звёзды невинности с Божественного омофора?

Нет, невинность исключалась предписанным матричными скрижалями ритуалом. Здесь полюс другой: разврат как завет изобилия. Кульминация мук, претерпеваемых за Систему, высшая точка игольчатого восхождения машинки – оргия. Дабы и впредь Уренгой изливался.

Коль вознесён на пик, причислен к сонму богов, блюда олимпийские принципы. С самого ещё ок- тябрьского детства, с «Мифов Древней Греции» Куна, поражали эти б...во, и дрязги, и склоки, и козни, царившие на Олимпе. Упившись амброзией, боги, богини, без разбору, зазрений совести и передышки, наставляли друг другу рога с другими блатными – богами, богинями, и со смертными, простыми и не- простыми – царями и человеками. Лепится, шевелясь и ворочаясь, нечто наподобие Панурговых стен, призванных защитить от нашествия быдла Летицию.

Париж! Решительный Париж!.. Только в виде оргиастического клубка: гордиев узел, этокое совокупительное хитросплетение, рог изобилия, изливающего жрачку, питьё и страсти-мордасти. *А, может быть, вмести конца света – бесконечные ряды буфетов?* На вопрос озорного Вася Васича ответ утвердительный. Так точно! Без тени сомнения слепились в снежок, заблестав ювелирной лампионией золотого миллиарда. Ибо нет здесь, среди куршавельского ледника, ни теней, ни сомнений. Во льдах пираньи тревог не плавают и, соответственно, не гложут. Свальной, но не грех, ибо нет греха, как и времени. А чем же ещё заниматься, коли ты вознесён, причислен к сонму блатных? Ведь всё, что у блатных и холуйски стремящихся к ним приоблатнённых осталось, – тела, и они должны быть прекрасны. Таковы олимпийские принципы: чи- стая, куршавельских снегов, эстетика, и пускай это будет туша в два центнера, или сухая доска без сисек и задницы. Карабкаясь вверх, вы априори, согласно пророчеству озорного Венички, выковывались из сверхпроводимой стали, теряя на циклопических гранях калории, стыд, и страх, и упрёк.

От многого пришлось отказаться. Борей, норд-осты, царствующие на склонах, промораживают на- сквозь, избавляя от остатков теплавшегося тепла. От всего, ибо, чтобы стать всем, исходить надо из *ничего*. Свершилось: из грязи выбились в князи. Пурпур и горностаи. А по сему остаётся одно: подобно манкуртам,



прошедшим кастинг в «Дом-2», ширяться чистойшей колумбийской амброзией и в остервенелом раже дурной бесконечности лепиться к подобным себе, пытаюсь достичь невозможного. Пытаюсь согреться...

V.

Цеаша подновляли в парной. Когда вводили в строй новую магистральную нитку или участок трубопровода, это требовало отображения на секретнейшем полотне – эпидермисе Обло. Как карта Ставки Верховного Главнокомандования, только эта, неким пасьянсом, раскладывалась из избранных шкур членов Совета Директоров. Отдельное направление подробно наколото на отдельную шкуру отдельного члена. Обло одно, но сочленилось из многих. Так и его эпидермис.

Прежде чем колышек приступал к таинству – нанесению нитки – узорчатую кожу Цеаша требовалось хорошенько распарить. Как будто это была шкура мамонта, выдолбленного из вечной мерзлоты Кольского полуострова.

Только совлекши с телес и чресел галантерейный глянец, голый король являл свою венценосную гжель. Его пурпур и горностаи были цвета венозной лазури. Закутанный в невод, которым ловцы человекосборили корм для аквариума, будто бы абориген Океании, прошедший инициацию и сподобленный таинств глаголицы «кохау-ронго-ронго», Цеаш весь был покрыт царственной вязью.

Новый Уренгой –

Ижевск –

Казань –

Елец –

Курск –

Харьков –

Ананьев –

Парадизовск –

Измаил –

Констанца –

Стамбул.

Щит набит на ворота Царьграда. Таковое предписывал ритуал каждому члену Совета Директоров. Это всё трудности перевода. Оденьтесь червями и пыльными струпами, никчёмные толмачи! Шейте вретнице на вашу кожу, драгомань! Трепещи, гундосый Гоблин! Руно ли овна? Shit – дерьмо, в переводе с папанско-английского. Сколь умашены этим ши-и-итом голливудские кино! Babel – ворота Бога, Вавилон, в переводе с арамейского. Что ж там, на царских воротах? Баба, настезь расставивши ляжки, оседлала поверженный город. *Так точно* или *никак нет?* Да или *нет*, перевод с армейского, а прочее – от лукавого.

Нам ли знать? Знати, начальникам жизни, по мановению длани которых вершатся судьбы земель и народов. Откроется вентиль – перезимуешь, не откроется – обрушатся на тебя и хлад, и мраз.

Или и глад, и мразь... Не помню уже, что бормотал там Арнольдич. Да только я всё не верил. А он тогда и говорит: «Увидишь и согласишься...». А я заартачился. Почуял, что лучше такого не знать и не видеть. Для спокойного сна. Чтобы не потерять, как Бендер, веру во всё человечество. Тогда он и достал из рукава своего туза краплёного. Обло Корейко, стозевно и лайй. До последнего, сволочь, прятал свой козырь. «А вот, Тая, – говорит. – Так та совсем не против. И даже очень *за*...». «Что, значит, *за*?» «А то и значит... За участие в ритуале. Будет на что посмотреть!.. Верно я говорю?». А эти, блин, акульки детёныши, пакостники с глазами клоунов и ухватками мокрушников, хихикают мерзко, кивают головками, а хватки своей клыкостой ни на гран не сбавляют. «Увидишь, увидишь... Тебе, знаешь ли, великая милость оказана». «Не надо нам милостей...». Но говорю уже неуверенно. Можно сказать, мямлю. Этим Танным «за» они меня наотмашь нокаутировали. «Не спорь, оказана...». Чую, включаться начинает многомудрое USB Алины Эдгаровны. «Нет уж, мы подальше от начальства, поближе к кухне... а то как тот брадобрей...». «Какой брадобрей?». «Да тот брадобрей...».

Не знаю, чего тогда брякнул про этого брадобрея. Из детства наваяло. Смешная приключилась история с этим брадобреем. Это всё песня, из альбома Металлики. «Хозяин кукол» вышел в год моего рождения, в 86-м. Ага, «Жукловод-86»... Мы с моим корешем Щукой подсели тогда на «Металлику», но только заочно. Статью прочитали в журнале «Ровесник». Прочитали мы и загорелись. Вот, мол, парни, играют какую-то неслыханную доселе музыку, вот, мол, прививает от фальши, от ханжества и лицемерия. А тогда засилье было всей этой лабуды, впрочем, как и во все времена. Короче, всё у этих парней по чесноку – и в жизни, и в творчестве.

VI.

В допотопные те времена музыка обреталась в магнитных полях. Слушалась на проигрывателях и магнитофонах, записывалась на виниловые диски и кассеты. С винилом всё было централизовано до строгача. Виниловую монополию ежовыми рукавицами держала фирма «Мелодия», обретавшаяся аж в



Москве, в Брюсовом переулке, в красном здании англиканской церкви. А вот кассеты записывались где угодно. В студиях звукозаписи. Вот не помню, по-моему, в «Рембыттехнике»... Нет, записали мы всё-таки у Моста. Нет, не в смысле у моста, а у Моста. Мост держал студию в Доме культуры. Фамилия его была Мостовенко, а все его звали Мост. Хотя до моста от его звукозаписи было рукой подать. Пешеходного, через Днестр. А там уже – напрямик до Кицкан.

Новый Немец молчит, ибо молчание – золото. Это я изливаюсь, уподобившись Новому Уренгою. Ибо полон речами и теснят меня носки и подошвы ботинок ваших. Утроба моя гулко гудит под ударами, как «бочка» ударной установки японской фирмы «Тама». Трепещи, гнусный гоблин! По-русски это слово пишется также, как по-английски, и означает одно: *тама* – недостижимая даль...

Нет, ничего я не путаю. Кукловод был записан в 86-м. Да, моего рождения... Нет, Айболит, тот – шестьдесят шесть. Тот зверюшек лечил, а мы исключительно изводили, причём одного зверя. А шестёрка у него на одну больше. Вот как у вас звёздочек, гражданин Евангилиди. Звёзды набрякнут, набухнут, точно вот, как фингал у меня под глазом, и тогда быть вам полковником...

Ничего я не путаю. Родился? Да нет, говорю же: в 86-м и родился. Однозначно. Нет, 92-й – это моё второе рождение. Или третье... Никакая, к чёрту, не сансара. Ну, вот как Иона, проглоченный рыбой и вышедший из неё третьего дня. К примеру, как с нашим Приднестровьем. *Де-факто* уже, но ещё не *де-юре*. Существоем, но ещё не живём. Отложенный статус. Я же втолковывал... Вот как русский народ до 988 года. Вроде и до того медовуху ведали, как варить, да как в банях с бабами париться, а всё ж не вполне. Исполнившись, начинает лить через край. Изливается. Реки тогда обрастают вспять и идолы плывут в гору, против течения.

Вот советские люди... Осознание неслучайной общности пришло только после кровавой бани, после 9 мая 45-го года с парадом и салютом на Красной площади. И поднял генералиссимус тост за русский народ. Успела ли кровь в его стакане переродиться в вино? Граждане преобразуются в братья и сёстры. Вот, как я, к примеру, рождаюсь заново в утробе вашего, гражданин начальник, карцера.

Ничего никому не морочу. Пророчу: быть вам полковником. Альбом тот, ну, «Кукловод», открывался песней.

Был и ещё вариант, не противоречивший смыслу и произнесению названия песни: *Batory*, мадьярская княгиня-вурдалачиха, совершавшая омовения в бане кровью невинных девушек. Хотя некоторые историки утверждают, что её оклеветали. Но в наши с Шукой головы ни один из этих вариантов не добрался. Не прошёл сквозь тенеты нашего слуха, девственного к звучанию аглицкой речи, обильно сдобренной рыкающим американским акцентом. На кассете названия песен не расписаны. Бывало, что в студии и расписывали. Но с нами, с малышкой, чего же возиться. Хватит соплякам и того великого знания, что альбом назывался «Хозяин кукол».

Ну вот, примчались мы с Шукой от Моста, бегом сунули кассету с вожделенным «Кукловодом» в магнитофон, выжали «вкл». Тут у нас третий глаз и открылся. Как будто до того момента спали, а тут вдруг проснулись. Как, как... Как когда *дедушка духу лося* пробивает. Ага, копытом в лоб... Нет, Шука это прозвище. Фамилия Градоощук, а для кентов он был Шука. Нет, кент – это не сигареты докурил и выбросил. Это по-пацански, когда не разлей вода... Ничего, ничего, не до всех сразу доходит. Вот и вы не сразу дощёрли, что молчу я не потому, что не желаю колотиться, а потому, что попросту говорить не хочу, в смысле речи как трындежа, голосового произнесения. Дали бы сразу карандаш и бумагу, попросили бы, культурно так: «Напиши!», и не тратили бы понапрасну столько сил и электроэнергию, тыча клеммами, пристёгивая наручниками к батарее, дабы подследственный катался по линолеуму поспевшей боксерской грушей. До классики надо дозреть: рука к перу, перо к бумаге... Всего-то и надо: услышать громкий, беспрекословный приказ. «Напиши!». И колоть никого не потребуется, сами расколемся...

Так и тогда. Назрело. Будто знание-то это было с тобой давно, ну, с самого появления твоего на свет, а ты об этом знать не знал и ведать не ведал. А коли не знал, так его будто и нет на свете белом. А оно-то вот оно, под самым, можно сказать, твоим носом, всегда с тобой, как тот праздник... Зёрнами зреет зрение назорей. Блукал в потёмках, и вдруг – бац! Или «вкл.»! И стал свет, и тьма не обьяла его. И та канула в Лету, а тот льётся в кану. Кану ли?..

Помню одно: рифами нас по крыше так двинуло, так по куполу опеломило, что сознание с подсознанием поменялись местами. Это вот будто втолковывали тебе, и ныне, и присно разжёвывали, аж до оскомины, что надо писать: жить не по лжи, и вдруг у тебя поднимаются веки и ты понимаешь: – жи, – ши – с буквой – м! Нутром сознаёшь, что именно так и никак иначе, и так – на веки вечные. Прозрел назорей. Аминь.

Понятное дело, сами веки не поднимутся. Я вот сызмальства единоличником не был. А тут ещё чисто подростковая эта манечка: коли что-то тебя переполняет, обязательно с кем-нибудь поделиться. Я вот маму достал этим «Кукловодом». Представляете, каково врубаться в хеви-метал выпускнице партийной школы марксизма-ленинизма, советской женщине, воспитанной на творчестве Пахмутовой и Добронравова?

Короче, отворился третий глаз. Открылись кингстоны. Но в английском-то мы ни бум-бум, а подпевать пытаемся. Откуда ни возьмись и всплыл бредовый этот *брадобрей*. Подсознание-то под рукой, можно сказать, плещет и плавает по поверхности вод. В нас на полном серьёзе вселилась уверенность, и даже категорическое убеждение, что первая песня с альбома Металлики «Хозяин кукол» называется *Брадобрей*. Так и горланили, подвывая и размахивая невидимыми гитарами. *Брадобрей*, и всё тут, хоть режь опасной



бритвой. Чуть позже – через неделю – мглисто-зелёные воды схлынули, оставив осознание отрезвления, собственной глупости и насмешки товарищей. Да мы и сами с себя ухотатывались. Щука всё меня донимала: откуда я, мол, взял этого *брадобрея*, и, мол, вечно у меня какие-то мудрёные слова, к месту и не к месту, неизвестно откуда берутся. А я знал откуда. В детстве, много более раннем, водила меня мама на пьесу «Король и брадобрей». Ну да, в наш Парадизовский театр драмы и комедии. Горьковский Данко жил тогда на фасаде. Революционера-авангардиста ещё не замуровали живо в стену, и его горящее сердце, ещё не раздавленное бетонным копытом, сияло парадизовцам во всю Покровскую, как восьмиконечная звезда – во мгле заледенелой. Бетельгейзе во лбу Мельпомены.

А пьеса была не про звёзды, а про мухоморы. Они росли на тучной башке короля, и в этом была его страшная тайна, и, чтобы сблещать эту тайну, к королю всякий раз приводили нового брадобрея, потому что прежнего, после того, как тот пострижёт и побреет венценосного, приходилось в обязательном порядке умерщвлять.

Battery (англ.) [ˈbɛtəri] 1) *воен.* батарея 2) *эл.* батарея, гальванический элемент <> assault and ~ оскорбление действием.

VII.

В этом, мглисто-зелёном потоке сознания барахталась моя память, пока клыкастая челюсть меня перемальвала – Арнольдич, а с ним Углевой и Доронин, а с ними Октановский. Цешпу набивать будут татуировку, да не простую, а какую-то суперзначительную, сверхсерьёзную, а потом произойдёт *ничто*, и всё это – и производство наколки на туше Цешпа, и *ничто* – свершится в строгом соответствии с предписанным буквой и цифрой сакральнейшей фени, в такой же степени неизъяснимой, сколь и незыблемой, видимой лишь волооким коровам альпийских лугов и их пастухам. Око Аз. Око Всевидающее...

А тогда, во время ритуала, всевидящим оком стал я. В самом прямом. Не блатной и к сонму никак не причисленный. Но без меня им не обеспечить прямую трансляцию, а без неё – весь ритуал и их олимпийские игры – коту под хвост. Этот чёртов пар заставил меня похлопотать. Во время генеральной репетиции веб-камера запотевала, а блок питания глючил, передавая сбой на ноутбук. Тут я заставил Арнольдича с прочей челядью попотеть. Как салаг за бухлом и сигаретами, гонял их за комплектующими. Оттопырился по полной. Вот он, мой час брадобрея! Чуйка, конечно, крепла: по-доброму это не кончится, выйдет мне боком. Но остановиться не мог. Все летали, как *духи*, изгоняющие зиму из казарменного помещения. И Углевой с Дорониным и с ними неразлучный Октановский. Вот вам, гадам, за то, что к стенке прилёрли, за Таю и челюсти ваши клыкастые... «Да вы с ума сошли?! Так же, к едреней фене, всё переключит! Кабель наружу ведите... Да как хотите!.. Сверлите! Дятла зовите!.. Э, да тут не этот, другой разбём нужен!..». А эти, что удивительно, беспрекословны. А меня ещё больше раззадоривает. Кураж поймал. Знаете, когда бьёшь кого-то по морде, а он сдачи не даёт. Рады шестерить и стараться. Они ж еще на склоне вершины, на бесконечно долгом пути вверх, а потому их номер холуйский, а суть – подобострастное исполнение. Но и мстительность, присущая только ушибленной, злобно-безродной шавке, никуда, естественно, не девалась.

Тут же Алина Эдгаровна с Лилечкой бестолку суетятся, волнения не скрывают. Будто актрисы перед выходом. Прямо интересно было понаблюдать. Хоть она и в порнухе сейчас будет сниматься, и будут пилить её во все дыры, а она всё к зеркалу подбежит и будет в отражение пилиться: «Как я там выгляжу?». Да всем будет начихать, как у тебя ресницы подведены, главное, чтобы задница без целлюлита! У Алины-то с этим полный порядок. Я после того, что произошло накануне, боялся глазами с ней встретиться. Не хотел даже в офис идти. А ей хоть бы что. «Здравствуй, малыш!» – таким воркующим голосом привечает. А глаза у самой смеются. Насмехается! Какой я тебе малыш? Может, у тебя и пропеллер с моторчиком на гладкой, холёной твоей спине?

Есть у неё моторчик, как пить дать, есть. Вернее же – еть. Вечный движок, упрятанный в самом её одержимо истекающем соками, денно и нощно жаждущем ети нутре... Тогда меня то гадливое и догнало. Со вчера ещё под спудом созрело, а тут прорвалось. Ощутил, что не я с ней любовью занимался, а она, волокая б[...]ь, меня отымела по полной...

Арнольдич же и попросил: «Коробки тяжёлые... Штабная документация... Поможешь Алине Эдгаровне?..». Предложение, от которого невозможно отказаться. Только не говори, что тебя развели, как целку. Сам же подыгрывал, строил Эдгаровне ответные глазки, корчил невинность. А сам в грешных снах, ворочаясь, представлял... нет, не Таисью, её – в разных позах, но с одним и тем же безликим лицом. Высший пик – истязания ли, наслаждения?..

Сон в руку рождает чудовищ. Помог занести в квартиру коробки из-под ксерокса, а она не звонила, деловито открыла ключами. Муж обьелся груш в командировке. Угостила водкой, а потом поцеловались, и сходу, не мешкая, взял её за грудь. Даже отстранилась. Озадачила его смелостью. В глаза посмотрела внимательно. Нутряная змеиная мудрость сквозила в затуманенном самочьем взгляде. Длилось всё миг, но теперь уже ясно: тогда его раскусила, тогда и приняла решение.

А потом предложила игру. Раздетому, приторочила руки к кровати, разделась сама, и ослепительная, топлёного молока, стала скользить и хозяйничать: облизала всего, умастила змеиной слюной, и шептала, и ёрзала, взгромоздилась и стала стонать, и сновать, и вертеться, грудью душить, доводя до неистовства. А потом повернулась и двигалась, как перекачивающий агрегат, то откидывалась, то наклонялась, окуная

в беспамятство. Нетерпеливо сосущая, как дрожжевое тесто, раскрытая её задница глядела в него ослеплённой глазницей. Гипнотизировало одноглазое обло, словно изъязвленный колом циклоп. Кто ты?! Никто! Кто ты?! Никто! Никто! Никто-о!..

VIII.

Беготня подготовительная, предварившая ритуал, помогла слегка оцентрироваться, в норму прийти. Куда же им, волооким, без системотехника, когда всё вокруг – оптом и в розницу – такое оптоволоконное? Внутренние каналы связи переключаются вовне, с обеспечением строжайшей защиты и изоляции ведётся прямая трансляция. Оп-lain-конференция для всего Юго-Западного Домена Совета Директоров. Люто колют члена Совета, и значит, каждая капелька смертного выпота, каждая корча, каждый штришок на картинке должны быть сочтены без утайки от каждого члена Юго-Западного Домена Совета Директоров.

Просмотровая явка для членов неукоснительна, под страхом немыслимой пытки, для всего щупальца, с полшапами и отростками. Хоть обделаался, хоть при смерти – будь зол, смотри в оба ока на муки, кои претерпевает под иглой кольщика ради общего дела твой собрат по чёрной крови и голубому амбрэ. Иль с горшка, иль со смертного одра, или с бл[...]. И, иль из-под неё – главное, пялься в монитор, на позор единооблого. Благо, технологии позволяют. Око Аз. Око недреманно.

Хоть и порфириносный, а, окромя мухоморов, хошь не хошь, у него и патлы, как у последней падлы, растут. Куда же без брадобрея? На вершину кудыкиной горы. Тешатся они, всхоленные и взалеянные, вскормленные чайнями электората, всякими игрушками нанотехнологичными, всеми этими джи-пи-эсоглонасами, тамагочайфончиками. Чисто малые дети – чем бы не тешились, лишь бы не вешались.

И где весь этот скотный двор сумел, умудрился так накрепко перехлестнуться, так неразрывно срстись, так мёртво спаяться? В мутном паводке начала девяностых, когда грузная туша окровавленного левиафа на погружалась в пучину, и вода вокруг него кипела от гадов и хищников всех мастей, приплывших на пиришество. Редко когда умерший сам становится угощением на своих же поминках. Вырывали куски и кусочки, резали на ремни, лоскуты и полоски, впрок набивали утробы спермацетовым жиром. От количества крови гости дурели, тризна превращалась в неистовую кровавую свадьбу. Бурое варево кипело кровосмесительными бурунами.

Хаос рождает хтонических монстров. Таково же и Обло, порождение наваристого багреца: стозевно, подобно ужасному Ктулу, проникавшему не только в Марианскую впадину, но и в мозг, – сотни, тысячи километров щупалец, скользких, с непрерывной прокачкой, покрытых, как паршивой болезнью, синеватым змеиным узором. Новейшие средства связи и коммуникации – телеметрия и оптоволоконные, оптом и в розницу, на конях и волоком, джи-пи-эс и глонасс – собирают Обло в узелок. Оно пыхтит и причмокивает. И ненасытно сосёт. Пухнет упырь от Пхукета до Гибралтара, наливается чёрным золотом и голубым амбрэ, делаясь всё более. Обло, Обло...

Новая нить, дорогая рекордно, превзошедшая освоенными суммами введённую ранее – *Бованенково* – *Ухта* – призвана увенчать подмышку Цеаша. Машинка кольщика мастерски прострочит распаренный эпидермис. Пельменная бледность покорно воспримет иглу и чёрную краску, засинеет скрижалью закона:

* Новый Уренгой –
 Надым –
 Пунга –
 Гремячинская –
 Кунгур –
 Починки

На *Пунге* всё и закончилось. Вернее, с неё началось. Попёрли на всеобщее обозрение пурпурно-горностаевые мухоморы. Всколыхнуло толпу. «А король-то голый!». Как дошло до *Пунги*, он и начал визжать, как свинья, которую закальвают прохладной шваикой. Хотя почему *как*? Он и есть свинья, только татуированная. Но свинство началось позже, а пока синюю нитку тянули до *Гремячинского*, длилось низведение Цеаша до убойной скотины. А может быть, в этом скотском крике, заходящемся скулежом и подвывами, а потом – снова – захлёбывающимся визгом, наоборот, выпрастывалось что-то страдальчески-жалкое, человечье?

Нет, ничего не выпрастывалось, кроме того, что вызывало страх и отвращение. Только не в Вегесе, а на топчане элитного банного комплекса Парадизовска. Или в Пунге? Чёрт разберёт, всё сошлось под острие иглы, в точку под мышкой визжащего Цеаша. Даже бесстрастное, как колымский пейзаж, лицо кольщика озадачилось, вслед за испариной, гримасой брезгливости. А потом ведь колол он ещё и ветку *Гремячинское* – *Кунгур*. После *Гремячинского* у него вышла краска, и он взялся готовить новую порцию *черняшки*. Делал всё быстро, но отточено, без единого лишнего скока. Школа таёжная.

Арнольдич всё нахваливал молчаливость художника, стойкое следование нетленным ценностям и художническую меткость иглы, выкованной из кандаальной стали ещё до потопа и сокрытой до поры в кашцевом ларце запредельного какого-то срока. И всё напевал, в оперном раже: «Шаг вле-ево, шаг вправо, на месте прыжо-ок –// За всё набега-ает ко срку должно-ок...».



Этот, блин, сказитель вообще пребывал в преотличном расположении духа. Ритуал соблюдается безукоризненно, on-lain трансляция идёт полным ходом, а остальное ему – как с гуся банный выпот. А я, с первым визгом и рёвом нашего ясна свинтуса, учуял – и не шестым, а первым чувством – что мой счётчик уже «вкл.» и мотает теперь на всю катушку, со световой просто скоростью.

А Цешш в это время вёл себя, как последняя дешёвка. До последней скотской ручки дошёл. Часто-часто дышал, лепетал о том, как ему больно и чтоб его отпустили, дёргался, верещал, елозил и плескался в собственном смертном выпоте. А потом снова заливался нестерпимым свинячим визгом, и срывался с фальцета в контральто, и, вдруг всплывая оттуда, ревел белугой. С дубового банного топчана, к которому Цешша накрепко приторочили Углевой и Доронин с Октановским, уже натекла целая лужа. Лужу я не досмотрел. Не учёл её... На генеральной репетиции всё отладили, как часики: и пар, и топчан в нужном ракурсе, провода, техника... Да только самого Цешша и туши его наколотой не было! Откуда ж я знал, что он такой дристуи, что боли боится до самозабвения, и что в страхе он, падла, потеет и из всех его распаренных пор изливается мерзкий, холодный выпот? Блок питания очутился чересчур близко к луже. Ба-бах! Замкнуло и кончилось...

IX.

А вы-то как думали? Зверь выйдет из моря, и море это – море политики. Да, всемирный потоп истребил всякую плоть с лица земли – от человека до скотов, и гадов, и птиц небесных, и не выжил никто, кроме бывших в ковчеге. Но ведь был ещё кое-кто, ниже ватерлинии, под просмоленным днищем из дерева гофер.

Обитатели тёмных глубин... Спаслись ли они? Это всё равно, что ждать у самого синего моря, когда рыба утонет. Но бывает, что рыбы, киты и дельфины выбрасываются на сушу. Значит, их что-то в воде не устраивает. Частоты там всякие, ультразвук? Или химический состав? Отличались ли воды, хлынувшие из источников бездны, от допотопных? Разнились ли собрания вод, бывших при Адаме, от тех, что стали при Ное? Первый знал реку, делившуюся на четыре, а второй стал моряк, капитан трехэтажного наутилуса. Не претерпела ли H₂O метаморфозу, подобную тесту, из безвкусных опресноков преображённому в духмяный дрожжевой кулич?

Коли всё дело в хлориде натрия, то?.. Да, но ведь есть и привыкшие. Проходные рыбы, речные дельфины Амазонии, некоторые виды акул и сомов. Угорь речной нерестится в бульоне Саргассова моря и гибнет, а икринки мигрируют сквозь Бермуды и прочую Атлантику, в течении восьми тысяч гольфстримовских километров и трёх лет, и в пути перерождаются из стеклянных, невидимых глазу личинок в материальных особей и лишь тогда добираются к устьям обетованным прибалтийских рек, взбираются к самым верховьям Двины, Немана, Вислы и Одера, чтобы прожить в опресноках тихих заводей свои отмерянные лет десять-двенадцать, а потом скатиться обратно, в солёные штормы и повторить всю дорогу вспять – к бульону Саргассова моря.

Палиндром только тогда и считается состоявшимся, когда он прочитан наоборот... Осетры из Каспия поднимаются в верховья Волги, Куры, Урала и Терека, горбуша – из Северного Ледовитого и Тихого океанов заходит в Колыму, Индигирку, Яну и Лену. И он так хотел погрузиться в Тайну, а вошёл в Алину Эдгаровну... Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях... Так заповедал Создатель. Проходные рыбы по весне выходят из морей в реки. Так начертал отец современной ихтиологии Берг Лев Семёнович. Нет оснований не доверять ему, ибо «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран» получили первую премию Сталина. И генералиссимус знал толк в ихтиологии.

Ох, уж эти *сопредельные страны*, и где их пределы? Бродский, который как раз с дачи Берга поплыл в тоске необъяснимой, обрёл их не между землёй и небом, а между водой и сушией, окончательно перемешав пропорции хлорида натрия в водах Невы и Венецианского залива.

Узкий, тёплый, как бульонное варено, водоём, разделявший Европу и Америку в третичный период, постепенно расширился, превратившись в Атлантику. Место нереста речного угря не поменялось, изменилось лишь расстояние. Значит ли это, что *нельзя хотеть невозможного и хоти невозможного* – это одно и то же?

Сом речной, *silurus glanis*, окрас бурый, коричнево-зелёный, брюхо белое. Квок – колотушка, на Днестре на квок ловят издревле. Сомы сходят с ума от жары. Когда злое не по весне солнце прогревает мутную паводковую воду и та становится похожей на бульон. А амазонский сом издаёт трубные звуки, подобные слоновьему рёву. С силой пропускает воздух и воду сквозь плотно сжатые жаберные щели. Но где Днестр и где Амазония? Расстояние изменилось. Ормо был всё-таки прав: Окна течёт в океан.

Берг родился в Бендерах и жил на Московской улице, и было это задолго до того, как он стал Львом Семёновичем, владыкой морским и отцом современной ихтиологии. На заре своей тучной карьеры забрасывал невод и снасти, заведая рыбными промыслами. Если о чём-то и говорит труд о *системах рыб и рыбообразных, ныне живущих и ископаемых*, то только лишь об одном: тогда, при смене актов известной пьесы на до- и послепотопный, некто в обязательном порядке спасся – без помощи, строгого счёта и переключки. Ибо выживал сам. А, значит, неведом числом и обличьем. Не то, что команда просмоленного наутилуса.

Но, если спаслись, означало ли это их изначальную праведность? Или, наоборот, в толще немотствующего мрака таилось первородное зло, низвергнутое до начала времён, в лёте падения проломившее Марианскую впадину и там, на самом донце пробуренной собственной мерзостью скважины, пережившее всесветную катастрофу?

Капул допотопный свет, но не объявляя его тьма. Солёная влага смывает страдания, утоляет печали, врачуя зменную шкуру, холодную и узорчатую, словно кожа татуированного утопленника. Ожоги покрываются слизью и чешуёй, косые крылышки оборачиваются плавниками, прободённые рёбра – жабрами. Всю ветхую эру, всю эпоху рыб оно хоронилось, свернувшись калачиком, выжидая сигнала. Исполнения предначертанного. И, значит, не таилось, а было упрятано. Таков изначальный замысел, и в этом нет ни малейших сомнений. Тот, кто отвинтил все краны и оставил затычку в ванне, сделал это не по забывчивости.

Райт, епископ Даремский считает, что мы живём в пятом, заключительном акте пьесы «Всё хорошо, что хорошо кончается». Наверное, прав. Глупо в финале долдонить монологи из первого действия. Пьеса (драма, комедия) свершается, как и искони, неспешно и неотвратно. Акты сменяют друг друга, жанровое своеобразие претерпевает изменения, энтелехию драмы и комедии. А оно всё хоронится, свернувшись, клубочком – в позе зародыша. Ждёт своего выхода. Воистину, дьявольское терпение. Выходит, это и есть то самое чеховское ружьё, которое должно обязательно выстрелить в пятом акте. Весь вопрос в том, кто спустит курок и исполнит волю постановщика?

X.

И разверзлись хляби днестровские. И пролилось через край. А паводок как нельзя кстати. И для зверюшки, и для общего настроения. Это же так, для красивого словца, говорится: мол, чуднщ рождает сон разума. Дабы верховодить, требуется вначале хорошенько пропотеть. На тернистой дороге к оку недрёманному нет ни сна, ни покоя.

Ураганы носят человеческие имена, большей частью женские, но и мужские. Чем страшнее и разрушительнее сила, тем трогательнее называют: Катрин, Офелия, Джени. Впервые это случилось ещё в XIX веке. Шалуна, который в Карибском море играючи растоптал своей слоновьей ногой 25 тысяч островитян, не считая женщин и детей, нарекли величественно – Сан Каликто Второй. В честь Папы Римского. Ой, вэй! Все дороги ведут в Рим.

Nomen est omen. Имя – це все, в переводе с латинского. И оно возвращается. Список для наречения младенцев-штормов и тайфунов, утвержденный в ураганном роддоме, повторяется каждые шесть лет. Из него исключают лишь тех, кто отнял особенно много человеческих жизней. В назидание ли, во хвалу ли? До скончания века. Милая детка Катрина, буй-тур Иван, он же Айвон. Неизъяснимой мистерией метафизического оксюморона – Святой Иуда.

Майя почитают в водяном столпе смерча одноногого бога Урагана. Молоты ветров крушат зыбкий бубен океана, вздымают исполинскую толщу, свивая жгуты, сокрушительно хлещут на тысячи миль вокруг, топчут, топят на своём сумасшедшем пути шхуны и танкеры, страны и города. Но в эпицентре неистовства – тихая заводь. Нещечко, глаз урагана. Око считают зеркалом души. Значит ли это, что, в действительности, Катрин-скалолазка – нежная и ласковая, а Каликто – тихоня и увальень? Так точно! Да! Ибо право имеешь и, значит, твоя действительность – самый пик, тихая заводь. Око всевидящее. Не моргающе кругло, в опушке ресницы. Шапка Мономаха, по роду Царьградского.

Зело, по зерну, прозревал Владисвет, покуда чернил его зернью и мукой искусный колымский кольщик. *Ла-ла-ла* выспривало до – *ало*, и он становился *Валодисвет*, и мнил: оседлавши стихию, обретаться на пике паводка, днём и ночью, недрёманно управлять, контролируя, направлять его в нужное русло. Это вам не хухры-мухры и не цапки-пецки. Коли скользкий груздь, полезай в джакузи. Коли алчешь любви народной, исполнись неистойвой ненависти. Претерпеть и унизиться на дыбе позора, дабы из пике (*de profundus*, в переводе с древнеримского, – из самой непролазной грязи) презрения взмыть омытым. В неводе самодержца, как в тоге, куршавельского снега белей. *Candidatus*, в переводе с латыни, – одетый в белое. Из бурного, мутно-бурого тока – посуху, на самый заснеженный пик.

Разбушевавшаяся стихия – лучший фон для усмирения нездорового предвыборного ажиотажа. Углевой и Доронин сразу бросились поправлять, редактировать. Мол, не надо дразнить гусей гражданского общества. Усмирение – это уж чересчур. Замирение, утихомиривание, и т.д., и т.п. Великий и могучий богат синонимическими рядами. Заигрывают, хитрят, дальновидно обхаживают, почухивают электронные и печатные СМИ, прибирают ленты новостных интернет-агентств и вяжут из них нарядные гирлянды. Чтобы отпраздновать уже в первом туре, надо как следует попахать, как следует пострадать. В натуре, один чёрт – морской, речной, или из табакерки, – лишь бы пугал.

Потому так и лезли из шкуры вон, копытцами землаю рыли. Везде поспедали Углевой и Доронин с «шестёркой» своим Октановским. По виду – сопя сопелёй, серо-зелёные, малокольные, словом, планктоны заморские, а в деле – упшлые и дошлые. Самомнения – с Останкинскую башню, а хватка – пиранья, и всё с них как с гуся вода. Мы, мол, не кто-нибудь, а *персонал реальности*. Создаём, и не хухры-мухры, а реальность, причём – Вашу, личную!

Создатели хреновы. Отловил же их где-то Арнольдич. В омуте Садового кольца и не такая фауна водится. Арнольдич за них горой возвышался. Штабную работу, они, в натуре, здорово оживили. Поставили на поток. Раньше каждого чуть не собственнорочно пинать приходилось, а теперь завелись-завертелись все, как часики: суетятся, хлопчут, тикают. А Арнольдич – впереди планеты всей. Хотя у него ещё и свой пунтик, нутряной, затаённый. Насчет собственной интеллектуальной недоразвитости. Потому на речи забурные, как на живца, и вёлся. Что ж, тоже тест. Коли действует на Арнольдича, зацепит и остальных.



Молоть они были горады, пиарщики хреновы. Вот хоть вчера, после расширенного совещания в предвыборном штабе, с участием глав городов и районов, представителей силовых ведомств и СМИ. Еще до начала закрытой, без СМИ, части, на середине бесконечной этой говорильни, голова у Цеаша разболелась, и он еле дотерпел, дожидаясь, когда это чёртово колесо с заседанием, наконец, перестанет крутиться. Томился предстоящим обрядом и позором, прозорливо предчувствуемым. Ничего, претерпеть, дабы впредь верховодить. Из ямы позора и муки, на всеобщее осмеяние выказанной, – на пик всенародной избранности. И тогда хоть потоп. Паводок.

А с обрядом они сели в лужу. По полной. Наскрести ещё сил, дожидаться реакции. *Оттуда* может так громыхнуть, что только мокрое место останется. Был же вот только что: твердыня, опора, надежда, чаянья электората. Ба-бах! Порхнул, воскурившись в ничто, мимолётный росный парок. К таким вещам относятся очень серьёзно. Авось, будет скидка на предвыборную суматоху.

Всё из-за этого гадёныша. Заморыш родил гору, малёк умудрился создать океан проблем! Арнольдич ещё ответит по полной. Он отвечал за трансляцию и всю сопроводилковку, так что его косяк, без всяких яких. Доверить такое серьезное дело сырому, непроверенному сопляку. Алинны рекомендации дорогого стоят. Суки текут, и в одну суку нельзя войти дважды...

Всем им устроить короткое замыкание. Взалкавши всенародных чаяний, исполниться неистойвой ненависти. Чтобы так облажаться! Овна руно? Щит на воротах Царьграда. К чёрту всё обесточилось. Вырубить свет, да на самом пике страдания, можно сказать, когда всё уже позади и начаться должно было самое интересное: сплошные экстаз и катарсис. Так этот ушлёпок, выкинув фортель, умудрился ещё ускользнуть!

А новенькая!.. Уготавливали на десерт, к кульминации ритуала. Сам же Арнольдич расписывал, красок не жалел: «Нежнёнская, грудки трепещут. Сложена, как гимнастика и синхронное плаванье, вместе взятые... Талия, попка, ножки – ух!.. Пальчики розовые, аккуратенькие. И циклотки... Это важно – признак породы. Алина и Лилечка, умудрённые стервы, взяли заранее в оборот, сообща мысли в сауне. Умачали речами, умасливали благовониями, ненароком подталкивали... Дело тонкое, надо умеючи. Нет, не против. Не против она... Юна, зелена, непосредственна. Мотылёк, ослеплённый сияньем могущества. Тресветлым обликом его, Володисвета... Всё одно, что возжелать связи со звездой. Вечерней или Утренней? *Увидели дочерей человеческих, что они красивы...* Вскружилась головка от распахнувшихся бездн перспектив. И кто ж устоит против власти? Нет в мире более возбуждающей силы!.. Перечить избраннику, всё одно, что гневить провидение». Распахнулось, блин. Ба-бах! И захлопнулось...

Низведённый, беспомощный, бился и звал, а эти – безрукие – никак не могли напарить его в потёмках и, наконец, отстегнуть от проклятого топчана. Мрак, темно, как самая тьма... Чёрт, чёрт, хана всей этой бестолочи. Доверенные, мать их, морды, с Арнольдичем во главе. Пусть, где хочет, нарвет, из-под земли, из-под воды выуживает. И ушлёпка-компьютерщика, и эту гимнастку... Живыми, непременно живыми. Пока не отыщет, пред очи не смеет предстать.

XI.

Что же рождает сон разума? Приснилось Цеашу: барахтался в ледовитом выпоте, а тот накрывал с головой, надвигался и вновь опрокидывался, норвя утопить в мокрой и тёмной насквозь свистопапске. Но вот впереди забелело. Плот! Надежда и чаянье! А сколачивали из самих же себя: штабелями укладывались белёсыми телесами, в чем мать родила, мужского и женского пола, и крепились – руками, ногами, чреслами и чёрт знает чем. Его завидели вдруг и разом все завизжали – звателью, но злыми какими-то, мутными голосами: «Цеаш – це наш!.. Скорее же, Владька, тресветлый Владыко! Вас дожидались! Скорей!.. Скорей!..»

И сдуру сиганул, будто взалеянная рок-звезда – в море своих фанатов. Плюхнулся так, что застонали под ним, заёрзали. И видит, все тут: и Эдгаровна с Лилечкой, и снежная Жанна, секретарша с работы, и Напёрстая Настя, кою третьего месяца пристроил в бухгалтерию, и гандболистки с «художницами», и чирлидерши. Плот большой, и растёт всё, и ширится. И Арнольдич туточки, и Углевой с Дорониным и прилипалой Октановским. И физиономии у всех и у каждого не лица, а хари да морды: замлевшие, перекошенные, глазёны пучат и закатывают, слюни пускают и корчатся, ухают, пухают, бубнят и гутнят, – то ли им жуть, как больно, то ли несказанно хорошо. И скользит его тело по склизким телам, унавоженным выпотом, а визг нарастает. «Ага! – орут. – Ах, ты!.. Ух, ты!.. Ох, ты!.. Ишь, ты! Их – ты!.. А мы – тебя-а-а! Щас мы тебя приторочим!..» И видит он: хари слились, и нечто одно, многоглазое пучится и, смердя, сзади и спереди, и с боков его обступают, облизываясь. «Приторочим! Ишь, ты! Их – ты!.. А мы – тебя-а-а! Сейчас приторочим!..» И в ужасе прынул Владька с плота, заработал неистово, и поплыл, забарахтал, с трудом загребая коченеющими конечностями. И в момент тот почуял, всеми членами и нутром, что единственная его надежда и чаянье, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий – его плоть, бледномясяя, заматерелая, детородной мышцей крепкая – ого-го, вся в нитевидном синеватом узоре под гжель. Плоть – его плот. Утайбй кусочек, не больше. Но и не меньше. Вызовлит из пучины пике на самый пик. Сир и наг, но, однако же, облечётся владычеством. Всемогуществом. И несёт на маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы, его – соринку – в самый глаз урагана...

Наутро, после позорно проваленного ритуала, Цеаш еле проснулся, как из омота, выдрался из слякотного беспокойного забытья, ощущал же себя препохабно.

Целительный метод, не раз выручавший, на сей случай Цеаш знал назубок: колом кол вышибать. Коли

упарился давеча, нонче, как очи раззявишь, дела отложи и пристяжи прикажи баньку готовить. Паром, однако, увлекайся не шибко. Малость, для расслабляющей бодрости, чтоб Альке с Лилькой удобней было мыть и массировать. Руки у Альки в этом смысле просто учёные: каждую ниточку, каждую точку прознали на звёздной карте его пельменно-бледных телес. Всеми маршрутами хаживать, по каким – надавливая, по каким – поглаживая, по каким же – почёсывая, а где и – приплёпывая. После же, постепенно, исподволь как бы, начнут растирать, поддавать, притираться. И попрёт наполняться и мочь, что есть мочи накачивать, будто он купол золотого воздушного шара, почище иных золотых парашютиков... Ох, после такого орлом воспарял из парилки тресветлый Владисвет!

Ныне же Цешш ощущал себя бескрылым, воды наготовавшимся, вдобавок, истыканным овном. Исколот пиками, и в прободения, с издёвкой оставленные без числа, как воздух из шара, выходили, никак не накапливаясь, все его грозные мочи. Но Обло к соплежум брезгливо. Пик паводка, выборы не за морями, а электорат – вот он, уже тут, плещется у подошв, но не вздумай выказать слабинку и заминку. Свои же, подобострастные, разорвут и съедят, ибо страсти их в тютельку подобны твоим, хоть и рангом пониже, зато жаждой повыше. По сему, коли назвался склизким груздем, из огня полезай в полмя сутливой суводи. До обеда – треклятые три совещания! Главное, первое пережить. Селекторное, он-лайн конференция членов Совета. Юго-Западный домен соберётся и утвердит. Или же?... Может и центр подключиться. Дабы вынести окончательное решение. На дыбу. Бывали прецеденты... В свете вчерашних событий. Вернес, во тьме...

Вынести... Ничего, ничего. Вынесет нелёгкого. Связанные одной цепью. Слишком он ценен. Нет цены оцененному. С кого надо он спросит. В режиме он-лайн конференции. Этакого симпозиума. Совет эти штуки любит. Ублюдка того программиста и сёрфингистку ту чёртову он снимет в кино. Сам срежиссирует и исполнит. Совет такую инициативность поощряет. Но это всё после, после...

Главное – *вынести*. Проскользнуть, ёма-ё, на маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы, в игольный глазок. И тогда – хоть потоп. Ух, тогда наверстаем! Что комитет, что Верховный Совет – там уже по колено, вброд перейти. А Углевой с Дородиным ещё долдонили про расширенное, в штабе гражданской защиты. Слабины дать нельзя, даже эти-то вон резками так и клапают. А ведь не исключено, что и в Совет флюиды некие от этих исходят, и даже скорее всего. Дошлые больно. На вид малоохольные, а ухватки – пираньи.

А ведь не прогадали. И вот треволенья уже позади. Совет пожурил, но простил, проглотив во внимание сулимое зрелище. Он, председатель комитета по безопасности и обороне, полководчески восседал в защитном камуфляже, в перекрестье десятков теле- и фотокамер. К чёрту повестку дня и само совещания. Как там, у павшего Лебеда: вы будете, затаивши дыхание, слушать, а вещать буду я! Аз есмь око недрёманно в свете, верней, в мутоте усиливающегося паводка, необъяснимых и страшных деяний речного монстра, сеятеля жертв и паники в населении. Есть один лишь оплот, одна лишь надежда и средоточие чаяний. Дабы возлюбил, полниться отвращением. Зело, по зерну, сеять страх в плодородную почву днестровского чернозёма. Не хай прозревают: «Цешш – це наш!». Не зря, ох, не зря под гжель иссинивал его зерньо и мукой искусный колымский кольщик.

Рыбы ушли, ну и пусть. Остались морепродукты компании «Магаданрыба». Всем им, гадам, ползти по прямой – на стол к всевеликому Владисвету. Вот, к примеру, трубач, уникальный моллюск. Извлечён безбашенными водолазами из глубин Охотского моря, прокопчён невиданным способом и спрейсом доставлен сюда, на потеху тресветлому Цешшу. Коли Цешш его съедит, кто тогда протрубит? А он-то съедит, да ещё и почавкывая.

Только всё улеглось, а Углевой и Дорodin подскочили и давай опять воротить, про то, как это всё здорово и на руку, и что каждая новая в череде ситуаций с чудищем цементирует укоренённость электората в архетипах островного сознания, вызывает в приднестровском социуме интенции мобилизационности, загнанные в глубины коллективно-бессознательного и дремавшие там до поры, но столь востребованные сейчас, когда всё на кону, и, мол, крайне важно эти интенции чутко воспринять и грамотно ретранслировать в русло безоговорочной, сокрушительной победы уже в первом туре.

Лихо закручивают двое из ларца. Но с другой стороны, тут они правы. Потоп надвигается, подминяя сушу со всех четырёх сторон, тут же, у самой кромки, бесчинствует тварь, мерзкое порождение мрака. Островитянам, отрезанным от всего прочего мира, спасения ждать неоткуда, и они, влекомые отчаянием и страхом, отступают от краёв пятачка, на глазах сжимающегося, к его центру. А в центре, незыблем и тверд, – он, Владисвет Цешш – спасатель, вовремя сменивший дорогой итальянский костюм на защитный камуфляж. Да, это правда, такова эта реальность: он стержень и ось сего мира.

Все пути и тропинки приводят пред ослепелые очи. «Майна, майна!.. Поднимайте же, мать вашу, веки!..». Островитяне, всеми порами своих нервных систем, раздербаненных утренними газетами и вечерними теленовостями, всеми фибрами своих душ, расчехвоенных наизнанку неистовым радио, оголтело-задушевными ток-шоу и беспокойным сном, чутко и жадно, как спасательные жилеты-соломинки, ухватываются, вбирают в себя исходящие от него токи.

Харизма Владисвета – это вам не хухры-мухры! Хари – на Цешша! Харе Цешш! Цешш – це наш! Толкаемые коллективно-бессознательным, вождедеющие и алчущие, в экзистенциальном порыве сбиваются вокруг него в кучу, иначе говоря – сплавиваются и вдруг... обретают надежду, и, тут же и веру, и, само собой, как следствие и логический итог, – любовь. Припадают к стопам его – тверди мира сего. Самозабвенно, стократ обретая взамен, они отдают ему свои голоса и тут же умолакают. В тот же миг, по мановению, стихия успокаивается и отступает.



Осчастливленных, покачивая, баюкают волны, что харизматично проистекают и плещут концентрированными кругами от его берегов – оплота, гаранта, твердыни. Хотя где линия прибой, где заканчиваются они и начинается он? Горнила испытаний спаяли их воедино дамасским способом, якорная цепь нерушима, и отныне им не страшны никакие шторма и бури.

Рыбы ушли, ну и пусть! Ха-ха. Скатерть – дорогой. Харизма Цеаша, что амбрэ одоранта, заполняет всё отведенное пространство. Хотя где эти кромки, где тот плетень, способный обуздать-ограничить промысловое проистечение? Поверх заборов и тынов, вне пространств и вне времени. «Цеаш – це наш!». Владисвет Цеаш – оплот, и гарант, и твердыня.

Уренгой изливается и течёт из варяг в греки, ибо щит надлежит набить на ворота Царьграда. Что из того, что идола, как речной палиндром, поднимаются против течения? Что из того, что преследует их, как подранков, Андрей Первозванный? Нет у нас флота, следовательно, нет и друзей. Пусть себе ходит от Корсуни вверх по Днестру, к верховьям Днепра и Южного Буга, к Валааму и Ладогге, к Новому городу.

Окна отворены. Твердь катится под откос, сама собой, за ненадобностью.

ВЛАДИСЛАВ КИТИК

ПОЗДНЯЯ ПАСХА

рассказ

Михаил Петрович долго вдыхал запах сырой весенней земли, ещё тяжёлой от сна. По случаю внезапного тепла, он решил раньше начать дачный сезон. И теперь сидел на чемодане, обдуваемый искрящимся степным воздухом. Слушать тишину не мешали ни щебет скворцов, ни шарканье веника за деревянной переборкой веранды. Ни сама девочка-студентка, прибиравшая комнату, снятую в наём. Худенькая, ушедшая в себя, с кришнитскими чётками в руке, она искала уединённости в этом большом пригородном доме. Петрович пустил её пожить, уступив просьбе бывшего сослуживца, и с тайной надеждой избежать одиночества.

Привыкший к размерности мыслей, он впервые понял, что память может быть непрошенной. Или это была совесть? Особенно становилось мутно, когда внутренне он вдруг снова видел себя в длинных, застланных бордовыми дорожками коридорах закрытых учреждений. Снова – двери с табличками, громоздкие письменные столы, чёрные телефоны, графины с мутной водой. Эти принадлежности кабинетного интерьера, колонны с массивной лепниной под потолком подавляли, словно приоткрывая назначение власти.

Однако при чём здесь совесть, если он честно и пунктуально отработал много лет в системе госслужбы?! Да клерком, молчаливым исполнителем. Ну и что, – не всем же в космос летать: аппаратные работники тоже нужны!

...Шарканье за стеной закончилось. И после небольшой паузы потянулось однообразное «харе-рама, харе-рама...». Девочка монотонно бубнила в нос. Пела бы что ли от души. А то, словно сама стесняется своих восточных речитативов. Не понятных, но обязательных в воспроизведении.

Вот так и он. Принимал мнение начальства как установку, профессионально лукавил, где нужно. Преодолевая недоверие к надуманным цифрам, писал безупречные отчеты. Докладные? – тоже! Без этого не бывает административной карьеры. Сообщал кое-что шепотком в прикрытую ладонью трубку. Терпел чужие прихоти, чтобы заработать хорошую пенсию. Потом – чтобы не попасть под сокращение как лицо пенсионного возраста. А чем плоха обеспеченная старость? Да и не стар он вовсе...

Сама Пасха в этом году поздняя. Разве плохо? Май распустился вербами, зазеленел. И, наконец, дождавшись красного часа, грянул в воскресные колокола.

А к полудню из соседней церквушки уже возвращались в поселок нарядные женщины с корзинками, полными снеди. Двое слегка хмельных парней из местных с гоготком: «Христос воскрес», – лезли к ним целоваться. Жарко тискали молодух, крепко прижимали к забору, за которым возвышалась дача Петровича. И те хихикали и отталкивали их. Но совсем не сильно, сопротивляясь настолько, насколько этого требует прихотливая брачная игра.

Вот и к его квартирантке пришёл паренёк с косичкой. И на веранде был слышен их чудной разговор о поиске пути, познании сути, высшей истины. Когда они вышли на свет, он не удержался:

– Что говорят ваши религиозные идеологи: постижим ли простым гностиком смысл жизни?

– Да, в жизни есть момент, – он свой у каждого человека, – когда ему вдруг открывается тайна, – рассудительно ответил паренёк. – И с этой вершины понимания видны и его главное предназначение, и те ошибки, которые не дадут его исполнить. Но бояться не надо. Ведь часто вся жизнь – только прелюдия, подготовка к этому мигу. Так ведь называется прозрение, Кристина? – он повернулся к своей спутнице, обращённой к нему восторженным взглядом. – Остальное уже не важно.

Петрович посмотрел, как они спустились с крыльца, пошли по улочке, как осторожно и бережно коснулся этот долговязый подросток руки своей спутницы, забыв о целомудренных заветах эзотерики.

А что было вершиной у Михаила Петровича? Нервный стресс, когда его чуть не выгнали с работы?



Когда он сорвал план подготовки района к зиме, и как руководящее лицо мог быть привлечён к ответу? Он тогда пережил много, потерял сон, поседел даже. Но – выдержал. В который раз помогла ему природой заложенная цепкая способность выживать, упорство, с которым сельский человек любой ценой удерживается в городе.

Когда-то и он робко приехал сюда поступать в институт. А к пятому курсу был освобождённым комсоргом, произносил речи. Только стыдливо розовел, подавая руку черноглазой Рае. Его вызвали в первый отдел и сказали: если хочешь продвигаться по идеологической линии, отношения с девушкой еврейской национальности придется прекратить. Тогда же в знак прощения ему доверили написать первую докладную информацию. На Раю. К счастью, они уехала с родителями в Хайфу, так и не узнав причину внезапного решения Миши расстаться.

Теперь что? Может, в церковь сходить? Ему, неверующему, эта мысль показалась забавной. Но одновременно даже интригующей.

Заиграло солнце. На подворье лежала круглая тень купола. Из певчей темноты белёного к празднику здания пахло ванилью, воском. Зайти он не решился. Старуха-богомолка неодобрительно покосилась на него. И тогда Петрович неожиданно для себя, сложив пальцы в щепоть, неумело перекрестился. Наверное, по привычке соответствовать обстоятельствам. Потом украдкой глянул на старуху. Но она истово была поклоны.

Ударил колокол. Раз! Ещё!.. От медного эха завибрировало в груди. Когда-то он со своей женой, – женщиной с проверенной репутацией, – поссорился. Тоже на Пасху. Торжествовало советское время, и ему было положено быть атеистом. Яйца он ел, но не крапёные. И кулич ел, но называл его кексом. С этим супруга мирилась. Но их навеки разделяла стена формальностей. За её тупой толщей он не расслышал упреков своей Дарьи Григорьевны, не разглядел подавляемого ею огорчения на настороженную сдержанность мужа в чувствах.

Они разошлись тихо, без скандала, чтобы не повредить карьере. Он должен был оставаться для подчиненных партийным эталоном. Хотя никому не было дела до его заслуг нержавеющего ленинца.

И вдруг Петрович понял, что эта скромная чиновничья жена – единственное настоящее, что он имел.

– Только Дарья ждала меня, терпела, чистила брюки, вечно обед держала на плите, чтобы горяченький был, – вспоминалось некстати. – А когда разъехались, безропотно оставила и белую «Волгу», и эту дачу. Да, добротная, обустроенная, только пребывание на ней разделить не с кем.

Он знал, что Дарья тоже так ни с кем и не сошлась. Но ни разу не навестил её, даже когда от знакомых узнал, что она болела.

И вдруг захотелось видеть её. Извиниться что ли, поблагодарить за то, что была в его жизни.

...Подъезд бетонной пятиэтажки. Ленивый кот на пороге. Глупость, нацарапанная гвоздём на стене. Когда-то такое же словцо написал и его сын. Был примерно наказан. И после этого затаил желание уехать из дома. Вырос. Окончил военное училище и теперь служит на Северном флоте. Далеко...

– Заходи, – сказала Дарья без удивления. Словно между их последней встречей и сегодняшним днем не было хронологического провала в четверть века. Ему даже показалось, что она ждала этого дня.

– Как ты?

– Да так, живу.

– Христос воскрес.

– Воистину, – ответила она и легонько коснулась его щеки тёплыми выпцветшими губами. Вечереющее солнце скрадывало её морщины, золотило седину.

– Хоть бы предупредил, я бы прибралась

– Я это... – перебил он её, – сказать прищёл. Я ...я... Даша, я ведь тебя всю жизнь любил. Вот как.

– Чай будешь, – не зная, что ответить предложила Дарья.

– Нет, – грустно ответил он. – Вот... сказал. Пойду. Поздно уже.

Он вернулся на дачу, сел в кресло на веранде, накрылся пледом...

– Уж поверьте старому прозектору, нет тут никакого криминала, – утвердительно говорил врач на дежурстве, деловито разбавляя спирт. – Актик вскрытия мы сейчас составим... Что поразительно: какой организм крепкий, запала ещё лет на двадцать.

– А сердце, значит, не выдержало? – прищурился участковый милиционер.

– Случай, бесспорно, редкий. Ну, давай, не чокайся.

COGITO ERGO SUM

рассказ

Степану Долгосельцу приснилось, что он умер. «С кем не бывает», – миролюбиво подумал он. Но вдруг, как молнией, ожгло: «Взбрeдeт же в голову! Куда за год до пенсии?!»

Он с криком разомкнул веки. Темнота в глазах оставалась густой и непроницаемой. Степана передёрнуло. Он испугано приподнялся, оперся на руки, откинул одеяло. И начал ходить по комнате, словно пытаясь уйти от мысли о том, что дела земные для него уже закончены.

– Надо бы зеркало повесить, если уж такое приключилось. – Он подошел к трельяжу. Глянул. Но... не увидел никого:

– Что за мистика! Неужели моя Марья наворожила? – задумался Степан. – Ну, поссорились. Ну, уехала. Первый раз что ли? Только к чему это она пригрозила: «Смотри, Степа, так и стакан воды тебе подать будет некому?»

– Полагаю, буду умирать не от жажды, – задиристо крикнул он вслед. Вот и договорился!

Будто к слову, захотелось пить. Крутнув вентиль, Степан сделал два больших глотка из крана. В нос шибануло жилюпоповской хлоркой.

– Стало быть, жив! – обрадовался он. И удивился. – Надо же! Какой гадости ты должен хлебнуть, чтоб осознать себя человеком.

И, намереваясь заснуть, вспомнил, как клевал носом над конспектом истмата.

– Прямо, как у Декарта: «Cogito ergo sum» – «Я мыслю, следовательно, существую».

С этим Степан и уёлся. Проснувшись, машинально натянул брюки. Пальцы сами застёгивали пуговицы, поправляли манжеты, шарил по полке, нащупывая кепку.

Прикосновение ткани к телу не ощущалось. Был ли тяжёлым внушительный портфель, собранный с вечера? Или потерял вес? Он не мог ответить. Не мог решить, холодно на улице или нет. Дующий с моря ветерок проходил сквозь него, приподнимал над землей. Однако грудь распрямилась, и в движениях появилась свобода. Хотелось парить. Или он уже парит?..

– Летать по городу гражданам не запрещается, – урезонил себя Степан, на всякий случай поглядывая на прохожих. Но те шли безразличные к чужим метаморфозам. И только две встречные старушки-неговистки, заученно вовлекая в разговор, огорошили вопросом:

– А вот скажите, мужчина, будет конец света?

– Миленькие одуванчики, уже не бу-удет, – пропел он, вытянув губы трубочкой.

Входя в рабочий кабинет, Долгоселец тихо послал в пространство безадресное: «Здравствуйте». На него никто не обратил особого внимания. Впрочем, и Степан глубоко не вникал в переживания коллег. Но сейчас его слегка царапнуло в душе от того, что сотрудники не распознали в нём человека окрылённого, каким он до сего дня не значился. Зато никто не донимал расспросами.

– Всё же плохо, – рассудил Степан, – что столько лет в одном коллективе бок о бок обретаемся, а друг друга не замечаем, избегаем даже, стараемся в коридоре не столкнуться, глаза опускаем, чтобы не здороваться. Какой там возлюбить, если о ближнем, кроме должности, ничего не знаешь. И прячешься от него в свои служебные заботы, как в нору. Взять, к примеру, Карташова, который живёт в подьезде этажом выше. Как с ним познакомился? Когда тот залил нашу квартиру, и Машка таки заставила к нему подняться. Бытовой инцидент давно закончился перемирием. Только... теперь перед тем, как из дверей выйти, пережидаешь, когда этот крендель в очках спустится по лестнице на пролёт ниже, чтобы ненароком не столкнуться. Так и существуем, как думаем! Эх, мало двоек ставили за Декарта!

И Степан Долгоселец вперил взгляд в белмо компьютерного экрана. Он втайне любил свою работу и компенсировал небольшую зарплату клерка из статуправления увлечённой преданностью методичному труду. Нередко сведения о чужих денежных расчетах, земельных платежах, налоговых взысканиях, хранимые в бездонной памяти микросхем, к концу дня просто подавляли его. Оставалось добраться до дивана и бесцельно щелкать пультом переключения телепрограмм. Однако сегодня цифры сами складывались, сочетались, делились и множились. Правильный результат побуждал гордиться знанием счётного ремесла.

– Статистика не понимает промежуточных состояний: либо ты в этой категории, либо в той. Ведь за цифирью стоят люди, живые люди с их правдами, надеждами, сожалениями. И мир становится понятнее, а потому ближе, как-то роднее даже, – увлечённо философствовал Степан Долгоселец. – Всегда бы так!

Наполненный внутренним монологом незаметно прошёл день. В душе всё ещё держалась удивительная лёгкость. С нею Степан отправился домой, пересуверничал синеющий вечер, долго глядел на звёзды. Они были далёкими и потому казались добрыми.

С первыми звуками будильника Степан снова ощутил знакомое бремя бытия. Тело было грузным, неповоротливым, нудно тянуло поясницу. Охнув, он подошёл к окну. Сквозь разводы на стекле светило солнце. Лаяла дворняга. Шаркал метлой дворник. Консьержка размазывала веником по крыльцу кошачье



дерьмо. У хозяйки снизу, видимо, пригорели гренки, и горьковатый дым заносило в квартиру Долгосельца.

С ней Степан познакомился, когда залил её потолок. Она тогда поднялась и высказала всё, что думает о сосуществовании с таким соседом. При встречах они продолжали сдержанно раскланиваться. Но Степан всегда стремился поскорее проскочить мимо её дверей, чтобы ненароком не столкнуться.

– Показали нездоровую жизнь. Потом дешённую, какая есть, да в неё же и вернули. А что с этим делать, не сказали, – заключил Степан, надевая кепку.

С этим он взял портфель. Не в меру громко хлопнул дверью. И двинулся в новый статистический день. Судя по затаённому шороху по ту сторону смотрового глазка, соседка пережидала, когда он спустится по лестнице на пролёт ниже. Долгоселец ускорил шаги.

КАК МОЮ МАМУ НЕ ПРИНЯЛИ В ПАРТИЮ

рассказ

В детстве я был крикливым ребенком. Молчать многозначительно, недоуменно, понимающе, порой лукаво или таинственно, я научился много позже. А в младенчестве орал за все последующие обстоятельства, вынуждавшие держать рот под замком.

Я с рёвом барахтался в пелёнках, и ни колыбельные, ни уговоры, – ничто не могло меня урезонить. Усмирить мой неосознанный протест против ограничений можно было только при помощи клюквенного киселя. Для этого у мамы была 200-граммовая бутылочка с порционными делениями. И натянутая на горлышко соска.

Этой методике релаксации общепит, конечно, кланялся. Однако случай проверить её действенность судьба предоставила вскоре. К деду с бабушкой пришел какой-то бывший сослуживец, тоже с бутылкой, только большой. Потом они втроем нестройно пели про то, как по долинам и взгорьям шла дивизия, про казака, скакавшего через манчжурские края. Ещё – о бродяге, который проклинал судьбу... Потом дед сходил в магазин за добавкой... Утром стало ясно, что оставлять меня на их попечение совершенно недопустимо.

Отец был в рейсе. И всё, что могла сделать мама, это взять в одну руку меня, завернутого в одеяло, на другую повесить сумку и пойти на работу.

Так я впервые оказался в областной библиотеке. Это было высокое серое здание, всем видом назидательно внушавшее почтение к печатному слову. Мы поднялись по мраморной лестнице наверх и остановились возле стеллажей.

Заведующий читальным залом Чепурной, глянув на сверток, недоуменно поднял на лоб очки и дикторским баритоном произнес: «Это – что?»

– А? Это?.. Это мой Владыка, – словно удивляясь вопросу, сказала мама. И добавив: «Он вообще-то тихий», – на цыпочках отнесла меня за стеллажи в «подсобку», отгороженную от зала фанерой, где за неизменением другого места положила на подшивку свежих газет. Почувствовав спиной упругую твердость радикальной социалистической прессы, я мирно задремал. Но спать мне не дали.

Читальный зал находился на третьем этаже. А книгохранилище – в подвале. Эти два помещения соединял скрипучий лифт. Будучи какой-то дореволюционной конструкции, он болтался между двумя направляющими металлическими швеллерами, уходящими в подземелье. И, нагруженный стопками книг, при движении вверх противно стучал. Телефоны тогда были только в управленческих кабинетах, поэтому для связи с нижним складом библиотечники использовали приспособление, наподобие судового телеграфа, применявшегося на паровом флоте. Из пола торчала труба, её изгиб заканчивался примерно на уровне подбородка человека среднего роста – то есть среднестатистической советской женщины. Мегамоделки по метр девяноста появились позже, когда интерес к книгам в народе поубавился. И глаза на правду жизни без купюр стали открывать долговязые красотки.

Труба служила и для ведения переговоров, и была средством передачи почты. Сотрудники читального зала кричали в неё, как в рупор, и как только звук с металлическим привкусом достигал хранилища, бросали в трубу гильзы, в которую закладывали свернутые рулетиком заказы. Гильза падала в подвешенную у выхода из трубы жестяную миску. И из хранилища раздавалось утробное: «Получено! Кого подавать: Маркса или Мопассана?»

– Панночку Гоголя. И про шпионов для полковника не забудьте, – опять он пришёл!.. – кричали сверху.

Через минуту лифт начинал скрипеть, как несмазанная телега. И кладёз человеческой мудрости в коленкорových обложках поднималась наверх к пытливому читателю.

Вдруг практикантка Тасичка заглянула за ширму, и, глотнув ком в горле, прошептала: «У нас – комиссия!».

Мама встала. В проходе с бледным каменным лицом стоял заведующий: «Из обкома. С проверкой».

– Ведь завтра обещали.

– А пришли сегодня! Что с ребенком? Его нельзя показывать!

– Он тихонечко спит, – сказала мама неуверенно. И достала из сумки бутылочку с киселём, припасённую, как спасательный круг на случай аврала.

Я спал. Мне снились безгрешные сны. А рыкающее слово «ревизор» не бросало в дрожь. Все ходили следом за начальством, инспектирующим библиотечное дело. А я лежал один. Но вот снизу крикнули раз, два – никто не отозвался. Тогда кто-то из работников хранилища в нетерпении ударил несколько раз по телеграфной трубе гаечным ключом, оставшимся с починки лифта. Труба вздрогнула, загрохотала, и часто завибрировала холодным лязгающим звуком.

Я проснулся. Вокруг никого. Я беспомощно огляделся, а потом заорал. Мама бросилась ко мне с киселём, как пожарный с огнетушителем. Она была кандидатом в члены партии, и так исказить торжественный ритуал контроля было бы непростительно. Ей и не простили! Однако же – нечто другое.

Сладкого напитка в меня влили предостаточно, чтобы утомонить. И я снова заснул. Но избыток жидкости, скопившейся в маленьком организме, скоро нашёл естественный выход.

...Потом маму журил директор: «Роза Васильевна, ну как же так. Нет, я всё понимаю, сложная семейная ситуация, малец не сдержался. И то, что месячную подшивку промочил насквозь – тоже ладно. Но ведь была бы это местная газета, ну «Труд», наконец, – «Известия». А это же была «Правда» – печатный орган КПСС, Коммунистической то есть партии. На что же, скажут, руку поднимаете».

– Не обратила внимания, когда клала его, – опустив глаза, чтобы выглядеть более виноватой, сказала мама.

– А где же бдительность? Я вот думаю, не рано ли вам в партийные ряды? Может, надо ещё больше проникнуться ответственностью?

– Ещё больше надо, – вторила мама, как угасающее эхо.

– И глубже осознать

– Глубже, – безучастно соглашалась она.

– Так что, голубушка, повременим. Работайте пока, растите сына. Выговор мы вам объявим позже.

Бухгалтерия удержала с мамы 50 копеек за порчу казённого имущества. Потом в библиотеке начался ремонт, директор ушел на пенсию. Потом все забыли об этой истории. Словом, мама так и не стала партийной. А всё из-за меня.

СЕРГЕЙ ИВКИН

ДОМ НА КРАЮ ПЛАСТИНКИ

*перед пробуждением
говорила мама
душа возвращается в тело стаей птиц
некоторые запаздывают*

*потому всегда держи рот
открытым*

ОКОЛО АВГУСТА

1.

Спичечные дни: коробок облаков полон и ни одной сигареты.
Бедный синоптик, деливший лето

между купавами и садоводами.

Кондиционеры в офисах начинают медленную сарабанду.
Вот и мелодия достигает скорости, взрываются лампочки.
И продолжают гореть на полу в лужах сиропа.
Осторожное синее пламя. Даже руки не обжечь.

Автомобили чиркают по потолку, но не зажигаясь.
Дни ломаются.
В августе привезут керосин и сухое горючее.

2.

Лестничный марш Ракоци.
Если сбежать вниз, то кричатся пломбы;
вверх – закладывает барабанные.
На каждой паузе распахнутое окно.
Нижнее зарешечено. Несколько человеческих окурков
вполголоса обсуждают своего генерала.
Я жил на последнем этаже.
Между рамами до весны остывало пиво,
до осени митинговали мухи.
После ухода гостей я рисовал на кухонном плафоне
ещё один или одного.
За три года – шесть. За семь – девять. На восьмой я уехал.
Игла патефона дошла до центра пластинки.

3.

Есть только слух и эхо. Слух и эхо.
 Когда выходят в сад и семисвечник
 над головой истошно поднимают,
 небесный свод похож на парашют.
 Горгиппия, полнощный транзистор,
 купи себе другой звукосниматель,
 передающий только белый шум.

4.

Взыскавший Силы юный падаван,
 отягощённый стрекозиным зреньем,
 не заходи в моменты говоренья
 по винтовой в проточный ресторан.

Там ждёт тебя основа из основ –
 восточно-европейская культура,
 лежащая на щупальцах Кутулу,
 сожравшего Тортилуу и слонов.

СОМНЕНИЕ

Для женщины с кошачьей головой
 для свадьбы не подходит деловой,
 упрямый парень с головой барбоса
 (ей нужен спутник, но не нужно босса).
 А он вокруг красуется: гляди,
 какие цапки на моей груди,
 как талия тонка, и хвост закручен.
 Она глядит в него, мрачнее тучи.

Для женщины, привыкшей нападать,
 неинтересна мёртвая еда,
 не нужен распорядок для прогулок.
 Она способна нежиться одна
 на лотосе, плывущем по волнам,
 черная лапой ласковых акул.

А то, что он приходит по ночам,
 чтоб разбудить её своим чав-чав,
 не добавляет чувствам керосина
 (Залезь под ливень, чтоб не пахнуть псиной).
 Для женщины, которой не грозят
 ни смерть, ни страх, ни равнодушный взгляд,
 любые зверомордые мужчины
 на вкус и запах малоотличимы.

Какого божества ему далась?
 Он ей не может насладиться властью:
 всё мечется, то нужен тем, то этим.
 Лизнёт между лопаток по спине,
 и вон уже маячит на стене,
 держась зубами за попутный ветер.

Она с утра, подмышки оголив,
 сияющий примеривает лиф,
 протягиваясь всеми позвонками
 (и небосвод крошится, словно камень).
 А он созвал на шумный ритуал
 народ озёр и население скал,
 и вот уже костры горят в долине,
 и звёзды раскрывают хвост павлиний...



Юношей жаждал Милен Фармер.
 Взрослым запал на Бьёрк.
 Становление, смена приоритета.
 Но в детстве была у меня фрёкен Снорк,
 с растрепавшейся чёлкою фрёкен Снорк,
 непохожая на иллюстрации
 из «Муми-тролль и комета».

Фрёкен Снорк танцевала в венке из роз,
 в ослепительный мусор одета.
 Это именно ей я браслет из фольги преподнёс,
 плёл прекрасную чушь, окоlesiщу верную вёз,
 и на фрёкен смотрел через стёкла известного цвета.

У Туве Янсон, конечно же, всё не так:
 описано чьё-то чужое неправдоподобное лето,
 в книге я не таскаюсь за фрёкен, как будто я – кончик хвоста.
 А я хвастался тем, что для фрёкен я – кончик хвоста,
 и был этому рад, больше, чем леденцам и конфетам.

И я помню её накладные ресницы, дешёвый парик,
 в лакированных дверцах серванта мелькавшие пируэты.
 И так чисто не пел ни один её звёздный двойник
 здесь, на фоне поленницы и политических книг,
 все ведущие партии Флорий, Брунгильда, Эвридик,
 все низы и верха
 дополняемых с ходу
 либретто.

Я не знаю, что с него? Наверное, пара детей.
 Да она и не вспомнит влюблённого горе-поэта.
 Нам не нужно встречаться в тоске социальных сетей,
 потому что со временем прошлое станет светлей,
 только если исчезнут приметы источника света.

Ратмиру Каренину

три круга вокруг дацана

снежный лев
 колючий кустарник
 покосившийся забор
 лужа
 дерево с пёстрыми лентами
 молитвенные барабаны
 двери в храм
 с колесом и двумя ланями

и снова

я знаю что мы вошли внутрь
 и с нами разделили йогурт
 знаю

но в памяти
 четвёртый пятый шестой круг

АНГЕЛ (ЛЕТНИЙ)

Я дал обет молчать двадцать четыре часа, не спать, шататься посреди толпы людей, играющих людей другой эпохи. Это развлечение придумал Гилберт Честертон в романе «Наполеон из Ноттингхилла». Потому, когда вокруг тебя одни актёры и все плохие, честно говоря, сам не играешь, медленно сползая в кисель отчаянья, в молитву кустаря.

Я знаками показывал охране, что у меня живой язык отрезан, но я готов служить, чтоб есть и пить. И слушал песни пьяных менестрелей, прислуживал на воинских советах, был дважды соблазнён, не устоял, но не издал ни реплики, ни звука.

За мной ходил, присматривая, ангел, он должен был фиксировать озвучку, где я сломаюсь и заговорю. Поэтому когда меня порезал наперсник венценосного барона и я лежал, откинувшись в кустах, крылом коснулся и спросил: «Ну как ты?», Я взял блокнот и написал: «К врачу».

Так ангел сходит до чужого горя. Забыв, что он невидим, из деревни взял мужиков, и на словых ветках меня перенесли через ручей. Он лично постучал в ворота замка, потребовав постель, огонь и чай.

Мне оставалось двадцать две минуты до срока исполнения обета, я взялся помогать на кухне и смешал в котлах оставшиеся крупы, и кашу заварил. Хозяин замка нахваливал. Спросил: «Кто приготовил?» В глухой гордыне кротко молвил: «Я».

Мой ангел мне отвесил по затылку и вышел за порог. Так повторился библейский гэг про чечевичную похлёбку. О, как смеялись в небе надо мной. Тогда я помолился Честертону: «Прости меня». И Честертон ответил: «У ангела прощения проси».

Её зовут Семёнова Марина. Ей двадцать лет. Из Усть-Каменогорска». И где-то на востоке Казахстана мой ангел видит всё, что я пишу.

ВАДИМ БАЛАБАН

«МЁД ИСКАЖАЕТСЯ КАК ЗМЕЯ...»

обездвиженные реки
тёртая слеза
и стоит на человеке
ангел-стрекоза

и трубит горнист неслышно
высоко внутри
кабы что но то и вышло –
выйди посмотри

и стада ревмя ревели
кончилась еда
полем шли и поле ели
будто никогда

различи теперь на милость
между ТЫ и ТЫ
тень от ангела свалилась
в ближние кусты

солнце клонило в сон.
папа уснёт в земле.
я пью коньячный сок
в затопленном корабле.

и голосит трава
на полусухом ветру.
мама была права
в том что я не умру.

где поезд выгнутый направо
уводит хроники состава
кричат грачи как басмачи
не выпадая из ночи

но: злы гнилые перелески
бегут запутываясь в леске
дожда и падают с горы
в провал раскрывшейся норы



пронзая веткою по встречной
проходит ангел бесконечный
и нет ни завтра ни вчера
разрыв

и хроники с утра...

кто не сеет и не жнёт –
руку не пожмёт
и останется в тепле
в зиму на игле
я совсем уже босой
с выстрелом осой
в неприкрытой голове
в сердце на канве.

я люблю же вас, люблю
комкаю петлю
заикаюсь и прошу
то что напишу
что даётся только раз
в профиль и анфас
прямо выстрелом из глаз
если Бог подаст.

пльви не угасай
не обливайся слёзно
окрестности кусай
когда они морозно

когда они серьёзно –
случится горностаи
звони терпи листай
пусть даже будет поздно.

что было – стало и айда
какие могут быть вопросы
бедой не может быть беда
как и водою водоносы

карманный сетует Исус
о суете телосложенья
не хочешь и не дуешь в ус
себе и близким в утешенье

живи вполсилы триста лет
копи грудные мегаватты
горит в печи родный лес
цветут врагов родные хаты

паслён и хрен и бузина
не сеет птица и не пашет
и ей за это ни хрена
никто хренового не скажет...



ПАРАЛЛЕЛЬНО

старушка тычет головой
в указательный палец
говорит: прошу меня считать

считаю: один

банка мёда
мёд искажается как змея
жёлтая ароматная змея
в сумке у старушки искажается
высовывает язык из банки – два

у нас потоп
потом опять всё сначала
все – параллельны
и не пересекаются

три

у нас потоп
я промочил ноги
и в правом хлопает
будто тошнит
и всё искажается

смотрю новости в сети
и вижу – Вася опять бухает
каждый вечер Вася бухает
и всё искажается
Вася бухает и высовывает язык
и всё параллельно...

ИМХО

можешь – сверни в полумеры
можешь – заказ отмени
на предстоящие дни
где губернатору мэры
одни.

а если будет бессрочно
то и совсем хорошо
белый метёт порошок
подножно и потолочно
в кружок.

это зависит от взгляда
слуха и первых секунд
где по понятиям секут
где с кровью смешение яда
ведут.

что пользы тебе что пилбы
работает автокран.
фокусировка линзы
показывает коран

мечети. вверху латают
крышу и казино
головами мотают
стену прижав спиной.

все голуби поутихли
и в стороне облёт
их перьевые стили
воздух как воду пьёт.

западная вершина
солнца уже красна
и замерла машина
в вязкой коробке сна.

коза просыпайся и всех забодай
будь то Бухарест или Гриппа
качайся на ветке меняя места
пока не затеплится ниша

для доброго Васи для сказки Басё
для конного/пешего лёта
прощается многое только не всё –
с какого смотря переплёта...

АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ

«В СИРЕНЕВЫХ КУЗНЕЧИКАХ ДУШИ...»

ЧИТАТЕЛЬ

Анне Акчуриной

Когда весенние березы шумят в ноябрьской голове,
читатель ждет уж рифмы – розы // намотвозьмиеескорей.

Читатель – это не учитель, а сесторонний адресат,
такой души невольный зритель, всенепременный арестант
потемок времени и зренья, сегмент невыцветших полей,
листающий словоучитель души измученной моей...

И впредь, когда сгущает тучи небесный облак грозовой,
он слышит шум берез шипучий и погружает образ свой
по рукоять в затекст дремучий.

СКОЛЬЗЯЩИЙ ЖЁЛУДЬ

так жёлудь скользющий над не и над ни
минует минуты и все повседни
холодного атома спит гороскоп
и звезды стекают зеленкой на лоб

в кармане темнело по не вечерам
все низости тела не грело ни там
где сквозь скорлупу театральный разъезд
ни там где снега умаляют твой вес
в мореную маковку как же ты влез
в кружочки медведей и в шишкинский лес

просодий исполнит на рюмку вперед
а там и забудет а тут и умрет
вот так и живут по тебе облака
из косточек света и зги молока
исполни-ка полдник и жди меня там
где горний кагор да мышистый маасдам

устал
устают в этом номере все
а вот напиши своей чёрной лисе
и лапку для жёлудя ей протяни
чтоб не вечерело на дне и на дни

МИР В ПОГУЖЕНИИ РЫБОВ

И когда Господь меня спросит: зачем ты мутил эту воду
 И зачем тебе это надо было, уроду,
 Я отвечу о рыбах невнятных и замолчу,
 В заповедный запах склонившись, к самому ко плечу...
 В сон уходя к травяному дну...

мир в погружении рыб,
 огромных рыб, которые несут на себе думы,
 мирных рыб, спи.
 Спи, мой остров осознанных и ведомых,
 по течению межевому кораблей в ночи и из ночи,
 спи, пока смерть не разучит нас очень
 из вечера в вечер.
 Рыб как по нотам читаем и помним, как отче,
 таких, что очи пропускают в стекла сверху свет поплавок.
 Рыб нужды и печали и проч. А прочих нет,
 что ни живцом, ни приманкой не будут мутить воды.
 Гладь мирных рыб, останки их, спи,
 помнишь, что утро предложит тебе беды,
 словом злак на завтрак попопдничает и вперёд
 говорить, кто живет पहले и кто позади замрёт.
 Лягут на дно, словно слою того мезозоя,
 из которого вся эвридика и соткана и снята
 с невесомой удочки. Со снежинкой у места рта
 неврелимая выйдешь из вод и будешь в руках светать...
 и не помнишь меня такого, каким бы я мог летать.
 Спи, рыб мой души до рассвета ждатель.
 Спи, воды. и дайте и мне поспать.

ГЛЯДЕТЬ В ПОПЛАВКИ

сонных объятий полны небеса
 сонных созвездий из Девы и Пса
 сотканных словно большой Бегемот
 переплывёт меня наоборот

в ту же плетень что и ночи без сна-
 добья подобья взлетает блесна
 в заводь падёт упадет поцелуй
 ты и припомнить не вспомнишь не дуй

на сердце просится броситься зверь
 многоэтажных как эра потерь
 вот и всего-то что глаз не остёр
 вытер рукой синий звёздный костёр

пламенем плачет из сотканных снов
 добий подобий медвежьих ковшов
 вырос на вырост и стал набекрень
 в шапке ушапке невидим мень-

ше неуже простирается за
 небо немеет в своих стрекоза-
 х понемногу и будем легки
 в свете как в лете глядеть в поплавки



КАК БЫ Я НИ БЫЛ С ТОБОЙ МОЛЧАЛИВ

Как бы я ни был с тобой одинок,
И в никакую не падал бы краску,
И не впадал бы в осенний приток,
В детскую, злую, нестрашную сказку.

В иволгу дунешь – шуршит под листвою
Сердце из воздуха и перегной.
...То я не сплю по ночам головой,
То просыпаюсь от этого «то я»...

Всё бы прошло, и припомнилось так:
Воды стоят, до небес укрывая
Вечер черешневый, сок или мрак,
Нас под собой не подразумевая.

Соседская «Волга» стоит за окном и не тонет
В ночных колыханьях и в вечнозеленой грозе.
Мои светляки сигаретные гаснут и мрут на балконе,
И кофе парит и стремится понравиться мне.

Прибудет рассвет и рассеет сезонное горе,
И добрый сосед перескажет, что видел во сне:
Соседская «Волга» впадает в Каспийское море,
И пена блестит на её потемневшей корме.

СЕЙЧАС СОТВОРИМ И ПОКУРИМ

«Сейчас сотворим и покурим, –
Сказал и устало вздохнул. –
Так много космической дури
Я в это творенье вдохнул.

Так много, что им и не надо.
Пусть будет светить иногда
В волшебную мглу листопада
Лесная ночная вода.

Они повздыхают на небко
И божью коровку спугнут.
И все ожидания редко,
Неправильно сбудутся тут».

И вот от такого «покурим»
Плывут до сих пор облака.
И аурум тонет в лазури.
И в звёздном укропе река.

Бережёного Бог окружает:
Слева, справа, и всюду, и всяк...
И поэтому не обижает
Бережёного каждый дурак.

Ну а если ты вовсе не светел
И мерцать не привык в тишине,
То обидят тебя даже дети.
Даже там, где их вовсе и нет.

БУДЕШЬ ЛЕЖАТЬ В БОРУ...

Будешь лежать в гробу,
словно в сосновом бору,

в инее, в искорках глаз
тихих шуршащих пролаз.

Вытянись, выспись песком
и не стучи там виском

в озеро белых линий,
в шторку из шкурки своей.

Утренний бор о заре
вышьет узор по тебе.

Впору лежать и светать.
И никуда не дышать.

памяти А.Балабанова

все ещё спишь в этом каменном веке
каменным оком в себя обратишь
на проходящем впотьмах человеке
тушью начертаны холод и грязь

тусклый фонарь в фиолетовой раме
он пронесёт мимо всей тишины
вот и твои похоронные сани
в разные стороны будут равны

ПОСЫЛКА ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

Отсюда только это и берём
И больше никуда не помещаем.
В чернильных складках пыльный водоём
Наполнен летом, и наполнен чаем.

В сиреневых кузнечиках души
Разлиты кислород и обаянье.
John Milton Cage нам светит и шуршит,
Молчит и светит Северным сияньем.

Обетованным голосом звеня,
Созвездья ничего не обещают...
И стали звуки покидать меня,
И свет дымится над остывшим чаем.

Мы больше ниоткуда не уйдём,
Мы больше никому не помешаем...



КОЛОКОЛЬЧИК

Люби меня, как папа любит маму,
И снись в кофейных чашечках цветов.
Пусть самовар шипит и топиг панораму
В фамильных складках алых парусов.

Прибрати мой колокольчик тусклый,
На слух не заглуши его полет:
Которой музыкой он врёт своё искусство,
Которой любит и в тебя поёт?

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ОДЕССЫ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

(по страницам серии книг «Реквием XX века»)

Культурная жизнь Одессы в период румынской оккупации отмечена своеобразием и заметными особенностями. Конечно, оккупация пришельцами, завоевателями, в данном случае – румынами, которых никто не звал и не просил варварским способом вторгаться в жизнь людей, всегда остаётся оккупацией со всеми её последствиями, жестокими расправами, особенно над еврейским населением, пленными, страшными приказами, трудовиной, комендантским часом, наконец, проведением военных действий, – невероятно тяжким бременем ложится на население, не подвергшееся направленным репрессиям властей. Жестокая расправа ждала в первую очередь мирное еврейское население, а также коммунистов, пленных и партизан.

Массовые репрессии против всего мирного населения осуществлялись в самом начале оккупации, особенно после взрыва здания НКВД на улице Марзалиевской (Энгельса). Однако следует отметить, что румынские репрессии против мирного населения были в известной мере спровоцированы командованием отступающей Красной Армии, которая внезапно оставила город, население которого было настроено на защиту от агрессивных военных действий оккупантов. Хотя оборонять Одессу было чрезвычайно трудно. В городе многие знали, что на линии фронта одна винтовка защитников города приходится на троих человек.

Тем не менее, многие видели и знали, что защитники города взяли в плен значительное количество пленных. Так, в дневнике В.А. Швеца от 5 сентября 1941 года говорится: «На завод, где бухгалтером работает мой отец, привели 550 пленных румын и около 30 немецких офицеров. Все они сдались на линии обороны Одессы в районе Лузановки, вывесив белое полотно на пштыки».

Количество пленных многократно увеличилось после высадки Григорьевского десанта и разгрома целой румынской дивизии. По другим печатным источникам (см. изданную в Израиле в 2003 году книгу В. Немировского (Сметанина) «Чужаки». – В.С.): «в ночь с 15-го на 16-е октября все румынские и немецкие пленные были уничтожены специально созданным для этого отрядом НКВД. Предварительно раздев догола, их расстреляли, сожгли одежду, а потом и трупы, используя для поджога горючее средство. Пламя крыши артиллерийских складов рухнуло, когда румыны были уже в городе». Конечно, после уничтожения румынских пленных, а также взрыва здания НКВД на Марзалиевской 22 октября (см. дневники Швеца В.А.), румыны объявили, что за каждого офицера или румынского чиновника будет расстреляно 200 большевиков, за каждого солдата будет расстреляно по 100 большевиков. Начались массовые репрессии среди мирного населения города, которые продолжались 3 дня. В это время, согласно документам, ректор университета П.Г. Часовников (см. очерк о нем в серии книг «Реквием XX века». – В.С.) вместе с другими профессорами университета написали на румынском языке письмо губернатору созданной при оккупации румынской провинции Транснистрии профессору Алексиану, в котором выразили соболезнование по поводу гибели румын после взрыва здания и объяснили, что мирное население во взрыве здания бывшего НКВД участия не принимало. Массовые репрессии после этого прекратились.

Рассмотрим, как происходила дальнейшая жизнь в оккупированном городе, в частности среди деятелей культуры. Об этом наиболее полную и достоверную информацию дают дневники В.А. Швеца, опубликованные в серии книг «Реквием XX века».

Первая дневниковая запись, касающаяся указанного вопроса, была сделана 6 ноября 1941 года. В дневнике было отмечено, что «некая Фомина, якобы ученица А. Рубинштейна, дала объявление, в котором призывает музыкантов всех специальностей, певцов и балерин посетить её с целью открытия музыкального заведения». В здании консерватории в то время был немецкий постой. Но при открытии трамвайного депо, на котором присутствовал городской голова бессарабец Г. Пынтя, был молебен и хор Оперного театра.

9 ноября 1941 года в газете появилось новое объявление: преподавательница Марданова объявила, что начинает занятия со своими учениками по фортепиано, теории и истории музыки и по музыкальной грамоте. В.А. Швец выразил беспокойство по данному поводу: «Неужели вместо консерватории будут работать кустарные единицы?».

28 ноября 1941 года В.А. записывает в своем дневнике: «Сегодня играл Чайковского. В новой, занятой



семьёй Швеца после выселения с Черноморской, 23, квартире на Маразлиевской, 7 (в настоящее время в этом доме – Всемирный клуб одесситов! – В.С.), квартире 41, инструмент совсем не звучит.

Газета стоит 1 рубль. Напечатано постановление о трудовой повинности. Каждого могут куда-то запереть на работы. Ныне уже открыт наш доблестный Оперный театр. Руководит театром Селявин. Он же директор. Хором руководит Пигров, оркестром – Чернятинский. В газете перечисляют пополнение артистов: Спивак, Синицына, Орлинская, Добродеев. В газете сказано, что якобы Оперный театр бомбили советские самолёты».

Рассмотрим вопрос о работе Оперного театра во время оккупации на примере деятельности режиссёра и исполнителя главных ролей певца Н.П.Савченко (см. очерк о нём в 1-й части серии книг «Реквием XX века» – В.С.).

Когда Одесса была сдана румынско-немецким оккупационным войскам, семья замечательного певца Оперного театра Савченко пряталась в красном уголке Оперного театра. Считалось, что стены «Храма искусства», как называл театр Н.П., сохраняют жизнь. Однако многие знали, что на крыше здания была установлена зенитка, стрелявшая во время каждой бомбёжки по немецким самолётам. При этом на землю сыпался град осколков.

Как помнит автор, вокруг театра большинство домов были превращены в руины, и только счастливая случайность сохранила театр от бомб, хотя крыло здания в Пале-Рояле было разрушено попавшей бомбой. Позднее под руководством инженеров – отца и сына Эрмишей – театр был восстановлен вместе с системой отопления.

С приходом оккупационных войск сразу же перед жителями Одессы встала проблема существования, поисков средств для приобретения хлеба насущного. Для артистов единственным способом существования было возобновление работы театра.

Следует отметить, что помимо чисто материальной стороны вопроса, после сдачи Одессы существовала и другая причина быстрого возобновления работы театров, газет, вузов и пр. Дело в том, что для многих представителей интеллигенции Одессы, натерпевшейся от допросов и обысков НКВД, назойливой пропаганды строительства эфемерного коммунистического общества в новых условиях наступил период своеобразной эйфории «избавления от большевизма».

Об этом многие в то время довольно неосторожно заявляли вполне открыто. Как вспоминала сестра певца Н.П. Савченко Галина Николаевна Савченко (1931–2010), на её отца после прихода румын сразу же был написан донос в сигуранцу, что Н.П. Савченко – заслуженный артист и что он оставлен для подрывной работы. Тем не менее, по приглашению назначенного директора Одесского Оперного театра В.А. Селявина Н.П. Савченко становится режиссёром-постановщиком Оперного театра. Н.П.Савченко по 12-15 раз в месяц выступает в главных ролях спектаклей. Им были поставлены «Борис Годунов», «Царская невеста», «Демон», «Евгений Онегин». Вначале Н.П. получал около 100 марок в месяц, а потом – 225.

13 декабря 1941 года был поставлен первый спектакль – «Евгений Онегин». Дирижировал Н.Н. Чернятинский, который продолжал работать директором Консерватории, впоследствии получивший 10 лет ИТЛ.

На другой день, 14 декабря Н.П. Савченко пел в «Риголетто».

Семья Савченко была поселена в Театральном переулке в доме №16, квартира 3.

Вернувшаяся из-за границы певица Лидия Яковлевна Липковская собиралась создать «Всероссийское театральное общество».

Вернёмся к выдержкам из дневников В.А. Швеца, которые он вёл ежедневно в течение 50 лет. В то время отец В.А. Швеца Афанасий Максимович работал главным бухгалтером ликёро-водочного завода.

В.А. писал: «19 декабря 1942 года. Вечером отец рассказывал, что на завод приезжал на “водопой” Нил Топчий и рассказывал о постановке в театре “Богемы”. Генеральная репетиция тянулась день и следующую ночь до утра. Приехавший румынский дирижер Челану ничего не мог сделать. Посреди ночи привезли Н.Н. Чернятинского. Он должен был буквально водить Челану его рукой, пока не приучил его к воспроизведению звукового материала. Артистам было объявлено, что, если они сорвут премьеру, то все будут расстреляны. На другой день опера под руководством Н.Н. Чернятинского прошла блестяще».

С осени 1942 года до октября 1943 года Н.П. Савченко периодически находился под домашним арестом каждый раз за два-три дня до новой постановки в Оперном театре. В театр же Н.П. Савченко конвоировали румынские солдаты. Делалось это во избежание «саботажа», возможного срыва со стороны оперного премьеры спектакля.

Весной 1942 года Н.П. Савченко вместе с буфетчицей театра Сорокиной Марией Ивановной даже был доставлен в 9-й район полиции. Ему было предъявлено обвинение в срыве спектаклей. Сорокину же обвинили в отравлении Н.П. Но вскоре задержанные были освобождены.

Н.П. Савченко, как ведущему артисту, приходилось участвовать в концертах на различного рода официальных банкетах. Так, в мае 1943 года в Одессу на отдых приехал румынский маршал Антонеску. Он присутствовал на постановке оперы «Царская невеста». После спектакля директор отдела искусств

Примарии Руссу отвёз артистов на трёх машинах на дачу к Антонеску. В концерте вместе с Н.П. Савченко принимали участие ведущие артисты: Татьяна Михайловна Егунова, Ольга Константиновна Сильсина, Василий Иванович Случановский, Мефодий Семенюта, Елена Попова, приехавший из Румынии Дидученко и другие. Савченко исполнял арию Мизгирия, романсы «На тёплом синем море», «Прощай, радость моя» и др.

Большим успехом пользовалась в то время артистка театра Т. Егунова. Доцент, в то время профессор университета Георгий Петрович Сербский писал в газете, что Т.М. Егунова «проявляет особую гибкость таланта, музыкальность и артистичность».

Н.П. Савченко с коллегами принимал участие в банкетах по поводу приезда румынских министров, гостей из других стран, его приглашал на банкет по поводу назначения на должность главного адвоката некий Думатреску и др.

Однажды на одном из банкетов, где присутствовали городской голова Г. Пынтя и губернатор, разразился скандал. Н.П. спорил с губернатором, кричал: «Мы вас победим!» – и в конце концов дал ему дулю. Пынтя при этом растерялся, а Н.П. увезли. Присутствовавшая на банкете соседка по квартире актриса Вера Адамовна Губерт пришла к жене Н.П. Савченко и сказала, что после того, что произошло, Н.П. могут расстрелять. На это жена Н.П. Савченко Елена Ильнична ответила: «А вон он спит!».

Как следует из документов, к Н.П. Савченко, как к авторитету, обращались с личными просьбами многие люди. Особенно часто обращалась к нему дежурная Оперного театра Мария Гавриловна Орлова. Однажды она просила Н.П. Савченко помочь своей бывшей соседке по квартире Марии Васильевне Герус, которую трижды арестовывали. Савченко вместе с Орловой ходили к претору Одессы, подполковнику жандармерии Никулеску, и говорили по поводу Герус с его адъютантом Алексеем Даниловичем Чалану. Хотя Н.П. Савченко лично ничего не знал о Герус, ему дважды пришлось подтверждать, что Герус не является коммунисткой.

Летом 1943 года Н.П. Савченко вместе с Н.Г. Топчием вместе обращались к Чалану по вопросу снятия с учета военнопленного, бывшего инженера Бориса Лихницкого. В дальнейшем Лихницкий работал в Облсполкоме.

Тогда же Савченко выступал свидетелем на суде рабочего Оперного театра Федора Васильевича Обухова. На суде Н.П. Савченко дал положительную характеристику Обухову, и тот после суда был освобождён из-под стражи.

Когда нужно было помочь людям, Н.П. Савченко обращался также к солистке Оперного театра Т.М. Егуновой. Татьяна Егунова могла помочь, так как встречалась, а потом вышла замуж за претора Одессы подполковника Никулеску.

Красочный эпизод из жизни певицы Т. Егуновой описан в дневнике В.А. Швеца. 17 февраля 1942 года В.А. Швеца, как студента Консерватории, послали по ряду адресов для передачи информации. Следует отметить, что в Консерватории и в лицее при Консерватории училось в 1943 году 320 учащихся.

Постучав в дверь квартиры, где жила Т. Егунова, В.А. Швеца на вопрос: «кто там?» – ничего не ответил. А.Т. Егунова тогда ждала своего «настоящего» полковника. Она подумала, что тот её разыгрывает за дверь. Она открыла дверь, собираясь обнять «шутника», но с испугом остановилась. В.А. Швеца пишет далее в дневнике: «Я не знал, что мне делать – уйти или подождать ещё. Но тут раздался автомобильный рожок у подъезда и элегантно румынский офицер с какими-то кульками и свёртками в руках поднялся на крыльцо. Актриса радостно взвизгивает и скрывается в квартире, а он, недоуменно смерив меня тяжёлым бычьим взглядом, захлопывает перед самым моим носом дверь. Издали доносится отрывистый разговор и звук поцелуя».

Согласно воспоминаниям, Никулеску в дальнейшем бежал вместе с Т. Егуновой в Румынию. В целях маскировки он устроился работать на завод, но всё же был расстрелян. Аналогично Т. Егуновой была судьба и у артистки В.А. Губерт. Только её вывез в Румынию полковник Гроссу. В.А. Губерт потом возвратилась и умерла в Одессе.

В апреле 1942 года труппа театра в составе 70-80 человек поехала в Херсон. В течение трёх дней были даны спектакли «Риголетто», «Чио-Чио-Сан», «Мадам Баттерфляй». Вместе со своим другом Нилом Топчием Н.П. Савченко посетил тогда свою родственницу Анастасию Коржову. Вместе с её, незнакомым ранее для Н.П. Савченко мужем А.Ф. Барановским, они разговаривали до глубокой ночи. Впоследствии Н.П. Савченко сожалел, что забыл расплатиться с Барановским. Сам же Барановский, как видно, затаил злобу на артиста и ждал случая, чтобы сделать ему пакость. Но это случилось уже после освобождения Одессы.

Перед приходом частей Красной Армии Н.П. Савченко пытались вывезти в Германию. За ним был послан солдат для выполнения приказа. Как рассказывал Н.П. Савченко, он был эшпирован в Малый переулок, дом 10. Оказалось, что конвоировавший Н.П. Савченко немецкий солдат захотел сдаться в плен и привёл Н.П. на квартиру, где жил сам. Этот военнослужащий был взят в плен адъютантом полковника Красной Армии Рябова. Н.П. Савченко просил военных, чтобы с пленным солдатом обращались нормально.



Продолжим обзор событий, отмеченных в дневниках В.А. Швеца, связанных с характеристикой культурного уровня в период оккупации Одессы.

18 ноября 1941 года В.А. Швец встретил на улице пианистку из консерватории. Она сообщила, что с января предполагается открытие консерватории и лицея при ней. От отца 8 декабря 1941 года В.А. узнал о скором открытии Оперного театра. Отец предлагал В.А. пойти работать статистом. Но внешность В.А. и слабый голос были не сценичны.

По словам отца В.А., он встретил знакомого, который «улизнул при эвакуации вместе с машиной». Румыны заставили его больше месяца работать на зарывании трупов. Всего было около 6 тысяч трупов евреев и других лиц, расстрелянных и спаленных живыми. Он также ловил партизан и коммунистов по катакомбам.

Оперный театр заработал 13 декабря 1941 года. Спектакли шли два раза в неделю. Первым пошёл спектакль «Евгений Онегин». Начало спектакля было в три с половиной часа пополудни вечера. Чтобы пойти на спектакль, нужно было кроме билета иметь разрешение полиции на проход по улице после шести вечера.

15 декабря 1941 года В.А. отмечает: «Был в городе. Страшная разруха. Городская библиотека закрыта» (в дальнейшем под руководством А.Н. Тюнеевой, при содействии заместителя директора отдела культуры Примарии Сербского Г.П. фонды основных библиотек были сохранены. От уничтожения были спасены также труды теоретиков марксизма-ленинизма, включая Бухарина, Троцкого, Зиновьева и др. – В.С.). «В помещении консерватории – немецкое логово. В дом, где жил Вилинский, попала бомба. Зашёл на улицу Садиковского, на квартиру к Жоржу Фоменко. Он работает в театре. Изучает партитуры, оркеструет отдельные танцы для дивертисмента. К нему приходили румынские композиторы, которые интересуются творчеством и музыкальной учебой в Одессе. Обещали присылать европейских гастролеров. Из консерватории расхитили несколько контрабасов, роялей и редкие клавиры. Оперный театр играет при переполненном зале. Готовят к постановке “Бориса Годунова” и новый балет Глиэра.

По словам Жоржа Фоменко, консерватория должна открыться в помещении школы Столярского с нового года. Там идёт уборка и стеклят.

Проходил по Дерibasовской. В некоторых домах было электричество. Работала аптека и центральная парикмахерская.

В кинотеатре идёт хроника “Буковина – страна монастырей”.

Помнится, на Дерibasовской работал кинотеатр Уточкина и напротив него кинотеатр, который позже назывался “Хроника”. Мы с бабушкой ходили в эти кинотеатры, а также бывали на углу Греческой и Ришельевской в большом кинотеатре, называвшемся после освобождения “20-летие РККА” и в кинотеатре, существовавшем вплоть до перестройки – “Имени Горького” в конце Греческой улицы, на Соборной площади. Как помнит автор, во всех кинотеатрах билеты не нумеровались. Поэтому нужно было занимать в фойе место возле входных дверей в зал кинотеатра, чтобы вместе с толпой бегом добежать до приличного ряда, чтобы было хорошо видно. Перед началом сеанса в кинотеатре Уточкина и будущем “20-летию” выступала певица с баянистом-аккомпаниатором. Мы также бывали с бабушкой в кинотеатре на Привокзальной площади. Там после войны работал директором сосед по квартире. Но однажды кинотеатр сгорел.

17 декабря 1941 года В.А. Швеца дважды посылали к секретарю консерватории Ане Николаевне Дубняковой.

В.А. пишет в дневнике далее: «Она вместе с Марией Михайловной Базилевич прикладывает героические усилия, чтобы открыть консерваторию. Немцы торопят, чтобы освободилось старое помещение консерватории. Преподаватель украинского языка в довоенной консерватории Марков согласился руководить имущественными делами открывающейся консерватории. Занятия в консерватории и в открывающемся университете начнутся 15 января. Обучение платное, евреев принимать не будут. Анна Николаевна рассказывала о неприятностях у Чернятинского из-за скрипачей-евреев в оркестре театра, которых некем заменить. Оркестр ужасен, но “Риголетто” идёт с большим успехом. Румыны искали в библиотеке работы Н.Н. Вилинского.

Анна Николаевна Дубнякова сказала В.А., что объявившаяся Фомина только коверкает постановку рук пианистов. В консерватории, вероятно, будет по подготовке и по возрасту низший, средний и высший отделы».

20 декабря В.А. отмечает в дневнике, что в «жилкоп» прислали хлебные карточки. Пенсионерам обещали выплату пенсий, в том числе за летние месяцы. У биржи висело объявление о том, что с нового года будет издаваться журнал «Маяк». С 25 апреля 1942 года на самом деле стал выпускаться иллюстрированный литературно-художественный журнал «Колокол» (см. очерк об этом издании в 1-й части серии книг «Реквием XX века». – В.С.).

В этот же день происходило открытие Русского театра драмы и комедии – Театра Василия Вронского.

Это был седьмой театр, работавший в то время в Одессе (уже работали Оперный театр, Украинский театр, малые театры). Вронский платил в Примарию 20% сбора за спектакли, которые обновлялись еженедельно.

Хозяин театра В. Вронский (см. очерк о нем в 1-й части серии книг «Реквием XX века» – В.А.) в местной газете отмечал внимание заместителя Городского головы Видрашку К. к работе театра, его ремонту после пожара и пр.

29 декабря 1941 года В.А. снова посещает школу Столярского.

«Один корпус школы был совсем разбит. Нигде не топится. Но Марков деловито убирал коридоры. Собирается читать древнеславянские языки. Кое-где оставались надписи о “счастливой жизни”. От мороза в школе погибли цветы. Анна Николаевна составляла списки библиотечных работников, но меня включить не успели. От стола Столярского уцелела тумба. Учительницу Линтвареву по национальному признаку не берут на работу. Мне сказали, что я буду заниматься с профессором П.И. Молчановым.

В.А. заходил к Жоржу Фоменко, который собирается писать балет».

Он сказал, что немцы, бывающие в Оперном театре, находят одесские постановки не хуже берлинских и венских. Рассказывал о хаосе в библиотеке филармонии.

Профессор С.Д. Кондратьев, о котором В.А. рассказывал его мобилизованный в Красную Армию сокурсник Сережа Хицунов, якобы сейчас живёт в квартире Рихтера.

На Новом базаре В.А. давал марку за книгу о Чайковском, но продавец хотел три марки. Заходил во двор, где жил муз.теоретик Долгопол. Их квартира имеет жуткий вид. Всё разбито. Ветер хлопает обгоревшими ставнями.

2 января 1942 года немцы из школы, которую В.А. называет в дневниках уже Консерваторией, увезли часть мебели. К этому времени набрано 60 учащихся.

3 января об открытии консерватории в здании школы Столярского и наборе учащихся было опубликовано объявление. Мария Михайловна Базилевич вместе с проф. Молчановым и Анной Николаевной обсуждали учебный план теоретиков консерватории. Плата за обучение будет 5 марок в месяц.

На похищение стульев из здания немцами решили жаловаться директору отдела искусств Примарии Видрашку, который ходит в театр на спектакли с Егуновой.

Вечером 3-го января 1942 года по радио передавали «Евгения Онегина». Как пишет в дневниках В.А., «очень сочно исполняла роль Татьяны Губерт. Роль Ленского исполнял Зорин». Мария Михайловна рассказывала В.А. о трубаче из музучилища, который, будучи на фронте, попал в плен и сейчас работает на кухне в Одессе. Жорж рассказывал В.А., что румынами разграблена библиотека Н.Н. Вилинского.

12 января записавшиеся в консерваторию Леда и Громов притащили печку (в то время в комнатах обычно стояли «камельки» с трубами, выходящими через окно на улицу. Топили дровами и углем. Особо ценился кокс. Уголь складировался в подвалах домов, где были индивидуальные сараи. Бывали случаи ограбления сараев. – В.С.). Жорж Фоменко рассказывал В.А., что собирается писать музыку для открывающегося на Греческой Театра миниатюр, для спектакля О. Кони «Муж всех жён». Из разговора со студенткой консерватории Тамарой Сидоренко В.А. узнал, что их коллега С.А. Лехтер очевидно погибла в Днепропетровске.

На 19 января 1942 года объявлены гастролы гитариста Петра Лещенко – исполнителя русских и цыганских романсов и танго (см. очерк о жене П. Лещенко Белоусовой во 2-й части серии книг «Реквием XX века» – В.С.).

В открывающейся консерватории В.А. дают всевозможные технические поручения. Он продолжает считать себя советским студентом и в театры и кинотеатры пока не ходит. В кинотеатрах Одессы в то время шли «Незнакомка» и «Серенада сердца» – мелодрамы в духе «Петера».

«16 января В.А. по дороге в консерваторию встретил Леду и с ней пошел на квартиру Вилинского. Но туда без пропуска не пропустили. По поводу пропусков зашли домой к Чернятинскому, но встретили его на улице. Он обещал своё содействие. В консерватории договорились с Анной Николаевной на следующий день пойти в Примарию в инвентаризационный отдел по поводу стульев.

17 января В.А. с Анной Николаевной пошли в инвентаризационный отдел на Успенской. Оказалось, что библиотеку Вилинского ещё не инвентаризировали. Анна Николаевна ушла раздражённая в Примарию, а В.А. – в здание будущей консерватории. На втором этаже книги оказались намоченными. В.А. делает вывод, что в этой консерватории делается ставка не на подготовку настоящих музыкантов, а на обучение всех, кто желает “играть”. Это не отличается от методики в советской “Консерватории выходного дня”.

Похолодало. В порту замёрзли два румына – часовых. В консерватории идут приёмные экзамены. Поступал парень, который ничего не мог спеть из-за отсутствия слуха. Его мать уговорила, чтобы его приняли по классу валторнь». В.А. слушал приёмные экзамены около 10 экзаменуемых в консерваторию. Лишь одна девочка понравилась В.А. своей исполнительской техникой и фразировкой.

В.А. говорил с певцом В. Яковенко. Он рассказывал, как с актёрами Украинского театра он пешком бежал из Минска, попал в Киев. Многие погибли по дороге. Брат его попал в плен и работает теперь в Тирасполе.

21 января В.А. ходил с Ледой на квартиру эвакуированного преподавателя Станкова. Там все ноты и книги были разграблены. Особенно отличился при этом какой-то Бондаренко, назвавшийся директором



Украинского театра. Такой же разгром оказался на квартире композитора Вилинского.

23 января 1942 года Анна Николаевна объявила, что с В.А. должен быть серьезный разговор: для одного В.А. не могут открыть теоретический факультет, так как это будет очень дорого. В.А. со студенткой Ледей на квартире Вилинского отобрали сохранившиеся ценные ноты и книги, погрузили полные сани и наняли человека, чтобы привёз в здание школы Столярского. Всё было свалено в коридоре и закрыто.

24 января 1942 года В.А. привёз в порядок привезённые из квартиры Вилинского ноты. Дома у Марии Михайловны Базилевич В.А. договорился, чтобы ему дали часть предметов, которые необходимо закончить. Базилевич обещала говорить по этому поводу с Молчановым и Кондратьевым. «Она и Вера Михайловна Базилевич очень симпатичные люди», – отмечал В.А. Чернятинский сделал замечание, что от Вилинского мало привезли нот. В консерватории продолжают приёмные экзамены.

28 января 1942 года В.А. проходил по Театральному переулку и «увидел артиста театра Лесневского с чемоданчиком. Наши глаза на секунду встретились, и я прочитал в них некоторое любопытство и раздумье. Нас с Ледей отправили на квартиру к Станкову, но новый хозяин «без бумаги» отказался что-либо выдать».

Работающему в театре румынскому офицеру Лазарю Чернятинский разрешил ставить «Госку». Однако Лазарь, который раньше дирижировал в Бухарестской консерватории, не знал партитуры оперы. Первую постановку едва дотянули до конца. В конце концов, Лазарь отобрали у Чернятинского интересные ноты.

30 января 1942 года Мария Михайловна Базилевич поручила В.А. пойти к высокопоставленному румынскому чиновнику, чтобы он подписал бумагу о передаче здания консерватории. Для консерватории были заказаны портреты короля Михаила, Антонеску и иконы.

«Говорят, что в Одессе могут устроить румынскую столицу».

У чиновника Ильеску, к которому направили В.А. 31 января, были представители Украинского театра, которые жаловались на Селявина, который не давал им ставить спектакли в Оперном театре.

Анна Николаевна содействовала В.А. в освобождении платы за обучение. Однако он, получив марки за оказанные им услуги, расплатился за право обучения.

На теоретическом факультете открывающейся консерватории появился ещё один студент, кроме В.А. – Юрий Александрович Александрович.

[...]

В консерватории 14 февраля оборудовали ещё две аудитории и днями начнутся теоретические занятия. Теорией будут вести Т. Сидоренко и Бутович, сольфеджио – Пигров. Тамара Сидоренко одновременно с преподаванием в консерватории будет посещать лекции Пигрова с хормейстерами. В.А. получил студенческое удостоверение и продолжал заниматься с Молчановым и сёстрами Базилевич.

«В консерватории стало известно о скором приезде певицы Л.Я. Липковской. Она проведёт несколько концертов в пользу Красного Креста».

В Консерватории идут приёмные экзамены Драматического отдела. Перевозят имущество с Островидова. 18 февраля привезли стулья из зала. На уроке с В.М. Базилевич В.А. играл тромбонные транспонирующие партии – мелодии и аккорды. Мария Михайловна Базилевич поручила В.А. перевозить из помещения на Островидова библиотеку».

19 февраля библиотекарь Галина Георгиевна Анисимова рассказала В.А., что у неё был Лазарь и, ссылаясь на разрешение какого-то Васильяну забрал из библиотеки 101 партитуру. В.А. удивил её вопрос: «Разве на скрипке можно играть с марксистским подходом?».

Из дневника В.А.: «В Малом зале консерватории на Островидова царил хаос. На полу кучи мусора. Мы с Витей Яковенко и сёстрами Базилевич нашли документы Гилельса, Флиера, студенческие документы. Мария Михайловна приказала отбирать документы только русских».

Из консерватории В.А. пошел на урок к Молчанову. Там Юра Александрович играл эскизы своего «Полонеза», который оканчивался румынским гимном. Юра наделён способностью импровизировать многочисленные варианты одного и того же места. На уроке В.А. легко писал и играл ключи. Отец Юры был потомственный дворянин, занимал большие посты при Деникине. «Квартетом» В.А. профессор Молчанов остался доволен. Он сказал, что это нужно было бы исполнить». «Всё, что есть в печи, всё на стол мечи», – говорил Порфирий Иустинович.

20 февраля В.А. вместе с Галиной Георгиевной Анисимовой были в квартире проф. Подрайской. Её библиотека была перевезена.

В консерватории по приказу Маркова был уволен за старостью преподаватель Павел Данилович. Старик плакал.

В.А. отмечал в дневнике, что консерваторию должен посетить в понедельник, до её открытия, прибывший из Бухареста музыкальный инспектор.

В субботу 21 февраля 1942 года в театре после «Травиаты» была пьянка до утра. В воскресенье 22 февраля в газете напечатана статья проф. Варнеке о постановке оперы «Травиата». Он критикует постановку «Снегурочки» в советское время. Приезжающая в Одессу певица Липковская будет преподавать

в консерватории.

23 февраля прибывший из Бухареста инспектор – молодой композитор Руссу детально расспрашивал о составе педагогов консерватории, учащихся, планах работы. В.А. ругали за то, что он не зашёл за проф. Молчановым. Руссу целовал руку у Маннер-Каневской. Говорил только по-немецки.

Прибывшая певица Липковская говорила, что будет хлопотать о том, чтобы всех её учеников из Бухареста перевели в Одессу.

В Бухаресте консерваторию разбомбили. Было человек 20 студентов. Шольби переводила с немецкого далеко не точно. Был небольшой концерт. Играли две скрипачки, и пела Тая Жеребенко. Она спела «Желание» Кюпи и «В эту лунную ночь» Чайковского. Потом Руссу ушёл в театр.

На уроке у Молчанова В.А. показал свою «Колыбельную». Порфирий Иустиневич дал советы, как её оркестровать.

24 февраля в консерваторию привезли сундук из квартиры проф. Павленко, который погиб при бомбардировке.

В.А. нашёл там студенческие работы с оценками первого директора консерватории Малишевского, также документы Гилельса.

25 февраля В.А. занимался с Верой Базилевич в холодном классе.

Потом В.А. с Шурой Барановской принесли ноты от Подрайской. Говорят, что скончалась педагог Шейвахман. Ноты В.А. сдал в библиотеку Анисимовой.

Ледя увидела в библиотеке работу Френкеля о Шопене и начала возмущаться, почему книга не была уничтожена. Галина Георгиевна сказала ей, что книга будет сохранена только для педагогов.

28 февраля 1942 года: В газете фельетон владельца Русского театра В. Вронского, который пишет по адресу советского театра, что сцена была превращена в место «агитки». Классикой пренебрегали.

2 марта В.А. писал с проф. Молчановым имитацию. В Консерватории в паре с Тамарой Сидоренко В.А. переносил ноты на второй этаж. Тамара пробивается к проф. Кондратьеву. В канцелярии Мария Михайловна Базилевич узнавала у присутствовавшего немца, знает ли он на всех языках значение фразы «ich liebe dich». Он смущался и показывал фотографии жены и детей.

3 марта В.А. отмечает, что был очень интересный и поучительный урок Веры Михайловны по гармонии. «Нас собираются всех вести исповедоваться. Когда я играл Мендельсона, Мария Михайловна мне вежливо сказала, что в Германии Мендельсона не играют даже в классах».

8 марта студенты продолжали носить ноты на верхний этаж здания школы Столярского. Приходила Липковская и договорилась дать концерт в зале консерватории. Она готова сама доплатить полотёрам и просила, чтобы в зал добавили стульев.

Юра Александрович перестал приходить на занятия к Молчанову. В.А. занимается у профессора с пользой для себя. Он опять занялся инструментальной.

15 марта в газете напечатаны приказы о сдаче всякой «тенденциозной» большевистской литературы, журналов, газет и даже картин и радиоприёмников.

В.А. писал в дневнике, что у них ночевал Жорж, приходивший к отцу В.А. Жорж рассказал об ученице Виланского Гладковой, писавшей музыку в духе «ультрамодеิร์น». Молчанов как-то сказал Гладковой, что используемые ею пассажи кларнета напоминают мойку зубов. Жорж договорился читать в консерватории гармонию и анализ.

«16 марта в день открытия консерватории была суета, – писал В.А. – Зал отопили двумя чугунками. Было дымно. Посреди зала – стол под синей скатертью. На нём образ. Свечи».

Мария Михайловна Базилевич появилась в мехах и шапочке. Принесли посуду для святой воды. Сходились в зал гости – румыны, немцы, педагоги, студенты, мамы. Явились четыре священника и хор консерватории. После проповеди священника речь произносил городской голова Пынтя. Василину говорила более сдержанно и подчеркнула, что «их нужно встречать не как победителей, а как освободителей: сегодня осуществляется прерванная большевиками связь между музыкой и Богом». Было освящение классов консерватории. Присутствовавший меломан-фабрикант внёс 100 марок в пользу наиболее талантливого студента.

Потом состоялся концерт. Выступал виолончелист Попель. Певица В. Попова спекла «Хабанеру». Очень хорошо играли девочки Рыбицкой. В.А. и Жорж Фоменко сидели на одном стуле.

17 марта В.А. пытался получить оставшееся в их доме на Маразилевской пианино доктора Гурмана. Для этого нужно было получить на прошении резолюцию Н.Н. Чернятинского. Чернятинский сам пришёл к Швецам, у которых был в гостях бывший сосед Сапунков. Чернятинский говорил, что ему провели свет и разрешили иметь приёмник. Он должен слушать заграничные оперы, чтобы ставить свои в Оперном театре. Он говорил, что наши постановки ошеломляют, особенно восторгаются роскошью «Царской невесты».

В.А. Чернятинский пожелал быть «более современным человеком».

19 марта 1942 года В.А. у Марии Михайловны играл вместо Мендельсона концерт Гайдна D-dur. Мария Михайловна мой удар считает слишком слабым. Встретившая В.А. дочь Костырко Яна сказала, что их с матерью выселяют из квартиры.

21 марта В.А. был на концерте Липковской. «Голос лирико-колоратурный, но не первой свежести. Верхние ноты берёт пианиссимо. Колоратура немного тяжела, но речитатив изумительный. У неё польская



манера произношения русских слов. Успех был большой. Публике понравилась танго «Советы бабушки» и «Ай-ай-ай». Одета в голубой бархат».

Во время урока у Молчанова 23 марта 1942 года дом оцепили румыны и начали обходить квартиры. Приходили два «идола», как пишет В.А. Отец В.А. где-то узнал, что румыны ищут фотоаппараты.

Он выбросил из моего стола коробку от объектива. Он стал тем временем главным бухгалтером водочного завода.

26 марта В.А. едва пробрался к Молчанову. На каждом квартале стояли румыны и отправляли всех к Новому базару «на контроль».

Молчанов очень смутился (скорее испугался), когда В.А. принёс ему книгу, завернутую в газету с портретом Сталина. «Спрячьте этот ужасный портрет!», – в замешательстве сказал Молчанов.

Он дал для просмотра В.А. несколько работ композиторов Фемелиди, Орлова, Дублянской. Молчанов рассказывал В.А., как ленился композитор Лядов.

О Фемелиди Молчанов говорил: «Вот уж трудоспособный был человек. Так и сгорел за работой. Помню, он целые дни пропадал в театре, связавшись с написанием оперы».

На плакате, выставленном на Преображенской, В.А. видел в те дни фотографии жертв расстрелов НКВД, найденных румынами в Кишинёвском саду бывшего Итальянского консульства, где в последнее время располагалось НКВД.

«4, 5 апреля в доме предпраздничная суета, – пишет В.А., – шёл снег и дождь одновременно. Возле кинотеатров очереди. Идут фильмы с эффектными балетами, пением и красивыми актрисами. Жорж с женой Зойкой принесли пасхальный торт с русалкой посредине.

6 апреля начались визиты и христосование. Проходя к Молчанову, я налетел возле консерватории на Анну Николаевну. В консерватории проходил «духовный» концерт. Мне было велено привести на него Молчанова. В концерте участвовали 100 подростков и солист-тенор из Бухареста. Пели чисто и звонко.

8 апреля в консерватории выступал пианист Иона Филонеску. Когда на репетиции он меня увидел, он сказал, что у меня глаза – F-dur, улыбка – D-dur. Молчанову не нравились портреты композиторов в зале консерватории. Жена Фоменко Зойка после концерта разбила стёкла в парадном. При этом жена дирекции культуры Видрашку приняла её за партизанку.

На уроке у Молчанова 9 апреля 1942 года обнаружилось, что Юра Александрович не знает, что такое унисон. Я так увлёкся, что попал со стула под рояль. Я на своём уроке принялся за четырехголосную имитацию на *santus*».

«Молчанов показывал портреты русских музыкальных деятелей с надписями для него, – писал в дневнике В.А. – Портреты Чайковского и Римского Корсакова были сняты в фотографии Чеховского на одном и том же кресле с мордой дракона. Молчанов пошутил, что в его время Консерватория была наводнена немецкими профессорами, и только один из них был русский – Корсаков, да и то Римский!».

13 апреля В.А. разбирал на уроке у Молчанова несколько глав из учебника Танеева.

В газете было написано, что наша Консерватория взята на губернаторский бюджет. [...] Губернатор для консерватории назначил 30 студенческих стипендий по 100 марок в месяц. Но сестры Базилевич жаловались, что В.А. пропускает занятия и ему не дали такой стипендии.

В.А. 21 апреля 1942 года работал в библиотеке и занимался с Верой Базилевич. Она сказала, что В.А. зачёт получит, если сдаст весь Бетховенский квартет.

22 апреля на немецком языке к группе студентов присоединился ещё драматический факультет. В.А. пишет в дневнике: «Крик и визг нечеловеческий. Был и румынский язык. Юра Александрович завтра именинник и к Молчанову не пойдёт. Они с отцом идут в церковь».

24 апреля В.А. был на концерте у Липковской. Она была в ударе. В тирольском белом наряде она выглядела как девушка в 16 лет. Она пела «Соловья» Алябьева, «Мазурку» Шопена, «Вальс» из неизвестной у нас оперы Гуно и много другого. На концерте выступала пианистка Л. Карабай и имела успех. Она играла «Сонет Петрарки» Листа, «Сегедилью» Альберти. Тенор Иванческу – ученик Липковской – тоже имел большой успех.

В.А. не понравилась манера открывать концерт фашистским маршем на двух роялях. На втором рояле играла Я. Костырко.

[...]

Город украшен зеленью на балконах и коврами. Вчера был строгий приказ убрать балконы. Вся Пушкинская от вокзала до театра оцеплена румынами: ждут приезда короля Михаила с матерью.

12 мая В.А. занимался с Молчановым в консерватории, а не дома. Отец Юры Александровича нарядился и потащил его к губернатору.

13 мая в консерватории состоялся концерт Галена. Концерт В.А. понравился, но выдающегося, по его словам, ничего не было. У Веры Михайловны Базилевич В.А. сдал квартет Моцарта.

[...]

22 мая 1942 года во время урока В.А. с Молчановым началась артиллерийская пальба. Оказалось, что над городом было три советских самолёта. А в консерватории в это время отпевали скончавшуюся певицу Ю.А. Рейдер. Жорж Фоменко играл на похоронах.

23 мая Мария Михайловна потребовала, чтобы В.А. с Александровичем приступили к занятиям у Кондратьева.

В.А. так описывает этот урок:

«Нам открыл невысокого роста приземистый мужчина в утренней шоколадной пижаме и красной феске, делавшей его крупное сероглазое лицо очень похожим на последние портреты Горького. Он был так подвижен, что было странно: неужели этот человек был совсем недавно так тяжело болен и лежал в постели? В.А. пришла в голову мысль, что болезнь была средством оградить себя (от НКВД).

Проф. Кондратьев пригласил своих студентов в великолепную гостиную с роялем, множеством картин и книг, и просил сесть.

Кондратьев показал на имеющуюся у него скрипку, и говорил сначала о картинах, которые были написаны Святославом Рихтером, портрет которого стоял тут же. Потом говорили о расписании занятий. Решили заниматься по композиции с Юрой, а с В.А. – историей музыки. Юра сыграл одно из сочинённых им скерцо.

Кондратьев заинтересовался скерцо: «Испанский ритм и русская тематика. Можно будет оркестровать». Он с увлечением стал рассказывать о Танееве: «Танеев не любил русской тематики для сочинений. Говорил, что она совершенно не изучена и очень своеобразна. Гармонизовать её своеобразие никто ещё в России не умеет, а портить её западными приёмами – кощунство». Когда Кондратьев приносил своему учителю Танееву 25 главных тем для Симфонии и 25 побочных, он старательно вычеркивал всё, имеющее русскую основу, оставляя только то, что в характере Шумана и Берлиоза.

Кондратьев показал на скрипку и заметил, что органику они пройдут успешно. Обещал достать и другие инструменты и заметил, что его покойный ученик Фемилиди так основательно изучил скрипку, что Глазунов, посмотрев его работу, принял его за скрипача-профессионала».

Кондратьев вспоминал о встречах с Глазуновым: «Это был знаменитый человек. Большой мастер. Всего несколько лет как он скончался в Париже. В «Советском искусстве» были напечатаны его парижские письма. В последние годы он совершил концертную поездку в Россию, за которой очень тосковал. Был в Одессе. Интересовался делами Консерватории. На вокзале его встречал К.Ф. Данькевич с напыщенной речью, в которой заявил, что «хотя Глазунов и самородок русской музыки, но его творчество в данный период находится в сомнительной плоскости». После речи Данькевич подсунил Глазунову свои романсы. Глазунов нашёл их слабыми как в техническом, так и в модуляционном отношении». Затем С.Д. Кондратьев привёл несколько примеров того, как достигается единство музыкального произведения: «5-я Бетховенская симфония – тема судьбы повсюду. У Мусоргского «писчий мотив», сопровождающий сцену летописца и Григория, журчание воды в Нице в «Аиде», выдержанное «ми» в струнных в «Средней Азии», дающее ощущение простора»... Потом Кондратьев перешёл к русской музыке древних времён. В.А. замечает в дневнике, что вообще его всеобъемлющая импровизаторская способность «говорить», напоминает райскую птицу с пёстрыми крыльями, нечто поразительное, приковывающее внимание.

Он продержал своих студентов несколько часов. Юра совсем от него устал.

24 мая на уроке у Молчанова В.А. рассказал о визите к Кондратьеву. Молчанов очень смеялся над Юриным скерцо «в испанском духе на русскую тему».

«25 мая к Кондратьеву я пришёл вовремя, а Юру ждали час. Кондратьев дал мне читать Чехова. Кондратьев не занимался с нами по случаю Троицы, но показывал свои книги и альбомы. Его квартира – настоящий музей. У него есть портрет Глинки, писанный прямо с самого композитора, шёлковый альбом наполеоновских времён, статуэтки из Ольвии, журнал, подаренный кому-то Аракчеевым, где была описана смерть Глинки. Потом он показывал «Петрушку» Стравинского и рассказывал о Новгородских ярмарках с колышавшимся гулом. Он бывал на таких ярмарках с Танеевым. Танеев обращал внимание на «колыхания валторн» у Стравинского, музыка которого так хорошо все передаёт. Потом Кондратьев лично для меня читал «Симфонические этюды» Глебова».

26 мая Молчанов опоздал и В.А. беспокоился, что с ним случилось. Оказалось, что он ждал В.А. рядом, не сообразив зайти в библиотеку.

«Когда Вы будете читать Бусснера?» – спрашивал Молчанов Юру, который хвастался своим катаньем на велосипеде.

Потом в консерватории состоялась лекция по истории государства профессора Балясного. Слушая его, мы переглядывались с Л. Карабай и удивлялись, как этот человек так открыто «снял маску» антисоветчика. Балясный говорил: «Большевики использовали стихийное народное движение. Большевики убедились, что всё объяснить классовой борьбой невозможно.

В России с 1903 по 1915 годы не существовало цензуры, и всякий мог печатать, что ему угодно. Наиболее прочным является государство, где классы уравновешены в правах. Гитлер отказался носить титул императора, хотя после Цезаря он один имеет на него полное право. Германцы явились чистокровными потомками римлян. Их культура и язык очень высокого уровня. Русские же смешались с татарами и могут быть отнесены к жёлтой расе».



[...]

В период оккупации Одессы в жизни студента Швеца В.А. приобрели особое значение взаимоотношения с вдовой музыковеда, преподавателя консерватории, специалиста по цветомузыке Виктора Анисимова – Галиной Георгиевной Анисимовой. Вот образец стихов Виктора Анисимова, умершего в 1939 году:

ТИХАЯ РАДОСТЬ

*В чашечку фиалки, бархатной, душистой,
Уронил росинку трепетный зефир
И в хрустальной капле, светлой и искристой,
Отразился вечный необъятный мир.
В ней сверкало Солнце, небо голубело,
Главали, клубились гряды облаков.
Радости фиалки не было предела:
Мир упал в объятия хрустких лепестков.
Волны благовонных струек аромата
Отдала фиалка вестнику зари,
Прошептал зефиру: всё, чем я богата,
За минуту счастья от меня прими.*

Галина Георгиевна Анисимова давала В.А. книги из своей библиотеки. Она сама была очень образована и начитана, и как бы участвовала в процессе приобретения В.А. новых знаний и общей культуры. Приведённые в дневниках и другие стихи были найдены в книгах, принадлежавших В. Анисимову, – «Царица Хатасу» и о Шаляпине.

В библиотеке В.А. 6 июня 1942 года разговаривал с Галиной Георгиевной. Потом был на уроке у Веры Базилевич. Жена Фоменко Зойка рассказывала В.А., что приезжий художник говорил, что в Одессе – рай по сравнению с Киевом.

[...]

22 июня у Кондратьева В.А. играл фортепьянное переложение оперы «Садко». 23 июня у Молчанова В.А. пишет разработку сочиняемого им произведения. Студентка Киса рассказывала о своей бытности в допре, попав туда за рассказанный ею анекдот. Она утверждает, что там всех избивали, ругали, держали в нечеловеческих условиях. Всех вынуждали на допросах подписываться в неизвестных для арестованных злодеяниях. Переутомлённые следователи в страхе за свою шкуру требовали от них полного признания. Раньше сдавались мужчины. Были случаи самоубийств. Запомнилась старуха, обвинённая в том, что она – бывшая фрейлина императрицы.

В это время в Одессу приезжали из Румынии бывшие эмигранты: художник, сын известного писателя А.М. Фёдорова Виктор Фёдоров и писательница Е.В. Недзельская.

О судьбе Виктора Фёдорова после его бегства на лодке через Днестр за границу в начале 20-х годов убедительно рассказано в книге С.З. Лущика (см. В. Катаев «Уже написан Вертер»; Сергей Лущик «Реальный комментарий к повести» Одесса, 1999) по данным воспоминаний и документам. Добравшись после побега до Кишинёва, который был в то время румынским, В.Фёдоров разыскал друзей отца и матери, бывших соседей по даче – эмигрантов Недзельских и поселился у них. Глава семьи Владимир Осипович Недзельский был журналистом, его жена Елена Недзельская публиковала рассказы об Одессе. Ей же принадлежит повесть «В стране ужасов и неожиданностей», изданная в Одессе в 1943 году в период оккупации. Эта повесть была упомянута в архивно-следственном деле поэта Ореста Номикоса (см. очерк о нём в 1-й части «Реквием XX века» и очерк о семье Фёдоровых в 5-й части серии книг «Реквием XX века» – В.С.). Обратившись в Академическую библиотеку Бухареста, удалось получить эту повесть по почте вместе с повестью Петра Першина «Солнце – это жизнь» (см. очерк о капелмейстере Гончарове в 4-й части серии книг «Реквием XX века»).

Как рассказал С.З. Лущик, который наводил справки при написании своего «Комментария» к повести «Уже написан Вертер», семья Недзельских была репрессирована дважды. При освобождении Бессарабии Красной Армией в 1939 году был арестован и расстрелян журналист Владимир Осипович Недзельский. Жена Елена Васильевна и дочь вскоре были освобождены и во время войны приезжали в оккупированную Одессу. Е.В. Недзельская в то время печаталась в одесских изданиях.

В №99 газеты «Молва» декан Драматического факультета консерватории времён оккупации П. Ершов писал о популярных писателях Одессы того периода Елене Васильевне Недзельской и Петре Першине: «Рассказы этих писателей написаны на увлекательные психологические темы, композиционно прозрачны,

по разработке и языку общедоступны, а настроения и взгляды авторов благородны и гуманны. Госпожа Недзельская главное внимание уделяет прошлому, она как бы находится в “стране воспоминаний”, её герои – преимущественно люди дореволюционного времени (рассказы “Преступление Елены Михайловны”, “Грех”, “Вальс”, “Сестры Поповы”). Начало писательской деятельности – рассказ “Слепая” – помещён в журнале “Вестник Европы” за 1915 год. Писательницу больше всего интересуют психологические конфликты, так часто встречающиеся в быту. Мать, страстно любящая свою дочь, разрушает роман между дочерью и простым матросом. Она служит панихиду о живом матросе и... тот умирает (“Преступление Елены Михайловны”). Суровый самодур-отец калечит жизнь младшей дочери, и дочь не в силах побороть ненависти к нему (“Грех”). Молодые люди, явно созданные друг для друга, нелепо разлучаются, у каждого создаётся своя жизнь, но неполноценная. Пожилыми они случайно встречаются (“Вальс”). После великих мастеров слова всё труднее сказать что-то своё... Думается, что госпожа Недзельская и господин Першин не стремятся опарашивать читателя новаторством, но в то же время ведут чуткую борьбу против штампа. Творчество писателя Першина более злободневно, но злободневность – только фон, на котором показана сложная жизнь мятущейся человеческой души.

...В заплётанной и полной махорочного дыма колхозной канцелярии командированный из города служащий получает письмо-призыв от женщины. Служащий бросает всё, запрашивает краткосрочный отпуск и пытается попасть на поезд. Однако в поезде “местов нет”! Он рискует, взгромождается на буфера, и полузамёрзший гибнет в пути (рассказ “На буферах”).

Другой рассказ: Во время эвакуации громадный пароход переполнен беженцами. На пути катастрофа. Муж теряет жену, ребёнка, и случайно спасается от гибели. Его терзают видения гибели, и он не может простить себе грубость, сказанную близким за несколько минут до катастрофы (“Человек без улыбки”).

...Во время советского голода (голодомор? – В.С.) мать, ушедшая на базар продать вещи и раздобыть продуктов, теряет своих крошечных детей, которых крадёт голодная и хищная старуха (“Баба-яга”).

У господина Першина центр тяжести переносится на драматизм сюжета и диалоги. Некоторые эпизоды просятся на театральную сцену. Им был сделан такой опыт пьесой “Божий одуванчик” (см. в 3-й части серии книг “Реквием XX века” очерк “Божий одуванчик” – В.С.). Оба писателя стремятся к отражению жизни душевной, каждый по-своему. Позволительно говорить о мироощущениях писателей, о настроениях. И в этом отношении и у госпожи Недзельской, и у господина Першина есть общие черты. Оба часто грустят, созерцая игру страстей человеческих. Почему? Не потому ли, что “жизнь пустая и глупая штука”? Нет, напротив. Жизнь – бесценный дар небес, она – сама по себе прекрасна и тем грустнее, что люди портят её, грязнят и калечат, они плохие кузнецы своего счастья.

После занятия Советской Армией территории Молдавии и Румынии Елена Васильевна Недзельская и её дочь Ирина, в замужестве Ширияева, хотя имели гражданство Румынии, были арестованы и получили большие сроки заключения в ИТЛ. Е.В. Недзельская умерла в лагере, вероятно в 1945 году. Её дочь дождалась освобождения и приехала на трамвайную станцию бывшей дачи Ковалевского, разыскивая знакомых – бывших соседей по даче.

В Одессу во время оккупации приезжал из Бухареста для работы в Оперном театре и художник В. Фёдоров. Он писал декорации для Оперного театра, ездил, возможно, ходил пешком на станцию Ковалевского, спрашивал о судьбе своей матери, разыскивал соседей по даче, где они так счастливо жили с отцом (довольно долго, как во время войны, так и в Гражданскую войну, трамваи в Одессе не ходили, и приходилось идти в Аркадию, на станции Большого Фонтана и даже на дачу Ковалевского пешком. Мы с бабушкой много раз ходили по линии 17-го трамвая с Екатерининской площади на Тенистую, 18, в Аркадию, на дачу, строительство которой организовал мой отец в 1936 году. Когда начали ходить трамваи, то были страшные давки и люди гроздьями висели на подножках. Так продолжалось довольно долго уже после войны. – В.С.).

Будучи румынским гражданином, В. Фёдоров возвратился при отступлении румын в Бухарест. Он написал отцу, как свидетельствует С. Лушник, что у него есть возможность переехать на Запад, спрятаться от Советской армии. Отец ответил ему из Софии, чтобы он не убегал, а «ждал своих».

Отряды «СМЕРШ» действовали в Бухаресте после его освобождения Красной Армией очень эффективно. Аресты выехавших из Одессы и, как видим, эмигрантов ещё времён Гражданской войны, которые не явились на пункты фильтрации, арестовывали вплоть до начала 50-х годов и давали им, как правило, продолжительный срок пребывания в ИТЛ. Имущество конфисковывалось. Некоторых приговаривали к ВМН. Сведения о В. Фёдорове поступали в письмах от осуждённых, которые находились вместе с художником. Так стало известно, что в декабре 1945 года В. Фёдоров был на пересыльном пункте в Марининске в Кемеровской области. В Сиблаге ему разрешали работать, оформлять спектакли лагерной самодеятельности. Но если и на свободе было трудно выжить из-за голода, то в Сиблаге смерть от истощения, пеллагры, болезней сердца была ежечасным явлением. Несколько лагерных картин, в том числе автопортрет В. Фёдорова, были пересланы из лагеря на «Большую землю».

В. Фёдоров умер ночью в феврале-марте 1948 года. Приведём цитату из письма его сокамерника С. Бондарина, опубликованного С. Лушником: «На ноги умирающему прыгнула кошка. Витя Фёдоров, бормоча, махнул рукой, отгоняя кошку, – и это было его последнее движение. Мне он успел передать маленькую фотокарточку сына, родившегося уже без него в Бухаресте. Витя любила одна дама из наших лагерных актрис, любила молчаливо, нетребовательно и преданно. Она готова была отдать ему всё на



свете, но могла только одно: иногда подсунуть ему, всегда голодному, свою пайку. Она ходила в грубых арестантских чунях и оживлялась только тогда, когда появлялась на сцене или за кулисами в театральном платье. В свободное время она часами незаметно стояла в углу сарая, где работал Витя. Но вот его на короткое время разрешили выставить в гробу в том же сарае. Она подошла к гробу с каким-то хилым, где-то добытым цветочком. Долго смотрела на покойного, сказала: «Боже! Какой красивый! Какой добрый!» – и склонилась. И это был их единственный поцелуй».

Писатель А.М. Федоров умер в Софии годом позже, в 1949 году. Очевидно, он до последней минуты сожалел, что попросил своего сына, которого он обычно называл «мой мальчик», остаться в Бухаресте, чтобы дождаться «своих».

В период оккупации «Театру Вронского» в печати уделялось внимание. В «Одесской газете» от 21 июля 1943 года писалось следующее: «За год плодотворной артистической деятельности Василий Вронский создал Русский театр и дал возможность опять увидеть подлинное искусство без большевистской тенденциозности. Произведения великих мастеров стали такими, какими они есть на самом деле. За прошедший год театр стёр штампы, и люди заговорили образами героев произведений, которыми гордится мировая интеллектуальная мысль. Театр стал просто театром, т.е. местом показа искусства, свободного от агитационных и тенденциозных налётов. Артисты Фалсев, Савельев, Еланский, Верецкий, молодые артистки Спыну и Кокиниди стали любимцами одесской публики».

Единственной из поставленных пьес в «Театре Вронского», имевшей, как отмечалось, антисоветское содержание, была пьеса «Божий одуванчик, или Ещё вчера». Эта пьеса была поставлена всего 4 раза и сошла со сцены.

В. Вронский говорил по поводу постановки пьесы, которую при допросах всегда сопровождали эшпетами «антисоветской, клеветнического содержания»: «Принёс эту пьесу Петр Першин. Я её прочёл и забраковал. Он её тогда переделал. Но я вновь забраковал. Тогда он пожаловался на меня в отдел пропаганды. Меня предупредили, что саботаж с моей стороны грозит мне попасть в румынский полевой суд. В пьесе было показано, что следственные органы НКВД инсценировали дело и издевались над арестованным».

Роль главного героя пьесы исполнял артист Борис Викторович Верецкий (см. очерк о нем в 3-й части серии книг «Реквием XX века»). Верецкий после освобождения Одессы был арестован и получил наказание – 7 лет ИТЛ, где, вероятно, погиб. Никаких сведений о его освобождении в материалах архивно-следственного дела нет (дело №24179П – В.С.).

Как признавался Б. Верецкий, в период оккупации у себя на квартире среди гостей он высказывал опасения о возможных репрессиях со стороны органов советской власти по отношению к оставшимся на территории, занятой противником. Как уже отмечалось выше, наибольшим «преступлением» Б. Верецкого стало его участие в главной роли пьесы «Еще вчера... («Божий одуванчик»)». В постановке пьесы «Еще вчера... («Божий одуванчик»)» отражались события, относящиеся к 1937-1938 году. Б. Верецкий в пьесе играл роль инженера, арестованного органами НКВД. В пьесе показано, как органы НКВД создавали фальшивые материалы обвинения. По пьесе от инженера, которого играл Б. Верецкий, на допросе пытками добывались дачи ложных показаний на невинную вдову. Её арестовывают, и она умирает в камере. Сам отпущенный инженер не выдержал испытаний и бросается под трамвай. В главных ролях также участвовали артисты Спыну, Кокиниди, Мариевская, Всеволод Владимирович Домбровский, Георгий Ольшевский, Николай Чаров, Василий Вронский, Ярыгин и др.

Приведём русский текст программы спектакля в театре Василия Вронского:

РУССКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ 1942

*Петр Першин
«Ещё вчера...»
(«Божий одуванчик»)
пьеса в 4-х действиях*

Действующие лица:

Мерцалова Елена Фёдоровна – г-жа В. Мариевская

Муся, её дочь – г-жа Маргарита Кокиниди

Влена, её дочь – г-жа Тамара Спыну

(Имя «Влена» давалось советскими обывателями в честь В.И. Ленина – В.С.)

Крушельницкий Валерий Павлович, инженер – г-н Б. Верецкий

Колот Иван Сидорович, майор – г-н В. Истомин

Григорьев, сотрудник НКВД – г-н Г. Домбровский

Варшавкер, тоже – г-н Вас. Вронский

Майский, тоже – г-н Н. Ольшевский (следует отметить, что фамилия «Майский» действительно встречается среди ответственных работников НКВД в Одессе в 30-х годах) – В.С.)

Перельцавайг, тоже – г-н Г. Чаров

Петров, тоже – г-н П. Ярыгин.

Постановка гл. режиссёра и художественного руководителя Вас. Вронского

Художник – г-н В.Н. Балугев

Инспектор сцены – г-н А. Петров

Суфлёр – г-н М. Пенчковский

Машинист сцены – г-н П. Татаренко

Электроосвещение – г-н П. Харько

Парики и грим – г-н А. Мельниченко

Реквизит – г-н Г. Мариенко

Как видим, среди действующих лиц пьесы 5 сотрудников НКВД. Из-за боязни артистов в форме НКВД зрители боялись посещать постановку, и пьеса была снята с репертуара театра, в состав которого входило 68 спектаклей.

В августе месяце 1943 года, поссорившись с Вронским, Б. Верецкий уволился из его театра и поступил в Театр Обозрения, где проработал около трёх месяцев. После этого он опять возвратился в театр Василия Вронского и работал вплоть до вступления в Одессу Красной Армии. Дело на Б. Верецкого было заведено уже через месяц после прихода в Одессу Красной Армии. В «Постановлении» по этому поводу, утверждённому 24 мая 1944 года начальником следственного отдела УНКГБ по Одесской области подполковником государственной безопасности Гончаровым, было сказано: «Верецкий Б.В. в период временной оккупации города Одессы противником (следует помнить, что этот период длился почти 2,5 года – В.С.) работал в театре актёром, участвуя в антисоветской пьесе, клеветал на советскую действительность».

В период оккупации в Одессе выпускалось около 10 газет, в том числе сатирическая газета «Смех».

В 1942-1943 годах значительную роль играл иллюстрированный литературно-художественный журнал «Колокол», выпускавшийся группой литераторов – пайщиков и компаньонов, для которых выпуски журнала являлись источником существования.

Первый номер журнала «Колокол» вышел 25 апреля 1942 года. Вначале журнал выходил раз в две недели и стоил одну марку, в дальнейшем он стал выходить еженедельно, и цена его возросла до 1,5 марок. В выпусках журнала принимала участие также и группа художников.

В этот же день 25 апреля происходило открытие Русского театра драмы и комедии – «Театра Василия Вронского». Это был седьмой театр, работавший в то время в Одессе (уже работали Оперный театр, Украинский, три малых театра).

В первом номере журнала «Колокол» были напечатаны стихи поэта Ореста Номикоса, неизданные рукописи Викентия Войханского, стихи исчезнувшей в 1931 году поэтессы Веры Эттингер, стихи, приписываемые С. Есенину, «Послание “Евангелисту” Демьяну Бедному», повесть М. Молчанова «В ежовых рукавицах» и др.

Первые три номера журнала редактировались писателем Б. Лукьяновым. Во втором номере начал печататься роман Б. Лукьянова «Гибель нетленного» – о судьбах питерской интеллигенции (см. сборник «Одесского мемориала» «Дороги за колючую проволоку», статья В.М. Гридина «В ГУЛАГЕ – Литературная Одесса». Одесса 1996. С.141 – 183).

Организатором и фактически хозяином журнала являлся Григорий Иванович Яницкий, работавший до войны на железной дороге. 1 апреля 1942 года Яницкий вместе с Л.Е. Тишкиным получили разрешение от отдела пропаганды Губернаторства на издание литературно-художественного журнала на русском языке.

После спора в редакции «Колокола» по поводу продолжения романа «Гибель нетленного», уже 20 мая 1942 года Б. Лукьянов ушёл из редакции, но в марте 1943 года он вернулся и продолжал редактировать журнал. До этого осенью 1942 года Лукьянов работал директором-администратором Детского театра, владельцем которого являлась Раневская.

Первые выпуски журнала «Колокол» имели следующие отделы:

1. «Литературно-художественный», редактируемый Б. Лукьяновым
2. «Из прошлого». Редактором первых выпусков этого отдела был Л.Е. Тишкин.
3. Отдел «Искусство».
4. Отдел «Юмор».
5. Отдел «Смех».
6. Отдел «На досуге».

Последним отделом руководил Г.И. Яницкий под псевдонимом *Виноградов*. Отдел «Искусство» редактировали первое время после выхода журнала Б.А. Лукьянов совместно с Л.Е. Тишкиным. Отделы «Юмор» и «Смех» – также редактировал Л.Е. Тишкин.

Леонид Евгеньевич Тишкин-Подгорный являлся компаньоном Г.И. Яницкого. Писал Л.Е. Тишкин под псевдонимом Литберг.

В дальнейшем в журнале работал секретарём редакции молодой литератор Георгий Арендарь,



писавший под псевдонимом *Георгий Светлов*, а также новый компаньон Сергей Георгиевич Болле и редактор отдела публикаций и хроники Илья Григорьевич Колиенко. Последний снабжал Компанию по выпуску «Колокола» листовой бумагой. Активную роль в редакции играли также поэт Орест Номикос и немец А. Крафт. Родной брат Яницкого Владимир Иванович также являлся компаньоном и был коммерческим директором. Он ведал закупкой бумаги и распространением журнала в городе и по территории Транснистрии.

Для поддержания коммерческого спроса в журнале помещались антисталинские публикации, против чего активно выступали Б. Лукьянов и Г. Арендарь. Тем не менее, в журнале были опубликованы повести Петра Першина под псевдонимом *Ранзаев* «Кремлевский Чингисхан», также «Затонувшая тайна» Н.В. Тараканова, «В ежовых рукавицах» Михаила Молчанова, «Палачи» Ореста Номикоса, «Кто убил Ленина» Анатолия Крафта. Однако подавляющее количество материалов, печатающихся в «Колоколе» носило развлекательный, литературно-художественный характер.

За прекращение печатания романа «Кремлёвский Чингисхан» 20 мая 1943 года Б. Лукьянов был уволен из редакции журнала вторично. В это время Лукьяновым была открыта посредническая контора, которая прекратила своё существование в конце февраля 1944 года.

Другие авторы журнала также работали в различных учреждениях.

А. Крафт работал директором издательства, выпускавшего в то время городскую газету «Молва». Николай Всеволодович Тараканов работал до конца оккупации главным инженером порта. Прозаик Петр Першин работал в редакции «Одесской газеты», а также в Отделе пропаганды Губернаторства театральным цензором. Судьба его оказалась трагичной: по свидетельству знавших его людей П. Першин в 45-летнем возрасте в румынском городке Либлинг ввиду неизбежного ареста покончил жизнь самоубийством. Так этот писатель решил не терять ту недолгую свободу от большевистской идеологии, которую он приобрёл во время войны.

С марта 1943 года как приложение «Колокола» стал выходить ещё журнал «Весёлый колокол», который редактировал Георгий Арендарь. Однако выпуск журнала «Весёлый колокол» был сразу же запрещён румынской цензурой.

В газете «Молва» №138 за 1943 год было напечатано следующее сообщение: «На основании рапорта начальника цензуры господина директора Отдела культуры Примарии на 30 дней запрещается выпуск журнала “Колокол”, руководимый Борисом Лукьяновым, за незаконный выпуск журнала “Весёлый колокол”. Выпуск журнала “Весёлый колокол” запретить. В случае повторения виновные будут интернированы в ЛАГЕРЬ. Дано указание к исполнению 20 мая 1943 года. Начальник отдела цензуры Ион Попеску».

Таким образом, в журнале печатались также и сатирические материалы, которые реально грозили редакторам помещением их в немецкий концлагерь.

Напротив фамилии О. Номикоса во втором томе «Одесского Мαρтиролога» можно прочитать: «Расстрел». Но судьба его сложилась иначе.

Обстоятельства жизни и судьбы поэта можно было почерпнуть только из архивно-следственного дела, хранящегося в УСБУ.

По делу, которое числится под номером 28470-II, как оказалось, проходил не только сам поэт Номикос Орест Александрович, но и его жена, преподаватель, Чуйко Гална Викторовна. В деле оказались в качестве «вещдоказательств» поэма О. Номикоса «Русь распятая», сборник рассказов под общим названием «Малыши становятся взрослыми», несколько стихотворений поэта.

Уцелевшие в деле стихи эти как бы обращены в будущее поэта, они носят трагический оттенок и очень колоритны. Одно из этих стихотворений – «Аметистовые вечера» можно представить как эпитафию дальнейшей жизни поэта и его жены:

*... Если б счастье могло продлиться
хоть бы на день, хотя б на час.
Но малиновые петлицы
разлучили с тобою нас.
Тёмной ночью подкрался враг,
в дверь стуча рукояткой нагана.
Увели. Прохрипел «чёрный ворон».
С той поры ты – как в воду канул.
Пострадала жизни пряжа,
размочаленная судьбой.
Всё грешу, не надеюсь даже,
не надеюсь на встречу с тобой.
Словно было ещё вчера...
Не забыть мне тебя, любимый.
Аметистовые вечера
над сиреневою долиной.*

...В действующей в Румынии Советской Армии старший следователь отдела «СМЕРШ» 2-го Авиационного корпуса лейтенант Дудник 20 сентября 1944 года принял постановление, согласно которому были рассмотрены материалы «преступной деятельности Номикоса Ореста Александровича», и принято решение возбудить против него уголовное преследование. В постановлении «об избрании меры пресечения» было решено взять арестованного под стражу.

После задержания 21 сентября 1944 на другой день «за участие в издании» произведений мужа была взята под стражу и жена Номикоса О.А. – Чуйко Галина Викторовна. Основной причиной ареста и предания суду супругов Номикоса О.А. и Чуйко Г.В. была их литературная деятельность.

В протоколе обыска по месту жительства арестованной семьи в посёлке Конкордия, уезда Брашов в Румынии сказано, что уполномоченный отделения контрразведки Письмак изъял, помимо личных документов, рукописи произведений О.А. Номикоса, а также в обработке Чуйко Г.В. «Сказку о добром Егорушке и прекрасной Аннушке», сказку «Ирина – краса, золотая коса», две книги стихов Гумилёва «Чужое небо» и «Колчак», книгу есенинских стихов «Собрание стихотворений», аспирантское свидетельство Номикоса О.А.

Ещё годом ранее, в конце января 1943 года, О. Номикос, как репортёр газеты, приходил получить сведения об открытии в Одессе Художественного музея. Здесь он познакомился со своей будущей второй женой, работавшей секретарём музея, Чуйко Галиной Викторовной.

23 июля 1943 года состоялась свадьба О.Номикоса и Г.Чуйко.

В протоколах допросов Г.В. Чуйко не раз повторяла, что всегда хотела разделить судьбу своего мужа. Одним из основных обвинений её послужило признание, что она из-за недостатка средств в семье была вынуждена сама печатать на своей портативной машинке произведения мужа. Вместе с мужем она последовала с ним в Румынию и вместе с ним предстала перед Военным Трибуналом.

Отвечая на вопросы, Номикос О.А. рассказал, что, будучи репортёром отдела городской хроники «Молвь», он познакомился с рядом одесских литераторов, профессорами Университета. Шефом газеты «Молва» был Марк Николаевич Бялковский.

Ещё в 1919 году Бялковский эмигрировал в Румынию и вернулся в Одессу специально для создания собственной газеты. Однако он отказался от этой идеи и перешёл на службу в орган губернаторства Транснистрии – «Молву».

О. Номикосу как репортёру предоставлялась возможность раз в неделю в течение 10-15 минут выступать в Городской радиостудии и читать свои произведения для трансляции по городу. Так была прочитана ненапечатанная полностью поэма «Русь распятая». Повторно эта поэма читалась по радио и в Доме учёных молодым литератором Евгением Овсеницким.

Руководитель общественно-культурного отдела в газете «Молва» – Анатолий Масленников – организовал в своём доме литературный салон. Он именовал себя внуком Тургенева.

Свои произведения О.А. Номикос читал посещавшим его профессору, декану Историко-филологического факультета Владимиру Федоровичу Лазурскому, писателю Петру Першину, известному филологу профессору Б.В. Варнеке, профессору математики Н.Н. Васильеву. Общался поэт Номикос также с профессором-медиком Михаилом Заевлошиным. В первые дни оккупации, по словам Г.В. Чуйко, Заевлошин был назначен Примарем Одессы. Но вскоре на эту должность был назначен бессарабец Герман Пынтя. Заевлошин остался работать вице-примарем, возглавив отдел записи актов гражданского состояния.

Как отмечалось выше, пьеса «Божий одуванчик» послужила причиной осуждения артиста и режиссёра Василия Вронского. Из лагерей В. Вронский не вернулся. Профессора Б.В. Варнеке и В.Ф. Лазурский были арестованы после освобождения Одессы, причём Варнеке умер в тюрьме через два месяца после ареста, а Лазурскому удалось освободиться.

По словам известного краеведа и писателя С.З. Лущика, так же как и П. Першин, покончил с жизнью в Румынии профессор Андрей Дмитриевич Балясный, заведовавший до войны в Университете кафедрой Украинской литературы. Ввиду неизбежного ареста сотрудниками «СМЕРШ», он отравился.

Бывший полковник Царской армии Пустовойтов организовал «Общество воинских чинов Царской армии», которое помещалось на Пушкинской 16, в конторе «Торговое посредничество». «Общество» производило вербовку в «Русский корпус», создававшийся для борьбы с партизанами Югославии. О.А. Номикос отказался от поступления в «Русский корпус».

Пустовойтов и другие члены «общества», между прочим, сыграли фатальную роль в жизни известного одесского композитора Юрия Фоменко, уговорив его написать «Марш», посвящённый фюреру.

В мае 1943 года дирекцией Культуры при губернаторстве был открыт в помещении Консервного института на улице Коминтерна (Петра Великого), 1 «Антикоммунистический институт исследований и пропаганды». Как говорил на допросе О.А. Номикос, задачей Института было собирание научных обработок и литературного материала с целью выпуска «Трудов института». Возглавлял институт декан Юридического факультета университета профессор Иван Яковлевич Фаас. Но, ввиду его болезни, роль директора выполнял профессор Института связи Н.А. Яблоновский. Он также арестовывался НКВД и во время следствия по делу известного радиофизика профессора Бориса Цомакиона, сыграв негативную роль в 1939 году.

Наиболее активным лектором этого института считался профессор Историко-филологического факультета Университета в период оккупации Андрей Дмитриевич Балясный. Его лекции:



«Русская идеалистическая философия», «Критика классического учения Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”» – пользовались вниманием. Всего им было прочитано 10-12 лекций. На различные темы читал в Институте и Николай Александрович Яблоновский. Трагическую роль в судьбе астронома К.Д. Покровского сыграла прочитанная им лекция «Скорбные страницы в истории Пулковской обсерватории».

В 1943 году читал там же лекцию о С. Есенине доцент университета Георгий Петрович Сербский, выехавший потом в Болгарию. На открытии института читал лекцию декан Драматического факультета консерватории, доцент Университета Пётр Евгеньевич Ершов.

Сам О.А. Номикос, помимо чтения стихов в институте, готовил лекцию «Сказительница Марфа Крюкова». Но лекция, по словам Номикоса, не носила антисоветского характера и была забракована.

В конце 1942 года губернаторством был объявлен конкурс на лучшее общественно-историческое, литературное и научное произведение. Конечно, идеология конкурса была антисоветской. В апреле 1943 года первую литературную премию получил Петр Першин за книгу «Солнце – это жизнь». Вторую премию, как рассказывал О. Номикос, получила Елена Недзельская за произведение «Страна скорби и ужасов» (это сочинение автору совместно с И.Л. Комаровским удалось получить из Бухареста. – В.С.).

По историческому отделу премии получили бывший полковник царской армии Михайлов, он же Эрбергард, за сочинение «Обречённый манёвр» и приехавший в Одессу работник «Одесской газеты» Кузнецов за книгу, посвящённую войне с финнами 1939-40 годов, – «Солнце встаёт на западе». По научному отделу премию получил А.Д. Балясный за труд с критикой произведений В.И. Ленина.

Произведения, получившие премию на конкурсе, печатались издательством Института антикоммунистических исследований и пропаганды при Одесском университете. Эти сочинения также печатались в местной печати, читались в Доме учёных на специально организованных вечерах. О.А. Номикос представлял на конкурс свою поэму «Русь распятая». Но, поскольку это произведение не было переведено на румынский язык, жюри просто возвратило поэму автору (см. 1-ю часть серии книг «Реквием XX века», переизданную в 2009 году, где поэма «Русь распятая» была опубликована автором данной работы. – В.С.).

[...]

В.А. сообщает в дневнике, что по радио передавалась статья по «истории», в которой связывали гетмана Мазепу и декабристов в одно целое. Якобы все имеют «румынское происхождение». Мазепа оказался родственником графини Контакузено и добивался присоединения Украины к Румынии.

25 августа в Оперном театре дан спектакль, транслировавшийся по радио: сцены из «Бориса Годунова».

26 августа в консерватории состоялся концерт певицы Бухарестской оперы Неонилы Балюз. В.А. отмечает: «у неё царственная внешность и много внутреннего чувства. Голос превосходный. Витя Яковенко также старался ужасно».

27 августа 1942 года в консерватории говорили о том, что подобно Вронскому, арестован и избит певец Петр Лещенко.

[...]

13 сентября отец В.А. узнал, что под Сталинградом немцы потерпели тяжёлое поражение. В концерте, посвящённом памяти румынского композитора, исполнялся квартет Г. Фоменко, но он об этом ничего не говорил.

14 сентября английские самолёты совершили налёт на Одессу. Были жертвы и разрушения. По словам Галины Георгиевны Тамара Сидоренко сблизилась с проф. Кондратьевым, который называет её дочерью, играет ей много старинной музыки и отдыхает у них по дороге из Консерватории к себе домой.

[...]

24 ноября 1942 года. Приехал румынский композитор и дирижёр Жора. Его симфония звучит скучновато.

29 ноября, воскресенье в консерватории был концерт. Зал был переполнен. Была речь профессора Ершова. Румынская пианистка Надежда Кебан играла очень музыкально. Исполняли концерт Генделя В-dur. Потом – Концерт Шумана. Пианистку засыпали цветами. Симфония Жоры – сплошные литавры и какофония.

Все воспрянули после исполнения «Светлой увертюры» Римского-

Корсакова. В.А. снился Сережа Хицунов. Румынский читала новая преподаватель – румынка.

1 декабря 1942 года В.А. начал работать над «Аллемандой». Тему Молчанов почти не исправлял. Кондратьев на В.А. «надулся».

3 декабря 1942 года В.А. прочитал рецензию Кондратьева на концерт Жоры. В.А. «был поражен как громом» и В.А. начал сомневаться в том, сможет ли он ходить на лекции Кондратьева. В рецензии Кондратьев писал: ...«С особой задушевностью прозвучал концерт великого романтика Шумана, в котором

широкой волной льётся свобода мелодии. Если Берлиоз сказал, что “музыка – это высшая поэзия”, то именно этой высшей поэзией насыщены произведения Шумана, которую с большим мастерством передала солистка. В музыкальном сопровождении дирижер выказал тонкое чувство большого художника. Весь концерт 29 ноября был воспринят как необычайное событие в музыкальном мире Одессы».

4 декабря Мария Михайловна дала В.А. «для знакомства» «Карнавал» Шумана, все сонаты Бетховена, весь клавир Баха. В.А. купил «Историю города Львова» 1829 года издания. Для окончания «Аллеманды» В.А. остается подготовить партитуру. 5 декабря Порфирий Иустинович Молчанов говорил, что в «Футе» у В.А. гармония преобладает над полифонией. Лекция по истории музыки утомила В.А. Студенты шумели и дурели. Около Оперного театра были заснеженные березы и золотистый закат. Вечером В.А. слушал лекцию бывшего своего преподавателя Мовсесова «Религиозные мотивы в поэзии Лермонтова». Мовсесов к удивлению В.А. говорил совсем не то, что было на его лекциях в Консерватории в 1940 году: «Марксистам не удалось выхолостить Лермонтова. Его помыслы были устремлены в мир идеальный. Это был ангел, тоскующий от земных песен... В конце жизни Лермонтов научился молиться, ценить молитву и понимать людей молящихся. Даже во “Мцыри” есть идея бессмертия».

7 декабря вечером из Оперного театра транслировался хор вернувшихся с фронта артистов.

9 декабря Молчанову работа В.А. понравилась, но он многое и исправлял. В.А. всё же пошёл на лекцию Кондратьева. В Консерватории В.А. слушал румынский хор. Пианист был слаб. Дирижер понравился В.А.

[...]

17 декабря в «Молве» появилась рецензия Г.Н. Фоменко об исполнении «Литургии» Чайковского: «В воскресенье, 15 ноября 1942 года в Кафедральном соборе св. Ильи впервые в истории новой Одессы была исполнена под управлением профессора К.К. Пигрова «Литургия» П.И. Чайковского. Этот факт является событием большой важности не только потому, что произведение вообще редко исполнялось, но и потому, что оно представляет собой величественный символ обновления».

Губернаторство объявило конкурс на написание работ об ужасах большевизма и деятельности НКВД. Победитель получит 1000 марок премии.

С Молчановым В.А. смотрел своё сочинение «Куранты». Потом В.А. слушал выступление певца Тито Скипа. Ему 64 года. Поет на пиано. Голос ещё чист. Репертуар ресторанный. Не спел ни одной арии. Пианист понравился. Успех у публики был большой. Ю. Александрович жаловался Кондратьеву, что вынужден торговать спичками на базаре.

19 декабря у Кондратьева был зачёт в классе. Ксения провалилась, несмотря на занятия с В.А. Лекция В.А. по истории музыки прошла успешнее. Было рассказано о всей Фламандской школе. Кондратьев советует В.А. написать небольшую монографию о каком-либо композиторе, которая будет дипломной работой. «Это позволит Вам в будущем году иметь самостоятельную группу в консерватории», – говорила Кондратьев.

[...]

21 февраля 1943 года, воскресенье. У Галины Георгиевны именины и В.А. занёс ей подарок. Потом они были в Оперном театре.

В.А. был до слёз взволнован увиденным и услышанным. Произошла как бы кульминация происшествий в области культуры периода оккупации. В.А. так описывает происшедшее в театре: «Хоровые и сольные духовые номера были очень хороши. Светское отделение программы к чести и хвале Н.Н. Чернятинского прозвучало как смелый протест против гнёта пришельцев. Как Чернятинский осмелелся составить такую программу? Исполнялось: “Чую правду”, ария Игоря, “Славянский марш”, “1812 год” Чайковского. Последняя увертюра П.И. Чайковского произвела потрясающее впечатление. В зале поднялись истерические крики: “Да здравствует освобождённая Россия!”. Такое творилось, что присутствующие немцы были вне себя от гнева. Чернятинский вышел из положения, дав румынский марш, прозвучавший после Чайковского смешно и глупо, вызвавший сдержанный смех».

Выступление Жоржа превратилось в анекдот. Он вышел в старой тужурке с широкими лампасами (чёрные, с чёрными лентами) Дирижировал примитивно. Его марш – пара фраз Марша из “Аиды”, разбитые между инструментами».

Следует отметить, что данное выступление повлекло для Г. Фоменко гибель в ИТЛ 14.06.51 года (сообщение МВД РФ от 14.09.98 г. – В.С.).

[...]

28 февраля 1943 года в консерватории состоялся при переполненном зале есенинский вечер. Началось продолжительным докладом профессора Ершова. Он подчёркивал, что причиной самоубийства Есенина был большевизм, укравший у него Родину (имеются веские доводы – см. 5-ю часть серии книг «Реквием XX века», – что у Есенина была насильственная смерть. – В.С.). Студенты Драмфака читали стихотворения С. Есенина. Художественно передать стихотворение смог только Самойлов. Из вокальных



номеров особенно понравились «Персидский» Чернятинского, «Метель» Т. Сидоренко и романс Ю. Александровича «Закружилась листва золотая». Он очень красочен и поэтичен, но в духе Рахманинова. В.А. было удивительно «что такой неприятный человек, как Александрович, сочинил такую нежную поэтическую музыку». Суходольская по рассеянности приписала романс Тамары Сидоренко Фоменко.

3 марта 1943 года В.А. получила от Мардановой записку с просьбой заменить её на лекции в связи с болезнью её матери («согласия Марии Михайловны и господина директора»). Уже текст записки говорил о том, что преподаватель Консерватории обращалась к студенту Швецу, как к равному. Из текста только этой записки видно, что в новых условиях преподаватели снова вернулись к тому уровню вежливости, которая царил в «старое» время. Но вскоре такие исключительно вежливые обращения были просто забыты.

4 марта В.А. у Молчанова проигрывал полонезы Баха. Далее он должен был написать свой «Полонез». История музыки не состоялась, ибо студенты разбежались. К Кондратьеву В.А. не пошёл.

В.А. со студентами был на репетиции воскресного концерта в Оперном театре. Прослушав увертюру Чайковского «1812 год» и «Славянский марш», В.А. задаёт себе недоуменный вопрос: «Почему ни в одном советском учебнике по истории музыки не было ни слова об этих произведениях, в то время как «Война и мир» Толстого была не под запретом и, как восклицает В.А., «была опубликована!» При этом В.А. забывает о запрете Есенина, Ахматовой, Мандельштама, Л. Андреева, Гроссмана, многих, многих других.

7 марта 1943 года В.А. был в Оперном театре на концерте из произведений Чайковского. Были Молчанов с семьёй, Кондратьев.

Вступительное слово Ершова В.А. не понравилось. Очень хорошо выступали Е. Попова, Л. Карабай.

В.А. отмечает, что у А.П. Рихтер приподнятое настроение. Она слышала по Московскому радио выступление Светика. «Он имеет звание лауреата».

11 марта П.И. Молчанову исполнилось 80 лет. В.А. продолжает посещать занятия в Консерватории, уроки по флейте он пропускает.

13 марта В.А. с Молчановым занимался «Полонезом». Лекция по истории музыки у В.А. прошла удачно, хотя было мало студентов. В.А. окончил биографию Генделя. На уроке у Веры Базилевич В.А. узнал, что Лесневский срывает сегодня постановку балета «Корсар».

19 марта В.А. отмечает в дневнике, что из-за задержки у Молчанова не был на уроке у В.Базилевич. Занимался по флейте. Мария Михайловна заявила, что В.А. может перейти к другому педагогу. В.А. сразу же договорился с Банниковой, чтобы она взяла В.А. в свой класс. 20 марта В.А. на истории музыки рассказывал об оперном творчестве Генделя.

22 марта 1943 года Марков прислал Галине Георгиевне в библиотеку приказ о необходимости изъять ноты и литературу, касающуюся творчества «жидосоветских композиторов – Файнтуха, Желобинского, Данькевича, Дунаевского, Шехтера, Белого, а также Мендельсона и Рубинштейна». В.А. был вне себя, ибо могло погибнуть много антикварных клавиров Мендельсона, собрание опер Рубинштейна. В.А. с Галиной Георгиевной отобрали наиболее ценное, что было отнесено либо к ней, либо к нему. Рассказывали, что в Русском театре Дьяконова якобы будет плясать Соломею нагая. Кондратьев, видя, что В.А. перестал посещать его лекции, спрашивал Галину Георгиевну: «Что с нашим Володей?». В библиотеке устроили фотографирование всех теоретиков во главе с Кондратьевым. В.А. пишет, что «Кондратьев сиял, как солнце».

[...]

Появилось сообщение о том, что немцы в Смоленском лесу откопали расстрелянных НКВД польских офицеров. Перед Пасхой история музыки у В.А. не состоится.

15 апреля 1943 года в городе состоялись гастролы итальянского дирижера Молилари Франческо Проделли. Он дирижирует в симфоническом концерте и в «Риголетто». Жорж Фоменко получил в газете благодарность Гитлера за посвящение ему «Марша».

16 апреля 1943 года вечером В.А. был в концерте. Выступали Селявин и Чилларио. Скрипач повторил свою старую программу с Шимоновским и Праганини. У Селявина была «чреводекламация».

17 апреля у Молчанова В.А. занимался исправлением ритмики темы для «Andante». В.А. «отстоял» у Молчанова внезапную модуляцию из D-dur в F-dur.

18 апреля В.А. был в концерте Праделли. Он дирижирует очень хорошо, но делает всяческие «трюки». Чилларио играл, как всегда, с упоением на этот раз Концерт D-dur Брамса. Состоялась «Теоретическая сессия учёных». Профессор Варнеке говорил о русском театре. Кондратьев выступал с докладом о творческом пути Бородина. Начал доклад Кондратьев с обращения: «Милостивые государыни и милостивые государи!». Такое обращение было для В.А. непривычным и он, как и другие, смеялся.

Кондратьев совсем не говорил о своих воспоминаниях о встречах с известными композиторами, а говорил о своих личных успехах в учёбе. Наиболее интересным было выступление Ершова. Он давал оценку гастрольным представлениям. Он высказал мнение о том, что Одесский театр должен следовать западному образцу. Хвалил гастролировавшего артиста Враку. Он выступал против традиций русского театра с гримом и декорациями и выражал мнение о том, что артист сам должен показать себя. «Но это просто уничтожение русского театра!» – восклицал В.А.

21 апреля 1943 года консерватория опустела, наступили праздники Пасхи. Порфирий Иустинович был

очень доволен «Andante» В.А. Эта работа для В.А. была шагом вперед в смысле свободного применения полифонии и цельности изложения.

22 апреля В.А. закончил «Andante». Соседка Лиля обещала принести В.А. песни, сложенные советскими военнопленными.

23 апреля, в праздник, В.А. долго занимался с Молчановым. Его удивил заданный вопрос: «А что, если бы Одесскую консерваторию перевели бы в Бухарест?». Видимо, и старый Молчанов не исключал для себя переезда в Бухарест. При этом многие, уехавшие с отступающей армией в Румынию не понимали, что их вскоре возвратят обратно.

26 апреля целая партия гостей отца В.А. затащила его в кинотеатр, где шла итальянская картинга, по сюжету напоминавшая «Богему». «В фильме музыка, море, цветы пейзажи Италии, пение, романы, красивые женщины».

[...]

22 мая 1943 года скончался старый музыкант и педагог консерватории Алон Иосифович Моравек. Н.Н. Чернятинский позволил себе явиться на репетицию пьяным. У Порфирия Иустиновича В.А. закончил большую и трудную вариацию. На истории музыки у В.А. было несколько человек. Он начал изучение музыки Глюка. Александров и Сухомлинов не явились. Вечером В.А. занимался с Банниковой. В.А. получил новое задание.

23 мая В.А. был в концерте из сочинений Рахманинова. Хорошо играла 2-й концерт Л. Карабай. Хорошо прошла сюита для двух фортепьяно, посвященная П.И. Чайковскому. «Светлый праздник» показался В.А. ускоренным. Зал был переполнен.

Вечером В.А. был в театре «Обзорный» на Старорезничной. Всё выглядело провинциально, но трогательно. В.А. вспоминал о своём детстве и посещениях спектаклей в Смеле, Звенигородке. Шла пьеса «Кума Марта» с танцами, пением, мелодрамой. Довольно хороши были воевода, писарь, танец Мотри. Содержание – как «Чародейка» Чайковского, в конце героиня удирает. Спектакль прошёл интересно, в хорошем темпе. Театр большой, с лепным потолком и люстрами. В антракте в фойе мальчишки играют в футбол. При всей скудности обстановки хороши декорации.

[...]

12 июня 1943 года. В.А. продолжал регулярно встречаться и заниматься с профессором Молчановым П.И. Такие занятия профессор П.И. Молчанов проводил, несмотря на смену властей, всевозможные жизненные ситуации, болезнь – вплоть до своей смерти в апреле 1945 года. В указанный день В.А. приступил у Порфирия Иустиновича к изучению сонатной формы. Была написана главная тема для Сонаты. В дальнейшем В.А. сочинял не без успеха сонаты.

Окул, Астафьева и ещё кто-то были приглашены в Итальянское консульство для получения благодарности за успехи по итальянскому языку. Вечером В.А. был в театре на «Царской невесте». Витя Яковенко пел недурно в роли Лыкова. В арии 3-го акта он растерялся, и Савченко пришлось его уципнуть, чтобы он скорее взял высокую ноту.

13 июня В.А. с Жоржем играли Моцарта в четыре руки. В гости явился также один из служащих завода со своей «интересной женой». Она за столом заняла место «царственной непринуждённости». В.А. писал в дневнике: «Обо мне она говорила, что чувствует скрытую драму в моей жизни, которая наложила отпечаток на моё лицо». Во время гулянья по парку нарвали букеты белых роз в Зелёном театре.

14 июня 1943 года. В Театре для Антонеску поставили балет «Корсар» и «Половецкие пляски». Дирижировал Картацци.

15 июня у Порфирия Иустиновича был написан ход к побочной теме. Александра Алексеевна получила письмо от брата из Парижа. В консерватории «не успокоились после того, как актёрам театра была выдана премия – месячный оклад».

16 июня у Порфирия Иустиновича В.А. написал всю побочную тему. В.А. занимался также с В. Базилевич. Стипендию имени Рахманинова 200 марок в месяц назначили Дине Кириченко.

18 июня В.А. закончил изложение всех партий. Так до осени у В.А. появилась возможность написать Симфонию.

20 июня В.А. целый день сочинял. Сделал полифоническую разработку главной темы. «Будет сквозное движение восьмыми на протяжении всей части».

21 июня с утра В.А. занимался у Порфирия Иустиновича. Большинство сочинённых материалов с незначительными поправками оказались вполне пригодными. Потом В.А. с Порфирием Иустиновичем навещали больного Кондратьева. Он принял гостей холодно. Даже не встал навстречу.

[...]

16 июля 1943 года В.А. отмечает, что в фотографии «Амарилисе» выставлены фотографии Ади Лесневского. На одной из них он «совсем нагой. На голове лавровый венок. Настоящий фавн. В руке груша



вместо винограда». Состоялся концерт класса В. Базилевич, о котором предварительно было объявлено в газете. Дирижировали, по мнению В.А., неважно. Наиболее удовлетворительны были Дроздов и Касьянова. В оркестре медь заглушала дерево. Неудачен был концерт Грига. В.А. замечает, что по «Кларе Миллич» Тургенева получилось бы либретто оперы.

17 июля В.А. был на уроке у Александры Алексеевны. Денег за урок она не взяла. Говорили, что Пынтя возил из Художественного музея ценности.

18 июля В.А. был на «Онегине». Пела молодежь: Витя Яковенко – Ленский, Юдин – Онегин, Барановская – Ларина, Е. Попова – Татьяна, Ольга – Гейдок, няня – Глазунова, Гремин – Камкин. Все были очень хороши, кроме Гейдок. Челану по-прежнему гнал безбожно.

19 июля в газете «Молва» появилась статья С. Кондратьева «О работе Теоретико-композиторского факультета Одесской консерватории». В статье Кондратьева было сказано следующее: «В открывшейся год назад Одесской консерватории новый теоретико-композиторский факультет, руководимый деканом, профессором Кондратьевым, развернул работу по линии выполнения своей непосредственной задачи и в области общего музыкально-теоретического образования. Факультет констатирует значительные успехи своих питомцев. Так, студентка факультета госпожа Сидоренко, кроме целого ряда романсов и прелюд для фортепьяно, написала классическую сюиту для симфонического оркестра.

Академические успехи студента теоретического отделения факультета господина Швеца, специализирующегося по истории музыки, позволили учебной части консерватории допустить его к педагогической практике. Группа студентов консерватории показала отличные успехи при изучении начальных музыкально-теоретических дисциплин.

В.А. слушал экзамен хореографии класса Запорожца – «Арлекинада». Потом В.А. был в Русском театре на большом концерте, в котором принимали участие артисты оперы, цирка, балета, оперетты. Танцевали Павлов и Русинова. Осташевский рассказывал устаревшие анекдоты. Читали рассказ Эм. Вик о певце, спасшейся с потонувшего «Ленина». В город приехал сын актера Ильина. Теперь он доброволец у Власова. Рассказывал, как он помогал некоторым одесситам-евреям, студентам Театрального училища переправиться из занятых немцами областей за Урал.

Например, некая Ида Островская переправилась с его помощью.

Его угнетает необходимость посетить певицу Веру Попову и сообщить ей, что большевики расстреляли её сына при взятии Харькова.

20 июля В.А. днём написал тему для «Andante» для симфонии и наоркестровал её проведение. Тема – русского ладового склада. Пришедший к Швецам Жорж с женой рассказывал, что он был у тётки Данькевича. Ему сообщили, что Данькевич жив и на Пасху якобы был в числе премированных Сталиным художников и музыкантов.

21 июля Порфирий Иустинович остался доволен работой В.А. Переделал только конец работы. Молчанов говорил о необходимости услышать эту работу в исполнении. Ему понравился ладовый характер темы и неопределенное начало. Советовал усложнить движение новыми ритмами триолей и шестнадцатых. Из «Амаралиса» ночью утащили все фото Лесневского. В сумерках у В.А. распустился цветок кактуса.

22 июля В.А. написал ход к разработке в «Andante». Музыка требует особенно тонкой инструментовки.

23 июля 1943 года был пожар в театре Вронского. Пожар начался ночью, а потушили его только утром. Говорят, что кроме крыши сгорел весь зал с обстановкой и сцена. Говорят, что это поджог в мсть Вронскому, перегрызшемуся со многими из труппы артистов.

В.А. показывал Порфирию Иустиновичу сделанный кусок сочинения. Он посоветовал придать особое значение басу путём особого деления лиг. Следующие два года Порфирий Иустинович считал, что В.А. будет писать оперу. Квартет Тамары Сидоренко был направлен в квартетный класс для исполнения.

24 июля 1943 года прошел экзамен у В.Базилевич. Вместо подготовленного Бетховена В.А. дали играть незнакому симфонии Гайдна.

25 июля В.А. записал материал для средней части Симфонии. Вечером у Банниковой В.А. играл свое неоконченное «Andante».

26 июля на уроке у Порфирия Иустиновича наоркестровали большой кусок Симфонии. Соседка Лиля принесла В.А. записанную песню севастопольских моряков. На другой день В.А. весь день занимался своей партитурой.

28 июля 1943 года с утра В.А. начали присылать цветы в связи с его Днём ангела (мне лично никогда не отмечали этот день, хотя мама однажды обещала это сделать. – В.С.). Днём В.А. закончил «Andante» в партитуре. В Консерватории В.А. смотрел полтора акта поставленных из «Свадьбы Фигаро». «Наилучшими были Фоттий (Фигаро) и Анискова (Сусанна). Очень хороша была миниатюрная Заболотнюк в роли Керубино и Марцелитна – Глазунова. Неплохой Камкин в роли Бартоло. Витя Яковенко был забавен в рыжем парике. Юдин – граф также понравился по внешнему рисунку. Графини обе неважны. Продайко – больше француженка, но мало кокетства и светского притворства, а Окул была неповоротлива в наряде, почему-то, Лизь». Галина Георгиевна преподнесла В.А. фото голого Ади и старинную римскую монету. Дома у нас было целое собрание.

29 июля занимался с Порфирием Иустиновичем вместо субботы.

Сократили на два такта конец, в нескольких местах переделали оркестровку.

30 июля администрация консерватории хлопочет, чтобы Боголюбов из Крыма приехал в Одессу.

В консерватории читали статью Кондратьева, которая испортила настроение у В.А. (Ревность? – В.С.). Статья называлась «Женщина – композитор». О Тамаре Сидоренко. Журналист сулит ей сочинение Симфонии, а у В.А. она уже писалась!

2 августа 1943 года неприятности у Галины Георгиевны. В.А. у Рыбака купил два тома переписки Чайковского с фон Мекк. Читать историю на следующий учебный год, по словам Галины Георгиевны, предполагалось дать Гутору. Неизвестный самолёт, по которому вёлся огонь, летел на фоне метеорного потока Персеид, который наблюдали В.А. и Галина Георгиевна.

3 августа на занятии с профессором Молчановым В.А. смотрел тему для финального Рондо. Молчанов принес В.А. 1-ю Симфонию Римского – Корсакова с авторским посвящением и поправками композитора.

4 августа В.А. был на открытии Музыкальной комедии Онишко.

Театр помещался по Ланжероновской в помещении бывшей музыкальной студии. Зал вдвое меньше консерваторского, всего на 800 мест. Страшная теснота. В.А. шипит: «Половина текста не была слышна из-за шума. Постановщик был учеником Вахтангова. Сделал много яркого.

Онишко учился в Москве в Театральном институте имени Луначарского. Но Вахангов умер в 1922 году (см. очерк, посвящённый Онишко в серии книг «Реквием XX века». – В.С.). Прекрасно была использована небольшая сцена. Все 10 картин «Собаки на сене» идут в одном оформлении: стальные лестницы по бокам сцены. Звучала милая музыка Хренникова, особенно романс «Роза и соловей». Играли без суфлёра очень живо, легко и выразительно. Хороши были Марневская (Диана) и Ярыгин (Геодоро).

[...]

1 сентября 1943 года в магазине Рыбака В.А. купил книгу по искусству Эжена Фромантэна. Хоронили румынского дирижёра. У Порфирия Иустиновича пополнили Финал Симфонии. Он натолкнул В.А. на свежую мелодию у кларнета. Вечером вместо отменённой «Василисы Мелентьевой» были в кинотеатре на итальянском фильме из жизни Микеланджело «Контракт с дьяволом». В заглавной роли очень хороший актёр. Колоритен средневековый антураж.

2 сентября в консерватории продолжают вступительные экзамены (помню, я также поступал тогда в 1-й класс. – В.С.). С профессором Молчановым В.А. продолжал совершенствовать оркестровку симфонии.

4 сентября 1943 года В.А. слушал вступительный экзамен Н.Я. Гржибовского, которого очень хвалил Кондратьев. После экзамена Кондратьев увидел В.А. и сказал ему: «Наш новый студент Гржибовский написал 25 модуляционных прелюдий у меня за зиму. По сольфеджио я дал ему “Веру Шелогу”. Он сам себе аккомпанировал и сам пел». Жена у Гржибовского художница. Она оформляла московскую постановку «Псковитянки». Их дочь Руслана принята в консерваторию. У неё абсолютный слух. Порфирий Иустинович поставил ей 10. Сам Гржибовский инженер. «Из него может выйти второй Бородин», – говорил Кондратьев, что очень раздражало В.А.

6 сентября на Полицейской В.А. встретил певицу Розалию Гинзбург. Она была хорошо одета и напоминала румынку, но очень исхудала (от сигуранцы Розалию Гинзбург – сестру пианистки, профессора Людмилы Гинзбург – спасли знавшие её представители городской администрации Сербский, Часовников, Селявин, которые представили её в сигуранце как православную гречанку. – В.С.).

7 сентября 1943 года В.А. продолжал совместно с профессором Молчановым совершенствовать оркестровку симфонии. Осталась общая редакция. В консерватории неизвестно, когда начнутся занятия. Соседка Лия принесла В.А. Севастопольскую песню, сочиненную её знакомым моряком.

[...]

18 сентября В.А. с Галиной Георгиевной были на двух выставках.

В Художественном училище, которое называется Академией, Галина Георгиевна купила В.А. глиняную статуэтку – свистульку – птицу с бараньей головой и огромными ушами. Работа сделана крестьянкой-самоучкой. Она месит в Академии глину для керамических классов, на досуге подготовила к выставке целую серию детских игрушек.

Банникова узнала, что одесских чиновников-румын постепенно эвакуируют.

19 сентября был с мамой вечером в консерватории на благотворительном концерте (в пользу бедных). Ушли со второго отделения.

20 сентября снова были на выставке. Жорж ходит экспертом при покупке музыкальных инструментов.

23 сентября в «Молве» напечатана статья Жоржа «Солнце – это жизнь». Это была рецензия на книгу П. Першина. Вечером В.А. с Галиной Георгиевной были на фильме «Катя» – эпизод из жизни Александра П. Мимика актеров далека от русской. История с объявлением Манифеста слишком романтизирована.

27 сентября. Появилась статья П. Першина о Н.Н. Черныгинском.

О. Карабай концертирует в Германии.

29 сентября 1943 года Мария Михайловна Базилевич встретила В.А. в Консерватории и сказала: «У меня для Вас новость. Мы только что обсуждали Вашу программу. Историю музыки Вы будете слушать у Гутора. Но кроме этого Вы будете слушать историю искусств и общую историю в Университете. Н.Н. Черныгинский будет сам хлопотать, чтобы Вам это разрешили». Порфирий



Иустинович говорил жене, что он хочет, чтобы В.А. кончал консерваторию не только как историк, но и как композитор. А.А. Банникова хочет использовать переложение Симфонии В.А. для фортепьяно у себя в классе.

[...]

10 октября В.А. был в театре Вронского после полного ремонта. Потолок нашит из фанеры. Смотрел «Идиот» по Достоевскому. Маккавивский в роли Мышкина великолепен. Всё в нём прекрасно: от внешнего застенчивого облика до игры рук, по которым можно было прочесть его мысли. Большие успехи и у Вронского, который играл Рогожина. Он по-прежнему импровизирует часть текста. Настасья Филипповна в исполнении Марцаловой весьма хороша. Она была темпераментна и характерна. Неплохо играл Фердыщенко Фалеев, а генерала в отставке – Савельев. В.А. думал, почему этим текстом не заинтересовался Чайковский?

[...]

Губернатор Транснистрии переезжает в Тирасполь. Одесса может перейти немцам.

19 октября 1943 года В.А. играл с Александрой Алексеевной свою Симфонию. С Порфирием Иустиновичем работали над 2-й частью Симфонии. Потом занимался с В. Базилевич.

20 октября получено известие о смерти писателя Ромэн Роллана.

Чернятинский привёз в библиотеку кучу нот и клавиров.

21 октября 1943 года В.А. приснился «вещий» сон о пожаре в немецкой лютеранской кирхе (в дальнейшем в 1976 году 9 мая кирха была сожжена противниками её восстановления – В.С.).

22 октября Галина Георгиевна достала на неделю в Доме пропаганды книгу немецкого издания о Пуччини.

23 октября вечером В.А. ходил с Галиной Георгиевной на спектакль «Листья шелестят» Сумбатова. В.А. называет спектакль очень удачным. Орлова в роли светской львицы произвела «фурор».

Тамара Спыну была хороша в роли Вали. Фадеев в роли тестя был очень забавен. Еланский в роли Аркадия не произвел на В.А. впечатления.

24 октября В.А. работал над книгой о Пуччини. Вечером было посещение Украинского театра. Шла «Майская ночь». Труппа театра улучшилась по составу. Было много смеха. Спектакль прошёл очень занятно. В сцене явления русалок была музыка Римского-Корсакова.

25 октября на занятии с Верой Базилевич рассматривались «общие унисоны». Показалось В.А. примитивом. Базилевич позволила себе критиковать Молчанова. За В.А. гонялся Гутор, который должен был излагать ему историю музыки. В.А. слушал лекцию Боголюбова «О системе Станиславского в применении к оперной сцене». Боголюбов сделал замечания по поводу манеры некоторых актёров. Он хвалил Карпову, Витю Яковенко. Но критиковал Селявина. Галина Георгиевна устраивала вечер в память по мужу Анисимову В.

26 октября В.А. снился Серёжа Хицунов. Порфирий Иустинович быстро стареет. Сегодня он упал с лестницы в консерватории. Он засыпал на уроке. Мы с ним занимались 3-й частью Симфонии.

Позднее В.А. был дома у Гутора. У него очень скромная комната с окном. При улыбке его лицо напоминает Чайковского. Показывал некоторые книги. Хвалил Диванову. Р. Роллана он уважает как музыковед.

Вчера в Оперном театре, а сегодня в консерватории составлялись списки на добровольную эвакуацию. У многих истерическое настроение. Паника и всевозможные разговоры.

Занятия в консерватории продолжаются. Вернулась из поездки Л. Карабай. На воскресенье готовится благотворительный концерт.

В газете было распоряжение о строительстве разрушенного флигеля консерватории (школы Столярского) и многих других подобных пострадавших зданий.

20 октября мать В.А. ходила в театр на «Страшную месть».

1 ноября 1943 года В.А. был на уроке у Веры Базилевич, потом на немецком. Получил стипендию.

2 ноября 1943 года В.А. занимался с Порфирием Иустиновичем.

Сделана половина 4-й части Симфонии. К Гутору не ходил.

Конечно, несмотря на приобретение некоторых новых навыков, даже привычек – ходить в церковь, в гости друг к другу, высказываться на различные темы, к частной торговле и пр., – население должно было мириться с приближением к Одессе линии фронта, и весьма радикальному изменению всего жизненного уклада, характерного при социальном эксперименте периода «строительства коммунизма».

Прожитый при оккупации период времени В.А. оценивал весьма критично в рукописной работе «Немного истории». Приведём в сокращении эти оценки:

«В годы оккупации Консерватория, лишившись многих своих педагогов и основных студенческих

кадров, ограбленная и выброшенная из своего помещения в полуразрушенное здание школы Столярского, влечила жалкое существование.

Оставшихся в городе студентов разделили на «старшее» и «младшее» отделения и принялись усиленно обучать румынскому языку (одновременно и итальянскому и немецкому – В.С.), закону Божьему и фальсифицированной, как это всегда бывает, истории Румынского государства. Часто назначались концертные выступления по радио, которыми новые правители хотели создать видимость процветания музыкального искусства в Транснистрии. С лёгкой руки профессора Кондратьева, перешедшего на сторону оккупантов, суливших ему признание и славу, в которых ему отказала Советская консерватория, из библиотеки были изъяты произведения Антона Рубинштейна, Мендельсона, Мейербера, а также многие пьесы советских авторов (судя по дневникам В.А., главную инициативу в изъятии нот высказывал заместитель директора Марков. – В.С.). Им же была написана и отправлена для опубликования в Германии весьма тенденциозная и далеко не объективная статья о состоянии советской культуры. Дирижер Чернятинский, занимавший в эти тяжёлые годы должность директора, заставлял оркестрантов играть у балкона губернатора Алексиану.

Оставшиеся студенты и сотрудники открывшейся Консерватории продолжали отстаивать свою независимость и престиж советской исполнительской школы. Учащиеся класса проф. Рыбицкой, вокалисты – воспитанники Селявина – заставляли не раз краснеть румынских и немецких артистов, приезжавших на гастроли в Одессу.

Запомнилась талантливая девушка О. Карабай, пытавшаяся пробиться через линию фронта в осаждённый Ленинград, где оставались её родители. Лучистые глаза, белокурые волосы, певучая манера её игры производили незабываемое впечатление. Она была насильно увезена в Германию якобы для совершенствования в какой-то частной музыкальной школе. Следы её потерялись.

Среди молодых певиц выделялась Т. Жеребенко, обладавшая сочным красивым сопрано. Из скрипачей можно назвать Ольгу Каверзеву, ученицу итальянца Феличе Челларио, работавшего некоторое время в Одессе и рыдавшего от огорчения, когда немецкое командование приказало ему вернуться на родину. Успешно работали в эти годы классы пения Меннер-Каневской, Суходольской, бывшей примадонне Мариинского театра Л. Липковской, тоже оказавшейся в Одессе, но потом переехавшей в Кишинёв.

Из симфонических концертов запомнился утренник памяти С. Рахманинова, состоявшийся весной 1943 года. В программе было только одно сочинение великого русского музыканта – его Церковная увертюра, никогда до этого в Одессе не исполнявшаяся. Более светлых, возвышенных звучаний мы ещё не слыхивали.

Очень интересным было единственное в своём роде выступление старейшего итальянского арфиста Маджистретти, исполнившего в зале школы несколько новых для Одессы современных произведений. Церковный хор городского собора, руководимый К. Пигровым, легко справлялся с наиболее сложными творениями Бортиянского, Чайковского, Танеева и Рахманинова.

Возобновил свою работу и Одесский Оперный театр, хотя репертуар его был ограничен.

Наступление советских войск и паника среди населения не располагали к развитию музицирования в Одессе. Прекратились шумные концерты. В зале Оперного театра произошёл знаменательный скандал: во время исполнения увертюры Чайковского «1812 год» (это произведение Чайковского запрещалось исполнять в довоенное время на сцене – В.С.), поднялись восторженные крики, вызвавшие неудовольствие немецких офицеров, сидевших в одной из центральных лож. Последние велели дирижёру Чернятинскому играть традиционный гимн «Третье ружье». Но эти трескучие звуки потонули в хохоте и свисте публики.

Конечно, условия прифронтового города не позволяли в дальнейшем кого-либо даже думать о развитии культурных мероприятий. Здание школы П.С. Столярского, где помещалась при румынах консерватория, очень обгорело. Свидетелем пожара на Екатерининской площади (вероятно, единственный оставшийся свидетель этого события) явился автор этой работы. Поэтому в заключение перейду к собственным воспоминаниям (см. журнал ОМК – 2011 г. стр. 63 – 65 Статья В. Смирнова «Кто съёл школу имени П.С. Столярского?»).

В период оккупации мы с бабушкой Татьяной Романовной Заградской жили в зимнее время на Екатерининской площади в доме №5 кв. 20 в коммунальной квартире. События последних дней войны в Одессе врезались в память навсегда. Где-то за 7 – 10 дней до освобождения нам нечего было есть. Помнится, румыны выкатили на площадь тачку, гружёную чёрно-серыми квадратными хлебами, которые голодные люди расхватывали для своего спасения. Такой хлеб удалось схватить и моей бабушке, так как толпа была небольшая, людей на улицах было мало. Действовал комендантский час.

5 апреля 1944 года мне исполнилось 8 лет. Помню, к нам прибежала со своего кустарного предприятия моя рыдающая мама. Она почему-то думала, что наш дом разбомбили. По дороге она видела труп убитой женщины. Она принесла ворох разных игрушек. Запомнился кувыркаяющийся на поручнях пауч. Человек десять оставшихся жителей нашего дома ютились в дворничкой у дворника – бородатого Алексея, где было жарко натоплено. А люди жалась друг к другу. Жена дворника и какие-то родственники проявили чисто человеческое гостеприимство в это тяжёлое время. А вечером в ворота дома вошёл отряд немцев с



особыми знаками на рукавах. Мы думали, что нас захотят сжечь или прогнать куда-то. Но немцы отдыхали на деревянных перекладинах в главном подъезде дома. А потом они начали раздавать старикам и детям консервы. Что-то досталось Марии Константиновне Шепелевич, нашей соседке по коммунальной квартире, жившей с собачкой Норкой. Мне какой-то немец дал банку абрикосового компота. Помню, каким чудесным яством показался мне этот сладкий компот. К утру немцы исчезли. Было интересно, попали они в плен или ушли, но узнать это было не у кого.

К вечеру 9 апреля мы с бабушкой выглядывали в щель железных ворот на улицу. Другие жильцы также посматривали в этот, как бы тогдашний «телевизор». Вдруг на площадь приехала машина с бензобаком. В таких примерно машинах в дальнейшем развозили по городу керосин. От машины вился шланг. Рядом суетилось два немца в форме. Они проложили шланг к дому, что стоял (и ныне стоит) напротив нашего через дорогу, и из шланга в открытые окна на 2-й и даже 3-й этаж полилась большая струя. Тем временем начало смеркаться. И в это время из выбитых окон соседнего дома показались языки пламени. Мы боялись, что пламя перекинется на наш дом, и собирались рубить забор, чтобы спастись в доме №16 по Театральному переулку, но судьба распорядилась иначе. Ветер с моря дул в противоположную сторону, туда, где стояла школа Столярского, в которой я учился всю зиму – здание тогдашней Консерватории и лица. Туда летели целые снопы искр. Один из немцев горделиво положил правую руку на бок. Моя бабушка, помнится, что-то говорила, чего я тогда не понимал: «Нашелся второй Нерон, который любитесь подожжённым им Римом!».

Потом за немцами приехал мотоциклист с коляской, и они быстро убралась. А пламя продолжало разгораться, и скоро вся площадь, кроме нашего дома, была объята пожаром.

Я никогда не узнавал о судьбе жителей остальных домов на площади, хотя вполне возможно, что в этих домах были какие-то румынские, а потом немецкие учреждения, и они были нежилые. Что касается школы, в которой я уже учился, то крыша задымилась, а потом загорелся карниз школы.

Утром 10 апреля мы выпли за ворота. На площадь приехали боевые советские танки. Наверху сидели обветренные, закалённые в боях танкисты... Им махали руками в приветствии. Потом они уехали. В тот же день я видел, что из школы на Сабанеевом мосту вытаскивали пианино и рояли. Как оказалось, это были учителя и студенты, спасавшие инструменты от пожара. Осенью я продолжал заниматься в школе Столярского (прошедшим 1-й класс при румынах это образование не было засчитано), и мы повторно все учились в 1-м классе.

Здание школы на вид не было сильно повреждено, но даже небольшой ремонт тогда делать никто не собирался. Крыша здания продолжала дымиться. Для школы было выделено несколько классов в здании музучилища, а примерно через год мы надолго заняли 4-й этаж школы (теперь №121) на улице Толстого. В этой школе, построенной из камня разрушенного на этой площади Собора, на каждом этаже имелась своя школа. Помнится №120 – мужская, 58-я – женская, наша – единственная смешанная – «Муздесятилетка имени профессора Столярского». Восстановили школу Столярского только к 1956 году. Поэтому снова учиться в здании школы автору не пришлось. Но уроки по музлитературе в школе Столярского успешно проводил В.А. Швец, начиная с 4-го класса.

«ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ»

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА «ДЕТИ РА»

Вступительное слово

Союз писателей XXI века создан в феврале 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации. Союз писателей XXI века – общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издаёт журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего интернет-портала «Читальный зал». Союз писателей XXI века – некоммерческая организация, которая существует за счет пожертвований и членских взносов.

Одним из основных журналов СП XXI века является ежемесячный журнал поэзии «Дети Ра». Он основан в 2004 году в Саратове. С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru). Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты – всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлабо-тонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Начиная с 2004 года вышло более 100 номеров. В этом году у журнала «Дети Ра» юбилей – 10 лет.

Благодарю поэта, редактора и руководителя Южнорусского Союза Писателей Сергея Гловацкого за благожелательное предложение представить наш журнал на страницах дружественного издания «Южное Сияние». Спасибо!

*Евгений СТЕПАНОВ,
Президент СП XXI века,*

АЛЕКСАНДР КАРПЕНКО

Москва

ДВА ПОЛЮСА СЕРЕБРЯНОГО ШАРА

Ну что попишешь, Марк Аврелий, –
Пусть даже встану в полный рост,
Все чары слов и акварелей
Едва ль нарушат поступь звёзд.

И вспышки солнца и отваги
Сожмут в тисках мою шагрень;
Проснётся сонный лист бумаги –
И будет ночь, и будет день.



Но не дадут мне спинуть крылья,
И я судьбу благодарю
За то, что даже и в бессилье
На равных с веком говорю.

Хвала мгновеньям сумасшедшим,
Ведь на миру и жизнь красна!
Я всем друзьям, к отцам ушедшим,
Назначил встречу – в царстве сна.

ДВУХ АНГЕЛОВ ВИДЕНЬЯ...

С тобою мы – два неосуществленья,
Две шаткости, двух ангелов виденья,

Две хрупкости, два глиняных сосуда
И две звезды, пришедших не отсюда...

С тобою мы – два страстных междометья,
Где верность губ не знает долголетия.

С тобою мы – два жгучих восклицанья,
Двух нежностей усталые лобзанья.

Два полюса серебряного шара,
Двухструнная цыганская гитара,

Вопросов два, что шли вдвоём к ответу,
Две осени, отдавшиеся лету.

Любимая, давай искать лекарства:
Тебе – мой дом, а мне – ключи от царства;

Тебе – мой свет, а мне – твои глубины,
И лишь искать не будем середины!

НЕМЕЗИДА¹

Миры просеяв, как сквозь сито,
Бесстрашной пробойю пера,
Ты так прекрасна, Немезида,
Ты бесконечна, как игра.

С душой, распахнутою настежь,
В постылый мир метнув копьё,
Одной рукой ты даришь счастье,
Другой – караешь за него...

И, обживая безграничье,
Начало высмотрев в конце,
Ты – ад и рай в одном обличье,
Ты – жизнь и смерть в одном лице.

И там, где рушатся твердыни,
То с грузом дум, то – налегке,
Порхает бабочкой богиня –
С безумной мыслью... о цветке.

¹ Немезида (*греч.*) – богиня возмездия.

ПОРТРЕТ, КОТОРОГО НЕТ

Вас ещё нет. И облик Ваш
 Ещё и Господу не ясен –
 И тщетно рвётся карандаш
 Запечатлеть, как он прекрасен...

Но всё же ангелы правы,
 Вам оставляя ширь для роста:
 Пока что Вы – совсем не Вы!
 Вы – только поступь, Божья поступь!

Но всё ж Вы есть. Иль что там в Вас
 Томясь, витийствует под грудью,
 Вас наполняя всякий раз
 Немыслимой, неожиданной сущью?..

Не лик – лицо... Но что на нём
 Проступит в поступи летящей?
 Седого моря окоём
 С тоской души – быть настоящей!

О Вас печётся мир, любя,
 Перемещает Вам границы –
 Сокровища внутри себя...
 Лицо, которое творится...

БЕЛАЯ МЕССА

Если вдруг обезумею я,
 Не грустите, друзья и подруги:
 Всё вернётся на круги своя,
 На привычные круги.
 Время камешком чертит круги
 Стынет речка в бездонном испуге...
 Как мы все перед тайной наги!
 Всё вернётся на круги.

Как непросто увидеть Христа
 В сизом танце расхристанной выюги!
 Старый мир не спасёт красота.
 Всё вернётся на круги.
 И безумие огненных глаз
 Несказанностью строк обернётся...
 Всё вернётся – но только без нас.
 Всё – вернётся...

Потому-то я так тороплюсь
 Отслужить эту белую мессу –
 До того как с природой сольюсь,
 Став зелёным берёзовым лесом;
 Оттого так порою слова
 Застревают меж небом и нёбом,
 И меня не пускает листва,
 И деревья встают небоскрёбом...

ХОЧУ БЫТЬ ПОНЯТЫМ...

Две легковушки среди дня неловко встретились –
 И вот гаишники меня зовут в свидетели.
 Но вновь шепчу я всем святым, мольбами тронутым:
 Я не хочу быть понятым – хочу быть понятым!

Нам все пороки сходят с рук и добродетели,
И часто в жизни, что вокрут, мы – лишь свидетели.
Но свет любви развеет дым над горем пролитым...
Я не хочу быть понят~~ым~~ – хочу быть *п*онят~~ым~~!

И уготованы порой смешные роли нам,
И непонятно, кто – герой, и где – нам родина.
Где был я сильным, молодым – пасутся пони там...
Я не хочу быть понят~~ым~~ – хочу быть *п*онят~~ым~~!

Колелеет ветер перемен миров треножники,
И вот опять попал я в плен – в судьбы заложники.
Но свет любви развеет дым над горем пролитым...
И я не буду понят~~ым~~, я стану *п*онят~~ым~~!

АННА УСТИНОВА

Самара

ОСТАВЛЕННЫЙ ДЕНЬ И УГЛЫ РАЗГОВОРА

Вылеплен – выйди из сказанной милости,
в доме – дороги и честные реки сведут
солод и лёд, угловатые ямочки сырости
в оклик, наброшенный вяжущий труд.
Пропасть язычника делит названия злые,
дерево служит, прощает кавычки любые,
рвёт пластилин недотрога, съедает волна.
Сказано – сделано, только утешит вина.

Напомни, как остывает осипший песок,
проваливаясь густо в воздух незнакомый,
опять играющий пустыми голосами?
Так погремешки склеенной запутан слог,
под лёгкой кожицей скольжение насекомых –
прогулка времени с закрытыми глазами,
в растущем муравейнике переплелись слова,
и рыжий фараон спелёнут силой лука,
как тень голодная приколота к часам.
Поплачет и молчит большая голова,
как будто унесли дрожащий сверток звука,
едва прилипший к непослушным волосам.

Нетронутого сна уютная земля,
как в пересохшем облаке запутается свет,
продливший хороводы птиц на пьальца, на поля, –
смешливая прядильщица вода роняет
пустой клубок подобранных нам лет,
толкнёт к прощенью, снова забирает.

Вместо побега – соль, ранние берега,
что за ограду прячут луна и лён,
день у дверей, прощенье голоса и врага,
кем напоследок милован и пленён.



Речь и течение смешивают шаги,
 делят приказ отменный, приберегут границы.
 Выбранный и чужой, выиграй, помоги
 зыбкому мотыльку в солнечном круге сниться.

Ждать без тебя рисунок из рук,
 птиц обещать у воскресных ворот,
 что обжигает – вернётся на слух,
 тень наизусть и привет наперёд,
 мятные сумерки выше окна,
 камни считай, перемены дари,
 кончилась плёнка, другая игра,
 выучи заново, не сотвори...

Е.Д.

Оставленный день и углы разговора
 с прошедшей листвою, и капельки хора,
 в дарёном движении плещется жалоба плеч,
 его отпусти высоко, где молчание – скоро
 и моря ночлег, запрещающий племя беречь.
 В стеклянных краях убывающий дразнится глянец,
 из кубиков праздничных выкроим шелковый танец,
 он мал и тебе, и надёжная ветка пути
 проснётся в тяжёлых руках и забудет расти.

ЯН БРУШТЕЙН

Иваново

НА ГРАНИЦЕ СНА И ДРАКИ. ПОСЛЕ КНИГИ

СКАРАБЕЙ

Когда я вышел из Египта –
 Был молодым, весёлым, гибким,
 Как абиссинская лоза.
 Мы шли тогда по самым гиблым
 Местам, и ветер ел глаза.

Потом я возле золотого
 Тельца плясал, и гибло слово,
 Горел песок, и стыла кровь...
 Мне не было ни сна, ни крова,
 Ни мяса жертвенных коров.

Я жил как шёл, кормился маном,
 За облаком сухим и странным
 Топтал пустынную тропу,
 И знал, что там, за Иорданом,
 Нет места беглому рабу.

Я умираю на границе,
 И только молодые птицы
 Летят свободно надо мной.
 Я знаю: сын меня стыдится,
 Уже чужой, уже иной.



Я вижу, плача и слабей,
Как амулет он слёрнул с шеи –
Египетский подарок мой.
И золотого скарабея
Швырнул недрогнувшей рукой.

ПЛАЦКАРТНОЕ

Единственный из проклятого рода,
Плевал в колодец и не дул на воду,
И никому не верил на Земле.
Он заплатил за батю-полицая...
Не разглядел тогда его лица я
В плацкартной ненасытной полумгле.

Он говорил, не мог остановиться,
И бился голос как слепая птица –
Казалось, что расколется окно.
Он говорил о лагере, о воле,
И я, пацан, объелся этой боли,
И словно бы ударился о дно.

Цедил слова он, бил лещом по краю
Нечистого стола. И, обмирая,
Смотрела злая тётка на него.
Он пиво пил, и нервно цыкал зубом,
И тётке говорил: «Моя голуба...
Не бойся, я разбойник, а не вор!».

Он растворился в городке таёжном,
И все зашевелились осторожно,
Шарахаясь от дикого гудка.
И пили водку, хлеб кромя ломкий,
И только мама плакала негромко,
И говорила: «Жалко мужика...»

ЗАНОЗА

Там, где вирус мне точит мозги,
Есть одна недопетая строчка.
Я оставил беднягу нарочно
И сказал: «Убежать не могли!
Жди, когда это время придёт, –
Обрастёшь ты ветвями, как древо,
Обернёшься беспечным напевом
И стихами от божьих щедрот».

Но она то молчит, то ворчит,
То меня пробуждает в ночи,
То куда-то уходит без спроса,
То цепляет за память крючком...
Я уже с ней почти не знаком,
Но живёт и саднит, как заноза.

ОСТРОВА

На тех островах, где кровь стекала из моего рукава,
Растут не наши деревья, чужая трава,
И чужой рыбак черпает там рыбу своим сачком,
Знаешь, рыбы там сколько – можно ходить по воде пешком.
Мне не жалко ничуть: вот тебе рыба, а вот вода...
Но землю, где наша кровь... никому... никогда!

ЕЛЕНА ИСАЕВА

Москва

ЛЕГКО И ЧИСТО

Забывала реалии все я
 Нашей жизни и слушала лектора.
 И влюблялась не в Одиссея –
 В Гектора.
 Потому что он погибает,
 Потому что жена и сын, а не всякие там Калипсо,
 Потому что по женщинам, словно по кочкам ступая,
 не потопляем,
 Одиссей обязательно выплывет, выкрутится, возвратится.
 Возвратится не оттого, что так дорога Итака,
 А потому что смысл всех дорог – в одном возвращении.
 И я выходила вечером под медленный снег с журфака
 И смотрела на встречавшего меня мальчика –
 снизу вверх – с восхищением.
 И был он совсем не Гектор, а типа
 Парня с Итаки, потому что в реальности, в юности, знаешь,
 Жизнь мелькает картинками – наподобие клипа,
 И ничто постоянное неинтересно,
 а интересно то, что теряешь и возвращаешь...
 Теряешь и возвращаешь...
 Я была ещё глупая, не того я держалась вектора.
 Я не знала, что сколько ни мучайся, ни умирай вся,
 Потерять навсегда можно только Гектора,
 А Одиссея, не потеряешь, как ни старайся...

Легко, как случайная связь,
 Ветер приласкал на бегу.
 Я тебе ни в чём не клялась
 И винить себя не могу.
 Скоро будет Яблочный Спас.
 Слёзы отложу на потом.
 Ты меня немножечко спас,
 И тебе спасибо на том.
 В опыте наметился сбой –
 Сохнет на губах молоко...
 Просто я играла с тобой
 В женщину, с которой легко.

Они войдут (и негде спрятаться,
 Не остановит их никто!) –
 Красивые, как два гестаповца,
 В шуршащих кожаных пальто.
 Я книгой заслонюсь беспомощно,
 Я в книгу опущу глаза...
 Поэты, проходимцы, сволочи –
 С такими жизнь прожить нельзя,
 Но... посмотреть ещё минуточку –
 И что-то стронется в судьбе,
 И я, зародыш, институточка,
 Открою женщину в себе.

ДМИТРИЙ АРТИС

Санкт-Петербург

СЕМЕЙНЫЙ УЖИН

1.

Только любовь, Марина, и никакого бренди,
молча войди, раздётся, свет погаси в передней,

дверь посади на цепи, а полумрак – на царство.
Сердцу необходимо замкнутое пространство.

Здесь: ни стола, ни стула, сорванные обои
и на железной койке место для нас обоих.

Но это много больше, но это много шире
неба – в своём размахе,
солнца – в своей вершине.

2.

Ночь (или что-то вроде этого), спи, Марина,
страсть к перемене родин даже меня сморила.

Будто уселись в сани, катим от дома к дому:
то к одному пристанем, то прирастём к другому.

Стылое чувство долга не намотать на палец,
видимо, слишком долго жили, не высыпаясь.

Что же теперь согреет в этой ли, в той отчизне?
Спи, засыпай скорее, сон мудренее жизни.

И брат не заходит в мой дом,
стоит у крыльца.
Мерещится мне под окном
лицо мертвеца.

Прогнётся дощатый настил,
но выдержит дверь.
Никто бы к себе не впустил
такого теперь.

Он умер три ночи назад,
почил на кресте.
Иконы по дому висят
и смотрят со стен.

Закрыв занавеску плотней
и свечи задув,
смеюсь, отвлекая детей
от шума в саду.

Когда не станет смерти никакой –
ни медленной, ни скорой – никакой,
щемящий неминуемый покой
миры наполнит жизнью никакой –
ни медленной, ни скорой – никакой.

И мы одни с тобой (рука в руке)
пойдём к реке, и будем налегке,
и перейдём ту реку налегке –
рука в руке – моя в твоей руке
спульсирует, как рыба в тростнике.

И снова станет жизнь такой, какой
была до самой смерти никакой,
и снова станет смерть такой, такой,
какой была до жизни никакой,
какой была и – никакой другой.

Вот и садимся мы за семейный ужин:
я – во главе стола, поскольку являюсь мужем,
отцом, основателем, рядом, поджав носы,
пристраиваются жена и малолетний сын,
вернее, в шелка дорогие наряжена,
во главу стола водружает себя молода жена,
и мы, затаив дыхание, разинув голодные рты,
видим, как дробятся прожаренной пицци пласты,
ещё вернее, оправленный нимбом косым,
во главу стола взбирается малолетний сын,
жена с ложечкой, а я с тарелочкой,
аки птицы небесные, вьёмся над деточкой.

Ничего, что мне скучно и скучно? И сучно, и ску...
Я в таком состоянии выпить уже не рискну,

потому что есть опыт, известны последствия, кои
превращают в животное, сам понимаешь, какое.

Это возраст, а, может быть, мир пресыщения тем,
что когда-то вселяло надежду возвышенных тем,

и комменты, как взмахи совсем не спортивной рапиры,
и на шее небес очевидны ожоги крапивы.

Это возраст и всё, что к нему прилагается, вот:
почерневшие руки и дьявольски белый живот,

что-то вроде семьи, (здесь три точки), не раны героя,
а срамные болячки: то язва, то зуд геморроя.

Нет, не возраст, скорее усталость, депрессия, страх
оказаться ненужным на пару с роялем в кустах.

Не обрящет осла никогда не слезающий с пони,
но блаженны забытые, ибо никто их не вспомнит.

Извини за сентенции, религиозную муть.
С детства комплекс величия мне помогает уснуть.

Получилось почти, я зевнул, потянулся и снова
так зевнул, что могла бы во рту поместиться корова.

СВЕТЛАНА ОС

Москва

ЗАВЕДИ СЕБЕ ВРАГА

А на дальних берегах,
Если сердце – не из робких,
Заведи себе врага
В чёрной шёлковой коробке.
Пусть, свободою влаком,
Он скребётся в ней ночами
Под серебряным замком
За стальными обручами.
Утянув на дно свинцом,
Пусть сознание пьёт и волю,
Дышит пламенем в лицо
И шипами руки колет,
И во сне клыком кривым
Перекусывает вены...
Ты и он – две головы
Изумрудной Амфисбены, –
Несвои в чужом миру,
Прочно сцеплены хвостами.
Все играет в игру,
Все меняетесь местами...

ПО ОДНОМУ

И приходят тихо, по одному,
И глаза закатывают в тоске,
Да клянутся тем, что виной всему,
Да клянут Того, кто нигде, ни с кем.

То бессильной птицей идут на срыв,
То змеей сжимаются для броска.
За спиной у них – гарпуны-багры,
За лицом у них – нелица оскал.

Им простые истины – звук пустой,
Им любовь и ненависть – суть одно.
Все бурвят душу кривым шестом,
Все растят надежды нащупать дно.

То грозят бывшее пустить на слом,
То зовут на смерть к берегам другим
И бросают камни-слова со злом,
И следят за тем, как идут крупы.

Говорят, что в мире ты – только гость,
Говорят, ты – призрак в чужом дому.
И вбивают в веру контрольный гвоздь,
И уходят тихо, по одному...

ОТРЕЧЕНИЕ

Снова приходят тени на мой порог
С той стороны, что и Солнцу не осветить...
Тысячи лет я любила тебя, мой бог,
Тысячи лет зарекалась тебя любить.



Шла, как по тверди, по воздуху, по воде
Сквозь чародейство, магию, колдовство.
Силой стихий приближала я этот день,
Силой стихий удаляема от него.

Верой единственной, целью одной жива –
Бледной сомнамбулой снова покинуть кров,
Каждую ночь я блуждала в твоих словах,
Каждую ночь понимая тебя без слов.

Ярок огонь, только время сильнее огня.
Я изменяю им то, что не изменить,
С тем, кому было проще любить меня,
С тем, кому будет проще меня убить.

ПТИЦА, КОТОРАЯ НЕ ПОЁТ

Город полуночный воскресит
То, что полуденный не убьёт...
Будет одной из твоих мессий
Птица, которая не поёт.

Некоронованный царь зари
Бросит, печалью заморожен,
Древо, которое не горит,
В пламя, которое не сожжёт.

Синей звезде возвращая свет,
Станет добычей твоих теней
Чудо, которому равных нет, –
Птица, которая не поёт...

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБОВСКИЙ

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

В ПОИСКАХ ФОРМУЛЫ ДУХА

Олег Аркадьевич Соколов. Легендарный одесский художник, поэт, искусствовед... Наверное, можно перечислять ещё и ещё. Олег Соколов действительно стремился к синтезу искусств, к выражению языком графики и живописи и поэтического слова, и музыки. И наоборот – многие стихотворения Олега Аркадьевича посвящены изобразительному искусству.

Вот и мы решили статью, посвящённую творчеству Олега Соколова, сделать синтетической. И каждый написать о своём. Первая часть рассказывает о Соколове-художнике, вторая – о Соколове-поэте и литераторе.

Евгений Голубовский

«БУДЬ СОБОЙ! ПРОЧИЕ РОЛИ УЖЕ ЗАНЯТЫ»

Одесская школа живописи и графики представляется достаточно хорошо изученной. Может быть, потому, что в последние годы действительно вышло несколько книг о Товариществе южнорусских художников, во главе с К. Костанди, пристальней взгляделсь как в первый, так и во второй одесский авангард. И всё же некоторые фигуры, значение которых мне представляется первостепенным, всё ещё остаются в тени.

Прежде всего, мне кажется, необходимо понять, оценить роль Олега Аркадьевича Соколова, человека, стоявшего на грани двух эпох, опередившего на много лет своих коллег в понимании развития искусства. До сегодняшнего дня об Олеге Соколове нет ни монографии, ни даже достойных каталогов, хоть выставок у него были десятки.

Мы познакомились в 1956 году, после шумевшей тогда дискуссии в Одесском политехническом институте о современном искусстве. Олег Соколов, Юрий Егоров, Владимир Власов были среди публики, сегодня уже невозможно узнать, кто их пригласил на этот вечер. Если Дину Фрумину, Григория Крижевского прислал партком Союза художников, чтобы они дали отпор пропаганде импрессионизма, кубизма, футуризма, кстати, выполнили они этот наказ весьма неудачно, освистанные студентами, то Соколов, Егоров просто подошли в перерыве, пожали руку и тогда мы договорились о встрече.

И вот в один из дней поздней осени 1956 года я впервые вошел во двор Строительного переулка и поднялся по лестнице в квартиру Олега Аркадьевича. Она же и мастерская. Первые впечатления: минимализм во всем. Стол, на нём тушь, краски, листы бумаги. Шкаф с книгами. Диван. Два-три стула. Во второй комнате жила мать Олега, в третьей – его сестра Таня с мужем. На всех стенах его живописные и графические миниатюры – площадь стола не позволяла делать большие работы.

Как всегда, подхожу к книжному шкафу. Набор для того времени необычный – Ф. Ницше, Э. По, Ф. Достоевский, О. Уайльд – в дореволюционных изданиях. Из советских изданий – только Александр Грин.

На стене кнопками прикреплен лист с афоризмами Оскара Уайльда:

«Пессимист, оказавшийся перед выбором из двух зол, выбирает оба».

«Учитесь у всех. Не подражайте никому».

«Единственный способ отделаться от искушения – поддаться ему».

«Будь собой! Прочие роли уже заняты».

Цитирую по памяти. Не всё. Афоризмов было тринадцать. Олег сказал, что любит это число. Важно другое, мы с этой встречи дружили с Олегом до конца его дней, и я могу свидетельствовать, что Соколов жил по этим правилам, это был его кодекс чести.

Сейчас, после выхода книги Александра Дмитренко об истории Союза художников в Одессе, где перечислены все выставки, отмечены отзывы на них, легче быть точным в хронологии.

Не могло же так случиться, что талантливые художники, выдающиеся мастера, такие, как М. Жук или Т. Фраерман, В. Заузе или Н. Шелюто с середины 30-х годов «пропили» бы свой талант. Конечно, нет. Но общая обстановка в стране, создание огромных «колхозов» под названием Союз писателей, Союз

художников и т.д. заставило их отказаться от живописных экспериментов, поисков, даже от лучших традиций Серебряного века.

В одной из статей я писал, что, если государство сейчас ввело термин «Дети войны», я бы в отношении творческих людей той поры, а, быть может, не только творческих, ввел термин «Дети страха». И никогда бы никого не стал винить, что, отсидев в застенках НКВД, они не совершали подвиги, а выполняли в меру таланта и добросовестности задачу соцреализма – показывать жизнь в её процветании...

А затем – Великая Отечественная война. Кто-то на фронте, кто-то в тылу, кто-то в оставленном оккупантам городе. Среди тех, кто был на фронте, – Олег Соколов, до войны студиец-поэт во Дворце пионеров, студент-художник в училище.

Можно сказать, что война сделала его стойким, смелым. Но это не вся правда. Он помнил, что его мать из старинной старообрядческой семьи, что его отец – дворянин. Он не кичился, но гордился этим.

После войны учёба во Львовском художественном институте, а затем возвращение в Одессу...

На несколько областных выставок брали и до 1955 года миниатюры Олега Соколова, в основном, иллюстрации к сказкам, близкие по духу к мирискусническим, но «проходимые» в то время. Но даже приблизиться к Союзу не дали — отщепенец.

В одной из своих статей я назвал Олега Соколова «Человеком оттепели». Убеждён в этом и сегодня.

Наступает 1956 год, «оттепель», пользуясь определением И. Эренбурга. У себя в мастерской начинает возвращаться к самому себе, к свободе, к декоративизму, иронии, но как бы на новом дыхании Теофила Борисовича Фраермана. Ему остается жить всего год, но и до 1957 года он успевает сделать несколько десятков острых, проникнутых ощущением молодости гуашей. Мы их увидим (и то – не все) на его посмертной выставке в том же 1957 году в Одессе. И хоть в предисловии к каталогу (анонимном) художника уже не упрекали в формализме, но по-прежнему звучал упрек в... камерности творчества. И лишь ученик Фраермана, правда, давно уехавший из Одессы, в своем творчестве отошедший и от заветов Фраермана, и от заветов Павла Филонова (а он учился и у того, и у другого), народный художник СССР Е. Кибрик в слове об учителе писал: «Когда до меня доходили слухи, что Теофила Борисовича называют формалистом, я не мог этого понять... он был очень тонким и оригинальным художником, творчество которого отмечено тем пытливым беспокойством, бесконечными исканиями, которые отличают каждого художника, обладающего художественной индивидуальностью».

Но, пожалуй, главное, Т.Б. Фраерман оставил не только гуаши 1956 года, но и учеников – Олега Соколова и Юрия Егорова.

Я не раз писал о прижизненных (часто подпольных, запретных) выставках Олега Соколова. Писал и после его смерти. И думаю, нашёл определение, которое может многое сказать о художнике даже тем, кто не знал его (а знала чуть ли не вся городская интеллигенция, особенно научно-техническая, философская, медицинская, музыкальная): Олег Соколов – «человек оттепели». Он воплотил в себе идеалы шестидесятиничества, но пришёл к пониманию нелепости соцреализма как единственного пути развития культуры, нелепости политической системы, где деятели культуры были винтиками партийного аппарата, ещё до смерти вождя всех народов, до речи Хрущёва, ошеломившей многих и многих.

Я уже писал, что Олег Соколов прошёл войну. А это была школа борьбы с диктатурой фашизма, и победителям казалось: как только кончится кровавая бойня, действительно наступит новая жизнь, люди ощутят себя «братьями и сестрами», как обратился к ним в первой своей речи, в 1941 году, всезнающий и всевидящий бог этого безбожного царства. И конечно, нельзя забывать, что Олегу Соколову просто несказанно повезло. Он не только учился в Одессе, а потом во Львовском художественном институте. У Соколова был Учитель – человек, принадлежавший по праву и к одесской, и к парижской школе, друживший с Матиссом, Руо, Шагалом, выстававлявшийся с ними на одних выставках – Теофил Борисович Фраерман. Ему уже не разрешали преподавать, но Олег ежедневно ходил к Фраерману домой беседовать (и оставил интереснейшие записи об этих разговорах).

Я не утверждал и не утверждаю, что Олег Соколов с конца 50-х годов был лучшим одесским художником. Рядом продолжал творить последний южнорусский мастер, тончайший колорист В. Синицкий, восходили звезды А. Ацманчука и Ю. Егорова. Но их творчество (особенно В. Синицкого) было как бы частным делом, изредка прорываясь на выставки, таилось в мастерских.

Олег Соколов был фигурой общественной. Он ломал догматы у всех на виду. Боролся за право показывать свои работы. И находил поддержку то в Союзе писателей, то в редакции «Комсомольской искры», то в Доме ученых. Но никогда, увы, никогда – в Союзе художников, где «делёж пирога», дававшего сытую и безбедную жизнь заказами от колхозов, заводов, санаториев, гостиниц и т. д., сломил талантливых людей.

А когда у Олега Соколова не было возможности выставаться, он открывал всем (подчеркиваю – всем!) двери своей крошечной квартиры, где жил и работал сам (поэтому формат акварелей, гуашей всегда маленький), где жили его мать, сестра с мужем. И всё это – в двухкомнатной квартирке на тогдашней окраине города – в Строительном переулке. И единственная большая работа – антисталинская фреска, написанная на стене комнаты, сохранилась как протест против деяний усатого вождя.

Круг его творчества: от мирискусничества к абстракционизму, от оп-арта к контррельефам и аппликациям на бумаге, к стихоживописи, к музыкаживописи. Он был экспериментатором. Когда-то любимейший поэт Олега Соколова Велимир Хлебников делил людей на изобретателей и приобретателей. Олег Соколов был изобретателем.



Архив Олега Соколова огромен. Не говоря уже о том, что многие его работы украшали дома одесской интеллигенции. Он писал стихи, трактаты, даже воззвания. Да, это именно Олег Соколов вышел к кирхе с плакатом, когда ее собирались уничтожить и протестовал против сношения старинной решетки вокруг сквера у железнодорожного вокзала. Может, потому, что нет уже Олега Соколова, её сняли и вместо неё соорудили нечто безвкусное и недостойное города?

Да, это Олег Соколов пришёл в «Вечернюю Одессу» со статьей против антисемитизма, услышав с возмущением, по одному из «голосов» выступление кого-то из лидеров недоброй памяти московской «Памяти».

Жизнь его была трудной. Постоянный надзор КГБ. Выход он часто находил в водке. Но и после застоя, после больницы, после невразумительных текстов в блокнотах, он вновь возвращался в привычную форму, работал, как раб на галерах, каждый день в музее западного и восточного искусства и дома через ночь – до утра – 5-6 миниатюр.

Много читал, особенно в последние годы философскую и научную литературу. Любил музыку, особенно А.Скрябина, дружил с одесскими музыкантами, поэтами и прозаиками, поддерживал молодых, почувствовал огромные перспективы юного Александра Ройтбурда.

А сам ушел от мирискусничества, в которое был влюблён в молодости, от Бёрдслея и Ропса, занялся синтезом искусств, стараясь найти живописное выражение музыки Скрябина или Прокофьева, Шостаковича или одесского композитора Русинова, увлёкся изопоэзией, коллажами – в отдельных листах достигал интересных результатов. Но параллельно писал абстрактные композиции, считая, что это и есть высшее достижение гармонии в искусстве.

И занимался общественной деятельностью – создал Клуб имени Чюрлёниса, литовского поэта, художника, композитора.

Первая персональная выставка Олега Соколова состоялась в Союзе писателей, а не в Союзе художников. Всё это – после смерти «отца народов». А в 1966 году я открывал его персональную выставку в «Комсомольской искре». И каждая выставка – это был шаг вперёд, попытка объяснить необъяснимое.

Уже не только разгромные статьи появлялись об его творчестве. Мог бы подавать заявление в Союз художников, но не делал этого. Ему важнее была свобода. Но не осуждал других – радовался успехам Юрия Егорова, Александра Ацманчука, Александра Фрейдина, поискам Виктора Павлова, Николая Новикова, Валентина Хруща, Станислава Сычева, и всегда говорил самому себе:

«Будь собой! Прочие роли уже заняты».

Евгений Деменок

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ОЛЕГА СОКОЛОВА

*«Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы...»
Олег Соколов*

Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова – это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чьё литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственно художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: «Олег Соколов кроме того ещё и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник».

Это вполне объяснимо – писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутником. В моём архиве есть совсем раннее стихотворение Олега Аркадьевича «Флорида», написанное чёрной ручкой на пожелтевшем уже небольшом листочке бумаги и посвящённое девушке Клаве, с такими строками:

*«Мне 18 лет...
И снова на рассвете,
Вновь об Америке
Сомнения томят:
Где ваше слово?
Ходите в берете,
И даже, вот,
Не любите меня...
По боевому скоро мне одеться,
Подходит мой уже призывный год,
Но клятва, данная когда-то в детстве,
День ото дня всё искренней растёт.
И мне в лицо ударил*



*Горький запах,
Дым пороха и сари ветерок,
И как тогда хотел
Удрать на запад,
Так я теперь
Уеду на Восток.
И если не вернусь в Одессу снова,
Коль умереть случится в том краю,
Скажите так: что он, как Оцеола,
Погиб в бою за Родину свою».*

В 1937 году Олег Аркадьевич начинает писать поэму «Лермонтов в Пятигорске», отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике «Железные цветы», куда вошли стихотворения 1937-1945 годов. Первый отрывок, «Рассвет», датирован 1937 годом. Отрывок «На водах» – 1941 годом.

Уже на фронте он начинает писать поэму «Последний дворянин».

«Готовлю оформление казарм к празднику», – пишет он матери в ноябре 1944-го. «Всё-таки хоть и грубая в художественном смысле работа, но всё же и она даёт удовлетворение. Начал читать роман Гончарова “Обрыв”. До этого если и читал, то Чехова, то Пушкина. Вообще литературу я забросил, может быть я расскажу тебе почему, а ты, как мне кажется согласишься со мной. Говорит радио, покойный вечер, ужин, отбой, ватный матрац, спи спокойно, а вспоминается далёкое страшное время, когда из-под самого Ровно мы отступали, мне хорошо было, подо мной был славный конь, лучший в полку, конь был полковника, но он поменялся с моим коньком, так как у меня был тихий, чахоточный конёк, а полковник был жирный и плохой наездник, его нервный и упрямый конь красавец, пугал своей непокорностью, а мне он очень приглянулся. Пехота та выбиваясь из сил падала от марша. Потом бои у Коростеня, мины, спишь сквозь сон слышишь вой снарядов и мин. Но привычка спал крепко. Даже стихи писал, вернее свою поэму “Последний дворянин”.

Целую дорожную маму, Таню, хороших и близких знакомых.

Олег».

А вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне – письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.44:

«Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия это искусство ведущее к пропасти душевной, а не редко и к смерти.

Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и местечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встретить после резни мечтает Олег сестру...».

Поэма «Последний дворянин» состоит из трёх частей, каждая из которых разбита на главы. Во второй части, названной «Снятие колоколов», есть небольшое стихотворение «Одесса»:

ОДЕССА

*Империи последний день,
По городу гуляют офицеры.
Скандалят. Пьют.
Как подобает тем,
В страну родную кто теряет веру.
Она рассеялась, как дым,
Ждут оккупации с рассветом.
Газеты лгут.*

Уже в ранних стихах Олега Соколова отчётливо выражено его отношение к советской власти и советской действительности. Поразительно стихотворение «Гость», вошедшее в рукописный сборник «Железные цветы» и датированное 1944 годом:

ТОСТ

*Ещё одна годовщина
Голода и позора.
/Отпразднуем не как мужчины,
Быть нам такими не скоро/
Подымаем тост за здоровье
И славу того человека,
Кто залил Россию кровью
И Грузию сделал Меккой.*



Подымаемте тост за отчизну,
 За нашу советскую землю.
 За осени позднюю тризну,
 За совесть, которая дремлет.
 Подымаемте тост за бесчестье,
 За рабское слово «назад»
 Расстрелянных в красной мести,
 Которым не взглянем в глаза.
 Подымаем...
 Тоска без причины...
 Такая кругом благодать.
 За то, чтоб такой годовщины
 Не приходилось встречать.

В этот же сборник вошло ещё одно стихотворение об Одессе, названное «Родной город»:

РОДНОЙ ГОРОД

Одесса. Грохочет прибой,
 Акации не отцвели.
 Увижусь я вряд ли с тобой,
 Тебя в облака увели.
 Одесса. Надколотый дам,
 Зари разгорелся костёр.
 Живи, коль мечта о другом,
 Я не боюсь. Нож остёр.

Как верный раб тебе служить,
 Я буду на земле.
 Но только после не терпи,
 В крошечной адской мгле.

Всю свою жизнь Олег Соколов будет «внутренним эмигрантом», и критика действующего строя будет одним из основных лейтмотивов его творчества. Такие стихи и фразы встречаются во всех его рукописных сборниках и артбуках. Например, в рукописном **сборнике «Горечь позднего мёда»**, в который вошли стихотворения 1971-1973 годов, в частности, «Дерзость», «Краеугольный камень тот стоит», «Палач», «Имярек», «Женщины из каменного века», «Размышление над рукописями моей жень», «Чердак», «Мечта», написанный на украинском «Сонет». Вот несколько сочных фраз из сборника:

«В Одессе нет бригад
 Коммунистического труда,
 А есть: «Кому нести? Чего? Куда?»

И ещё:

«У всех сафай как сафай,
 Но отставник из КГБ
 С глазком устроил дверь».

Та же тема прослеживается в необычном и интересном **сборнике «Славянские хокку»**, созданном в 1972-1974 годы. В нём – около двух сотен трёхстиший. Вот несколько хокку:

9. Девуца, с именем Антон,
 Швырнула взглядом на могилу
 Неизвестного секретаря обкома.

11. Советский искусствовед
 С татуировкой «Слава КПСС».
 «Спасибо, что закрыли дверь!»

28. - Одесса всегда хотела иметь Рембрандта,
 Так она да, его будет иметь, -
 Сказал Олег Аркадьевич Соколов.



35. Под ядерным зонтиком США

Писать бы пьесу...

Чувство вины.

37. Черные «дела» академика Сахарова.

- И не стыдно ему? Мне, простой женщине,

Жене тракториста, и то стыдно за него.

87. Истины высший критерий – практика

Давай кофе сочиним, да почерней

Вроде этой ночи

88. Антисоветские,

Дурно пахнущие материалы.

С подлинным верно.

97. Характерные плоды коммунизма

Упадок городов.

Они превращаются в степи.

116. Пьяный с побитой мордой,

Но с букетом хризантем.

52-я годовщина Октября.

119. Пишет по-русски, но латинскими буквами.

Второй текст написан

Между строк первого текста.

В «красном» сборнике – в книжечке «Делегат більшовиків Одеси» записана абсурдистская пьеса «Комсомольцы 20-х годов» с сильно выраженным антисоветским характером; в сборнике собраны стихи 1970-74 годов, в частности, «Стихи для философов о том, что рассказывает шум раковины», «Тяжело работать с дураком», «Собираю дожди», «Закоулоч на процессе», «Сэр Исаак Ньютон», «Структурная данность», «Красугольный камень», большое стихотворение, посвящённое Герману Гессе.

Знаменитые артбуки Олега Соколова... Это микс искусств – тут и графика, и коллажи, газетные вырезки, стихотворения, мысли и фразы, пьесы... Каждый артбук – целый мир, рассматривая его, погружаешься в ту эпоху коммунистического абсурда, в ту атмосферу, в которой жила вся страна. И поражаешься смелости автора – каждая такая пьеса, стихотворение, даже фраза грозили тогда тюремным сроком.

Вот, например, сборник «Точка над И», созданный в 1969 году. Эпиграфом – цитаты из Ницше и Пастернака, в начале сборника – молитва, а через несколько страниц – запись: «Избавимся от сорняков. Под сорняками я подразумеваю социалистическую идеологию». И подпись – Олег Соколов.

В этом же сборнике – два стихотворения, которые я хочу привести полностью.

СТИХИ С МНОГОТОЧИЯМИ

Искусство вещь нелепейшая... из себя

Так снятся сны о детстве...

Золотыми

Назвать их не мог.

И годы сталинизма,

Бедствий,

Мы жили ими.

Занемог

Отец и слёг.

На кухне творчества

Мать.

Замки...

(Мы дети –

Не знаем, что творим).

Выходим в ночь

За город, как за рамки.

Осенний хлад,

А мы горим, горим.

Из окон порт,



Мерцающий и дымный,
 II год 37-й,
 Как скопище Малют
 Скуратовых...
 Позором духа
 Обязаны им мы.
 Но палачам
 Руки не подают...
 Мы подавали, восторгались, пели
 О дифирамбы од,
 Оваций гром...
 Не слушали
 Как падали катели
 Как свечи
 Опльвают у икон.
 Я – это вы.
 Проклятьями заклят.
 Облган, и освистан,
 II оплёван.
 Но не сейчас...
 Пусть одуванчики стоят,
 II сад в ромашках...
 Но даю вам слово.

Ошибся тот,
 Кто длань свою простёр
 К победе коммунизма!
 Зря лавры брошены
 В общественный костёр.
 Нам путь пересекают
 Динозавры.

1969

15 июля 1969 года Олегу Аркадьевичу исполнилось 50 лет. С этой датой его поздравили очень многие. А сам он записал в сборнике «Точка над И»: «“Стукнуло”, как говорят, 50 лет. Осталось ещё 23». Он ошибся всего на два года...

Вообще Соколов и мистика – тема для отдельного исследования. В «Безымянном» сборнике, который начинается стихотворением «Я, видимо, отпетый монархист», он пишет о том, что является реинкарнацией великого князя Олега Константиновича Романова:

«Задолго до моего рождения на спиритическом сеансе явился Олег Константинович Романов, заявив, что я рожусь через год и он будет во мне. Это рассказала мать, которая никогда не лгала».

Я из детства пришёл,
 Не найдя примирения с родом,
 Со своим непокорным народом,
 Только накрепко знал: «Хорошо»,
 Только знал – хорошо, что минуют невзгоды,
 То, что времени посвятит ветру средни,
 Что минуют, как марево, тяжёлые годы,
 II придут благодатные дни.

27.1.88

Олег Аркадьевич никогда не забывал о своём дворянском происхождении. В 1988 году – этот год был особенно плодотворным для художника и поэта, – он создаёт большой рукописный сборник, который иллюстрирует своими замечательными графическими работами. Сборник начинается таким четверостишием:



*Я, видимо, ответный монархист,
И для меня кровавые знамена –
Они как реквием поруганному трону,
Как поздней осени зауспокойный свист.*

Религиозные мотивы постоянно присутствуют в стихах Олега Соколова. «Бичами исполосован Христос, и время, что уходит под откос», – писал он 7 июня 1972 года. И далее: «Я слышу лягз бичей, Христопродавцев говор...». В стихотворении «Правда о русском солдате» из сборника «Железные цветы», написанном в 1943 году, есть такие строки: «Вы знали крещёную матушку Русь. Так знайте – Русь без креста».

В июле 1970-го Олег Соколов написал такое стихотворение:

*В рабстве закоренели мы.
Пусть консерватор по инстинкту
Народ. Пусть благочестье смыл
Вал революции. Но лабиринтом
Плутать не будем. Знаем
Да, мы разрушили культуру.
Мы надругались. Что ж, резная
Ограда для надгробья сдуру
Дамалась. Били мы фарфор,
Жгли храмы. Вырубали рожи.
(Что, может быть, казалось проще –
Решать наганом разговор).*

...
*Христианство проповедовалось
Чистыми и строгими
Апостолами и их последователями.*

«Ты знаешь, я сойду с ума, если ты не придёшь», – пишет Олег Соколов. «Знаешь, я сделал так много. Потоки нейтронов идут по моему руслу. Я прочёл письма города Майя. Мои ракеты вырвались за пределы земных притяжений. Я понял, что цифры так же прекрасны и поэтичны, как мягкий овал лица камеристки Рубенса. Но если ты не придёшь, всё это не стоит выеденного яйца».

Вот почему эта серия так мрачна...

Я жду тебя, Господи!»

А вот ещё фраза, записанная в 1967 году: «Кто делит мир не с Господом на двух, а с женщиной – живёт напрасно».

*Эти сумерки духа
Наступают не сразу
Околотками дней
И стратегией тьмы
Псподволь затаённо
Не чуя заразу
Меня личину
С «эго» на «мы».
Революция выкрестов
На Евангелие чтимом
Плащаницу на простыню
Заменяли смеясь
Не безвозвратно, не опалимо
Нас причастила к вечности грязь.
Голубя с проткнутой иглой в голове
Молодёжь выпустила на волю.*

7.IX.88

Поиски себя, своего места в жизни, смысла самой жизни... Много стихотворений Олега Аркадьевича – об этом:



СОНЕТ-АБСУРДА

Сознание над памятью кружит
 Апокрифической птицей,
 А сон смежает рубежи
 Как разночтенье образной границы.
 Аннигиляция – как молния, как мысль,
 Развершихся пространств излом и почесть,
 II, сквозь туманы различая мыс,
 Но не глазами... Для чего же очи?
 Из будущего в прошлое пути,
 У бесконечности на кромке сядет Фейнман,
 Энергия и время у рутин...
 О слово раскалённое – «наверно»

...
 II может мысль не так уж и вздорна,
 Симметрии рассыпанные зёрна.

27.8.73

В 1970 году Олег Соколов написал такое стихотворение:

*Для одних истина – свет, а для других огонь.
 Григорий Нисский*

Я хотел бы выстроить
 Огромный замок,
 Высокий замок
 На высокой горе.
 Увешать его гобеленами,
 Да, гобеленами,
 Настоящими фламандскими,
 Настоящими французскими
 II только – XV века...
 Пусть их осталось немного,
 Совсем немного.
 В залах замка
 Я развесил бы свои работы,
 Все 15 000
 Но никого не пустил бы туда
 В эту ограмную экспозицию,
 Занимающую 100 зал;
 Потом прошёл бы по всем залам,
 Светя себе канделябром,
 Старым магонским канделябром
 Из трёх свечей.
 Внимательно и бережно
 Осмотрев,
 Я бы поджёг всё это,
 Труды всей моей жизни.
 Я бы даже не сказал:
 «Придите и смотрите
 На это страшное
 Auto da fe,
 Смотрите!».
 Я бы этого не сказал,
 А только молчал
 II смотрел.
 Вот что бы я сделал,
 Если был бы очень богат.

Целый отдельный пласт – **стихи об искусстве и художниках**. В рукописный сборник «Красные корни» (стихи и рисунки 1974 и 1989 годов) вошло стихотворение «Рафаэль», датированное 27 декабря 1974 года. Есть у Олега Соколова несколько стихотворений о Леонардо да Винчи, есть стихи, посвящённые человеку, которого он называл своим Учителем – Теофилу Борисовичу Фраерману. В рукописный сборник «Серебряный бор», созданный в 1975 году, вошли в числе прочих стихотворения «Серебряный бор», «Врубель», «На выставки импрессионистов».

ВРУБЕЛЬ

Поверженный демон, поверженный,
 А может, художник нам хочет сказать,
 Хочет сказать,
 Что мы безудержны,
 Что сломит гроза.
 Это есть сила
 Это есть страсть
 Мы обессилены
 Нам не встать.
 Над мощью пророчит
 Сиреневый свет
 О гения росчерк –
 Завет.
 И крыл опалённых
 И демона взгляд.
 Забела влюбленно:
 Здесь рай весь, здесь ад.
 Никто не покинет
 Насиженных мест,
 Может, в Бекине
 Голгофа и крест.
 Цыганка разбросит
 На картах судьбу
 Художника спросят:
 «Пишу я в гробу».

НА ВЫСТАВКЕ ИМПРЕССИОНИСТОВ

Вдохнула жизнь сосна Синьяка,
 Дерен мне руку подавал,
 Анри Руссо испанкой яркой
 Нежданно радовал.
 Нежданно жёг усталость, вялость,
 А ты чего-то так боялась...
 В плену у живописи я.
 Боннар сиял.
 Пикассо жёг
 Кликуш и дохлых недотрог.
 Комедианты за столом
 Какой душевный бурелом
 О рыбы красные Матисса,
 Леже – фабричный произвол,
 Гогена стон,
 Ван-Гога лица,
 Сезанн суров и нелюдим,
 Как неприступный паладин.
 Какие девушки Майоля,
 Родена вечный поцелуй.
 Да, я сегодня был на воле.
 Да, я сегодня не холуй.

Январь 1975



В сборнике «Точка над И» есть замечательное стихотворение «Творчество», посвящённое Елене Шелестовой:

Раскрывается мир –
 Неожидан и сразу –
 То ли в форме цветка,
 То ли в форме заги.
 Что, привычное сердцу,
 Что привычное глазу
 Вдруг совсем непривычным
 Тебя одарит.
 И начнутся тогда
 Беспокойные ночи,
 О, как трудно тогда
 Коротаются дни.
 Ты идёшь напрямик
 Сквозь заслон проволочек,
 Но всегда ты останешься
 Безнадёжно один...
 Потому что привычное
 Сердцу и глазу
 Слишком близко.
 Тяжёлы сознания лаги.
 Раскрывается мир –
 Неожидан и сразу –
 То ли в форме цветка,
 То ли в форме заги.

1969

А вот строки из размышлений Олега Аркадьевича об искусстве: «Искусство есть выражение зашифрованной формулы духа. Я учу улавливать пульсацию искусства во всём». В рукописном сборнике «Световая соната» есть такое стихотворение, датированное 14-м августа 1971 года:

Искусство – как свеча в чулане,
 Для вас, рождённые рабы
 Чесотки зуд
 И скрип арбы
 И уж, конечно,
 Не взгляд ланий.
 (... а звёзды
 Среди пространств небес
 Сверкают истоиво и рьяно).
 Не с тупостью наперевес
 Который год идёт Ульянов
 Я ненавижу тусклый мир
 Всех ваших новшеств и введений,
 Партийно-производственных радений.
 С гнильцой изрядной ваш кумир...
 Я знаю, не обманешь ты
 В своём бессильном науценьи...
 ...
 Замедленное превращенье
 И постулаты суеты.

В сентябре 1979 года Олег Аркадьевич написал небольшое, но очень интересное стихотворение «Реквием футуризму»:

Не представлен к награде
 За стихи, что на ветер,
 Он погиб в Сталинграде – Маринетти.
 За чужой закоулок,
 За чужие потребности...

*В миг последний сверкнуло
 Италии небо,
 В миг последний над гарью...
 В кружке – спирт на здоровье.
 Залиты регалии
 Солдатской кровью.
 До перевязочного не доплзти...
 Новая религия – мораль скорости.*

В рукописном сборнике «Красные корни», куда вошли стихи, рисунки, статьи 1974, 1989 годов и стихи 1973, 1981, 1988 годов, есть такое стихотворение:

ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА

*Какое тусклое мерцанье
 Нет мощных крыл
 Огня, держанья...
 Замшелый мир,
 Где благоденствие – кумир.*

1973

Интересно, что Олег Аркадьевич не только писал стихи об искусстве, но и наоборот – неоднократно изображал графически поэзию и прозу. У него есть работа «Суть творчества Эдгара По». Или, например, такие работы – «Поэзия Бориса Нечерды», «Поэзия Ильи Сельвинского», «На стихи Булата Окуджавы», «Листья травы. Уолт Уитмен».

«Что касается стихов, то Великий чётко подразделяет их на рациональные и чувственные», – писал Виктор Никифоров в воспоминаниях о Соколове. «Он создаёт серии не только цветомузыки, но и цветопоззии. Вернее, даже не цвето-, а графо. Такие поэты, как Осип Мандельштам, Борис Пастернак, их стихи ассоциируются у Соколова с переплетением чётких чёрно-белых конструкций, линий, а такие как Есенин или Лорка – с аморфными цветовыми пятнами».

И действительно – у Олега Аркадьевича множество цвето-поэтических, цвето-музыкальных, цвето-философских работ. Например, на выставке его работ, состоявшейся в 2008 году, были представлены такие работы: «Сибелнус» (1975), «Настроение после Скрябина» (1988), «Ф. Шопен. Концерт для фортепиано с оркестром № 1. Ми Минор», «Пасха (Пасхальные колокола. Рахманинов)» и даже «Пол Маккартни «Питайся дома»» (1977).

И, конечно же, Чюрленис. Творчество и идеи Микалоюса Константиноса – Николая Константиновича Чюрлениса сыграли особую роль в жизни Олега Аркадьевича. В начале 60-х Олег Соколов основал клуб «Цвет, музыка, слово» имени Чюрлениса – первое в Одессе общественное объединение, созданное без участия властей. Сёстры Чюрлениса, жившие в Литве, были восхищены и поражены, а на Научно-техническую конференцию «Свет и музыка», состоявшуюся в Одессе в 1969 году, одним из организаторов которой был клуб, приехали с выступлениями в числе прочих Витаутас Ландсбергис и Булат Галеев.

Хочу привести здесь два стихотворения Олега Соколова, посвящённые гениальному литовскому художнику и композитору.

ЧЮРЛЕНИСУ

*В зромах и молниях пишу
 Я твой портрет
 Листвы осенней, ветра шум –
 Как твой привет
 Как твой ответ тот сполох был
 Багрянен и жесток
 Просветом неба голубым
 Вещал восток
 О, Чюрленис, эта твердь –
 По ней взалкал.
 Пусть жемайтийскими крестами смерть
 Скорбит пока
 Пусть лестниц бесконечный ряд
 Уводит в рай.
 Твой жертвенник огнём объят.
 В закате край.*



В закате край и ливня шум,
Как твой привет.
В грамах и молниях пишу
Я твой портрет.

За мишурой житейских благ
Не нам протягивать ладони.
Зари пылающий рейхстаг –
Чюрлёнис.

Нам бескорыстие – удел.
Души измученные кони
Нас держат столько лет в узде,
Чюрлёнис.

И если горестно тебе,
И друг участия не обронит,
Не падай духом среди бед –
Чюрлёнис.

Уходят годы и друзья,
К тому, кто птичьей стаи гонит,
Но быть жестокому нельзя:
Чюрлёнис.

Кто перед знаменем весны
Свои колени не преклонит?
Твои молитвы и посты,
Чюрлёнис.

Чюрлёнис – тёплая свеча,
Скорбящей матери ладони.
За многое нам отвечать,
Чюрлёнис!

Совершенно отдельная страница поэтического творчества Олега Аркадьевича – **подписи к его работам**. К графическим листам. Некоторые из них уже стали легендарными, как, например, это:

«Я математик». Норберт Винер
Пришёл. Кругом царил застой.
А я художник. Сила – в синей
И обречённость в золотой.

А такое четверостишие написано автором на рисунке 1981 года, который хранится в моей коллекции:

Пространство дня – немислимый барьер
Но размышление уводит в глубину
Других пространств, решений, мер...
Пределы вечности – в стабильности минут.

На сотнях работ Олега Аркадьевича – его собственные стихи, выдержки из Мандельштама, Лермонтова, Федерико Гарсиа Лорки, Пабло Неруды, Константина Бальмонта, Беллы Ахмадулиной... Многие листы подписаны сзади. В моей коллекции есть небольшой лист, подписанный и именованный дважды – 24 июля 1959 года Олег Соколов назвал работу «Кошмар», а через двадцать девять лет вновь подписал её так: Интересно, доживёт ли моё искусство до 8861 года? Этот лист я дорабатывал 30.8.88, тогда и написал стихотворение «Уходят поезда в ночи». P.S. Сколько энергии таится в пространстве души, которая пропадает». Работа названа по-новому – «Жёлтый ангел».

Несколько стихотворений Олега Аркадьевича были опубликованы в одесских газетах, в основном в «Вечерней Одессе». Пожалуй, самое известно из них – «Дон-Кихоты нужны», посвящённое Булату Окуджаве. В начале 60-х Булат Шалвович был в Одессе и встречался с Олегом Соколовым – есть даже их совместная фотография.

*Дон-Кихоты нужны,
Дон-Кихоты в чести.
В век двадцатый,
Зимой и летом,
Мы кончаем работу
К пяти иль к шести,
Дон-Кихоты – к рассвету.
Свеча оплывает,
Ты пишешь портрет,
Чтоб сказали:
«Фантазии, враки».
Состояние твоё –
Все в том же копы,
В тощей кляче
И борзой собаке.
Каравеллы бегут,
Что с того, что ты – смел?
А до цели... Измучишься
прежде...
Для того, чтоб обломки
От тех каравелл
Находили у мыса Надежды.
Дон-Кихоты нужны!..*

Конечно, публикации Олега Аркадьевича – лишь верхушка айсберга его творчества. Невозможно, совершенно невозможно было в те времена публиковать настоящие мысли Соколова. И все они остались в рукописях.

Например, в сборнике «Наговор» (1972) Олег Соколов высказывает отрицательное отношение ко вводу советских войск в Чехословакию. Он прекрасно понимал, что это опасно. Ведь за ним пристально наблюдало КГБ, и не только КГБ. Вот, например, выдержка из дневника, который Олег Аркадьевич назвал «Я говорю правду»:

«20.X.63

Звонок из обкома комсомола: “Товарищ Соколов, с вами хотят встретиться рабочие одного завода, как это сделать?” <...> Воскресенье, у музея человек 10-12. По лицам вижу – что-то не то. И не рабочие, и не те, кто ко мне обыкновенно приходит. Что-то чуждое, злое... Дома – почему у вас висят иконы? – Я верю в Бога. – Почему на рисунке «Современная девушка» крест? – В моём представлении такая современная девушка. Вопросы свистят как из ведра и самое худшее, что человек 5 записывают. <...> Через несколько дней один из хлопцев, который особенно усиленно спорил (оказывается, он из ЦК комсомола Киева) был в музее, часа два говорил, запершись в кабинете директора, с парторгом».

Не обращая внимания на подозрения и преследования, будучи вынужденным несколько раз прятаться от высылки или «посадки» в сумасшедшем доме, Олег Соколов продолжал говорить и писать правду.

Много лет Олег Аркадьевич писал одну большую пьесу – пьесу об абсурдности советской действительности.

«Но, всё-таки, почвой для развития его творчества является абсурдность нашего бытия», – пишет Никифоров. «У Соколова есть **пьеса абсурда**. Двести действий. Каждое действие с «Гамлета» величиной. Пьеса хранится в старинном окованном сундучке».

Действительно, каждое действие этой пьесы записано в отдельной тетрадке. В основном это обычные советские ученические тетрадки в линейку или клеточку. Каждое действие имеет своё название и представляет собой артбук, в котором коллажи, вырезки из советских и зарубежных газет и журналов перемежаются собственно текстом пьесы. В каждом действии – свои герои. Но едино общее настроение – советская действительность как абсурд.

Приведу несколько отрывков. Вот, например, действие под названием «Великий учитель»:

«У входа в театр стоят резервуары абсурда. Нужно помнить, что птица, которая долго поёт, не сумет свить себе гнезда. При театре баня с парной, берёзовые веники продаются только с афишками. <...> По театру ходит слушок, что жена режиссёра имеет любовника-ассенизатора, да это видно и по нарядам.



Голос из ниоткуда: “Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки”.

В это время на сцену выкатывают огромную гаубицу, что-то у неё колдуют, дуло направлено в зал, публика нервничает, но для успокоения публики выходит хор стриженных дворян.

Режиссёр: “Пока мы наладим эту пушку, слушайте. Обратите внимание на парторга группы, в конце концов ставшего графом”.

А вот отрывок из действия под названием «Марш “Красной субботы”»:

«Немного забегая в будущее.

На Западе перед такими домами висит красный фонарь и дом скромно называют “домом терпимости”, у нас с возросшей уличной и школьной проституцией тоже дома с красными фонарями, но на них табличка “Приглашаем дружить”.

Молодая проституточка с учебником “Продолжаем дружить” зубрит: “Любить абстрактно мы любим, но не все умеем – давайте учиться”.

Выходит комсорг с повязкой, назидательно: “Политики – командная сила, окончила бы искусствоведческий – ну что бы ты имела, в три раза меньше уборщицы. А здесь самому заму Горону минет делаешь. Только в нашей стране звёздное положение женщины”.

Далее в пьесе – вырезки из газет с описанием «красных субботников» и фотография Ленина с «брёвнышком».

Каждое действие пьесы – особенное. Но каждое – глоток правды и юмора в душливой атмосфере тогдашней жизни.

«Не знаю, судьба ли мне дописать эту тетрадь», – писал Олег Соколов в своём дневнике 8 октября 1963 года. «Но знаю – будет время, и всё написанное мною будет издано. Будет. Ибо я показал, осмыслил ужас этого времени. Осмыслил. И если я сделал лист «Что творится на душе», то я рассказал о многих, всех душах».

Это время пришло.

ЭДВИГ АРЗУНЯН

ЧТО ТАКОЕ «МЕ»?

Если рассматривать древнюю историю человечества с точки зрения палеовизита, то в свете наших сегодняшних знаний – начала XXI века – многие загадочные явления, описанные в древних текстах, могут интерпретироваться не как сверхъестественные, а как естественные. Вот, в частности, глава «Что такое “Ме”?» (из книги «Бог был инопланетянином») – о предположительном наличии на нашей планете в древности компьютерной техники.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПАМЯТЬ. Когда Енох, прадед Ноя, был взят на небо и находился среди ангелов, он видел там нечто вроде системы компьютеров, для которых у Еноха просто не хватало словарного запаса: «*И в том месте я видел источник правды (базовый компьютер), который был неисчерпаем; его окружали вокруг многие источники мудрости (персональные компьютеры), и все жаждущие пили из них (получали информацию) и исполнялись мудростью, и имели свои жилища около праведных, и святых, и избранных.*» («Книга Еноха», 8, 19).¹

Попытка же приобщить к «источникам мудрости» землян оказалась, увы, неудачной: «*Мудрость не нашла на земле места, где бы ей жить, и потому жилище её стало на небесах. Пришла мудрость, чтобы жить между сынами человеческими, не нашла себе места; тогда мудрость возвратилась назад в свое место, и заняла свое положение между ангелами.*» («Книга Еноха», 7, 39-40).²

Месопотамия. А через всё письменное наследие шумеров проходит загадочное понятие МЕ, перед которым учёные до сих пор разводят руками: «...Шумерские богословы создали вполне удовлетворяющую их концепцию, которая объясняла, каким образом взаимодействовали природные и общественные явления после их создания (богами). По их мнению, эти явления взаимодействовали гармонично и беспрепятственно, не вступая между собой ни в какие противоречия. Этому представлению соответствовало шумерское слово «ме», точный смысл которого до сих пор не установлен».³

Классик шумерологии Сэмюэл Крамер писал это полвека назад, – а в наши дни у одного из его последователей Захарии Ситчина понятие МЕ вызывает уже компьютерные ассоциации: «*Несмотря на то, что это слово довольно часто встречается в текстах, до сих пор непонятно, что такое МЕ, и учёные переводят это как “божественные повеления”, “божественные силы” или даже “мифические добродетели”. Однако описания МЕ указывают на то, что это были физические объекты, с помощью которых можно было подниматься в воздух и летать (причем их можно было даже надевать на себя), и которые заключали в себе некое секретное знание. Возможно, это было что-то вроде современных компьютерных чипов, на которых записываются данные, программы и операционные команды. На них были закодированы основы цивилизации.*»⁴

МЕ была важнейшим атрибутом шумерских богов: «*Ученые называют МЕ “объектами божественной власти”. Буквальное значение этого слова – “плавание в небесных водах”.*»⁵

Означает ли это – «в небесных водах» суперинформации? <...>

И еще: «*Шумер, Гора Великая, Единение Неба и Земли, покрытая истинным светом (суперинформации)! Страна, от восхода до заката несушая (в эфире) МЕ! МЕ твои – МЕ высокие – недосыгаемы!*»⁶

Главным программистом был, видимо, бог Энки: «*В заключение этого фрагмента (мифа «Энки и мировой порядок») ануннаки ещё раз воздают почести Энки, особенно как богу, который «объезжает» и управляет МЕ.*»⁷

После Потопа МЕ были использованы для возрождения земной цивилизации: «*Энки, владыка Абзу (подводный город) всех превосходший властью своею, начал так свою речь величаво:*

– Отец мой (бог Анну), владыка вселенной... собрал воедино все МЕ и вложил их мне в руку».⁸

«*Энлиль (бог воздуха) был недоволен тем, что Энки утаивал от остальных богов “Божественные Формулы” – знания о более ста аспектах цивилизации, допуская к ним в Эриду лишь своих приближенных. (В ходе археологических раскопок подтвердилось, что Эриду – самый древний город Шумера, построенный после Потопа, источник шумерской цивилизации). Тогда было решено, что Энки должен разделить “Божественные Формулы” с другими богами, чтобы и они тоже могли построить свои города: плодами цивилизации должен пользоваться весь Шумер.*»⁹

А вот пересказ гимна «Энки и устройство мира»: «*Здесь говорится, что в начале мифа (при освоении планеты Земля) бог Ан передал МЕ Энлилю, тот отдал их Энки, а уже Энки решил распределить их по всему миру. Бог мудрости (Энки)*



садится в ладью и начинает своё длительное путешествие по разным городам и странам.

Он посещает главные города Шумера – Ниппур и Ур, – наносит удары по враждебному Эламу, даёт основы жизни острову Дильмун (современный Бахрейн), оказывает благодеяние Магану и Мелуххе (что это за местности, до сих пор точно не известно). Посетив чужие страны, Энки оплодотворяет реки Тигр и Евфрат (запускает мальков рыб) и наделяет МЕ подчиненных ему богов. Они получают из его рук власть над строительством, ткачеством, пастырством, земледелием, рыболовством (компьютерные программы). Исполнив свою миссию, Энки коронуется на царство, получая одновременно атрибуты военного вождя и жреца.

Когда все МЕ уже распределены, неожиданно появляется богиня Инанна, которая обвиняет Энки в том, что он не дал ей её долю. Энки удивляется, поскольку хорошо знает о том, что Инанна уже давно владеет некоторым числом МЕ. Тем не менее, он находит то, что можно ей поручить, – человеческие эмоции и музыкальные инструменты, которые эти эмоции вызывают (тоже компьютерные программы).¹⁰ <...>

Функция МЕ как материальных носителей информации подтверждается и таким текстом:

«– Светлой Инанне, дочери моей да отдам я ей: Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность, Грабов ограбление, Плачей устройство, Радость сердечную... <...>

Инанне только того и надо: она с радостью принимает дары опьяневшего Энки, грузит законы на свою Небесную барку (летательный аппарат) и отплывает (улетает) с драгоценной добычей в Урук. <...> В конце концов Инанна со своей добычей благополучно добирается до Урука и там, среди всеобщего ликования, выгружает божественные законы один за другим». ¹¹

Обратите внимание на два противоположных по направленности МЕ, перечисленных одно за другим: «Неправедность» и «Праведность» – ну, чем не компьютерные программы? А вот ещё противоположные по направленности программы: «Так, например, в списках МЕ, т. е. правил и предписаний, предназначенных богами для бесперебойного и эффективного функционирования космоса, есть не только те, что регулируют правду, мир, добродетель и справедливость, но и те, что правят ложью, ссорами, страданием и страхом». ¹²

И вряд ли о книгах, – а именно о компьютерах и накопителях памяти к ним (Драйвах, дисках, флешках) идет речь в словах: «грузит законы на свою Небесную барку»; «выгружает божественные законы один за другим».

Компьютеризировано было и сверхоружие инопланетян, – что видно, например, из месопотамской поэмы о той же богине Инанне, под условным названием «Нин-ме-шар-ра» (что означает: «Госпожа множества МЕ»): «Владычица всех МЕ, день, испускающий сияние, жена праведная, одетая в излучение (в святищуна одежку), Небом и Землей возлюбленная, иеродула (жрица) Ана (верховного бога), хозяйка всех великих украшений, любимая короной истинной, к знству (владению царством) назначенная, семь МЕ в руке постоянно державшая, о госпожа моя! Ты – страж великих МЕ! МЕ ты подняла, МЕ на руку свою повесила! МЕ ты собрала, МЕ на груди своей сохранила! Подобно дракону, смерть на чужую землю ты наслала! <...> Когда люди предстают перед тобой, в страхе и трепете перед твоим сиянием, – достойные МЕ, ужасные МЕ они от тебя получают! Перед тобой они плач заводят, в дом великих плачей (храм) улицей они к тебе идут!». ¹³

А вот Бог, как диспетчер, обеспечивает гармоничное существование мира – обеспечивает не с помощью ли компьютера? «Мардук (бог) отвечает на вопрос Ирры, что произойдет, если он поднимется со своего места.

– «Если я с сидения моего поднимусь, порвется связь небес и земли... воды поднимутся, и произойдет потоп... день светлый в тьму превратится... смута (хаос) поднимется, и звёзды небес... злой ветер соует, и лик людей и живых существ покроеется тьмой...» («Энос об Ирре»). ¹⁴

Одно высказывание Крамера воспринимается сейчас как гениальное предожухение «компьютерного объяснения» МЕ: «Можно предположить, что данное слово (МЕ) обозначало комплекс правил и закономерностей, предписанный каждому явлению природы или общества создавшим их божеством, дабы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану». ¹⁵ Думается, что, если бы Крамер жив был сейчас, он бы отредактировал, переформулировал это примерно так: «Можно предположить, что данное слово обозначало комплекс правил и закономерностей компьютерных программ, предписанный каждому явлению природы или общества создавшим их божеством программистом, дабы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану подвергались компьютеризации».

Развивая представление о МЕ как об энциклопедии компьютерных программ, можно предположить следующее.

Многомиллионнолетняя цивилизация инопланетян имела достаточно времени, чтобы создать лучшие программы по всем отраслям знаний и для работы всех видов техники. У них могли быть несравненно более ёмкие накопители памяти, чем наши нынешние – например, вроде таких: «Ближе к середине столетия в мире киберпространства будут царить микро- и наноустройства (интеллектуальная пыль). <...> Тогда такие фантастические и мистические явления, как телепатия и телекинез, станут самым простым проявлением Всемирной сети. Грубо говоря, телепатия будет выглядеть как сгенерированная вашими нейронами информация, путешествующая в пакетах к другим нейронам для расшифровки. Почти как протокол TCP/IP сегодня. А телекинез (передвижение мыслью физических объектов) будут производить наноустройства, активизированные вашей мысленной командой». («Компьютеры будущего»). ¹⁶ <...>

Китай: «Юй выковал девять священных бронзовых котелков (собрал девять компьютеров), на которых были выгравированы (в память которых были записаны) все знания мира. Он показал людям, по каким признакам можно различать чудовищ и существа

кроткие (как пользоваться «эпическими программами») Бронзовым котелкам была дана священная сила суждения о нравственности, и они передавались от династии к династии. Если правитель был добродетельным и управлял людьми милосердно, котелки были тяжёлыми от моральной силы и оставались с правителем и его династией. Если правитель был злой и жестоко обращался с подданными, котелки становились лёгкими и улетали (память компьютеров блокировалась).¹⁷ <...>

Ирландия: «Во время этой битвы Огма нашёл Орну (меч героев имел личное имя), меч Тетры, короля фоморов, вытащил его из ножен и почистил его. И тогда меч (компьютеризированный) рассказал ему обо всём, что было им совершено, потому что в старину мечи и это умели». («Великая битва в Маг Тунред»). <...>

«Семь лет жил Финегас на берегу Бойнна в ожидании лосося познания (компьютера), потому что ему было предсказано, что он съест его (овладеет им) и обретет все знание земли. Наконец лосось приплыл (компьютер привезли). Финегас принёс его Финну, чтобы он зажарил его (установка для работы), но строго-настрого наказал не есть ни кусочка (не вклячать). Финн подал ему зажаренного лосося, и Финегас спросил его:

– Ты его ел, Деймне?

– Нет, – ответил Финн. – Но я обжёг палец, когда прижал вздувшуюся кожу, и облизал его (всё-таки вклячал).

– Как тебя зовут?

– Деймне.

– Ну нет. Тебя зовут Финн, и не мне, а тебе предназначен этот лосось.

Финегас отдал Финну всего лосося, и Финн обрёл знание, которое заключалось в девяти орехах мудрости (компакт-дисксах), что росли возле родника недалеко от моря». («Рождение Финна»).¹⁸

Не в состоянии понять компьютерную суть эпизода, древние сказители переосмыслили его в более понятную для них и их слушателей историю якобы о «лосося» и «орехах». Причём сделали это довольно неуклюже, особенно в том месте, где композиционно неоправданно появляются – откуда ни возьмись – «орехи».

Финляндия: «Старый, верный Вяйнямейнен, / Вековечный прорицатель, / Строит лодку заклинаем (компьютерной программой); / Он челнок вбивает пеньем / Из кусков большого дуба, / Из частей его древесных. / Песню спел – и дно готово, / Спел ещё – бока построил. / Третью песню спел – и сделал / Все уключины для весел, / Укрепил концы у рёбер / И сплотил их сторонами. / Были сплочены уж ребра, / Были связаны друг с другом – / Трёх словечек не хватило (последних файлов программы); / Чтоб устроить в лодке рейки, / Чтоб на киле брус окончить. / Чтоб скорее борт приделать. /

Старый, верный Вяйнямейнен, / Вековечный прорицатель, / Говорит слова такие:

– Вот настали дни несчастья! / Не спустить челна на море, / Новой лодочки на водных. /

Он подумал и размыслил, / Где найти ему три слова, / Получить те заклинанья: / Не в мозгах ли у касаток (на компакт-дисксах); / Не в мозгах ли лебединых, / Не в гусиных ли лопатках? / Он пошёл искать три слова. / Лебедь убил он кучу / И зусей большое стадо, / Много ласточек убил он, / Но найти не может слова, / Не нашёл он и полслова. / Он подумал и размыслил: / Не найдётся ль сто словечек? / В зобе летнего оленя / Иль во рту у белой белки? / Он пошёл искать три слова, / Он пошёл ловить заклатья; / Перебил табун оленей, / Настрелял он кучу белок, / Много разных слов находит, / Но помочь они не могут. / Он подумал и размыслил: / Сотню слов найду, наверно, / Я у Туонелы в жилище, / В царстве Маналы подземном. <...>

Молвил старый Вяйнямейнен:

– Я солгал тебе немножко, / Не сказал тебе я правды. / Ну, теперь скажу наверно. / Я заклатьем (компьютерной программой) сделал лодку, / Я челнок построил пеньем; / Пел я день и пел другой день, / Но на третий день сломал я / Санки дивного заклатья (нарушились файлы программы). / Я сломал полозья пенья, / В Маналу («забытый мир») сюда спустился, / Чтобы взять себе буравчик, / Починить для песен санки (обновить компьютерную программу); / Санки заново исправить.²⁰

Греция: А вот три «богини судьбы – мойры (программистки), живущие на Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок (компьютерная программа) над смертными и над богами. <...> Мойра Клото прядёт жизненную нить человека, определяя срок его жизни (программирует гены). Оборвётся нить – и кончится жизнь. Мойра Лахесис вынимает, не глядя, жребий (вариант программы), который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определённой мойрами судьбы, так как третья мойра, Атропос, всё, что назначили в жизни человеку её сёстры, заносит (набирает) в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно.²¹

Россия: «Ей (царице-мачехе) в приданое дано / Было зеркальце одно (компьютер); / Свойство зеркальце имело: / Говорит оно умело. / С ним одним она была / Добродушна, весела, / С ним приветливо шутила / И, красуясь, говорила:

– Свет мой, зеркальце! скажи / Да всю правду доложи: / Я ль на свете всех милее, / Всех румяней и белее.

И ей зеркальце в ответ:

– Ты, конечно, спору нет; / Ты, царица, всех милее, / Всех румяней и белее. <...>

Но царевна молодая (падчерница) / Тихомачком расцветая, / Между тем росла, росла, / Поднялась – и расцвела. / Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого. / И жених съскался ей, / Королевич Елисей. / Сват приехал, царь дал слово, / А приданое готово: / Семь торговых городов / Да сто сорок теремов.

На девицкик собираясь, / Вот царица, наряжаясь / Перед зеркальцем своим, / Перемолвилась с ним:

– Я ль, скажи мне, всех милее, / Всех румяней и белее?

Что же зеркальце в ответ (по данным интернета) ?

– Ты прекрасна, спору нет; / Но царевна всех милее, / Всех румяней и белее.



Как царица отпрыгнёт, / Да как ручку замахнёт, / Да по зеркальцу как хлопнет, / Каблучком-то как притопнет! / – Ах ты, мерзкое стекло! / Это врешь ты мне назло». («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях»):²²

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО. Как и наша нынешняя компьютерная техника, инопланетная тоже могла работать со словесных команд. Вот, например, знаменитый библейский эпизод: «*И сказал Бог:*

– *Да будет свет!*

И стал свет.^{Бытис, 1, 3.}

Одним из имён Бога было: **Тот-Кто-Сказал-И-Стал-Мир**²³. Так что и тут – «сказал», т. е. словесная команда.

Не случайно и христианское «Евангелие» начинается прямо с гимна Слову (ключевому слову?); и приравнивает его к самому высшему, что только можно себе вообразить, – к Богу:

«*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.*

Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет *человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его.*^{Иоанн, 1, 1-5.}

Позже это было отражено в известной русской поговорке: «Учение – свет, неучение – тьма»²⁴.

Мы привыкли к тому, что местоимение Он, когда оно относится к Богу, – пишется с заглавной буквы. Но в данной цитате из Евангелия, где Слово приравнено к Богу, местоимение Он – с заглавной буквы – относится в равной степени как к Богу, так и к Слову.

Универсальным ключевым словом было само имя Бога.

Когда Адам не смог найти общий язык со своей первой женой Лилит – а Ева была его четвёртой женой – «*Лилит в ярости произнесла тайное имя Бога, взлетела в небо и исчезла.* (Alpha Beta diBen Sira, 47; Gaster, MGWJ, 29 <1880>, 553ff)».²⁵ Произнесла ключевое слово, она включила тем самым свой летательный аппарат! <...>

За что Бог наказал Моисея и Аарона тем, что не позволил им вступить в Землю Обетованную? «*Причиной является нетерпение, обнаруженное обоими братьями в Мерибе (Кадеше), в последний год странствования израильтян по пустыне, когда Моисей ударом жезла извлёк воду из скалы для напоения народа. В этом поступке библейский автор видит недостаток уважения к Господу, ибо приказано было говорить скале* ^(дать команду голосом) *, а не ударять её жезлом.*²⁶

Да, в Торе именно так: «*и скажите скале пред глазами их* ^(израильтянин) *, чтоб дала она из себя воду.*^{Числа, 20, 8.}

Вообще «четыре ключа находятся исключительно во власти Бога, а не ангелов – ключи от дождя, питания, рождения и воскресения...»²⁷

И, назначив Еноха на должность Метатрона – по сути своего заместителя, – Бог сообщил ему ключевые слова основных компьютерных программ воздействия на различные космические и планетарные объекты: «*Благодаря великой любви и милости, с которой Святой, будь Он Благословен, возлюбил и лелеял меня более, чем всех обитателей высот, Он написал Своим Перстом, как огненным пером, на венце, который был у меня на голове* ^(в компьютере) *: буквы, посредством которых были сотворены небеса и земля; буквы, посредством которых были сотворены моря и реки; буквы, посредством которых были сотворены горы и холмы; буквы, посредством которых были сотворены звезды и созвездия, молния и ветер, гром и грозовые удары, снег и град, ураган и буря; буквы, посредством которых были сотворены все основы мира и все порядки Творения. И каждая буква временами вспыхивала* ^(на мониторе) *подобно молнии...*» («Еврейская Книга Еноха», гл. 13).²⁸

Ключевые слова были известны и гигантам: «*Комментаторы-каббалисты (между другими и Реканати) говорят, что гиганты назывались “людьми имени”, потому что сообщили людям тайну Божественного имени и имена демонов, которыми их заклинают; за это некоторым из них были просверлены носы и они были прикованы к темным горам, где никогда не смогут увидеть солнце* (см. Grünbaum, Sprach-und Sagenkunde, стр. 72, Берлин, 1901)».²⁹

Имя «Книгу Разнзеля», когда-то подаренную ему Богом, ключевые слова многих программ знал и Авраам: «*Говорят, что Авраам открыл сыновьям Хеттуры* ^(на которой женился после смерти Сарры) *тайные имена демонов* ^(ключевые слова) *, которыми они могли таким образом повелевать, чтобы творить чудеса; так что вся мудрость Востока, столь восхищающая теперь, шла от Авраама.* (B. Sanhedrin, 91a; Zohar Gen., 133b, 223a-b)».³⁰ Да и сами имена **Авраам** и **Саррай** (Сарра) были ключевыми словами, – именно для этого Бог и удлинил их из «Авраам» и «Сара»³¹. <...>

А главным «преступлением» Иисуса Христа раввинистическая литература называет то, что он якобы выкрал из Храма тайное имя Бога и секрет произношения его – ключевое слово³², которое и позволило ему совершать чудеса.

Впрочем, компьютерная революция, которую переживает сейчас наша цивилизация, ведёт ещё дальше, чем возможность подавать команды голосом: «*Простейшие устройства, реагирующие на мысленные команды, существуют уже и сегодня.*» («Компьютеры будущего»)³³

В 16-томной «Еврейской энциклопедии» Брокгауза-Ефрона имеется словарная статья, посвящённая другому, ещё одному древнему сакральному имени – **Абракасас**: «*Из папирусов и магических гезм видно, что это слово находится в связи с Неизречённым Именем, в качестве того главного ключа, с помощью которого все силы надземного и подземного миров могут быть раскрыты или замкнуты, связаны или разрезаны у великого “Манды да-Хайз”* ^(Мудрости жизни = Бога)».³⁴

Эта энциклопедия была опубликована столетие назад, задолго до начала компьютерной эпохи; тем

более удивительно, что она называет имя Абраксас «главным ключом», т. е., по сути, называет его ключевым словом – современным нам термином из компьютерной лексики!

Любопытно, что именно от данного сакрального имени и произошло вопреки во многие языки слово **абракадабра**, в значении «бессмыслица»: «*фр.-лат. abracadabra (зреч. abrakos, обозначение божества + др.-евр. dābār, слово)*».³⁵

На этом слове основано и лечение заговором (рис. 1): «*Больные носили 9 дней на шею заколдованную, сложенную крестом бумажку с этими волшебными письменами и затем рано утром, молча, бросали её, отвернувшись, в быстрый поток. <...> Способ писания этого слова, т.е. всё большее и большее укорачивание, по-видимому, направлен к постепенному уничтожению силы злого духа. Раши так объясняет, в толковании к Талмуду (Абода Зара, 12б), действие однородных чар: “Демон, слыша, как – буква за буквою – исчезает его имя, сам уменьшается и улечучивается”*» (илл. 1).³⁶

Сейчас для личной идентификации зачастую не требуется и ключевого слова, – поскольку компьютер распознает отпечатки пальцев, замок узнает лицо хозяина и т. п. Похоже, что такое существовало и в древности: «*По поводу неудачной попытки Адонии ещё при жизни отца объявить себя наследником престола, в Талмуде приводится легенда, по которой корона Давида обладала особым свойством: она могла быть одета? лишь на ту голову, которая была достойна её*» (идентифицировала голову Давида) *голову недостойную она обхватить не могла. Она не пришла ни к голове Адонии, ни к голове Авессалама* (другой сын Давида) (Абода, Зара, 44а).³⁷

Судя по дальнейшему развитию событий, эта корона была перепрограммирована с головы Давида на голову ещё одного его сына – Соломона.

А теперь несколько слов об интернетовском пароле (password).

СПРАВКА: «**Пароль**, я, м. [*фр. parole < parler говорить*]. 1. Секретное условное слово (или слова, фраза) для опознания своих на военной службе, а также в конспиративных организациях. 2. инф. Служебное слово, известное лишь немногим лицам и используемое для ограничения доступа к данным, имеющимся в ЭВМ».³⁸

В наши дни любой пользователь интернета знает: если хакер добудет тем или иным способом ваш пароль, то это откроет ему доступ к вашим конфиденциальным данным. Поэтому – при малейшем подозрении, что произошла утечка информации о вашем пароле – вы должны немедленно сменить его.

СПРАВКА: **Хакер** – «компьютерный взломщик – тот, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети банков, финансовых, промышленных и иных учреждений с целью добыть нужные сведения, заразить эти сети (сети) вирусом и т. п.».³⁹ **Хакерство** – «доскональное изучение устройства и функционирования электронных или программных систем с целью их несанкционированного или непредусмотренного использования: взлома записей, нелегального копирования, изменения поведения. Часто эти действия оправдываются особой “высокой” целью...».⁴⁰

Не такая же ли смена компьютерного пароля описана в еврейском мифе: «*Чудесная история рассказана в Ялуте к Плачу, 1001: “Во время осады Иерусалима Небукаднечаром, после того как уже пал могучий герой Абики бен-Кафтери, Хананиил, дядя пророка Иеремии, заклал*» (умолил) *ангелов* (роботов-инопланетян), *которые вселили ужас в сердца халдеев и, таким образом, обратили их в бегство. Но Господь, заранее предрешивший падение города, изменил имена ангелов* (пароль входа в систему) *Поэтому, когда Хананиил призвал к себе ангела мира, воспользовавшись его неизреченным именем, и тот вознес Иерусалим на воздух* (создал плазменное изображение его в воздухе) *Господь спустил его, однако, вниз и он стал добычей врага*».⁴¹ «*...> Согласно другому преданию, народные вожди заклали ангелов воды и огня, чтобы они из этих стихий воздвигли стены вокруг города; но Господь и здесь переименовал имена ангелов*».⁴¹

Месопотамия: Итак, боги-инопланетяне инициировали программы МЕ словом: «*Что касается техники создания, каковой наделялись эти божества, наши шумерские философы разработали доктрину, ставшую догмой на всем Ближнем Востоке, доктрину создающей силы божественного слова. Всё, что нужно было сделать божеству, согласно этой доктрине, – это составить план, произнести слово и произнести имя*».⁴² «*Звезду*» (электрический светлячок) *меж собою они* (боги) *положили. Первоначально Мардуку так сказали:*

– Ты возвышен, Владыка, надо всеми богами *!* Уничтожить, создать – прикажи, так и будет!

Промолви же Слово – звезда да исчезнет! “Вернись!” – прикажи, и появится снова!

По слову уст его звезда исчезла (светлячок отключился) “Вернись!” – приказал, и она появилась (светлячок включился)

Боги-отцы, силу Слова увидя, ликовали и радовались:

– Только Мардук – властитель!» («Энума Элиш») ⁴³

Египет: <...>

«*У каждого из богов было много имен: одно подлинное, сокровенное, так сказать, сущность бога*» (ключевое слово) *другие – общепотребительные клички. Знание подлинного, тайного имени кого-либо давало власть над его обладателем. Это воззрение прослеживается в текстах. В одном из них, наиболее характерном, повествуется о том, как «бог величайший, создавший себя самого»* (Главный Инопланетянин) *и вселенную* (базу на планете Земля) *был укушен змеей: “...и ужалил его могучий змей, и озонь жизни стал из него выходить”. Никто из богов не сумел помочь “богу величайшему”, и только его дочь, богиня Псида, “великая чарамы”, сказала своему отцу, чтобы он назвал ей свое подлинное имя. Но великий бог не захотел предоставить власть над собой своей дочери и назвал лишь многочисленные свои имена-клички.*

– “Не было твоего имени в том, что ты мне говори!” – произнесла Псида (без правильного пароля программа не сработала)

Наконец, Ра, не выдержав боли, сообщил дочери своё подлинное имя. Псида произнесла над ним заклятие (вышла на файл)

Главного Инопланетянина в компьютере), и Ра был исцелён».⁴⁴



А тут ключевое слово было просто как бы **словесным ключом** от замка: «Сатни не испугался, отыскал подземную гробницу, произнёс над ней заклинание (словесный ключ) и земля разверзлась, пропустив сына фараона туда, где хранилась книга». ⁴⁵ <...>

Германия: «Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про её горемычное житьё и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: “Горшочек, вари!” (команда включения) — и сварится в нём вкусная, сладкая каша; и скажи ему только: “Горшочек, перестань!” (команда выключения) — и перестанет вариться в нём каша. <...>

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: “Горшочек, вари!” — и стала вариться в нём каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползёт каша уже через край, и всё варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползёт каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь. Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: “Горшочек, перестань!” — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проедать себе дорогу». («Сладкая каша»). ⁴⁶

Одна из сказок начинается так: «В стародавние времена, когда заклятья (команда голосом) ещё помогали...» («Король-лягушонок, или Железный Гейнрих»). ⁴⁷

Россия: Тут упоминается лодка, управляемая голосом: «Вот он сел в лодку и говорит:

— Човник, човник, плыви дальше! <...> Човник, човник, плыви к берегу!...» («Ивашко и ведьма»). ⁴⁸

А вот самое характерное ключевое слово из русских сказок: «Взял ведёрко, пошёл к колодезю и только закинул в воду — вдруг попала ему в ведёрко большущая щука (робот-ПАУ). Обрадовался мужик:

— Вот и я с праздником! Наварю ухи и власть поведу.

Говорит ему щука человеческим голосом:

— Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, всё у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то — сейчас явится!» («По щучьему веленью»). ⁴⁹ <...>

Управлялась голосом и избушка на курьих ножках: «А сестра шла, шла под землю, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевёртывается (поворачивается в разные стороны).

— Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом.

Избушка стала, двери отворились». («Князь Данила-говорун»). ⁵⁰

Надо сказать, что в наши дни существуют уже и подвижные дома — например, вращающиеся рестораны (я однажды обедал в таком в Нью-Йорке, рядом с Тайм-сквером).

Арабский халифат: «И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца, и прошла по рынкам города, и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял (ключевое слово), и замки попадали, и ворота распахнулись». («Рассказ заколдованного юноши»). ⁵¹

«И я пошёл с ним к сокровищам, и он увидел, что опускная дверь заперта, и сказал:

— Подними её, о Вардан, эти сокровища никто не может открыть, кроме тебя, — они охраняются твоим именем (ключевым словом) и твоим обликом (запечатанным в электронной памяти).

— Клянусь Аллахом, я не могу открыть их! — воскликнул я.

Но аль-Хаким сказал:

— Подходи с благословения Аллаха!

И я подошёл к опускной двери и назвал имя Аллаха великого, и протянул к ней руку, и она (аверь) поднялась, точно была легче всего, что бывает.

— Спустись и подними то, что там есть, — никто не спускался туда, кроме того (тебя), у кого твоё имя, твой образ и твои признаки, с тех пор как сокровища туда положены...» («Рассказ о женщине и медведе»). ⁵²

«— Спустись к воротам, постучись лёгким стуком и подожди немного, потом постучись в другой раз, стуком более тяжёлым, чем первый, а потом подожди немного и постучись тремя ударами, следующими один за другим (порядок стука — «ключ») и ты услышишь, как кто-то говорит: “Кто стучится в ворота клада, а сам не умеет разрешать загадки (не знает ключевых слов)?” А ты скажи: “Я, рыбак Джуфар, сын Омара”, — и ворота распахнутся, и выйдет из них человек с мечом в руке, и скажет тебе: “Если ты этот человек, вытяни шею, чтобы я скинул тебе голову”. Вытяни шею, не бойся: когда он поднимет руку с мечом и ударит тебя, он упадёт перед тобой, и через некоторое время ты увидишь, что это — человек без духа (отключенный робот). Тебе не будет больно от удара, и с тобой ничего не случится, но если ты ослушаешься этого человека, он убьёт тебя (решив, что ты — не Джуфар, а вор). А когда ты уничтожишь его чары (электронную защиту) повиновением, входи и увидишь ещё ворота. Постучись в них, и к тебе выведет всадник на коне, и на плече у него будет копьё. И всадник спросит тебя:

«Что тебя привело сюда, куда не ходит никто из людей (земляни) и джиннов (иннопланетяни)?» И взмахнет над тобою копьём, а ты открой ему свою грудь, и он ударит тебя (небольшо), и сейчас же упадёт, а ты увидишь, что он — тело без духа (отключенный робот).

Но если ты ослушаешься его, он убьёт тебя (решив, что ты — не Джуфар, а вор). Затем войди в третьи ворота, и выйдет к тебе потомок Адама (землянин) с луком и стрелами в руках, и он метнет в тебя из лука, а ты открой ему свою грудь, и он поразит тебя (небольшо) и упадёт перед тобою бездыханным телом (отключенный робот).

Но если ты ослушаешься его, он убьёт тебя (решив, что ты — не Джуфар, а вор). <...> Войди в четвёртые ворота и постучись — они распахнутся, и к тебе выведет лев,

огромный телом, и бросится на тебя, и разинет пасть, показывая, что хочет тебя съест, но ты не бойся и не беги, а когда лев дойдет до тебя, дай ему руку – он сейчас же упадет ^(отключенный робот) и с тобой ничего не случится. А потом войди в **пятые ворота**, и к тебе выйдет чёрный раб и спросит тебя: “Кто ты?”. А ты скажи ему: “Я Джудар” ^(ключевые слова). И раб скажет тебе: “Если ты этот человек, отвори **шестые ворота**”. А ты подойди к воротам и скажи: “О Иса ^(Иисус Христос), скажи Мусе ^(Моисею) чтобы он отпер ворота!” ^(ключевые слова) И ворота откроются. И тогда входи и увидишь двух драконов, одного справа, другого слева, и каждый из них разинет пасть, и бросится на тебя. Протяни им руки, и каждый дракон укусит тебя за руку ^(небольшо), а если ты ослушаешься, они убьют тебя ^(решив, что ты – не Джудар, а вор). А потом подойди к **седьмым воротам** и постучись, к тебе выйдет твоя мать ^(робот в образе матери) и скажет: “Добро пожаловать, о мой сын! Подойди, я с тобой поздороваюсь!”. А ты скажи: “Держись от меня вдали и сними с себя одежду!”. И она скажет тебе: “О сын мой, я твоя мать, и у меня над тобой право кормления и воспитания – как же ты меня обнажаешь ^(смертельный грех для мусульманна)?”. А ты скажи: “Если ты не снимишь с себя одежду, я убью тебя”. И посмотри направо – увидишь меч, повешенный на стене; возьми его, и обнажи над ней, и говори ей: “Снимай!”. И она будет тебя обманывать и унижаться перед тобой, но не жалей её и, всякий раз как она что-нибудь снимет, говори ей: “Снимай остальное!”. И не переставай угрожать ей убийством, пока она не снимет всего, что на ней есть и не упадет ^(отключенный робот). Вот тогда ты можешь считать, что разрешил загадки ^(«взлома» защитные программы), и уничтожил чары ^(нейтрализовал охранных роботов), и находишься в безопасности. Входи и увидишь золото, наваленное кусками внутри клада, но пусть тебя ничего из этого не прельщает. Посреди клада ты увидишь комнату, перед которой повешена занавеска, приподними её и увидишь волхва аш-Шамардаль ^(ученого жадна, покойника) лежащим на золотом ложе, и в головах у него будет что-то круглое, сверкающее, как луна. Это круг небосвода ^(ноутбук), а опоясан аш-Шамардаль мечом ^(огненным), и на пальце у него перстень ^(Соломона), а на шее цепочка, на которой висит коробочка для сурьмы. Возьми эти четыре сокровища ^(ноутбук, меч, перстень, коробочку)...» («Сказка о Джударе»).⁵³ <...>

НОУТБУК-ПАУ. <...> У царя Соломона, кроме компьютера в виде книги из сапфира⁵⁴, имелся и ещё один электронный прибор – ПАУ в виде перстня. Причём и «книга», и «перстень» использовались Соломоном для строительства Храма: «Этот же ангел ^(Гавриил) собрал отовсюду магу демонов ^(роботов) и доставил их новому их повелителю, царю Соломону (Казвини, I, 351 и сл.). <...> Гавриил же доставил последнему из рая ^(с орбитальной станции) и магический перстень...»⁵⁵. «Когда приказал Господь Бог Соломону воздвигнуть дом Божий, святой Сион, ниспослал Господь перстень Соломону, чтобы он повелевал всеми бесами ^(роботами)». («Слово о сошествии Иоанна Крестителя в ад»).⁵⁶ «В “Завете Соломоновом” рассказывается, что посредством магического перстня с вырезанной на нём пентаграммой – Бельзуб ^(Бельзевул, глава демонов) и все виды демонов ^(роботов) были приведены к царю Соломону, которому они открыли свои тайны и объяснили, как ими управлять ^(древняя электроника тоже была сложной)». «Соломону при постройке храма помогали ангелы ^(инопланетяне) и демоны ^(роботы). Элемент чуда сказывался повсюду. Так, тяжёлые камни сами подымались вверх и опускались на надлежащее место ^(их поднимали механизмы, управляемые ПАУ)». ⁵⁸ <...>

А вот сообщение о некоем «ключе Соломона»: «В еврейской традиции существовало мнение об особой магической силе Соломона. Писиф Флавий, например, писал, что сам наблюдал за удивительным действием секретного средства Соломона ^(перстня), повсюду распространилась слава о «ключе Соломона», еврейский текст которого ^(«ключ» в виде текста) восходит к XVII веку. <...> Христианские богословы писали, что Соломон построил Храм с помощью демонов».⁵⁹

Случайно ли совпадение выражения «ключ Соломона» и компьютерного понятия «ключевое слово»? И это при том, что цитируемый автор – Фридрих Тибергер, раввин Праги, – умер в 1958 году, т. е. до компьютерной эпохи!

И действительно, перстень Соломона использовался для управления какими-то механизмами-роботами: «Царь же ^(Соломон) говорит:

– Можешь ли сотворить что полезное для храма Господня и для созидания его?

Бес же ^(инопланетянин-оператор) на то:

– Мозу силою перстня сего собрать всех демонов ^(роботов) пред лицом твоим, и покорить их воле твоей, и строить; и воздвигнешь ты через рабское их служение и послушание храм Господа Вседержителя. <...>

И не каждый от них рабское своё служение, на которое поставлен был от Соломона Премудрого. И чудно было видеть, как человеки кутно со множествами демонов велением Господа возводили и совершали храм Господень в мире, со всяким тщанием и попечением; и не дерзали демоны даже по случайности вводить человеков в соблазн или обижать их ^(роботы не вредят людям)». («Повесть о Соломоне»).⁶⁰

Перстень использовался также для **справочных целей**: «Соломон при помощи магического перстня с выгравированным на нём именем Бога выпытал у ангелов много тайн».⁶¹

Использовался перстень и для **заказа** – вроде нынешнего интернета: «И сказал Соломон:

– О великое чудо! Эти древа отличаются высотой и красотой, но не могут подойти. Где же найти другое дерево, выше этих деревьев?

И спросил демонов, которыми владел печатью Господню ^(перстнем). Они же сказали:

– Видели древо далеко, в Эдем, высокое, и удивительное, и прекрасное. Но страшно нам о нём говорить.

Соломон сказал:

– Заклинаю вас печатью Господню, что дал мне сам Бог ^(перстнем), идите и принесите его сюда, взяв за вершину и за корни.

И пошли демоны и вырвали древо с корнем...» («Слово о сошествии Иоанна Крестителя в ад»).⁶²

Именно перстень, по представлениям древних евреев, делал Соломона необычайно могущественным:



«Асмодей оставался у Соломона, пока не был сооружен храм. Однажды царь сказал ему, что не понимает, в чём заключается сила демонов, если даже смертный может надеть оковы на их царя. Асмодей ответил:

– Сними с меня оковы и дай мне кольцо ^(перстень), и я покажу тебе свою силу.

Соломон согласился, и демон, проглотив кольцо, предстал в виде существа, одним крылом достигавшего неба, а другим касавшегося земли. Подхватив Соломона, который расстался с охранявшим его перстнем, он отбросил его на расстояние 400 парасангов, а сам, приняв образ Соломона ^(загримированный под него), сел на его трон и стал править народам израильским. Соломон же, питаясь милостыней и твердя повсюду, что он Соломон, царь израильский, после долгих странствований вернулся, наконец, в Иерусалим и потребовал себе престол обратно. Сначала его сочли сумасшедшим, но мудрые люди решили, что хорошо было бы осмотреть Асмодея поближе. Произведённое следствие выяснило, что даже Беньягу, первое лицо при дворе ^(до этого пленивший Асмодея), всё это время не допускался к нему и что царь в своих супружеских отношениях не соблюдает приписываемых евреям правил. Кроме того, усилило подозрения заявление царских жён, что он постоянно носит туфли ^(согласно распространённому поверью, демоны имеют петушиные ноги). Наконец Соломон, запасшись новым магическим кольцом ^(перстнем), внезапно предстал перед Асмодеем, который тотчас же обратился в бегство...».⁶⁵

Вполне возможно также, что соломоновы «книга» и «перстень» – это народные воспоминания об одном и том же предмете, трансформировавшемся на протяжении тысячелетий в два разных.

Египет:

«– Если ты хочешь познать истинное, найди священную книгу, которую написал своєю рукою бог Тот. В ней сокрыты все тайны жизни и смерти, в ней сокрыты могущественные заклинания ^(словесные команды), и если ты их узнаешь, ты станешь сам подобен богам. <<...>>

И вдруг сияние, подобное солнечному, озарило гробницу. Оно исходило от мумии Ноферка-Птаха. И Сатни-Хемуас увидел, что это светится священная книга ^(экран ноутбук), прибинтованная погребальными пеленами к груди Ноферка-Птаха, сына фараона Мернеб-Птаха. Сатни-Хемуас протянул руку, чтобы взять священную книгу, которую Тот начертал своей рукой. ^(наполнил информацией) <<...>>

Спросил его Ноферка-Птах:

– Почему ты смеёшься надо мной?

Но жрец ответил ему:

– Я смеюсь вовсе не над тобой. Однако я не могу удержаться от смеха, глядя на то, как ты разбираешь здесь надписи, не имеющие никакой силы. Если ты хочешь познать истинное, пойдём со мной! Я расскажу тебе, где хранится книга, написанная рукой самого бога Тота в те времена, когда он спустился на землю вместе с другими богами. <<...>> Книга, о которой я говорил, покоится посреди Нила близ Коптоса. Там лежит на дне железный сундук. В железном сундуке лежит сундук бронзовый. В бронзовом сундуке лежит сундук из дерева лавра. В сундуке из дерева лавра лежит ларец из эбенового дерева и слоновой кости. В ларце из эбенового дерева и слоновой кости лежит золотой ларчик. А в том золотом ларчике хранится книга, о которой я говорил. <<...>>

Когда достигли они того места, где хранилась на дне книга Тота, и привели за собой корабль фараона, Ноферка-Птах бросил в Нил песок с корабля, и река осушилась в том месте ^(там был месь). Увидел Ноферка-Птах кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов, а в середине того кольца – железный сундук, в котором хранилась книга. Увидел он бессмертного змея, который обвил тот сундук. Тогда произнес Ноферка-Птах заклинание ^(команду голосом) и все кольцо в двенадцать тысяч локтей из змей, скорпионов и прочих ползучих гадов сразу замерло ^(это был охраняющий робот).

Затем он спустился туда, где лежал сам бессмертный змей ^(главный охраняющий робот), и напал на него. Он убил бессмертного змея ^(выключил), но тот снова ожил ^(включился) и стал таким же, как прежде. Он второй раз напал на бессмертного змея и убил его ^(выключил). Но бессмертный змей снова ожил ^(включился) и стал таким же, как прежде. В третий раз Ноферка-Птах напал на бессмертного змея, убил его и расск пополам ^(поломал робота). Между двумя половинами он бросил песок, и змей не смог стать таким, как прежде, и умер. <<...>>

Тут вынул Ноферка-Птах эту книгу из золотого ларчика и произнёс первое из начертанных в ней заклинаний ^(команду голосом). Заворожил он небо и землю, горы и воды, и загробный мир ^(увидел научные фильмы на экране ноутбука). Он стал понимать язык птиц в небесах, язык рыб в водах и речи зверей в горах ^(озвученные в фильме человеческой речью). Произнёс он второе из начертанных в книге заклинаний ^(другую команду голосом) и увидел, как солнце совершает свой путь в небесах в окружении сонма богов, он увидел, как восходит луна, и увидел звёзды в их истинном образе. Он увидел рыб из бездонных глубин, ибо чудесная сила подняла толщу вод над ними. <<...>>

Он повелел принести ему свиток чистого папируса и начертал на нём все слова, которые были в той книге ^(переписал себе текст из ноутбука). Потом он смочил свиток пивом и растворил его в воде. И когда он увидел, что всё уже растворилось, он вылил ту воду и познал все, что было начертано в книге Тота. («Сказания о Сатни-Хемуасе»).⁶⁴

Видимо, отсюда и пошел в Библию – в книгу пророка Иезекииля – мотив «съедения книги»⁶⁵.

Обратим внимание и на «принцип матрёшки» (в железном сундуке лежит сундук бронзовый, в бронзовом лежит сундук из дерева лавра – и т. д.), заимствованный впоследствии и русскими сказками, когда речь идет в них о душе Кошца бессмертного⁶⁶.

На древних изображениях боги Египта носят на головах громадные, довольно странные по конфигурации короны (илл. 2А). Причём у каждого бога – своя конфигурация, как визитная карточка (илл. 2Б, 2В).

Египтологи считают изображения этих корон символами, связанными с мифологией. Я же считаю, что это были первоначально не короны, а ноутбуки-ПДУ; но со временем, когда богов-инопланетян во главе Египта сменили люди-фараоны, – электроника вышла из строя, выродилась в мистический ритуал, а на смену науке пришла мифология. В изображениях бога Осириса обращает на себя внимание «высокий атэф (корона) с плюмажем, о котором написано, что он «пронзает небо»». ⁶⁷ Т.е. «пронзает небо» радиоволнами?

Специальные ноутбуки-ПДУ под названием **ушебти** были у тех «покойников», которые удастивались попасть в Поля Камыша – египетский рай

«По словам Бата, там он вынет своё сердце ^(см. поглавку «Не рай, а сам») и положит его на цветок кедра. (Как он выживет без сердца, в тексте не указывается). Он просит Агубиса ^(ПДУ) отправиться на его поиски и спасти его сердце, если кедр срубят: в этом случае ^(без сигналов ПДУ) Бата умрет. <...> Однажды Бата поделился со своей женой секретом, сказав, что его сердце покоится на цветке кедра. <...> План удаётся, и жена Бата отбывает в Египет, где завоевывает любовь фараона и получает высокий статус при дворе. Фараон узнал о сердце Бата, которое лежит на цветке кедра, и приказал срубить этот кедр. Кедр срубил ^(словам ПДУ-сердце) и в тот же момент Бата упал мертвым». ⁶⁸

Любопытен комментарий египтолога в круглых скобках: «как он выживет без сердца, в тексте не указывается». Для меня, придерживающегося версии палеовизита, нет вопроса, как выживет Бата: он – робот, и его ПДУ может находиться далеко от него.

И тут опять – мотив «души Коцея бессмертного». <...>

Малая Азия: Из хеттского мифа: «Иллуанка ^(искоманат в маске змея) не только победил Бога Грозы, но и забрал у него сердце ^(ПДУ) и глаза ^(высосокамеры). Желая вернуть их, Бог Грозы сам задумал хитрость. Он родил сына от дочери бедного человека. Сын вырос и взял в жены дочь Змея ^(Иллуанки), а Бог Грозы наставил его, сказав:

– Когда ты войдёшь в дом своей жены, выпроси у них моё сердце и мои глаза.

Так сын и поступил, и украденные органы были вручены ему Иллуанкой без возражений». ⁶⁹

Индия: В рисунке пещеры Намаккала, назваемом «Тривикрама», на головах людей изображены какне-то сложные электрофицированные приборы (рис. 2В).

СПРАВКА: «Тривикрама (санскр.) – эпитет Вишну, употребляемый в «Ригведе» в связи с «тремя шагами Вишну»: первый шаг он сделал на земле – в форме Агни, бога огня; второй в атмосфере – в форме Вайу, бога воздуха; и третий на небе – в образе Сурьи, солнца». ⁷⁰

Кстати, всё это очень похоже на взлёт ракетного летательного аппарата: сначала огненный выхлоп двигателя (Агни); затем удар воздушной волны (Вайю); и, наконец, слепящий блеск в небе (Сурья).

Камбоджа: Нечто вроде ПДУ, подвешенное на шее, свисает у тронцы богини на уровне живота (илл. 3). А на их головах – самое удивительное: сплетение то ли трубок, то ли кабелей...

Греция: Считается, что тут (илл. 4) изображен афинянин, пишущий стилем на вощёной табличке. А по-моему, не ноутбук=лептоп ли (от англ. lap – колени) – у него на коленях? Во всяком случае, судя по рисунку, предмет, лежащий у него на коленях, явно состоит из двух створок, подобных ноутбукным.

Что же касается палочки-стиля в его руке, – то, может быть, она использовалась им как раз не для письма, а для касания чувствительного экрана, как на моём карманном компьютере «Pision»?

А вот ещё «стронтельная» цитата: «Захватив власть в городе, они стали укреплять его стенами, и камни во время строительства сами двигались под звуки лиры Амфиона» (3, 5, 5). ⁷¹ Может быть, эта лира была ПДУ, управляющим роботами?

Ирландия: «Курой же, где бы он ни был, каждый вечер заколдовывал крепость ^(давал команду по ПДУ) и она крутилась, как мельница, чтобы после захода солнца ни один недруг не нашел вход в неё». («Борьба за первенство в Уладе»). ⁷²

Британия: Через два тысячелетия после Соломона что-то вроде его перстня имелось, видимо, у Мерлина.

СПРАВКА: «Мерлин, в кельтской мифологии волшебник и провидец, по преданию перенесший в Британию мегалитическое сооружение Стоунхендж; советник и помощник легендарного короля Артура, учредитель его Круглого стола». ⁷³ «Стоунхендж... крупнейшая мегалитическая культовая постройка 2-го тысячелетия до н. э. в Великобритании, близ г. Солсбери. Земляные валы, оградные каменные плиты и столбы образуют концентрические круги. Некоторые ученые считают Стоунхендж древней обсерваторией». ⁷⁴

...Разгромив ирландскую армию, бритты приступили к Стоунхенджу. «Была там тысяча хорошо снаряжённых воинов с оружием, все же прочие зорко охраняли их корабли. Затем Мерлин заговорил и обратился к воинам:

– Воины, вы сильны; камни эти велики и громадны. Вы должны подойти и с силою взяться за них. Вам нужно крепко перевязать их прочными канатами; изо всех ваших сил толкайте и раскачивайте их длинными толстыми бревнами, самыми что ни на есть крепкими. Подойдите к одному камню все разом, а затем возьмитесь за него с силою, если сможете его сдвинуть.

Мерлин хорошо знал, что из этого выйдет.

Воины приступили мозучей толпою и трудились что было сил, но не могли они сдвинуть даже один камень. Мерлин узрел Утера, что был братом короля, и вот что сказал Мерлин-провидец:

– Утер, отступи назад и собери своих воинов; станьте все неподалеку и прилежно смотрите; и замрите так, чтобы ни один человек не шевельнулся до того, как я скажу вам, что пора начинать.



Утер отступил назад и собрал своих воинов, так что никого не осталось возле камней на расстоянии брошенного камня. II Мерлин обошел вокруг и пристально поглядел. Трижды он обошёл вокруг, и снаружи, и внутри, и при этом он шевелил своим языком, как будто пел молитвы ^(давал словесные команды). Вот что делал там Мерлин. Затем он позвал Утера:

– Поспеши ко мне, Утер, со всеми своими воинами и забирайте все эти камни. Не оставляйте ни одного: ибо теперь вы сможете поднять их как комки из перьев». ⁷⁵

К сожалению, легенды не сохранили сведений, какому прибору давал Мерлин словесные команды и какой механизм помогал средневековым воинам транспортировать многотонные мегалиты.

А потом, в Британии, «Мерлин начал возводить их так, как они стояли прежде; ни один другой человек не мог бы исполнить такой работы; и не рождалось прежде человека столь мудрого ^(фрейдельса – Соломон), что сумел бы возвести это строение и расставить эти камни». ⁷⁶

И, оказывается, Мерлин был не первый, кто транспортировал мегалиты Стонхенджа из-за моря: «... Родом же эти камни из Африки, откуда они прибыли вместе с великанами». ⁷⁷

Так вот кто первоначально манипулировал этими многотонными глыбами! Не те ли же «исполины», которые женились на «дочерях человеческих»? ⁷⁸ <...>

Арабский халифат: <...> «II Маруф, увидев все это ^(сокровищницу), удивился, и обрадовался сильной радостью, и сказал:

– Посмотрим-ка, что такое в этой коробочке?

II затем он открыл её и увидел в ней золотой перстень, на котором были написаны имена и талисманы, подобно следам муравьев. II он потёр этот перстень, и вдруг чей-то голос ^(динамик ноутбука) сказал:

– Я здесь, я здесь, о господин! Требуя – получишь. Хочешь ли ты построить селение, или разрушить город, или убить царя, или прорыть канал, или сделать что-нибудь вроде этого?» («Рассказ о Маруфе-бапмачнике»). ⁷⁹

А вот ещё любопытные птрихи о перстне из этой сказки:

«– Если я тебе понадоблюсь в какое-нибудь время, на суше или на море, потри перстень, и найдёшь меня возле себя; но берегись потереть перстень два раза подряд: ты сожжёшь меня огнем этих имён, и лишишься меня ^(ноутбук перегорит от перегрузки), и будешь жалеть обо мне после этого. <...>

II Маруф сказал ^(заказал по интернету):

– Принеси материи каждой страны по сто тюков на ста мулах.

– О господин мой, – сказал марид ^(в данном случае – динамик ноутбука), – дай мне срок, чтобы я мог назначить для этого моих помощников, я прикажу каждому отряду из них отправиться в какую-нибудь страну и принести сто тюков её тканей, и мои помощники примут облик мулов ^(наймут погонщиков с мулами) и придут, неся эти тюки. <...>

А Маруф провёл этот вечер в радости и веселье, и к нему пришли девушки из дев сокровища ^(девушки по вызову из интернета) и стали играть на инструментах, и плясать перед ним, и он провёл ночь, которая не идёт в счёт ночей жизни. <...>

II когда визирь увидел её ласку и улыбку, в нём взволновалась страсть, и он потребовал от царевны сближения. II когда он приблизился к ней, она отдалилась от него, и заплакала, и сказала:

– О господин, разве ты не видишь человека, который смотрит на нас? Заклинаю тебя Аллахом, скрой меня от его глаз. Как же ты со мной сближаешься, когда он смотрит на нас?

II визирь рассердился и спросил:

– Где человек?

II царевна сказала:

– Вот он, в гнезде перстня ^(на экране ноутбука), поднимает голову и смотрит на нас.

II визирь подумал, что это слуга перстня смотрит на неё ^(движущееся изображение на экране), и засмеялся, и сказал:

– Не бойся, это слуга перстня, и он под моей властью ^(может быть выключен). («Рассказ о Маруфе-бапмачнике»). ⁸⁰

В другой сказке из той же «Книги тысячи и одной ночи» ноутбук-ПДУ фигурирует в виде не перстня, а «камня»: «II царевна принесла камень и положила руку на ту сторону, где было вырезано ^(изображено) ложе ^(вертолет), и потеряла её, и вдруг ложе встало перед нею. II царевна с Ала-ад-дином и с его женой Зубейдой-лютисткой села на это ложе и воскликнула ^(произнесла «ключевое слово»-команду):

– Заклинаю тебя именами, талисманами и волшебными знаками, что написаны на этом камне, поднимись с нами, о ложе!

II ложе поднялось и полетело с ними до долины, где не было растительности; и тогда царевна подняла к небу остальные четыре стороны камня и повернула вниз ту сторону, где было написано «ложе» ^(команда призвания), и ложе опустилось с ними на землю вниз.

II царевна повернула камень той стороной, где было нарисовано изображение шатра, и ударила по ней и сказала:

– Пусть встанет в этой долине шатёр!

II шатёр ^(складной) встал перед ними ^(раскрылся), и они уселись в нём.

А это была долина пустынная ^(замаскированная крыша искусственного оазиса), без всякой растительности и воды. II царевна обратила камень четырьмя сторонами к небу и воскликнула:

– Во имя Аллаха, пусть вырастут деревья и потечёт возле них море!

II деревья тотчас же выросли, и возле них потекло шумное море, где бьются волны ^(оазис открылся). II путники омылись в нём, и помолились и напились ^(«море» было пресное), а затем царевна обратила к небу три стороны камня, кроме той, на

которой было изображение скатерти с кушаньями, и сказала:

– Ради имени Аллаха, пусть накроется скатерть!

И вдруг появилась накрытая скатерть ^(пищевой синтезатор) ⁸¹, где были всякие роскошные кушанья, и путники стали есть и пить, и наслаждались, и возликовали. <<...>>

И женщина спросила Ала-ад-дина:

– Насколько крепки твои ноги в ботках?

И Ала-ад-дин ответил:

– Как колышек в отрубях: я не умею биться и сражаться и не знаю мечей и копий.

И тогда Хусн Мариам вынула камень и потеряла ту сторону, на которой был изображен конь и всадник, – и вдруг из пустыни появился всадник ^(воин-робот), и он до тех пор дрался с воинами и бил их мечом, пока не разбил их и не прогнал.

И после этого та женщина сказала Ала-ад-дину:

– Поедешь ты в Каир или в аль-Искандрию ^(Александрию)?

Аль-ад-дин отвечал:

– В аль-Искандрию.

И тогда они сели на ложе, и женщина произнесла заклинания ^(Алла командует голосом), и ложе прилетело с ними и в мгновение ока опустилось в аль-Искандрию». («Рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате»).⁸²

Как и на современных нам ПДУ, на «камне» царевны имелись поясняющие рисунки: «вырезано ложе»; «изображение шатра»; «изображение скатерти с кушаньями»; «изображен конь и всадник». Тем не менее, в дошедшем до нас тексте явно утеряно упоминание об одном рисунке, связанном (кнопкой?) с командой о «раскрытии оазиса»: «и деревья тотчас же выросли, и возле них потекло шумное море, где бьются волны».

Германия: Похоже, что экраном ноутбука было зеркальце в известной сказке: «Когда королева спросила у своего зеркальца:

– Зеркальце, зеркальце на стене, / Кто всех красивее в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

– Вы, госпожа королева, красивы собой, / Но Снегурочка в тысячу раз богаче красотой». («Снегурочка»).⁸³

Россия: Ноутбук-ПДУ в виде волшебной книги: «Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два неведомых молодца ^(роботы): что угодно приказывай!

– Возьмите вот этот шёлк и за единый час сделайте мне ковёр, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы всё королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озёрами.

Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковёр – всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было!» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).⁸⁴

В этой же сказке – и другой ПДУ, с весьма любопытным названием:

«– Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас.

В ту же минуту – откуда что взялось! – зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья». («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).⁸⁵

И ещё о «волшебной книге»: «Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела – книга ^(ноутбук) ничего не показывает ^(на экране); крепко рассердилась королева и швырнула ее в печь». («Елена Премудрая»).⁸⁶

ПДУ-коробочка: «Ветер ^(пилот вертолета) кликнул к себе мужика и сказал ему:

– Слушай, мужичок! Возьми себе эту коробочку ^(ПДУ); в ней всё есть, что только вздумаешь. И когда тебе что захочется: денег ли, хлеба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли или что тебе вздумается – то скажи только:

– Коробочка, дай мне вот то и то-то! Она тотчас тебе и даст ^(включив соответствующих роботов)». («Смирный мужик и драчливая жена»).⁸⁷

Колечко:

«– Иди теперь за тридцать земель, в тридцатое государство – в подземное царство; там мой батюшка царствует. Как придёшь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней; ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на руку ^(нажать определённые кнопки) – тотчас двенадцать молодцов ^(роботов) явятся, и что им не будет приказано, всё за единую ночь сделают. <<...>>

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

– Здравствуй, – говорит, – дочь моя милая, где ты столько лет скрывалась?

– Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если б не этот человек: он меня от злой неминуемой смерти освободил и сюда в родные места привёл.

– Спасибо тебе, добрый молодец! – сказал царь. – За твою добродетель наградить тебя надо; бери себе и золота, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын вдовин сын:

– Ваше царское величество! Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных; коли хочешь жаловать, дай мне колечко с своей царской руки – с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще поглядывать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

– На, владей на здоровье, да смотри: никому про кольцо не сказывай, не то сам себя в большую беду втянешь! <<...>>

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку – и тотчас



явились перед ним двенадцать молодцов, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос (роботы были одинаковыми).

– Что тебе понадобилось, Мартын вдовий сын (роботы говорили)?

– А вот что (и принимаю команду с голоса): сделайте мне к свету на этом самом месте богатейший дворец, и чтоб от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех деревьях пели бы разные птицы, да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять». («Волшебное кольцо»)⁸⁸

Заметим также, что «кольцо» надо было скрывать от окружающих («никому про кольцо не рассказывай»), – так же, как и чудесную куклу из сказки «Василиса Прекрасная» («никому не показывай»)⁸⁹. А всё потому, – что действие инопланетной электроники ассоциировалось тогда у невежественных землян с дьяволом, нечистой силой («чтобы он повелевал всеми бесами», «спросил демонов») и могло вызвать нежелательные эксцессы.

Аналогичными этому кольцу были сказочные перстень и ящик:

«А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечно платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явились двенадцать молодцов, спрашивают:

– Что прикажете?

– Перенесите меня вот с этой горы.

Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень – их не стало...» («Кощей Бессмертный»)⁹⁰ <...>

Дудочка: «Взял (Иван-царевич) её в руки.

– Дай, – говорит, – поиграю от скуки.

Только свистнул – выскакивают хромой да кривой (два робота):

– Что угодно, Иван-царевич? <...> Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка всегда при тебе была». («Три царства – медное, серебряное и золотое»)⁹¹

Гусли:

«– А на что твои гусли пригожаются?

– Мои гусли не простые: за одну струну дернёшь – sine море станет, за другую дернёшь – корабли поплывут, а за третью дернёшь – будут корабли из пушек палить. <...> ... Тем временем Бездольный закрыл свои гусли – и в ту же минуту куда что девался: нет ни моря, ни кораблей!» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»)⁹²

Топор: «Другой купец вынул из-под полы топор и начал тятать: тят да ляп – вышел корабль! Тят да ляп – ещё корабль! Сто разов тятнул – сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор – и корабли с глаз исчезли, словно их и не было!» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»)⁹³

Перстень (вроде перстня Соломона): «Вот пришёл вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов (стала нажимать двенадцать клавиш ПАУ) – и явились перед ним двенадцать тысяч человек (роботов):

– Ты – наш господин, мы – твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!

П говорит им Иван:

– Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фрейторфы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне.

– Ложись себе с богам, – говорят ему люди, – всё будет по слову твоему исполнено.

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких...» («Сказка про перстень о двенадцати винтах»)⁹⁴

Америка: Похоже, что что-то вроде перстня Соломона было и у бога Кетцалькоатля – причём тоже при строительстве храма: «П сказал Се Акатль (Кетцалькоатль):

– Соберите множество людей для того, чтобы смог я возвести себе дом.

П толтеки тут же откликнулись на его призыв. П приказал он им принести к выбранному месту много камней и всё остальное, что нужно в возведении хорошего дома: известь, раковины, драгоценные камни, краску и золото. П когда всё было готово, он попросил их разойтись по домам и плотно закрыть двери и окна, будто в ожидании бури, и чтоб никто на улицу не выходил (народу не позволено было видеть чуждеса инопланетной техники). П сделали они, как он велел.

На закате поднялся сильный ветер, постепенно ставший настоящей бурей. Она пронеслась по всему городу, вздымая в воздух собранные материалы, производя ужасный грохот и лишая покоя горожан.

К утру ветер утих. П затем послышались звуки трубы-раковины, созывавшей народ. Все вышли из домов и узрели, что камни и всё остальное сложилось в прекрасный дворец с четырьмя палатами, по каждой на одну сторону света» (1, 17, 1-4)⁹⁵

Примечания:

¹ Видения патриарха Еноха (мистические апокрифы). – М., Вагриус, 2001, стр. 56.

² Видения..., стр. 52.

- ³ Крамер С., История начинается в Шумере, пер. с англ. Ф. Мендельсона. – М., 1991, стр. 94.
- ⁴ Ситчин З., Войны богов и людей, пер. с англ. – М., Новая планета, 2000, стр. 239-240.
- ⁵ Ситчин З., 12-я планета, пер. с англ. – М., Новая планета, 1998, стр. 129.
- ⁶ В кн.: Емельянов В., Древний Шумер, очерки культуры. – С.-Петербург, Петербургское востоковедение, 2001, стр. 330.
- ⁷ Крамер С., Шумер, пер. с англ. А. Милосердовой. – М., Центрполиграф, 2002, стр. 197.
- ⁸ Крамер С., Шумер..., стр. 200.
- ⁹ Ситчин, Войны..., стр. 194.
- ¹⁰ Емельянов..., стр. 196-197.
- ¹¹ Крамер, История..., стр. 112, 114.
- ¹² Крамер, Шумер..., стр. 147.
- ¹³ В кн.: Емельянов..., стр. 218-219.
- ¹⁴ В кн.: Наговицын А., Магия хеттов. – М., Академический проект, 2004, стр. 190.
- ¹⁵ Крамер, История..., стр. 94.
- ¹⁶ Вечерний Нью-Йорк, 21-27 мая 2004.
- ¹⁷ Биррел А., Китайские мифы, пер. с англ. М. Звонарева. – М., ФАИР-ПРЕСС, 2005, стр. 34.
- ¹⁸ Кельтские мифы: Валлийские сказания; Ирландские сказания, пер. с англ. Л. Володарской. – Екатеринбург, У-Фактория, 2005, стр. 257, 375-376.
- ¹⁹ КиМ (Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия (компакт-диск). – На базе “Большого энциклопедического словаря”, в 2-х томах. – М., Большая российская энциклопедия, 1996), словарная статья “Манала”.
- ²⁰ Калевала, пер. с финского Л. Бельского. – В серии: Библиотека всемирной литературы, т. 12. – М., Художественная литература, 1977, руна 16.
- ²¹ Кун Н., Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. – М., Летопись-М, 2000, стр. 39.
- ²² Пушкин А., Сочинения в трех томах. – М., Художественная литература, 1971, т. 1, стр. 441, 442.
- ²³ Еврейская энциклопедия, в 16-ти томах. – С.-Петербург, Изд-во Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона – М., Терра, 1991, т. 8, стр. 136.
- ²⁴ Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х томах. – М., Русский язык, 2000, словарная статья “Неук”.
- ²⁵ Грейвс Р., Мифы древней Греции, пер. с англ. К. П. Лукьяненко. – М., Прогресс, 1992. – <http://orel.rsl.ru/nettext/foreign/graves/index.htm>, Иудейские мифы, стр. 93.
- ²⁶ Еврейская энциклопедия..., т. 1, стр. 8.
- ²⁷ Еврейская энциклопедия..., т. 2, стр. 475.
- ²⁸ Книги иудейских мудрецов, пер. с иврита И. Тантлевского. – СПб, Изд-во СП(б)ГУ – Амфора, 2005, стр. 118-119.
- ²⁹ Еврейская энциклопедия, т. 6, стр. 475.
- ³⁰ Грейвс Р., Патай Р., Иудейские мифы. Книга Бытия, пер. с англ. Л. Володарской. – М., БСГ-ПРЕСС, 2002, стр. 269.
- ³¹ Бог был инопланетянином. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2006, стр. 251-252.
- ³² Загадка воскрешения Иисуса Христа. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2006, стр. 238-240.
- ³³ Вечерний Нью-Йорк, 21-27 мая 2004.
- ³⁴ Еврейская энциклопедия..., т. 1, стр. 150.
- ³⁵ Словарь иностранных слов. – М., Русский язык, 1989, стр. 8.
- ³⁶ Еврейская энциклопедия..., т. 1, стр. 150.
- ³⁷ Еврейская энциклопедия..., т. 1, стр. 511-512.
- ³⁸ КиМ... (Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина), словарная статья “Пароль”.
- ³⁹ КиМ... (Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина), словарная статья “Хакер”.
- ⁴⁰ Lingvo, словарная статья «Хакерство».
- ⁴¹ Еврейская энциклопедия..., т. 2, стр. 474.
- ⁴² Крамер, Шумер..., стр. 135.
- ⁴³ Я открою тебе сокровенное слово, пер. с аккадского. – М., Художественная литература, 1981, стр. 38.
- ⁴⁴ Коростовцев М., Религия древнего Египта. – Петербург; Журнал “Нева”, Летний сад; 2000, стр. 52.
- ⁴⁵ Ситчин З., Армагеддон откладывается, пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М., Эксмо, 2004, стр. 263.
- ⁴⁶ Братья Гримм, пер. с нем. Г. Петникова. – М., Ростра, 1992, стр. 441-442.
- ⁴⁷ Братья Гримм..., стр. 3.
- ⁴⁸ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. – М., Художественная литература, 1957, т. 1, стр. 173.
- ⁴⁹ Афанасьев..., т. 1, стр. 411.
- ⁵⁰ Афанасьев..., т. 1, стр. 188.
- ⁵¹ Книга тысяча и одной ночи, в 8-ми томах, пер. с араб. М., Салье. – М., Гослитиздат, 1958-1959, т. 1, стр. 68.
- ⁵² Книга тысяча и одной ночи..., т. 4, стр. 256.
- ⁵³ Книга тысяча и одной ночи..., т. 6, стр. 22-23, 23-24.
- ⁵⁴ Бог был инопланетянином..., стр. 146.



- ⁵⁵ Еврейская энциклопедия..., т. 5, стр. 934-935.
- ⁵⁶ Апокрифы Древней Руси. – С.-Петербург, Амфора, 2002, стр. 123-124.
- ⁵⁷ Еврейская энциклопедия..., т. 7, стр. 79-80.
- ⁵⁸ Еврейская энциклопедия..., т. 14, стр. 457.
- ⁵⁹ Тибергер Ф., Царь Соломон, мудрейший из мудрых. – М., Центрполиграф, 2005, стр. 342.
- ⁶⁰ От берегов Босфора до берегов Евфрата, пер. С. Аверинцева. – М., Наука, 1987, стр. 157.
- ⁶¹ Еврейская энциклопедия..., т. 14, стр. 455.
- ⁶² Апокрифы Древней Руси..., стр. 125.
- ⁶³ Еврейская энциклопедия..., т. 3, стр. 299-300.
- ⁶⁴ Сказки и повести древнего Египта, пер. с древнеегип. И. Капнельсона, Ф. Мендельсона. – М., Художественная литература, 1956, стр. 103, 105, 107-108, 108, 110, 111, 111.
- ⁶⁵ Бог был инопланетянином..., стр. 145.
- ⁶⁶ Бог был инопланетянином..., стр. 169.
- ⁶⁷ Харт Дж., Египетские мифы, пер. с англ. М. Звонарева. – М., ФАИР-ПРЕСС, 2005, стр. 39.
- ⁶⁸ Харт..., стр. 103-104, 104, 105.
- ⁶⁹ Наговицын..., стр. 393-394.
- ⁷⁰ Эзотерическая энциклопедия. – <http://esopedia.ru>, , словарная статья «Гривикрама».
- ⁷¹ Аполлодор, Мифологическая библиотека, пер. с древнегреч. В. Боруховича. – М., АСТ, 2004, стр. 81.
- ⁷² Кельтские мифы..., стр. 331.
- ⁷³ КиМ (Большая энциклопедия...), словарная статья “Мерлин”.
- ⁷⁴ КиМ (Большая энциклопедия...), словарная статья “Стонхендж”.
- ⁷⁵ Хроника бриттов, пер. с англ. С. Шабалова. – М. – С.-Петербург, Летний сад, 2005, стр. 65-66.
- ⁷⁶ Хроника бриттов..., стр. 66.
- ⁷⁷ Примечания. – В кн.: Хроника бриттов..., стр. 70.
- ⁷⁸ Бог был инопланетянином..., стр. 72-74.
- ⁷⁹ Книга тысяча и одной ночи..., т. 8 стр. 396.
- ⁸⁰ Книга тысяча и одной ночи..., т. 8 стр. 397, 399, 400, 415.
- ⁸¹ См.: Бог был инопланетянином..., стр. 206-207.
- ⁸² Книга тысяча и одной ночи..., т. 3, стр. 378-379.
- ⁸³ Братья Гримм..., стр. 226-227.
- ⁸⁴ Афанасьев..., т. 2, стр. 135.
- ⁸⁵ Афанасьев..., т. 2, стр. 142.
- ⁸⁶ Афанасьев..., т. 2, стр. 250.
- ⁸⁷ Афанасьев..., т. 3, 342.
- ⁸⁸ Афанасьев..., т. 2, стр. 45-46, 46, 47.
- ⁸⁹ См.: Бог был инопланетянином..., стр. 169-170.
- ⁹⁰ Афанасьев..., т. 1, стр. 360-361.
- ⁹¹ Афанасьев..., т. 1, стр. 235.
- ⁹² Афанасьев..., т. 2, стр. 158.
- ⁹³ Афанасьев..., т. 2, стр. 143.
- ⁹⁴ Афанасьев..., т. 3, стр. 346.
- ⁹⁵ Диас Ф. Евангелие от толтеков. – М., София, 2004, стр. 54-55.

«ШШКАФ»

ВЛАДИМИР ГУТКОВСКИЙ

ПОЭТИЧЕСКИЕ БИТВЫ В ПРИБАЛТИКЕ

обзор

Речь идёт об открытых поэтических конкурсах, которые проводит на сайте **Stihi.lv** замечательный, как я теперь убедился, поэт и человек Евгений Орлов, обитающий и творящий в Риге.

Упомянутый сайт проводит два разнесённых во времени проекта: открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии весной и открытый Кубок Мира по русской поэзии – осенью. Первый конкурс проводится с открытым забралом, второй анонимно. Захватывающе интересны оба формата. Что и подтверждается количеством участвующих в них авторов.

Коллега по нашему журналу и давний приятель Алексей Торхов обратил моё внимание на это без преувеличения сказать явление ещё в прошлом году. Я зашёл на сайт и сразу увлёкся происходящими там событиями, хотя и поспел уже к самой развязке.

Поэтических конкурсов сейчас проходит много, но этот сразу глянулся по многим показателям. Особо приятно удивил меня уровень критического сопровождения конкурса.

В этом весеннем сезоне я заблаговременно списался с организаторами и включился в работу в качестве поэтического обозревателя.

Что же там творится? Желающие участники присылают свои стихи, и отборочная комиссия фильтрует входной базар. После чего проходит предварительный этап и его жюри отбирает 32 лучших, по его мнению, подборки (для Чемпионата) или стихотворения (на Кубке). Далее начинается этап прямых единоборств, где участвующие авторы сходятся друг с другом в соответствии с жеребьёвкой по олимпийской системе. И так вплоть до финального единоборства.

Этот этап судит уже Большое (по количеству

и качеству) Жюри, в состав которого входят многие известные и авторитетные поэты. А функция обозревателей состояла в том, чтобы просматривать представленные работы и более или менее подробно высказываться о них. В зависимости от этапа конкурса. Параллельно, а также последовательно в этой роли выступали трое критиков.

Самый известный (и, наверное, самый профессиональный из них) – Ольга Воронина, заместитель главного редактора «Книжного обозрения». А также были хорошо загружены этой работой Вадим Герман и автор этих заметок.

Участников были сотни. То, что со всего мира, понятно. Стран двадцать, не менее. На предварительном этапе мне пришлось познакомиться с подборками стихов 481 поэтов. И о каждом (каждой) сказать хоть несколько слов. Желательно, по сути.

Как писал я в начале одного из своих обзоров «Александру Сергеевичу Пушкину для сочинения полного собрания своих сочинений потребовалось использовать весь свой словарный запас (объёмом от 25 до 40 тысяч слов – тут оценки расходятся). Но какой нужен словарный запас для написания обзора по такому количеству авторов я даже представить себе не могу...».

На этапе прямых единоборств участников было естественно меньше, но разговор уже шёл более обстоятельный. Что требовало от обозревателей ещё больших энергетических и временных затрат. Жюри же судило совершенно независимо и по своим критериям. И мнение обозревателей принимало к сведению. В лучшем случае. Или не принимало вообще.

Участники и читатели тоже комментировали ход борьбы и понравившиеся стихи. Пропагандировали своих фаворитов и делали



прогнозы и ставки. В общем, движуха на сайте была постоянная и очень любопытная.

И вообще оформление сайта, его интерфейс и функциональность, удобство взаимной коммуникации, оперативность реакции организаторов на запросы читателей заслуживают самых высоких похвал.

Личные выводы и впечатления

Я узнал много нового для себя и интересных поэтов, познакомился с широким кругом авторов, себя в чём-то показал, приобрёл полезный опыт и наметил перспективы на будущее.

Об итоговых результатах этого чемпионата, а также предыдущих сезонов желающие могут узнать в архивных разделах сайта.

А в сентябре начинается новый сезон. Стартует очередной открытый Кубок Мира по русской поэзии. Следите за сайтом, узнавайте все новости и условия проведения Кубка. И все те, кто хочет попробовать свои силы в таком представительном соревновании приглашаются принять в нём участие. Не пожалеем.

Приложение

С трудами моих коллег можно познакомиться на сайте, а я ниже хочу привести примеры собственной работы как обозревателя.

Фрагмент обзора «Анализ и прогноз» на стадии одной шестнадцатой финала, написанный, разумеется, до того как Жюри приняло своё решение.

Пара

ГРУВЕР Анна, Донецк (Украина). Подборка «Ничья»

ЛУКШТ Игорь, Москва (Россия). Подборка «Чарка на посох»

Общая характеристика

Кого предпочтёт жюри, одного и столпов современной поэзии Игоря Лукшта или главного перспекта конкурса юную Анио Грувер, к своему 16-летию уже ставшую членом СП Москвы и собравшую внушительную коллекцию публикаций в самых разнообразных изданиях, предсказать трудно. Следует отметить, что оба оппонента в добавление ко всем своим достоинствам ещё и внешне очень привлекательны. Конечно, каждый по-своему.

Первое стихотворение своей подборки Игорь Лукшт начинает словами: «Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...».

Истинный христианин, он и сам представляется мне мудрым волхвом, могучим язычником, былинным сказителем. И ещё он очень похож на святого Франциска, говорившего с птицами и зверями на их языке. На его развёрнутые поэтические полотна мир умещается во всей своей полноте и разноголосии. Профессия

скульптора тоже накладывает свой отпечаток. В его стихах и отсечено всё лишнее, и вылеплено всё необходимое. С тщательной проработкой деталей и ощущением пространственного объёма.

*«Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли –
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки...».*

Его стихи представляют Божий мир во всей его всеобъемлющей красоте. При этом они отнюдь не отрешены, не бесстрастны. Живая человеческая боль негромко пульсирует в них и ощущается подступающим к горлу комом.

Вокруг Анио Грувер в комментариях случалась какая-то мистическая и отчасти зловещая атмосфера. Многочисленные почитательницы, поражённые не по-детски зрелой силой её стихов, примеряли к ней участь то Ники (Турбиной), то Нади (Рушевой). Для таких опасений определённые основания есть. «Ахиллесова девочка», по названию одного из её стихотворений, действительно, уязвима и незащищена. И в стихах, и, очевидно, в жизни. С которой она ведёт диалог и не слышит ответа.

Пронзительнейшие стихи. Можно понять, почему после их прочтения возникают апокалиптические пророчества.

Я так не думаю. Я думаю по-другому.

Ане я написал, что у неё все будет хорошо, что я в этом уверен.

И ни умение писать стихи, ни красота этому не в состоянии помешать.

Бата цитат

ИГОРЬ ЛУКШТ

*«Влекома любовью и болью, по кам
рыдаёт душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...».*

*«А в голубых тенях ракет
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок...».*

*«Двадцать лет, что миг, всё чаще в дымке зелени
чёрный креп затягивает льдышку зеркала.
Фант судьбы ль? Бросает камни ли Вселенная?
Но скудеет поле жизни драгоценное
без любимых, верных, близких. Мир велик, но вдов,
хлеб горчит в глухую в пору астероидов...».*

АННА ГРУВЕР

*«Видишь сорняк под забором? Так же и я росла.
Пыль поднимала свора лохматых бродячих собак,
.....
мне они лизнут ладони, тебе – прогрызут до кости.
«Слышали? Нет больше жалости!
Нюрка теперь – одна.
Так я росла... и выросла. Никуда больше расти.
Мне остается падать, яме не вижу дна...».*

*«Девочка-медь, люби его. Люби его, девочка-плоть,
он выпьет тебя до дна, не бойся дотла сгореть.
.....
Только – не подавай виду,
что любишь её...».*

*«Я устал искать путь назад.
Я поклялся вернуться в срок, опоздал, а теперь, не зная
дороги, хочу бежать.
Забери меня, Тень, и приходи к ногам. Я хочу опять
перестать расти.
Отпусти меня, Господи. Отпусти!
.....
Оставайся.
Тебя разыграют в цирк, тебя разыграют в тир.
Развинтят, заново соберут. О дивный и новый мир
затянет на шею в петлю резиновый жгут.
Маски рыб, крокодилов и птиц
без сердец и без лиц
над тобою уже начинают суд...».*

Мои симпатии

Моё сердце разрывается между привязанностью к давнему знакомцу, мудрому и сильному поэту и человеку Игорю Лукшуту и удивлением перед этой удивительной девочкой Аней Грувер.

Мой прогноз

Без прогнозов.

Следующий фрагмент относится к другому сегменту обзоров. Дело в том, что хороших авторов было намного больше, чем мест (32-х) на этапе прямых единоборств. Поэтому многие из них в эту часть конкурса не попали. И обозреватели уже сверх программы писали отдельные эссе о тех из них, которые им особенно понравились.

Пример моей работы, посвященной поэту Анне Гераскиной.

Из тех, кто не попал в плей-офф... А я бы их не пропустил. В смысле, взял бы обязательно...

О конкурсной подборке Анны ГЕРАСКИНОЙ.

Письма с этого света

Имя я запомнил сразу. Ну, как запомнил? Что зовут Анна (Аня, значит), это точно. И фамилия

как-то на «А». Оказалось – Гераскина. Такое.

На фото молодая, с виду красивая и благополучная женщина (это «благополучная» с виду, а красивая без всяких оговорок) на фоне паркового пейзажа. А, может, и кладбищенского. *«После прогулок моих утомлясь, я опираюсь на урну...»* (К. П.). И стихи запомнил сразу и прочно – два плюса в обзоре. Подборку «Слушайся старших» (хотя не могу сказать, что название особо внятное). Почему запомнил? Так моя тема. Я даже хотел эти заметки озаглавить своей строчкой *«...у толстой стены, отделяющей рай от ада...»*. Это тема тотального отчаяния, ощущений человека, стоящего у края и на краю. Долго стоящего. Всю жизнь. И после смерти. Конечно, читать это невыносимо больно, мучительно. А жить так?

Первое стихотворение «НИИскреннее».

Правда, игровое название здесь, может, и ни к чему. А, может, эта ирония просто самодельная анестезия от невыносимой муки. Само беспредельным отчаянием пропитана вся окружающая действительность. И сколько людей испытывает его. Кто от бесконечной нужды, кто от возраста и болезней. Оно проглядывает за вымученными улыбками, оно слышится за громкими фразами и эффектными остротами. Стоит подойти поближе, заглянуть в глаза.

Беспросвет.

*«У Надежды целый день навыворот, наизнанку.
У неё дела не ладятся спозаранку
У Надежды руки белые от крахмала –
Как же много нужно ей, как же мало!..»*

Почему так невыносимо?

«Маменька, погляди-ка, в спине ли нож?...»

Жить с ножом в спине – как это знакомо! Тем более, пристроенным туда собственными руками.

*«Я его посеяла. Прорядила.
А собрать по осени позабыла...»*

Ничего, уже почти не беспокоит.

*«У Надежды кот плешивый да сон паршивый.
Снится, что с сантехником созрела...».*

Это из редких радостей. Жизнь по кругу, жизнь беличье колесо.

*«Попросила Вышего о прощении,
И пошла работать в своё НИИ.*

*Лаборанткой, маменька.
Старшей, папенька, в отделении.
Самой главной да по шучьему по велению...»*

Даже к такой карьере можно притерпеться. Хочется, да не получается.



*«У неё и обед остыл, и отдел постыл.
Господи, ты её пораньше бы отпустил...»*

Господь – кто-кто, но точно не садюга. Отпусти!

Вы, конечно, обратили внимание на имя героини. Как обстоят дела у двух её товарок и думать не хочется.

Следующий текст – «Света под снегом». Казалось бы, можно ли ещё пронзительней? Можно. Продолжение темы. Когда единственным выходом из земного ада мнится рай небесный. *«Я для себя всё же выпрошу место у толстой стены, отделяющей рай от ада...»* (В. Г.) Но желанный рай оборачивается всего лишь чистилищем. Чистилищем, не очищающим и не спасающим душу. Знаем, соприкасались. «Две недели в раю» посмотрите (того же автора – В. Г.).

Герой стихотворения – ещё один из «наших». Который ходил, ходил под Богом, к Богу и попал.

«Уходил купаться и канул в Лету...»

А что там?

*«Я пишу тебе с того света.
Вернее для тебя он “тот”, для меня он “этот”...»*

Полная оборотка. Всё тот же беспросвет. У предыдущей Надежды *«...нет надежды и нет спасения...»*. У безымянного героя *«тут одни воскресения. От покойников нет покоя. От радости нет спасения...»*. Лучше? Всё та же суета, бессмысленная суета вокруг.

У Алены Бабанской *«нелетальные ангелы»*. У Анны Гераскиной *«вокруг херувимы – господни куры»*. Тоже не высокого полёта птицы. Сведения подтвержденные уже из двух источников, однако!

Но есть ещё Света, потерянный свет. Безвозвратно утерянный шанс. Безвозвратно?

*«Света, как же мы косоглазы, как же мы косоноги,
Косноязычны, косматы...»*

(«...Какие мы, Янка, болванские идиоты, какие мы кретинские дураки! – это уже голос Лиене Приедниче влетает»).

Но ...

«Я увернусь...» (В смысле, вернусь).

*«Я куплю нам январь на память.
В холоде мягче стелить и не страшно падать.
Снегом пройду, и прилягу тихонько с краю.
И когда ты – засыпаешь.
Я тебя – засытаю...»*

Лирическое завершение пронизывающее насквозь.

Завершающее стихотворение подборки «До свадьбы заживет». Тут вроде бы понятно.

*«Ситуация патовая. Ситуация аховая...»
«...под рёбрами горячо.
Кажется, ты изувечен, кажется, обречён...»*

Но куда уже дальше нагнетать. Попробуем поболтать, заболтать, поболтать чуть ли не по фене.

*«Чё?...»
«Ты ушами хлопай, глазами лупай,
Притворяйся трупом. Нарваться – глупо...»
«Группируйся ...! Береги печеньку...»*

Но привкус настоящего горя-беды никуда не денется. Разве что станет чуть приглушённой. А сам человек сделает выводы. Какие-никакие.

*«Будь умнее, друг...»
«Не люби нечестных, не тронь болтливых.
Не ходи до ночи дорожками у залива,
Не корми досужих до мелких сплетен проворных чаек...»*

(И опять другие строчки других – И. Е. – вспоминаются: *«Обходить за милою скифа или сармата, / не дразнить варяга и не замать атлета, / чтоб, озлясь, не бросил в спину: “А ты сама-то, / кто такая?” Я-то? Господи, нет ответа...»*).

Самое время вспомнить о гордости, о её спасительном женском начале.

*«...гордость, по сути – женского рода. Считай что баба.
Так люби её.
Так храни её.
Так имей её.
Знать куда бы...»*

Хм. Гордыня, гордость, горечь. Последний текст мне кажется менее цельным в целом. Но первые два не отпускают.

Откуда Анна Гераскина знает всё это? Скажете, стилизация. А, может, просто поэт?

И еще и прозаик. Название рассказа, с которым она стала лауреатом премии «Дебют», «Я тебя не слышу», вам ни о чём не говорит?

ББК 84 (4 Укр-4 Оде) 62я45
Ю 195
УДК 821.161.1'06 (477.74) – 94

Підписано до друку 1.03.2014 р.
Формат 60x70/8. Гарнітура Garamond Narrow.
Папір офсет. Друк офсет. Ум. друк. арк. 20,59.
Зам.3999. Тираж 500 прим.

Видавництво КП ОМД (свід. ДК № 774 від 17.01.2002 р.)
Надруковано в КП «Одеська міська друкарня»
65012, Одеса, вул. Пантелеймонівська, 17